

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Российское общество социологов

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Монография

Нижний Новгород
2023

УДК 316
ББК 60.5
К 90

Рецензенты:

Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, Президент Российского общества социологов; главный научный сотрудник, руководитель сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва;

Щукина Нина Петровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета, г. Самара

Авторский коллектив:

гл. I

Е.С. Баева, А.А. Балясов, С.А. Барков, Л.А. Беляева, В.Ю. Бочаров, Ю.Р. Вишневский, В.Г. Доброхлеб, Н.В. Дулина, В.Ф. Исайчиков, И.Ю. Киселев, В.П. Козырьков, С.Н. Майорова-Щеглова, О.Н. Мамонова, С.Ю. Митрофанова, Е.В. Митягина, Г.И. Осадчая, Т.К. Ростовская, О.В. Рябов, Т.Б. Рябова, З.Х. Саралиева, А.Г. Смирнова, Т.Н. Юдина.

гл. II

С.А. Ананьин, О.А. Баринова, Б.А. Блонин, Ю.Р. Вишневский, М. Гергес, Р.В. Голубин, И.Л. Groшев, И.А. Groшева, Л.И. Groшева, В.А. Демарева, Н.И. Дунаева, Л.Д. Забокрицкая, Е.Ю. Иванова, Е.Н. Икингрин, Т.С. Киенко, В.В. Кириенко, В.В. Клейман, А.П. Коротышев, И.Ю. Кошель, А.В. Кульминская, В.А. Мансуров, А.А. Никифорова, С. Олауво, Т.Ф. Филина, З.А. Хоткина, Г.С. Широкалова, А.В. Щекотуров.

К 90 **Культурное наследие и связь поколений:** монография / Е.С. Баева, А.А., Балясов, С.А. Барков, Л.А. Беляева [и др.] / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – 406 с.

ISBN 978-5-91326-843-3

В монографии обобщены материалы исследования 2022 г. Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений», представленные 7–8 сентября 2023 г. на научно-практической международной конференции в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского.

Основные исследованные проблемы: коммуникативные практики молодежи в межпоколенном взаимодействии; роль социальных институтов в формировании коммуникативных практик; национально-культурная идентификация современной молодежи; ценность исторического прошлого для молодых поколений; факторы трансформации народных традиций.

ISBN 978-5-91326-843-3

УДК 316
ББК 60.5

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I	
Баева Е.С., Бочаров В.Ю. Мнение жителей Самарской области о важности и достаточности мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей: молодёжный аспект	6
Барков С.А. Артефакты организационного быта как часть культурного наследия	16
Беляева Л.А. Цивилизационная идентичность российского населения: опыт эмпирического анализа	33
Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Балясов А.А. Культурная политика и межпоколенческая преемственность народной культуры (по итогам социологического исследования).....	46
Доброхлеб В.Г. Актуальность укрепления связи поколений стран ЕАЭС в условиях демографического старения	81
Исайчиков В.Ф. Проблемы комплексной оценки уровня культуры.....	94
Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Подготовка к выходу на пенсию: анализ, с точки зрения концепции геронтокультуры общества.....	104
Козырьков В.П. Проблема взаимосвязи и духовной безопасности в преемственности поколений в зависимости от уровня развития культуры.....	113
Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Меры поддержки детства в современной России: экспертное мнение воспитателей дошкольных образовательных учреждений.....	123
Мамонова О.Н. Наставничество как фактор трансформации социокультурного кода: традиции музыкального народного промысла.....	135
Митягина Е.В. В поисках культурного кода на сайтах отзывов	145
Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Ценности поколений мигрантов X, Y и Z из стран Центральной Азии	157
Ростовская Т.К. Система наставничества в демографии: традиции, современность	167
Рябов О.В., Рябова Т.Б. Связь поколений как политический символ.....	177
Саралиева З.Х. Женщина-личность в науке (связь времен и поколений)	186

Глава II

Ананьин С.А. Некоторые характеристики смертности молодежи в странах СНГ – причины и проблемы	195
Блонин В.А. Ценностные представления молодежи и изучение истории: исторический и социологический аспекты	208
Вишневский Ю.Р., Икингрин Е.Н., Никифорова А.А. Проблема сохранения памятников культурного наследия в оценках студенчества России	219
Вишневский Ю.Р. Правовая культура российского студенчества	241
Голубин Р.В., Коротышев А.П. Менторство в сфере IT: социальный институт в рамках профессионального сообщества	256
Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И. Поколения в оценках студенческой молодежи	269
Демарева А.В., Олауво Самуэль Олутунде, Гергес Марина Малак Бешара. Некоторые аспекты привлечения и удержания иностранных аспирантов в РФ	281
Дунаева Н.И. Кризис доверия у студентов в отношениях «я – другой»	291
Киенко Т.С. Проблема диалога поколений в контексте обсуждения социально-политической ситуации в России и оценки специальной военной операции	303
Кириенко В.В., Клейман В.В. Молодое поколение белорусов в трансгенерационных процессах современности (опыт социологического анализа)	314
Кошель И.Ю. Народная культура в сопричастности молодого поколения Крыма	325
Кульминская А.В., Забокрицкая Л.Д. Социокультурный портрет своего поколения и поколений родителей, прародителей, «нарисованный» студентами	339
Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. Общее и особенное в национально-культурной идентификации современной молодежи на примере студентов различных профилей обучения	359
Хоткина З.А. Русские пословицы как межпоколенный проводник гендерных стереотипов	371
Широкалова Г.С., Пронина Е.И., Дулина Н.В. Историческая память учащихся средних специальных профессиональных учреждений	385
Щекотуров А.В. «Фото показалось маме слишком откровенным: участие родителей в виртуальной самопрезентации студентов»	397

ВВЕДЕНИЕ

В монографии обобщены материалы исследования 2022 г. Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений», представленные 7–8 сентября 2023 г. на научно-практической международной конференции в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Участвовали исследователи, специалисты и практики из 16 стран (Российская Федерация, Республика Беларусь, Великобритания, Гана, Египет, Индонезия, Ирак, Испания, Республика Казахстана, Нигерия, Пакистан, Республика Сербия, Финляндия, Швеция, Шотландия, Эфиопия); 26 городов Российской Федерации; 46 вузов; 22 организации (исследовательских центров, учреждений социальной сферы, НКО).

Основные исследованные проблемы: коммуникативные практики молодежи в межпоколенном взаимодействии; роль социальных институтов в формировании коммуникативных практик; национально-культурная идентификация современной молодежи; ценность исторического прошлого для молодых поколений; факторы трансформации народных традиций.

Ко времени издания монографии опубликовано авторами более 60 работ по материалам исследования «Культурное наследие и связь поколений», осуществленное под руководством РОС.

ГЛАВА I

МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ О ВАЖНОСТИ И ДОСТАТОЧНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОДДЕРЖКУ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ: МОЛОДЁЖНЫЙ АСПЕКТ

Е.С. Баева¹, В.Ю. Бочаров²

¹ Баева Елена Святославовна – кандидат социологических наук, председатель Самарской городской общественной организации Исследовательская группа «Свободное мнение», г. Самара
esbaeva@gmail.com

² Бочаров Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета им. ак. С.П. Королёва, ассоциированный научный сотрудник СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН, г. Самара
vlad.bocharov@gmail.com

Рассматриваются итоги Года культурного наследия народов России в Самарской области в 2022 г. Приводятся данные массового анкетного опроса жителей городов и муниципальных районов (N=1400) относительно важности и достаточности проведенных культурных мероприятий. Отмечается потребность в увеличении количества мероприятий, подчеркивающих характер и национальный колорит народов, проживающих в Самарской области. Полученные данные свидетельствуют, что среди молодежи (18-29 лет) в меньшей мере по сравнению с респондентами старших возрастных групп распространено мнение о важности мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами. В то же время молодёжь чаще заявляет о дефиците в их населенном пункте мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей. Такое противоречие свидетельствует о необходимости усиления тематики молодежной направленности проводимых культурных мероприятий, а также активизации деятельности гражданских институтов и органов государственного и муниципального управления по привлечению молодежи к участию в организации и проведению этих мероприятий.

Ключевые слова: общественная палата, культурное наследие, культурные мероприятия, народы России, Самарская область, молодёжь.

Введение

Самарская область – многонациональный регион. В настоящее время в регионе действуют 120 национальных и межнациональных общественных объединений и 695 религиозных организаций. Реализуется государственная программа Самарской области «Реализация государственной национальной политики в Самарской области (2014–2024 годы)», утвержденная постановлением Правительства Самарской области от 24.12.2013 № 803. Государственная программа направлена на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов. С июня 2017 г. в Самарской области внедрена и действует единая государственная система мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, предусматривающая возможность оперативного реагирования на предконфликтные и конфликтные ситуации, разработанная Федеральным агентством по делам национальностей.

Прошедший 2022 год был объявлен Президентом РФ Годом культурного наследия народов России (Указ Президента РФ №745 от 30.12.2021 г.). В связи с этим в Самарской области были проведены массовые культурные мероприятия, направленные на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей. По данным ГКУ СО «Дом дружбы народов», на территории Самарской области в 2022 г. проведено самостоятельно и оказана поддержка некоммерческих общественных объединений в организации *616 онлайн и офлайн мероприятий* с общим участием свыше 385,5 тыс. человек. Подавляющее большинство культурных мероприятий (591, или 96%) проведено в рамках двух направлений: укрепление гражданского единства и содействие этнокультурному развитию народов, проживающих в Самарской области. Среднее количество участников офлайн мероприятий составило 1816 человек, онлайн мероприятий – 493 человека [1]. Среди наиболее важных мероприятий можно отметить: областной фестиваль самодеятельного народного творчества «Рожденные в сердце России»; телемост «Калейдоскоп чайных традиций народов Евразии» с участием российских и зарубежных Домов дружбы и НКО; региональные межнациональные мероприятия «День родного языка» и «День дружбы народов»; спортивный фестиваль «Дружба народов – 2022»; X межнациональный областной праздник Навруз; межнациональный фестиваль национальной

культуры «Радуга Талантов-2022»; фестиваль молодежного интернационального самодеятельного творчества «АРТ-ЭТНОМИКС»; международный конкурс «Мисс Самарский акцент»; областной детский творческий конкурс «Все мы – Россия!»; культурно-гуманитарный проект «Народы вместе сквозь года»; VII международная просветительская акция «Большой этнографический диктант».

Контекст, дизайн и эмпирическая база исследования

Важность проводимых в нашей стране культурных мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей, нашла отражение в ряде социологических исследований, реализованных в 2022-2023 гг. Особенно акцентировалось внимание на оценках и мнениях российской молодёжи. Стоит выделить проект «Культурное наследие и связь поколений», осуществленный Российским обществом социологов (рук. В.А. Мансуров). Одним из главных итогов этого всероссийского проекта стал тезис о том, что народная культура в Российской Федерации в большей степени сохраняется и транслируется старшим поколением, тогда как молодёжь, в своем большинстве, осознавая ценность народной культуры в целом, ранжирует ее элементы по степени их соответствия запросам современности [2, с. 154]. Данное исследование позволило социологам сформулировать вывод о необходимости постоянного межпоколенческого диалога для сохранения, трансляции и воспроизводства народной культуры – фундаментальной основы национального менталитета и стабильности российского общества [3]. Научное обсуждение итогов этого проекта позволило заявить о необходимости создания национальной программы распространения и сохранения традиционной культуры коренных народов нашей страны [4, с. 194].

Можно отметить и ряд других региональных исследований, посвященных проблемам отношения молодёжи к реализуемой в настоящее время в нашей стране культурной политике и проблемам сохранения межпоколенческих традиций. Нижегородские исследователи Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, П.С. Юрьев по результатам проведённого ими исследования среди студентов вузов пришли к выводу, что качественное изменение условий бытия сформировало у студенческой молодёжи потребность в новом укладе/образе жизни, в котором самореализация в работе обеспечивает удовлетворение не только базовых, но и высших

потребностей [5, с. 17]. Другие нижегородские исследователи Д.В. Зернов и Н.В. Шалютина, изучая отношение современной молодёжи к фильмам о Великой Отечественной войне, пришли к выводу, что исторические военные фильмы отвечают современному медиагабитусу молодёжи: они реализуют ожидания, связанные с чувством принадлежности к общей культуре, удовлетворяют потребности в зрелищности, эмоциональности [6, с. 86].

В фокусе изучения социологов самарского региона находятся социальные идентичности и практики консолидации современной молодежи. Авторы отмечают важность существующих социальных и культурных форм объединений молодёжи как условия формирования их идентичностей, понимания механизмов рекрутирования в них, а также осмысления опосредующей роли идентичности между процессами социализации и формирования просоциального поведения молодежи, в том числе, их включения в соответствующие объединения [7, с. 94].

Среди социологов сформировалось достаточно единодушное мнение, что в условиях межкультурного обмена и стремительных изменений во всех сферах человеческой жизнедеятельности нарушается равновесие между традициями и новациями, а самоидентификация личности в этих условиях становится все сложнее [8]. Отмечается, что отношение себя к той или иной социальной группе не просто устанавливает место индивида в обществе, но и укрепляет уверенность в познании себя, «устойчивое понимание себя стабилизирует состояние индивида» [9, с. 40].

В подобном ключе исследования осуществляются и нашей исследовательской группой. Более 10 лет Самарская городская общественная организация Исследовательская группа «Свободное мнение» (рук. Е.С. Баева) выступает партнером Общественной палаты Самарской области в проведении ежегодного мониторинга состояния гражданского общества. Проведено достаточно исследований, посвященных анализу различных аспектов социально-экономической и социально-политической жизни Самарской области [10–12]. Под постоянным контролем общественности находятся и вопросы социокультурной жизни, в том числе межнациональных отношений.

В ноябре-декабре 2022 г. при поддержке Общественной палаты Самарской области проведен массовый анкетный опрос жителей Самарской области (объем выборки – 1400 жителей 10 городских округов и 27 муниципальных районов). В ходе опроса выяснялось мнение респондентов

о важности мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами, достаточности мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей.

Результаты исследования

Оценивая значение мероприятий, прошедших в рамках Года культурного наследия народов России в Самарской области в 2022 году, подавляющее большинство (4/5 опрошенных) жителей Самарской области считают, что мероприятия, направленные на сохранение единства, мира и согласия между народами, имеют важное для них значение. На вопрос анкеты: «Как Вы считаете, насколько важно в настоящее время для Самарской области проводить мероприятия, направленные на сохранение единства, мира и согласия между народами?», в совокупности 81% респондентов выбрали варианты ответов «очень важно» и «скорее важно». Только каждый десятый опрошенный отметил, что такие мероприятия для них «абсолютно» или «скорее не важны», 9% – затруднились с ответом (рисунок 1).

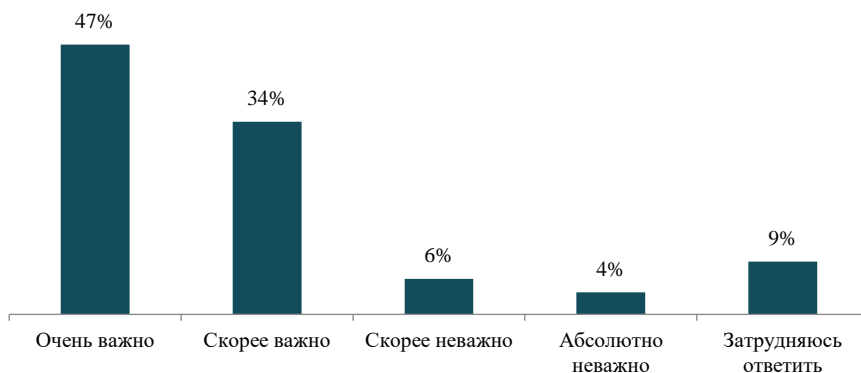

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько важно в настоящее время для Самарской области проводить мероприятия, направленные на сохранение единства, мира и согласия между народами?» (в % от общего числа опрошенных, N=1 400).

В ходе анализа данных выявлена особенность: чем старше возраст респондента, тем он более склонен отмечать важность мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами

(18-29 летние участники опроса – 73,4%, респонденты в возрасте 30–55 лет – 81,8%, 56 лет и старше – 83,6%). Доля тех, для кого такие мероприятия абсолютно или скорее не важны, выше среди молодежи 18–29 лет (16,9%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Мнения респондентов о важности мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами (в % от общего числа опрошенных, по возрастным группам)

Возрастные группы	В той или иной мере важно	В той или иной мере не важно	Трудно сказать	Итого
18-29 лет	73,4	16,9	9,7	100,0
30-55 лет	81,8	8,2	10,0	100,0
56 лет и старше	83,6	8,7	7,7	100,0

Несмотря на довольно большое количество мероприятий, проведенных в рамках Года культурного наследия народов России в Самарской области в 2022 году, только половина опрошенных (47%) считают, что было проведено «достаточно» или «скорее достаточно» мероприятий. Каждый третий (33%) житель Самарской области испытывает чувство дефицита таких мероприятий, ответив на вопрос анкеты: «*Как Вы считаете, достаточно ли для вашего города/района мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей?*». Пятая часть опрошенных (20%) затруднилась дать ответ (рисунок 2).

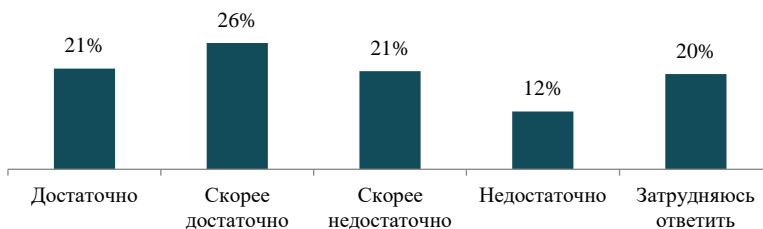

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, достаточно ли для вашего города/района мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей?» (в % от общего числа опрошенных N=1 400)

Среди респондентов разных возрастных групп наблюдается тенденция сокращения доли тех, кто считает, что мероприятий «недостаточно» или «скорее недостаточно» в зависимости от увеличения возраста респондента. Среди респондентов возрастной группы 18-29 лет о недостаточности мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей, сообщили 43,5%, среди респондентов 30-55 лет – 30,7%, а среди респондентов 56 лет и старше – 28,7% (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнения респондентов о достаточности/дефиците в их населенном пункте мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей (в % от общего числа опрошенных, по возрастным группам)

Возрастные группы	В той или иной мере достаточно	В той или иной мере не достаточно	Трудно сказать	Итого
18-29 лет	47,1	43,5	9,4	100,0
30-55 лет	45,8	30,7	23,5	100,0
56 лет и старше	50,1	28,7	21,2	100,0

Выводы

По результатам исследования можно сказать, что в целом среди населения сформирована потребность в увеличении количества мероприятий, подчеркивающих характер и национальный колорит народов, проживающих в Самарской области. В то же время полученные данные свидетельствуют, что среди молодежи (18-29 лет) в меньшей мере по сравнению с респондентами старших возрастных групп распространено мнение о важности мероприятий, направленных на сохранение единства, мира и согласия между народами. При этом молодёжь чаще заявляет о дефиците в их населенном пункте мероприятий, направленных на поддержку культурной самобытности представителей разных национальностей. Особенно стоит обратить внимание на необходимость усиления тематики молодежной направленности, а также активизации деятельности гражданских институтов и органов государственного и муниципального управления по привлечению молодежи к участию в организации и проведении мероприятий. Очевидно, есть смысл более масштабно задей-

ствовать имеющиеся материальные, человеческие и информационные ресурсы образовательных и культурных организаций под эгидой регионального Дома дружбы народов с участием социально ориентированных некоммерческих организаций, а также при координирующей роли Ответственной палаты Самарской области. Учитывая, что этническая идентичность активно развивается в подростковом возрасте, необходимо проведение соответствующей разъяснительной, корректирующей работы с разными возрастными группами молодежи.

Список литературы

1. Публичный отчет о деятельности ГКУ СО «Дом дружбы народов» / Информационный портал «ВСЕ МЫ – РОССИЯ!» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.samddn.ru/dom-druzhy-narodov/deyatelnost/publichnye-otchety/> (дата обращения: 12.10.2023).
2. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. №5 (80). С. 151–154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.
3. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.
4. Широкалова Г.С., Пронина Е.И. По следам секции «Культурное наследие и связь поколений» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. №1 (69). 2023. С. 188–194. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_188.
5. Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Юрьев П.С. Нижегородские студенты о времени и о себе // Primo Aspectu, 2022, № 4 (52). С. 9–18. DOI: 10.35211/2500-2635-2022-4-52-9-18.
6. Зернов Д.В., Шалютина Н.В. Отношение молодежи к фильмам о Великой Отечественной войне: ожидания от просмотра и жанровые предпочтения // Семiotic studies. 2023. Т. 3. № 3. С. 77–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-77-87>.
7. Митрофанова С.Ю. Социальные идентичности и практики консолидации современной молодежи: опыт отечественных и зарубежных исследований // Семiotic studies. 2023. Т. 3. № 3. С. 88–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-88-95>.
8. Бахтигареева Э.Н. Этническая идентичность молодежи в современных условиях // Материалы XXII Международной конференции памяти профес-

сора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». – Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 189–196.

9. Ечевская О.Г., Раднаева А.В. Национальная идентичность современной бурятской молодежи // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2016. №3. С. 40–49.

10. Бочаров В.Ю., Баева Е.С. Общественное мнение об институте выборов и протестный потенциал в Самарской области / Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. трудов. – Ульяновск: УЛГТУ, 2012. 382 с. С. 29–37.

11. Баева Е.С. Независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы: эволюция законодательных и методологических рамок // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1. № 3. С. 74–82. DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-74-82.

12. Баева Е.С., Бочаров В.Ю., Малаканова О.А. Информационная открытость некоммерческого сектора: общероссийские и региональные тенденции // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 1. С. 79–89. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-79-89.

THE OPINION OF RESIDENTS OF THE SAMARA REGION ON THE IMPORTANCE AND SUFFICIENCY OF ACTIVITIES AIMED AT SUPPORTING THE CULTURAL IDENTITY OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT NATIONALITIES: YOUTH ASPECT

V.Yu. Bocharov¹, E.S. Baeva²

¹Vladislav Yu. Bocharov – PhD in Sociology, Associate Professor
at Samara National Research University named after S.P. Korolev.

D. in sociology, associate researcher of SI RAS – branch of FNISC RAS, Samara
vlad.bocharov@gmail.com

²Elena S. Baeva – PhD in Sociology, Chairman of the Samara City Public
Organisation Research group “Free Opinion”, Samara
esbaeva@gmail.com

The article discusses the results of the events held during the Year of Cultural Heritage of the Peoples of Russia in the Samara region in 2022. The data of a mass questionnaire survey of residents of cities and municipal districts (N=1400) regarding the importance and sufficiency of cultural events are presented. Based on the data, a need to increase the number of events emphasizing the character and national flavor of the peoples living in the Samara region is noted. The data obtained indicate that among young people (18–29 years old), to a lesser extent, compared with respondents of older age groups, there is a widespread opinion about the importance of measures aimed at preserving unity, peace and harmony between peoples. At the same time, young people are more likely to report a shortage of

activities in their locality aimed at supporting the cultural identity of representatives of different nationalities. Such a contradiction testifies to the need to strengthen the youth orientation of the cultural events held, as well as to intensify the activities of civil institutions and state and municipal administration bodies to attract young people to participate in the organization and conduct of these events.

Keywords: public chamber, cultural heritage, cultural events, peoples of Russia, Samara region, youth.

АРТЕФАКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО БЫТА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

С.А. Барков

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва
barkserg@live.ru

Артефакты организационного и профессионального быта – дресс-код, корпоративное питание, дизайн рабочих помещений и др., являясь неотъемлемой частью культурного наследия, претерпели за последние два века радикальные и социально значимые трансформации. Первой тенденцией таких изменений является активное заимствование элементов из домашнего быта. Вторая тенденция – это практическая реализация ориентации на запросы творческих людей.

Ключевые слова: артефакты, организационная культура, постиндустриальное общество, дресс-код, дизайн помещений, социальные изменения.

Культурное наследие – очень широкое понятие. Чаще всего оно ассоциируется с высшими проявлениями культуры, искусства и науки. Об этих проявлениях должны знать потомки, чтобы иметь эстетические и нравственные ориентиры, способные определять ценности сегодняшнего и завтрашнего дня. Но, наряду с этими высшими проявлениями, органической частью культурного наследия является быт людей. А бытовое окружение человека существует не только дома, но и на работе. Люди одеваются, едят, организуют свое личное пространство и коммуницируют с другими людьми, сообразуясь не только с личными, но и корпоративными императивами и целями. И за последние двести лет артефакты рабочего и профессионального быта претерпели видимые невооруженным глазом и очень интересные по своей сути изменения.

Артефакты организационной культуры – это вещи, явления или процессы, обязательно имеющие материальное проявление в организационной жизни. При этом материальность артефакта может быть разной. Одежда и дресс-код, дизайн помещения и его архитектура, столовая и корпоративный образовательный центр – это вещи, которые можно «пощупать». С ними связаны менее материальные артефакты-процессы – питание, обучение, коммуникации и др. Однако и они имеют свои очевид-

ные материальные стороны: для питания такими артефактами будут термосы и микроволновки, для обучения – грифельные доски или электронные планшеты, для коммуникаций – рукопожатие и т.д.

В России отношение населения к артефактам организационной культуры специфическим образом менялось в ходе рыночных реформ. В СССР экономическая жизнь была до предела ритуализирована. Социалистическое соревнование, доски почета, специальные награды и многое другое были частью социально-экономической реальности. Поначалу рынок отверг все эти культурные элементы как абсолютно не нужную и чуждую ему бутафорию. Но уже очень скоро люди стали замечать, что эта бутафория каким-то странным образом возрождается [1].

Артефакты организационной культуры как бутафория

С определенной долей условности такие артефакты могут быть названы бутафорией. И в этом случае встает законный вопрос: как соотносится бутафория со стратегиями организаций и жизненными приоритетами людей? Так, в политической теории конституционная монархия со всеми своими бутафорскими элементами часто воспринимается как «недореспублика». Рационально мыслящие люди по всей Европе выступают за упразднение этого на первый взгляд «социально бесполезного» института. Однако в ряде случаев наличие несменяемого в угоду сиюминутному мнению и настроению народа лидера оказывается важным для стабилизации общественной жизни. Именно поэтому в XX веке страны с конституционно-монархическим устройством развивались наиболее устойчиво, минуя серьезные внутренние конфликты. Примерно то же самое может наблюдаться и в организациях с широким использованием артефактов, которые с рациональных позиций никак не влияют на максимизацию прибыли или достижение других понятных и рациональных целей.

Неизбежность и даже в какой-то мере необходимость бутафории составляет одну из загадок человечества. За одними элементами бутафории просматривается некоторый смысл, за другими стоит исключительно традиция или механизм подражания. В организационных культурах всегда много таких артефактов, смысл которых практически утерян и многим непонятен. Неужели врачи не могли бы лечить людей без клятвы Гиппократова? Неужели железнодорожники хуже водили бы поезда без единой формы одежды?.. В организациях, где бытовые элементы культуры практически не видны, не носят своеобразного характера, де факто доминирует рациональное отношение к делу. Но это отнюдь не означает, что они более эффективны. Парадоксальным является тот факт, что чаще

всего эффективнее работают организации, активно использующие бутафорию.

Бутафория зародилась в первобытные времена. Первым и очень ярким ее элементом следует считать тотем. Причем, как и другие элементы бутафории, поначалу он имел конкретный смысл. Люди верили, что какое-то животное охраняет их род, что они заимствуют от него силу. Но затем тотемы стали использоваться не для обретения духовной силы, а просто для идентификации принадлежности к роду или народу. Тотемы перековывали на гербы, и главной проблемой стало соблюдение различий в идентификации. Уже для средних веков можно составить гипотетический диалог об этой идентификации, затмевающей реальный смысл артефакта.

– У всех нас на гербах орлы, но мы представители разных родов, как быть?

– Тогда у меня орел будет одноглавый, а у тебя двуглавый.

– Хорошо!

– А у нас обоих орлы одноглавые?

– Тогда у моего голова будет повернута вправо, а у твоего – влево.

– Хорошо!

– А у наших орлов головы повернуты вправо?

– Тогда пусть у них будет разное оперение.

– Хорошо!

– А у наших – и поворот головы, и оперение одинаковые?

– Тогда пусть у них будут разные клювы.

– Хорошо!

И так до бесконечности...

Нации, присоседившиеся к подобного рода «разборкам» позже, уже воспринимали всех этих животных как чистую бутафорию. Так, в России Екатерина II своим указом приказала всем городам занять гербы. И появились сотни похожих значков, где по-детски слеплены воедино мишки, бочонки с солью, елки и пр. Изначально в нашей стране не было необходимости в этих гербах, но такая традиция сложилась на Западе, и была изобретена эта странная бутафория, о которой по большей части вспоминают только экскурсоводы, начиная водить туристов по тому или иному городу.

Сегодня специалисты по геральдике как ребусы разгадывают гербы средневековых феодалов, пытаясь выявить смысл каждого знака, каждой черточке. При этом даже потомки этих родов могут относиться к соответствующим изображениям просто как к красивым идентифицирующим их фамилию картинкам.

Можно сказать, что и фамилии – это тоже часть социальной бутафории. У многих народов до самого последнего исторического времени фамилий не было. Наиболее яркими примерами служат евреи и турки. Евреи в ряде стран стали покупать себе фамилии, поэтому выходцы из богатых семей часто имеют в своей фамилии упоминание золота – Гольдман, Гольдбах, Гольдберг и т.п. Эти фамилии стоили дороже и больше говорили о своих носителях. А Кемаль Ататюрк только в XX веке приказал всем туркам иметь фамилии, а себе придумал главную – «Отец всех турок».

Здесь можно сделать отступление, показывающее значимость бутафории в экономике и обществе в целом. Для компаний бренды являются некоторым аналогом фамилий. И отношение к ним различно в странах с разной историей. На Западе с фамилиями, существовавшими веками и олицетворявшими в условиях единонаследия собственность семьи, бренд стал важнейшим элементом маркетинга. Об этом маркетологами написаны тысячи книг. В странах (например, в Китае), где фамилии не играли такой значимой социальной роли, отношение к брендам значительно менее уважительное и даже, в каком-то смысле, более рациональное. Их активно подделывают, и люди не ощущают при этом, что совершают преступление. Китайские бренды – это просто названия товаров, просто идентификаторы. И, когда китайцы, производят товары под западными брендами, они не относятся к ним как некоей высшей ценности.

Исторически бутафория формировалась на государственном уровне, начиная с тех же гербов и флагов. Но в доиндустриальную эпоху государство и армия часто были единым целым. Царь или король возглавлял армию (да и сегодня Президент России является верховным главнокомандующим). Поэтому все множественные артефакты, идентифицирующие государственную власть (аналоги тотемов), естественным образом перекочевали в армию. Она же была и очень крупной иерархической организацией, где для обозначения принадлежности к определенному уровню управления требовалось наличие специфических артефактов. Но так как армии не все время воевали, часть этих артефактов создавали не для успеха в бою, а для красоты на параде. Так армия, как никакая другая организация, обросла бутафорией.

Средняя степень присутствия бутафории наблюдается в церкви или некоей общине, члены которой разделяют определенную идеологию. Часто по одежде, разговору, пище не поймешь, к какой религии относится человек. Здесь присутствуют яркие ритуалы, но их роль оказывается не столь важной, в силу того, что людей объединяют «духовные скрепы». Если в армии с помощью артефактов формируют единство

людей и нивелировать личностные различия (солдат воспитывают муштрой и доскональным соблюдением уставов), то в церкви артефакты служат проявлением уже сформированного духовного единства и общности интересов.

Предприниматели, когда фирмы стали объединять большое количество работников, начали копировать структуры и культуры у армии и церкви. Они переняли очень многое и из стиля управления войсками. В индустриальную эпоху армия мыслилась как идеал для всех организаций, поэтому очень многое из армейской бутафории явно или неявно было перенесено в бизнес.

Но это было сделано без должного осознания, так сказать, по наитию. Вообще индустриальное общество ориентировалось на процесс всеобщей рационализации. А сообразно рациональной логике, артефакты организационной культуры – это чистая бутафория, отвлекающая экономического человека (пресловутого *homo economicus*) от зарабатывания денег для себя и прибыли для фирмы. Поэтому в классическом офисе или на заводе руководители на эти бутафорские излишества вообще не должны были обращать особого внимания. Тут люди и руководство заняты «делом», а артефакты – это нечто пустое, несерьезное. Люди просто придерживаются традиций – дресс-кода, перерывов на обед, кабинетной системы и т.п.

Многие артефакты организационной культуры не являются уникальными и для конкретной организации. Они наблюдаются у целых классов организаций или в специфических профессиональных группах, распределенных между ними. Как правило, в организациях с наиболее яркой и сильной культурой, они присутствуют почти в неизменном виде во всех подразделениях и рабочих группах. Но для постиндустриального периода в развитии компаний принципиально важным оказывается некоторое «выпячивание» разнообразия.

На протяжении веков для миллионов людей принадлежность к культуре означала однообразие – в одежде, организации быта, речи. Отсюда берет начало акцентирование наукой нормы как атрибута культуры. Норма – это основа однообразия. Но в современном мире начинает высоко цениться оригинальность. В некотором смысле оригинальность становится нормой. По всей видимости, это происходит впервые в истории человечества. Некоторой исторической предтечей такой парадоксальной культурной нормы можно считать карнавал. Частью культуры карнавала является создание неповторимых костюмов или композиций. Можно сказать, что в современных условиях возникает культура разнообразия как специфический тип культуры.

Современные, «модные» организации очень не хотят внешне походить на традиционный завод или офис. В них присутствуют яркие запоминающиеся артефакты, как в армии, и при этом серьезный акцент делается на духовном единстве. Постиндустриальные организации возрождают общее внимание к артефактам, но уже не к армейским, а к собственным творческим людям. Если организации доиндустриальной и индустриальной эпох сознательно внедряли культурные нормы, чтобы сделать своих членов похожими друг на друга, то теперь компании заботятся об их индивидуализации, неповторимости, оригинальности. *Ходи в чем хочешь, ешь что хочешь, располагайся, где захочешь (опенспейс)*. И это уже не невнимание к артефактам, свойственное традиционным, нацеленным на максимизацию прибыли фирмам, а специальная политика.

Тенденции трансформации организационных артефактов в постиндустриальную эпоху.

Артефакты организационной культуры в последнее время претерпевают заметные трансформации как в России, так и в мире. В изменениях артефактов организационного быта прослеживаются две тенденции:

1. одомашнивание организационного быта;
2. ориентация в организации рабочего пространства на запросы творческих людей.

Эти тенденции часто переплетаются друг с другом, образуя некоторое единое направление изменений организационной бутафории. Но разница между ними все-таки заметна. Первая тенденция охватывает всех работников и все организации вне зависимости от рода из деятельности. Вторая – свойственна тем организациям, где активно развивается творческая деятельность, где креативность служит одной из базовых ценностей. Понятно, что при всех рассуждениях о повсеместном распространении этой ценности, отнюдь не все люди и организации ориентированы на создание чего-то нового. Люди должны поддерживать свою жизнь и выполнять массу операций, чтобы их базовые потребности удовлетворялись. Невозможно «творчески» переключать стрелки на железной дороге, так же невозможно «творчески» управлять ядерной станцией или осуществлять ремонт теплотрасс. Только когда нацеленность на креативность достаточно явно проявляет себя в организации, организационная бутафория начинает адаптироваться к потребностям творческих людей.

Одомашнивание рабочей среды

Бытовая культура организаций все в большей степени начинает занимать свои составляющие из домашнего быта.

На доиндустриальной стадии развития цивилизации работа и дом для очень многих людей были одним и тем же местом. Крестьянин трудился

на наделе земли вблизи дома, ремесленник и торговец рабочие помещения располагали на первом этаже здания, а второй этаж использовали для проживания. Многие люди не меняли одежду, переходя от трудовой деятельности к домашним делам и обратно. Если же одежда для труда отличалась от той, в которой проводили досуг, она была удобной для определенного вида деятельности, а не отвечавшей абстрактным требованиям «дресс-кода».

Люди индустриального мира всегда завидовали тем, кому не нужно тратить часы, чтобы добраться до работы, и тем немногим, кому не нужно менять свой облик, чтобы осуществлять трудовые функции. Индустриальные технологии (прежде всего технологии крупного промышленного производства) буквально «сгоняли» сотни и тысячи людей в одно место, чтобы осуществлять бизнес-процессы. А неявное копирование армейских стандартов заставляло их организовывать свой рабочий быт по особым, отличным от домашних, канонам.

Индустриальная корпорация была от начала и до конца искусственным феноменом. И симметричный порядок ее артефактов как нельзя лучше подчеркивал ее искусственность. В строгом порядке по рядам должны были стоять станки в цеху, в таком же порядке должны были располагаться столы в офисе, обеденные столики в столовой также представлялись рядами или в шахматном порядке. И даже кульманы в конструкторском бюро – этой цитадели индустриального творчества – стояли ровно, часто по одной линии.

Однако искусственный порядок отнюдь не всегда был удобен для человека, не говоря уже о том, что его соблюдение и устранение его нарушений требовало особых усилий. Так, дресс-код был скопирован с одежды дворян, которые в свое время подчеркивали ею, что не имеют никого отношения к трудовой деятельности. Сковывающие движения, тесные костюмы, высокие каблуки, невозможность менять одежду в соответствии быстро меняющейся погодой – все это и многое другое имеет своими корнями стремление высшего сословия выделиться за счет того, что его представители не работали физически. Очень наглядным примером этого стремления может служить средневековая обувь – пулены, введенная в обиход рыцарями и дворянами, чтобы подчеркнуть свою чуждость физическому труду. В этих туфлях (остроносых сапогах) с чрезвычайно длинными носами не то, что трудиться, а просто ходить было тяжело. Их длина регламентировалась очень строго: простолюдины могли себе позволить носок максимум в половину ступни, а вот принцы «награждались» возможностью делать носки в полметра длиной. Чтобы

хоть как-то передвигаться, носки забивались паклей или привязывались к браслету вблизи колена.

В индустриальном обществе дресс-код стал предписывать затягивать шею в галстуки, а тело в пиджаки и брюки, в которых трудно свободно двигаться. Люди разной комплекции должны были втискивать свои тела в одинаковые кресла. Люди с разными гастрономическими вкусами и разными предпочтительными режимами дня должны были удовлетворяться единым для всех комплексным обедом и в единое для всех обеденное время.

В конце XX века такой искусственный порядок стал неактуальным, а в XXI веке он стал все активнее разрушаться и заменяться естественным порядком, который люди создавали у себя дома в угоду своим потребностям, а не требованиям начальства и индустриальной корпоративной культуры. Данная тенденция в определенной степени укладывается в более общую тенденцию, которую можно назвать «закручиванием спирали», когда значительная часть элементов постиндустриального общества начинает повторять элементы доиндустриального мира [2].

Дресс-код становится все менее жестким или отменяется вообще, в рабочем пространстве появляются асимметричные зоны, в том числе и в зонах для отдыха и приема пищи, на работу оказывается возможным ходить с домашними животными... Организационная культура постиндустриальных компаний начинает все больше напоминать культуру дома, и общий принцип «одомашнивания» затрагивает все большее количество артефактов организационной культуры.

По всей видимости, эта общая тенденция еще долго пробивала бы себе дорогу, постепенно трансформируя артефакты рабочей среды, если бы не случилась пандемия COVID-19, обернувшаяся переводом большинства людей на удаленную работу из дома. После ее окончания, как говорят сторонники диалектики, количество переросло в качество. Свершилась «революция одомашнивания». Люди осознали, что традиционная организационная бутафория не имеет никакого отношения к эффективности работы. Устойчивое впечатление, что только в рамках искусственного, неудобного порядка можно работать, оказалось предрассудком.

В постиндустриальную эпоху происходит наглядное «сближение» дома и офиса. С одной стороны, в офисе должны удовлетворяться потребности сотрудников, прямо не связанные с работой, чтобы офис становился вторым домом, а с другой – офисные общественные пространства должны быть частично инкорпорированы в жизнь местного сообщества.

Что касается первого аспекта, то работодатели начинают уделять больше внимания заботе о хорошем самочувствии людей на работе и предоставлять им для этого новые виды услуг. Речь идет, например, о спортивных центрах, «зеленых» зонах и «живых уголках», салонах красоты и услугах по присмотру за детьми. В московском бизнес-центре *Динамо* на кровле стилобата расположены лаундж-зона, «зеленые» переговорные с уличными диванами и рабочие места под открытым небом, площадка для мероприятий, а также способствующие тимбилдингу зоны для игры в кикер, настольный теннис, гольф и петанк [3].

Второй аспект сближения офиса и дома означает, что зоны для спорта, решения бытовых вопросов и социальной активности должны становиться доступными не только для сотрудников бизнес-центров, но и для горожан. В МФК *Искра-Парк*, который объединяет бизнес-центр и жилой комплекс, есть фитнес-центр, салоны красоты и косметологическая клиника, продовольственные магазины, шоурум бытовой техники, рестораны, кафе и столовая. В небоскребе-рекордсмене *Федерация* в Москва-Сити первые этажи занимают рестораны высокой кухни, фуд-моллы, фитнес-центр со спа-комплексом и бассейном. На всей территории БЦ *Dubinin'Sky* создана безбарьерная среда и минимизировано количество лестниц, чтобы можно было комфортно передвигаться, в том числе на самокатах, велосипедах и с детскими колясками. Жителям доступна вся инфраструктура комплекса, расположенная на первых двух этажах: рестораны, кафе, магазины и салоны бытовых услуг [4].

Можно сказать, что апогеем одомашнивания рабочей среды стало появление в офисах домашних животных (создание pet-friendly офиса). Эта тенденция очень ярко проявляет себя в XXI веке. В США примерно каждая пятая компания разрешает брать в офис домашних животных. Специалисты кадровых подразделений считают, что таким образом они создают комфортные условия для сотрудников, снижая уровень стресса и повышая мотивацию ходить в офис. Одной из первых pet-friendly компаний стал *Google*, где даже кафе в кампусе названо в честь одного из первых приходивших в офис питомцев – леонбергера Йошки. В компании *Amazon* сотрудники ежедневно приводят с собой около семи тысяч собак. В штаб-квартире компании в Сиэтле для них даже организована специальная зона, где за животными следят и кормят их.

Согласно результатам исследования *Nestlé Purina PetCare*, в так называемых pet-friendly офисах работают 12% респондентов в Европе. Чаще всего животных на работу приводят сотрудники IT-компаний, а в некоторых компаниях питомцы живут и иногда даже числятся в штате компа-

нии. Например, в офисе облачного сервиса *Prezi* в Будапеште живет собака по кличке Маугли, сотрудники аналитической платформы *Captain Dash* в Париже заботятся о спаниеле Ведетте, а в компании *Ford* с 2019 года пес Финли получил официальную должность – «пушистый директор».

В России в дружелюбных к питомцам офисах работают всего 8% работников. Первыми стали проводить такую политику компании, занимающиеся производством кормов для животных. Сюда можно приводить с собой самых разных питомцев. В компаниях, которые по роду своей деятельности не связаны с животными, в основном предпочитают заводить животных, которые не требуют особого ухода. Например, в *Rambler & Co* долгое время обитали рыбка Крупская и улитка Ленин, а в студии веб-разработки *DEFA* – веслоногие лягушки. Больше всего животных в *Яндексе*: там обитают полосатая королевская кобра, улитки-ахатины, кролик и тритон [4].

Активнее всего за идею разрешать брать животных в офис выступают молодые сотрудники. Так, 43% представителей поколения «миллениалов» уверены, что работодатели должны разрешать пребывание животных в офисе. Среди людей старшего возраста эту идею поддерживают вдвое меньше респондентов – 23%. Учитывая, что миллениалы к 2030-му году составят до 75% рабочей силы, с каждым годом все больше компаний должны будут идти им навстречу и становиться pet-friendly [4].

В рамках общей тенденции одомашнивания офиса животные могут стать еще одними из наиболее ярких артефактов организационной культуры. А компании, которые пока не готовы принять животных в офисе, могут, например, последовать примеру одной из российских компаний, занимающейся продажами офисной техники, где лучшему работнику по итогам текущего месяца на следующий месяц дарят пони. При этом лошадку не нужно забирать домой: она живет на ферме, а временный хозяин может посещать ее в любое время, кормить, кататься на ней, а также устраивать фотосессии.

Явное одомашнивание претерпел и дресс-код. Первой жертвой этого процесса стал галстук. В свое время были проведены небесспорные эксперименты, которые показали, что мужчины в галстук думают медленнее, чем без галстука. Это стало квазинаучным обоснованием распространения *Casual Friday* – пятницы, в которую работники могут не соблюдать дресс-код*. Уже в наше время физиологи дали достаточно надежное объяснение этого явления. Исследователи из Университетской клиники Шлезвиг-Гольштейна, чья работа о кровоснабжении мозга была опубликована в 2018 г. [5], даже назвали ношение галстука «социально

поощряемым удушением». Для эксперимента исследователи разделили 30 молодых мужчин на две группы. 15 мужчинам завязали галстуки и трижды обследовали их в магнитно-резонансном томографе через каждые 15 минут: с ослабленным и затянутым галстуком, а в конце – без него. С другими 15-ю участниками никаких манипуляций не проводили, но тоже проверили в томографе. Оказалось, что с застегнутой верхней пуговицей рубашки и затянутым галстуком объем поступающей в мозг крови снизился в среднем на 7,5%, а когда галстук был снят, по не вполне понятным причинам сократился еще больше. В контрольной же группе с мужчинами без галстуков этот показатель почти не менялся в течение всего эксперимента.

В России ярчайшим примером «нового» отношения к галстуку стал Президент В. В. Путин. Он уже давно даже на многих официальных мероприятиях появляется в пиджаке, но без галстука. А ведь еще два десятилетия назад словосочетание «встреча без галстука» была однозначным обозначением неформального, неофициального общения.

В целом начало XXI века отмечено явными попытками людей по всему миру освободиться от жесткого дресс-кода и быть более свободными в выборе одежды для работы и своего нерабочего времени. Самый последний этап исторической трансформации дресс-кода связан с пандемией коронавируса 2020-21 гг. Для многих из тех, кто работал на удаленке, дресс-код сменился домашней одеждой. Люди стали больше ценить свободный стиль, а в интернете в то время сплошь и рядом встречались комментарии и шутки про пиджачный верх и пижамные штаны. Один из участников общения в социальных сетях очень точно написал: *«В 2020 году дресс-код – это трусы, а если предстоит разговор с включенной камерой, то, ладно, так и быть, уж и майка!»*. Многие могли одеваться по своему желанию и скоро поняли, что это не мешает им работать эффективно.

Удаленный режим работы самым существенным образом ослабил необходимость использования строгих стандартов делового дресс-кода. Не исключено, что время, когда деловой человек обязательно должен был носить костюм, уходит в прошлое. Возможно, в будущем это будет всего лишь рудимент, который сохранится лишь для определенных сфер и сотрудников, осуществляющих взаимодействие с клиентами. А для компаний, где креативность, уникальность личности (таланта) и свобода выбора сотрудников являются первостепенными ценностями, введение дресс-кода будет считаться даже недопустимым.

Ориентация в создании организационных артефактов на запросы творческих людей

Вторая тенденция, преобразующая артефакты организационной культуры в постиндустриальном обществе, связана с ориентацией на то, чтобы они в первую очередь удовлетворяли творческих людей. Так уж сложилось в истории нашей цивилизации, что разного рода изобретатели и художники отрицали армейский порядок в обустройстве своей жизни. Это отнюдь не означает, что у них напрочь отсутствовала дисциплина, а беспорядок в доме или на рабочем столе прямо коррелировал с гениальностью новых идей. Более того, человек, рожающий нечто новое, в какой-то степени должен быть дисциплинирован и хорошо ориентироваться, хотя бы в определенной части окружающего его мира. Но эта внутренняя дисциплина и порядок в мыслях не означают принятия традиционной корпоративной бутафории. Творцы ломают каноны, в этом их предназначение. Поэтому ко всякого рода искусственным правилам и нормам они относятся с пренебрежением или подозрением. На уровне внешних проявлений такая ситуация оборачивается тем, что творческие люди кажутся безалаберными, привносящими хаос в социальное пространство.

На протяжении столетий и даже тысячелетий они были такими. Но их мир воспринимался как некая небольшая ниша в социуме, состоящем из людей обычных, то есть нетворческих. Несмотря на то, что создатели нового могли самым существенным образом влиять на развитие общества, сами они не были серьезной социальной силой. В СССР в 1960-е годы поэты собирали тысячи людей на стадионах и в концертных залах. В определенные периоды истории писатели и поэты владели умами миллионов. Не случайно Е.А. Евтушенко создал стихотворную строку, которая сразу стала устойчивой идиомой: *«Поэт в России – больше, чем поэт»*. Но, несмотря на это, поэты не могли задать тренд обустройства жизни для других людей, изменить артефакты традиционной культуры, для которой армия была идеалом порядка, красоты и прогресса. В доиндустриальную и индустриальную эпохи творческие личности с их особой яркой одеждой, хаотической организацией рабочего пространства и подчас экзальтированным поведением воспринимались как люди не от мира сего, привычки которых никак не могли быть примером для большинства.

Все изменилось в постиндустриальную эпоху развития общества. Возрастание социальной роли творчества и, соответственно, творческих людей было обосновано во множестве теорий. В них содержалась простая мысль, что в условиях массовой автоматизации и роботизации все рутинные операции будет делать техника, а человеку останется только творчество как вид труда. Можно констатировать, что роль творчества в

теории была очень переоценена. Реальная жизнь современного мира демонстрирует активное развитие и «нетворческих» сегментов экономики. Стоит вспомнить только о миллионах возникших в последние годы рабочих мест для курьеров по доставке всего и вся. Однако принципиально важным оказалось, что появилась когорта творческих людей, ставших реальной общественной силой, способной изменять нормы и ценности общества в целом. Это IT-шники.

С самого начала своего появления во второй половине XX столетия IT-шники явно и неявно позиционировали себя как некие поэты от техники. Большинство из них занимались компьютерами и программированием у себя дома, в гаражах, в свободное от основной работы время. Они презирали классический дресс-код и симметричную организацию рабочего пространства. Часто они вели прямо-таки «богемный» образ жизни. Если бы IT-индустрия не развивалась столь бурно и не стала столь значимой для всей современной экономики, они могли бы пополнить ту самую нишу людей «не от мира сего», в которой обитали поэты, художники, актеры и изобретатели. Но технический прогресс вывел этих людей на передовую общественных трансформаций. Они не просто стали инициаторами многих из этих трансформаций, они начали диктовать моду другим слоям общества.

В последнее время в теории менеджмента возникли теории, специально ориентированные на организацию работы творческих людей. Прежде всего, это концепции управления знаниями (knowledge management) и управления талантами (talent management). Во многом их суть заключается в том, что нужно перестать видеть в армейской казарме идеал корпоративного порядка. Казарма настраивает на выполнение приказа, а не на творчество и проявление инициативы. Казарма сменяется мастерской художника, где нет порядка, но есть пространство для экспериментирования.

На практике запросы творческих людей часто совпадают с принципами одомашнивания. Это отказ от дресс-кода, кабинетной системы, жесткого графика работы. Однако нужно не просто переносить в рабочую среду элементы домашнего быта, но и сознательно заботиться о том, чтобы корпоративная жизнь не мешала, а помогала проявлению инициативы и реализации творческих намерений сотрудников. Поэтому на уровне артефактов руководство компаний начинает воплощать в жизнь желания творческих личностей по части интерьера, времени работы, возможности общаться или уединиться. Так ориентация на запросы творческих людей становится важным императивом всего менеджмента и, как его части, управления организационной культурой.

В настоящее время в компаниях, ориентированных на креативность, почти повсюду офисное пространство создается по канонам open space. Творческий человек здесь может организовать рабочее место и место для отдыха согласно своим желаниям. Офиспейсы обустраиваются с использованием новых материалов: шумопоглощающих панелей для стен, а также стационарных, мобильных, раздвижных и стеклянных перегородок. Упомянем лишь «умное стекло», которое чаще всего используется для зонирования переговорных и рабочих мест руководителей. «Умные стекла» обладают функцией переменной прозрачности. Под воздействием тока низкого напряжения они прозрачные, а при отключении питания приобретают матовый цвет и, например, могут использоваться для просмотра фото и видеоматериалов. Но в обоих случаях количество пропускаемого света не изменяется. Кроме того, это стекло прекрасно сочетается с любым интерьером, поскольку пленка, отвечающая за затемнение, может быть не только разноцветной, в тон стен, но и иметь изображение, например, логотип компании. Офисное пространство, благодаря мобильным перегородкам и трансформируемой мебели, должно легко модифицироваться под новые типы задач.

Новейшей социальной и офисной практикой здесь являются коворкинги. Коворкинг (от англ. *coworking* – совместная работа) – это офис (иногда его называют центром) для работы людей с разной занятостью. Многие коворкинги, помимо индивидуальных рабочих мест, располагают переговорными комнатами, комнатами для небольших команд, кухней, рекреацией. Возникли коворкинги потому, что дистанционным сотрудникам дома не хватало делового общения и многое отвлекало от работы. Другими словами, коворкинг соединил офисную деловую атмосферу и общение со свободой и независимостью фриланса. Понятно, что коворкинги прежде всего используются для групповой творческой активности. Они позволяют людям творить вместе, обсуждая разные варианты решений и вырабатывая инновационные подходы к анализу проблем.

Творческие работники очень чувствительны к отрицательным аспектам влияния офисной среды на физическое здоровье и психическое благополучие сотрудников [6]. Эта проблема включает дизайн офиса, организацию рабочих мест и работ, обеспечение надлежащих параметров звукоизоляции, воздуха, освещенности. Кроме того, сегодняшний день требует соответствия всех элементов офисной среды «зеленым» технологиям. Своего рода «вечную» проблему представляет собой «сидячая» работа, в связи с чем ведутся разработки режимов труда, позволяющих разнообразить физическую активность офисных сотрудников [7].

Творческую личность трудно ввести в нормативную структуру, рассчитанную на множество людей. Например, для творческого человека невозможно установить точное время обеда или иного приема пищи. Один человек лучше творит, что называется, «на голодный желудок», и из-за этого может не есть до вечера. Другой должен постоянно перекусывать, чтобы сохранить творческий потенциал. Поэтому в современных офисах отказываются от столовых, ранее действовавших по принципу конвейера. В опенспейсах создаются кухонные зоны, где люди в удобное для них время и по своему желанию могут приготовить (или разогреть) себе пищу. Если же человек ходит на обед в ближайший ресторан или постоянно ест орешки и чипсы на своем рабочем месте, никто также не будет его за это упрекать.

* * *

Как часть культурного наследия организационный быт показывает в своем развитии важные тренды трансформации социальной реальности. В частности, его изменения очень точно показывают, что в прошедшие несколько десятилетий человечество вступило в особую историческую эпоху – постиндустриальную. При этом артефакты организационной культуры свидетельствуют, что наряду с оригинальностью этой эпохе свойственна и преемственность. Оригинальность проявляется в ориентации на потребности творческих людей, чего не было ранее в истории. Творческий труд всегда был важнейшим двигателем развития человечества, но еще недавно он воспринимался как забава «людей не от мира сего». Сегодня под него подстраиваются проектирование офисов, дресс-код, корпоративное питание, организация коммуникаций.

Преемственность постиндустриальной эпохи связана с тем, что она в некоторой степени стала повторять доиндустриальную, сообразно феномену «закручивания спирали», о котором речь шла выше. Все больше людей сегодня работают на дому. Компьютер и интернет устранили необходимость собирать работников в одном месте, как правило, отдаленном от их места жительства. Распространение удаленной работы в период пандемии COVID-19 дало возможность многим людям питаться дома, не соблюдать предписанный начальством режим работы, отказаться от фирменного стиля в одежде. Но одновременно стало очевидным и то, что «закручивание спирали» социального времени никогда не приводит к прямому повторению предыдущего опыта. Например, приготовление пищи – это труд, который в традиционном обществе ложился на плечи домохозяйек. Даже в период расцвета индустриальной цивилизации множество рабочих и служащих приносили на обед пищу,

приготовленную дома. Но если в предыдущие эпохи женщины по большей части не работали, то в постиндустриальную эпоху работают все, и возвращение к домашней форме организации питания может существенно обременить женщин (а иногда и мужчин). Поэтому определенные виды корпоративного питания и/или организации питания внедомашними способами, прежде всего доставка еды, стали артефактами современной культуры и войдут в культурное наследия, которое наши современники оставят потомкам.

Примечание

*Исторически прообразом Casual Friday (в других вариантах – dress-down Friday или casual day) послужила Aloha Friday – понятие, появившееся на Гавайях в 1960-е годы. В 1962 г. профессиональная ассоциация производителей одежды (англ. – Hawaiian Fashion Guild) начала рекламировать гавайский стиль одежды как идеальный для работы, особенно в жарком климате. И в 1965 г. президент ассоциации, инициировал кампанию по популяризации Aloha Friday – последнего дня рабочей недели, когда наниматели позволяли надевать гавайские рубашки. Это начинание оказалось очень выгодным для двух гигантов американского бизнеса – *Procter&Gamble* и *Levi's*, которые вложили миллиарды в «раскручивание» Casual Friday. В то время они столкнулись с отсутствием роста продаж. Маркетологи выяснили, что во всем виноват строгий дресс-код: люди перестали покупать джинсы и другую повседневную одежду, а также пользоваться порошками, потому что сдавали свою одежду в химчистку, ведь деловой костюм в стиральной машине не постираешь. Рекламная кампания при такой поддержке удалась на все 100%. Культура отказа от строгого дресс-кода по пятницам настолько понравилась другим штатам, что и они переняли эту традицию. Затем американское начинание перекинулось на весь мир. А на Гавайях сегодня национальная рубашка подходит для деловой одежды в любой день недели.

Список литературы

1. Барков С.А., Дорохина О.В. Тоталитаризм и ритуалы: как бутафория меняет сознание // Родина. 2013. №12. С. 14-18.
2. Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. С. 355-375.

3. Землянская А.С. Современные тенденции формирования «интеллектуального» рабочего пространства // АМИТ, 2015. №4 (33). С. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-formirovaniya-intellektualnogo-rabocheho-prostranstva/viewer> (дата обращения: 24.01.2023).

4. В ритме города: к чему пришла эволюция офисных пространств // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/spetsproekt/482002-v-ritme-goroda-k-cemu-prisla-evoliutsia-ofisnyh-prostranstv> (дата обращения: 10.01.2023).

5. Lüddecke R., Lindner T., Forstenpointner J. et al. Should You Stop Wearing Neckties? – Wearing a Tight Necktie Reduces Cerebral Blood Flow // *Neuroradiology*, 2018. №60. P.861–864. URL: <https://doi.org/10.1007/s00234-018-2048-7> (дата обращения 18.07.2022).

6. Kohll A. How Your Office Space Impacts Employee Well-Being // Forbes. 24.01.2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/alankohll/2019/01/24/how-your-office-space-impacts-employee-wellbeing/?sh=6055df6564f3> (дата обращения 24.01.2023).

7. Pollard B., Engelen L., Held F., de Dear R. Activity Space, Office Space: Measuring the Spatial Movement of Office Workers // *Applied Ergonomics*, 2022. Vol. 98. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34628045/> (дата обращения: 24.01.2023).

ARTIFACTS OF ORGANIZATIONAL LIFE AS A PART OF CULTURAL HERITAGE

S.A. Barkov

Barkov Sergey Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of the Department of Economic Sociology and Management,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
barkserg@live.ru

Artifacts of organizational and professional life - dress code, corporate catering, design of working space, etc. – being an integral part of the cultural heritage, have undergone radical and socially significant transformations over the past two centuries. The first trend of such changes is the active borrowing of elements from home life. The second trend is the practical implementation of orientation to the needs of creative people.

Keywords: artifacts, organizational culture, post-industrial society, dress code, interior design, social change.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА *

Л.А. Беляева

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук,
руководитель Центра изучения социокультурных изменений
Института философии РАН, г. Москва
bela46@mail.ru

Рассматривается проблема цивилизационной гетерогенности российского общества. Внимание сосредоточено на общественном сознании населения в оптике цивилизационной идентичности индивидов и социальных общностей, в том числе молодежи.

Ключевые слова: цивилизационная гетерогенность общества, западная и са-мобытная модель развития, цивилизационная идентичность

Несостоявшееся догоняющее развитие России, предполагавшее вступление в ряды развитых модернизированных стран мира, вновь поставило вопросы, насколько цивилизационная принадлежность страны и ее населения позволяют осуществить развитие по западному образцу, либо необходимо следовать собственной модели с опорой на ценности коллективизма и сильной власти, доминирующей во всех сферах общества. В условиях противостояния двух моделей развития особую важность приобретает проблема идентичности, которая становится полем идеологического выбора и политических устремлений элит, а с другой стороны, массовых слоев населения. Нельзя не отметить сложного характера взаимодействия интересов и идентичностей населения в постсоветских странах, бывших в последние десятилетия в ситуации развертывания индивидуалистических, рыночных, преимущественно рациональных (в основном материально трактуемых) смыслов жизнедеятельности и в разной степени преуспевших на пути формирования западной идентичности. Для России это взаимодействие приобрело характер вызова: или продолжить развитие общества по западному образцу, или найти свой,

* Исследование проводится при поддержке РФФ, грант № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

отличный от Запада, путь, означающий возврат к традиционным ценностям и коллективистской идеологии, оставив в прошлом рациональный, основанный на материальном выборе вектор развития.

Другой важный вопрос, заставляющий обратиться к проблеме идентичности, это анализ влияния цивилизационных особенностей страны на осуществление модернизационного развития на основе собственной идентичности. Другими словами, насколько органично присутствуют в обществе носители человеческого капитала, которые могут стать драйвером преобразований, способны преодолевать инерцию и рутину за счет внутренней мотивации. В этой связи актуальным является изучение общественного сознания населения современной России, с точки зрения его цивилизационной идентичности, которая складывается как интегральная характеристика сознания личности, оценивающего значимые характеристики общества, в котором живет человек, экономику этого общества, отношение к власти и к ее эффективности, готовность и умение вписаться в существующий порядок и действовать в соответствии с общественно значимыми правилами.

При этом нужно учитывать, что российское население дифференцировано по большинству этих характеристик. Особого внимания требуют группы молодежи, социализированной в постсоветский период. У нее тоже присутствует то, что можно назвать «переплетенные идентификации» с доминированием тех или иных характеристик.

Цивилизационная гетерогенность не была до конца преодолена в советский модернизационный период, а на отдельных этапах даже усиливалась, вплоть до возникновения архаики и признаков варварства как оборотной стороны цивилизации. Вместе с тем российская цивилизация не могла не воспринимать, в силу глобального включения в мирохозяйственные связи, нормы и ценности западной и восточной цивилизаций, что усиливало ее гетерогенный цивилизационный характер. Поэтому говорить о единой цивилизационной основе общественного сознания населения России вряд ли уместно, ценностные системы индивидов и социальных общностей существенно различаются. Патернализм, коллективизм (общинность), этатизм, традиционализм, консерватизм составляют базис сознания только части общества, противостоя ценностям свободы, независимости, самостоятельности, индивидуализма. В обществе существует определенный баланс между покорной исполнительностью воли верховной власти и творчеством беспокойных и самостоятельно, критически мыслящих индивидов. Этот баланс в каждый период меняется в зависимости от внутреннего и внешнего вектора развития страны.

Для социологического изучения характера и глубины такого противостояния и выявления общественных «скреп», обеспечивающих единство и жизнеспособность общества, его устойчивость и способность к развитию, необходимо проанализировать адекватный актуальный эмпирический материал, характеризующий состояние общественного сознания, в том числе в оптике цивилизационной гетерогенности населения. Такой материал был получен нами летом 2023 г. в ходе всероссийского мониторинга и опроса населения двух непохожих регионов – Северо-западного федерального округа и совместно Южного и Северокавказского федеральных округов. Онлайн-опрос был проведен фирмой Анкетолог по собственной он-лайн панели. Было сформировано три массива данных. Одна выборка всероссийская, репрезентирует население России по полу, возрасту, образованию, типу поселения – город/село. Представлены все федеральные округа. №=1000. Вторая выборка – по СЗФО, третья выборка совместная по СКФО и ЮФО. Две последние выборки репрезентативны по полу и возрасту, в каждой из этих двух последних выборках № = около 250. В настоящей статье частично представлено сравнение некоторых данных по всем трем выборкам, в основном по цивилизационной тематике. Математическую обработку массива ведет К.В. Ракова – к.соц. н., сотрудница ЦИСИ. Из общего массива была выделена Москва, в которой было опрошено 115 респондентов.

Возможности эмпирического исследования цивилизационной идентичности населения обнаруживаются в двух аспектах. Во-первых, в оценках респондентами различных сторон жизни общества, которые могут характеризовать цивилизационные особенности страны, во-вторых, в характеристиках собственных личных предпочтений и поведенческих паттернов, свидетельствующих о традиционных или современных ориентациях респондентов в своей обыденной жизни. Такое разделение было заложено в методике массовых опросов, которые были проведены летом 2023 г.

К первым относятся оценки страны, с точки зрения цивилизационной специфики, в сравнении с другими странами. Они позволяют оценить, какие предпочтения высказывают респонденты относительно развития России – по особому самобытному пути или с ориентацией на западный путь, или они считают, что лучше следовать опыту развитых мусульманских стран, или учитывать опыт китайского общества, или использовать все лучшее, что есть в других развитых странах. При этом вариации ответов по общероссийскому массиву и по двум территориям – северо-за-

паду и по югу незначительные. На первом месте модель развития по своему собственному особому пути, ее выбрали более 60% опрошенных во всех трех массивах, максимальное число сторонников в южных округах (65%) (рис. 1). Для московских жителей этот путь менее предпочтителен. За него высказались 58%. На втором месте модель, которая вбирает в себя лучший опыт других стран (31 % по России в целом, 30% – в СЗФО, 27% – южные округа, 36% – Москва. Прочие пути развития не получили больше 4 %. Видно, что оценки в трех массивах очень близки. Среди жителей Москвы несколько меньше сторонников развития по самобытному пути, больше тех, кто считает, что Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран.

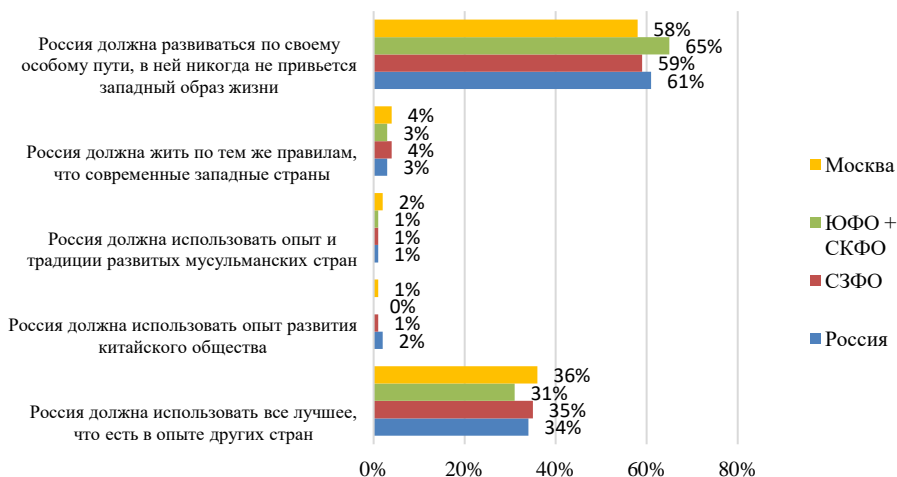

Рис. 1 Оцените тот путь, по которому должна идти Россия в своем развитии (% от опрошенных)

Параллельно предлагалось сказать, в каком обществе респонденты сами хотели бы жить. Оказалось, что и для страны в целом, и лично для себя большинство выбирают российский самобытный путь развития (данные практически совпадают – около 61 %). Высокий уровень идентификации со страной показывают жители всех четырех анализируемых общностей, выбирая тот или иной путь развития для России, они выбирают этот путь и для себя лично (табл. 1).

**Оцените, пожалуйста, тот путь, по которому
должна идти Россия в своем развитии
// В каком российском обществе Вы хотели бы жить?
(% от опрошенных)**

	Россия	СЗФО	ЮФО+ СКФО	Москва
Россия должна развиваться по своему особому пути	61 // 61	59 // 61	64 // 65	58 // 58
Россия должна жить по тем же правилам, что современные западные страны	3 // 4	4 // 6	3 // 3	4 // 4
Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран	34 // 31	35 // 30	31 // 26	36 // 32

Вновь подчеркну весьма характерный для оценок проблем единства российского общества тот зафиксированный факт, что большинство респондентов во всех четырех массивах на первое место поставили самобытный путь для России, путь западных стран поддерживают от 3 до 6% опрошенных. Уровень согласия по этому вопросу вполне впечатляющий.

Самые многочисленные сторонники самобытного пути России: сельские жители, когорта 45-54 лет, лица со средним образованием и ниже, а также две полярные группы – бедные и богатые. Самые малочисленные сторонники самобытного пути – возрастные группы 18-24 и 65+, лица с высшим и послевузовским образованием, по материальному благосостоянию две группы плохо обеспеченных. Среди молодежи – 18-34 гг. самая большая доля желающих, чтобы России шла по пути развитых западных стран – 8%, более 9% имеющих высшее образование хотели бы жить в России, которая идет по западному пути.

При этом характерно, что, высказываясь в большинстве за самобытный российский путь развития, большинство – 81 % являются сторонниками демократической формы правления (для них это важно или очень важно), и они имеют большие претензии к современному государству в выполнении им социальных обязательств перед гражданами, в соблюдении прав и свобод, в доверии к властным институтам.

Я полагаю, что для жителей России признание особого пути развития страны отнюдь не означает одобрения архаичных, традиционных форм жизни и авторитарных форм управления. Значительная часть населения выбирает модель, которая вбирает в себя лучший опыт развитых стран. Но при этом для большинства важны демократические формы управления, независимо от выбранной модели развития страны. Можно продемонстрировать это на отношении к демократическим формам правления, которые противопоставляются авторитаризму. Демократические формы одобряют большинство жителей из трех массивов, но есть некоторые различия в рассматриваемых регионах. В целом по стране выявилось более высокое требование демократического порядка в управлении страной. Средний балл по 10-ти балльной шкале по России в целом составляет 7,02, тогда как в СЗФО 6,81 балла, в южных территориях 6,47 балла. Медиана во всех трех случаях смещена от центра шкалы к крайней оценке «чрезвычайно важно» (рис. 2).

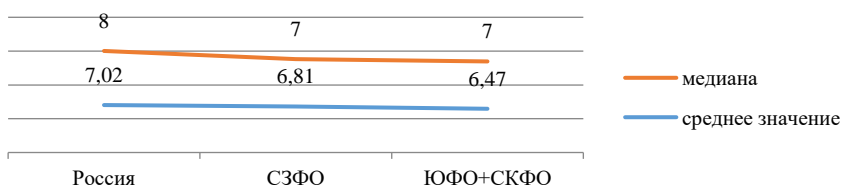

Рис. 2. Насколько важно для Вас жить в стране с демократической формой правления? (средний балл и медиана по 10-ти балльной шкале)

Городские жители чаще высказываются за демократическую форму правления, разница с сельскими жителями составляет 6%. (для них это очень важно (54%), тогда как у сельских жителей такое мнение высказали 48%). Самые большие сторонники демократического пути развития возрастные группы 45-54 г. и 55-64 гг. Из первой группы 56% и 61% из второй группы считают, что это для них очень важно. Это те взрослые респонденты, которые социализировались в 90-е – начале 2000-х гг., а сейчас составляют наиболее рациональную и успешную часть общества. Молодежь 18-24 гг. менее категорична, как и другие возрастные группы. С ростом образования признание важности демократического управления увеличивается – от 46% лиц с самым низким образованием до 57% среди не окончивших высшее образование. Наконец, с ростом материального уровня жизни оно тоже повышается, за исключением группы «не-

обеспеченных» и «богатых», среди которых только 44% и 42% соответственно считают для себя очень важным жить в стране с демократической формой правления.

Таким образом, население России дифференцировано по признанию важности демократического управления в стране. Группы с увеличенными социальными ресурсами (горожане, лица с высоким уровнем образования, активные возраста, занятые в экономике, материально благополучные), являются в большей мере сторонниками демократических форм управления, независимо от выбранной ими модели развития страны. Да и к самой модели цивилизационного развития они относятся более вариативно, для многих из них приемлемо использовать лучшее, что есть в опыте других стран.

Если обратиться к структуре населения по уровню материального благосостояния и посмотреть выбор пути, по которому следует развиваться России, то выявятся интересные особенности.

В таблице 2 даны условные названия групп по материальному положению и их вес в составе опрошенных. Эти названия кратко обозначают те характеристики, по которым респонденты были дифференцированы на основании их ответов. Большой интерес вызывает группа обеспеченных – это самая крупная группа во всех трех массивах (табл. 2).

Таблица 2

**Какое из приведенных высказываний лучше подходит для характеристики Вашего материального положения?
(% от числа опрошенных)**

Варианты	Россия	СЗФО	ЮФО+СКФО	Москва
<i>«Нищие»</i> Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	8	4	8	8
<i>«Бедные»</i> На повседневные затраты уходит вся зарплата	10	10	16	11
<i>«Необеспеченные»</i> На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	13	13	12	9

«Обеспеченные» В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг или долго копить	50	50	43	52
«Зажиточные» Почти на все хватает, но недоступно приобретение квартиры, дачи	16	22	19	15
«Богатые» Практически ни в чем себе не отказываем	3	1	2	5
Итого	100	100	100	100

По данным нашего мониторинга, она количественно выросла за последние 8 лет с 33%, до 50% в России и в СЗФО, а в южных округах составила 43% опрошенных. Можно сказать, что по доходам – это база среднего класса в России. В составе «обеспеченных» 86% горожан, в том числе жителей Москвы 13%, сельское население составляет 14%, Возраст «обеспеченных» охватывает в основном группы, занятые в экономике. Младшая и старшая возрастные группы составляют вместе менее 20%, остальные 80% – это респонденты в рабочих возрастах от 25 до 65 лет. Практически 77% обеспеченных получили профессиональное образование – среднее техническое на базе среднего полного (41%), высшее и послевузовское (34%) или учатся сейчас в вузах (2%). 90% обеспеченных являются наемными работниками, а 10% владеют предприятиями или занимаются индивидуальной деятельностью, или работают на семейном предприятии. Квалификация членов данной группы довольно высокая – работники квалифицированного умственного труда составляют 63% обеспеченных, 27% – это рабочие, занятые в основном физическим трудом разной квалификации.

Относительно самобытного пути, по которому следует развиваться России, положительно высказались 50% «обеспеченных» – значительно меньше, чем другие доходные группы, но они и за учет при развитии страны положительного опыта других стран. Оказалось, что стремление жить в демократической стране у «обеспеченных» самое большое (83%)

по сравнению с другими доходными группами, кроме зажиточных. Можно предположить, что рассматриваемая группа «обеспеченных» сформировала то, что называется по Эриху Фромму, «социальным характером» рыночной ориентации: она обладает жизненным опытом, внутренними побуждениями к своей реализации, особой человеческой энергией, позволившей ей неплохо адаптироваться к сложившимся социальным условиям. Э. Фромм считал, что социоэкономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они *должны* делать. Вместе с тем социальный характер оказывает влияние на социоэкономическую структуру общества, действуя при этом либо как цемент, придающий ей еще большую стабильность, либо, при определенных обстоятельствах, как динамит, готовый взорвать ее [1].

Массовость этой группы, ее активность в достижении социального благополучия и ее ориентиры на демократическое развитие должны обратить внимание властей на жизненные приоритеты этой группы.

Для большинства россиян характерно эмоциональное отношение к своей стране и к своей малой родине. Эмоциональная привязанность к России по 10-тибалльной шкале получила в среднем 8,37 балла, в СЗФО и в южных округах еще выше – 8,5 балла. Но нужно заметить, что молодежь 18-25 лет демонстрирует более низкий уровень привязанности по сравнению с другими возрастными когортами. Только 53% этой группы отметили сильную эмоциональную привязанность к России, у других возрастных когорт этот показатель в диапазоне 71 – 81%. Эмоциональная привязанность к России увеличивается с возрастом и с ростом материальной обеспеченности (эти показатели взаимосвязаны), падает с ростом образования и от села к городу.

Эмоциональная привязанность к Европе в целом очень низкая, но в самой младшей возрастной группе и группе с низким образованием (эти группы частично совпадают) эмоциональная привязанность к Европе довольно заметна – 8% от этой группы. Объяснение этого – особенности социализации молодежи в последние годы информационной глобализации. Они отражают их ценностные ориентации, рожденные мировой глобализацией, распространением Интернета и сетевых мобильных связей и отношений, которые все более заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением и другими поколениями и идентификацию со своей страной.

Эмоциональная привязанность к стране во многих исследованиях отождествляется с патриотизмом. Действительно, она составляет психологическую основу патриотизма, но не исчерпывает этого состояния. Антиподом *формальному патриотизму*, беспрекословно одобряющему все исторические события прошлого, современные действия властей и состояние общественных отношений, является *гражданский патриотизм* – видящий недостатки в общественном устройстве и в действиях власти, стремящийся к их устранению. Лица с гражданским патриотизмом отличаются самостоятельностью не только в суждениях, но и в решении своих жизненных проблем не надеются на государство. Это разделение на формальный и гражданский патриотизм весьма существенно – одно дело быть патриотом на словах, верить и уповать во всем на государство, другое – быть деятельным в организации своей жизни, высказывать самостоятельные суждения о своей стране, авторитете страны на международной арене, быть готовым высказать свое критическое отношение к тем или иным событиям даже в неконвенциональной форме.

Анализ данных опроса показал, что респонденты с сильной эмоциональной привязанностью в большей мере придерживаются охранительных настроений по отношению к властям и к государству, для лиц со средней или слабой эмоциональной привязанностью поддержка власти существенно ниже. Для первых выше оценки современной международной политики России (табл. 3).

Таблица 3

**Современная международная политика России способствует
повышению авторитета страны в мире?
(% от опрошенных)**

<i>Уровень эмоциональной привязанности</i>	да	трудно сказать	нет	всего
Слабая эмоциональная привязанность	18	29	53	100
Средняя эмоциональная привязанность	24	44	32	100
Сильная эмоциональная привязанность	60	32	8	100

И ниже готовность принять участие в акциях протеста (табл. 4).

Таблица 4

Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста, например, против снижения уровня и качества жизни, против необоснованных действий властей? (% от опрошенных)

<i>Уровень эмоциональной привязанности к России</i>	готовы	не готовы	всего
Слабая эмоциональная привязанность	60	40	100
Средняя эмоциональная привязанность	39	41	100
Сильная эмоциональная привязанность	26	74	100

В то же время респонденты из первой группы в большей мере самостоятельны в обеспечении своей семьи, не надеются в этом на государство. Хотя и в двух других группах этого мнения придерживаются почти 50 % респондентов (табл. 5).

Таблица 5

Каждый человек должен сам заботиться о материальном обеспечении семьи, не надеясь на государство (% от опрошенных)

<i>Уровень эмоциональной привязанности</i>	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	всего
Слабая эмоциональная привязанность	48	18 %	34 %	100
Средняя эмоциональная привязанность	47	19 %	34 %	100
Сильная эмоциональная привязанность	58	17 %	25 %	100

В чем близко сходятся мнения представителей этих групп, так в ориентациях на демократическую форму правления в нашей стране (табл. 6).

Таблица 6

**Насколько важно для Вас жить в стране с демократической
формой правления? (% от опрошенных)**

<i>Уровень эмоциональной привязанности</i>	очень важно	важно	не важно	всего
Слабая эмоциональная привязанность	43	29	28	100,0%
Средняя эмоциональная привязанность	49	38	13	100,0%
Сильная эмоциональная привязанность	52	38	10	100,0%

И это очень важное свидетельство, которое можно рассматривать как доминирующую гражданскую позицию респондентов. Одновременно только 39% согласны, что государство во внутренней политике учитывает интересы всего народа, а 48% сказали, что оно учитывает преимущественно интересы бизнеса. Можно сказать, что эмоциональная привязанность к своей стране идет у россиян рука об руку с желанием большей демократичности государства и власти.

Цивилизационные личностные предпочтения и поведенческие стереотипы рассматриваются в исследовании по нескольким направлениям: этническая идентификация, религиозность, отношение к своей национальной культуре, владение и использование русского языка, динамичная модель профессиональной идентичности, самостоятельность или патернализм в решении жизненных проблем. Показательно, что эти характеристики демонстрируют большое разнообразие в сознании населения. Многие из них позволяют говорить о преимущественно традиционном, другие – о современном, рациональном типе сознания, микс этих характеристик наиболее распространенный гетерогенный тип. Можно во всем разнообразии наблюдать переплетение идентификаций. Например, при том, что подавляющее число опрошенных разделяют православное верование, 5% исповедуют ислам, 13% не признают никакой религии, религиозность российского населения на довольно низком уровне. Никогда не посещают храм или делают это редко 65% по России в целом, 69% в СЗФО, 57% в южных ФО.

Владение русским языком является не единственным, но решающим фактором общегражданской и цивилизационной идентичности, 98% опрошенных говорят дома на русском языке, в их числе почти все респонденты нерусской национальности. Некоторое исключение составляют татары и чеченцы, среди которых на своем родном языке говорят

дома 2,9% и 2,3% соответственно. Наряду с утилитарным использованием русского языка – для общения, получения хорошего образования, трудоустройства, самое большое число респондентов (68%) отметили роль русского языка в формировании чувства принадлежности к российскому обществу. Вместе с русским языком историческая память, пройденный со страной путь, сильное, объединяющее государство, гражданский патриотизм являются важными факторами, сближающими цивилизационную идентичность населения страны, могут создать основу для гармонического взаимодействия поверх национальных, этнических, религиозных, цивилизационных различий.

Полученные материалы опроса 2023 г. позволяют сделать следующий вывод. Население России сегодня дифференцировано по своему цивилизационному выбору, сторонники особого, самобытного пути для России представлены во всех профессиональных, имущественных, территориальных группах и составляют большинство. Цивилизационная самобытность России не привлекает сегодня некоторую часть молодежи, лиц с высшим образованием и жителей городов и столицы. Они выступают за иной путь для России, который аккумулирует достижения разных стран мира. Такое разделение на сторонников самобытного пути и сторонников учета лучшего опыта других стран (60:30) и очень скромный выбор западного пути для России (до 6 %) является неожиданным результатом опроса, над которым следует подумать и нам, как исследователям, и тем, кто конструирует путь для развития России.

Список литературы

1. Фромм Э. Бегство от свободы // Пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. 571 с.

CIVILISATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN POPULATION: EXPERIENCE OF EMPIRICAL ANALYSIS

L.A. Belyaeva

Belyaeva Ludmila Alexandrovna – Doctor of Sociological Sciences,
Head of the Centre for the Study of Sociocultural Changes Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, Moscow
bela46@mail.ru

The problem of civilizational heterogeneity of the Russian society is considered. Attention is focused on the public consciousness of the population in the optics of the civilizational identity of individuals and social communities, including youth.

Keywords: civilizational heterogeneity of society, Western and original model of development, civilizational identity

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ю.Р. Вишнеvский¹, Н.В. Дулина², А.А. Балясов³

¹ Вишнеvский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор-консультант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
soc_stu38@mail.ru.

² Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», г. Волгоград
nv-dulina@yandex.ru.

³Балясов Александр Анатольевич – старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
a.a.balyasov@urfu.ru.

Динамика изменений, трансформаций, происходящих в российском обществе в настоящее время, усиливаемая процессами глобализации, цифровизации и пр., с неизбежностью корректирует традиции, меняет ценностные приоритеты, в первую очередь, молодежи. Выбирая приоритетные цели для страны в новых условиях, важно понимать, какие модификации культуры вообще и народной культуры характерны для менталитета российского социума. Поскольку исключительным правом вынесения ценностного суждения обладает их носитель, но никак не сторонние наблюдатели, важно иметь представление о том, наследует или не наследует современная российская молодежь опыт предшествующих поколений, способна ли она воспроизводить культурные образцы, трансформируя социальный опыт предков собственным инновационным творчеством и транслируя его будущим поколениям. Интериоризируя внешние и внутренние для России образы мира, активно реагируя на культурные вызовы и риски, молодое поколение расширяет / сужает свои потребности и интересы, становясь автономным субъектом народной культуры, делающим выбор среди множества предлагаемых ценностей и стилей жизни, в том числе предыдущих поколений, ретранслируя их, что актуализирует потребность во всесторонних исследованиях молодежи вообще и студентов, в частности.

Материал посвящен актуальной проблеме сохранения культурного наследия и межпоколенных связей в современном российском обществе. Данные, получен-

ные в ходе федерального исследования Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений» (2022), позволяют выявить отношение молодежи к актуальным проблемам, в том числе к сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: культура, народная культура, культурное наследие, поколения, межпоколенческая преемственность, ценности, молодежь, современные студенты, семья, культурная политика.

Культура, сопровождая эволюцию человечества с первых его дней, обеспечивая его обустройство в жизни, обусловлена множеством факторов. Среди этих факторов в первую очередь следует упомянуть утилитарный (материально-производственная деятельность), идеациональный (символическая деятельность), мировоззренческий (мифо-религиозная деятельность) факторы, которые играли и продолжают играть очень значимую роль в развитии общества. Но вряд ли стоит особо доказывать, что культура явилась все-таки продуктом не этих сфер социальной практики, а самого коллективного (группового) способа жизнедеятельности людей, обеспечивая конструктивный (а порой, и деструктивный) характер их взаимодействия и необходимую плотность коммуницирования. Культура через взаимодействие отдельных индивидов и групп упорядочивала / регулировала / нормировала формы и процессы коллективного общежития людей, придавала им организованный характер. С середины XX века в исследованиях культуры все чаще в научных публикациях и текстах мы находим обоснование того, что культура и культурные ценности имеют значение (см., напр., 1, 2) и что сущность культуры – это наиболее общая форма проявления человеческой социальности [3, с. 44–47]. Иначе говоря, основная социальная функция человеческой культуры – обеспечение коллективного характера жизнедеятельности людей и тех жизнеберегающих технологий, которые выработаны отдельными народами за долгие века.

Важность исследования преемственности культуры (и особенно народной культуры) современной российской молодежью обусловлена её местом и ролью, в социальной структуре российского общества. Выступая в авангарде социальных преобразований, остро чувствуя и впитывая инновации, молодежь аккумулирует опыт как предшествующих поколений, так и современников. Сказанное относится, в первую очередь, к студенческой молодежи, которая в будущем будет претендовать на то, чтобы «поругать страной», овладевая новыми технологиями и транслируя их в общество. Извечный конфликт «отцов» и «детей» в настоящее время наполняется новыми смыслами. Ситуация обостряется тем, что обретение самостоятельности, становление социальной зрелости молодого

человека проходит в условиях особого типа культуры, который вслед за Маргарет Мид [4] принято обозначать как префигуративную, к которой, без сомнения, может быть отнесена и культура современного российского общества. Чтобы найти ответы на вопрос, есть ли преемственность в сохранении народной культуры в российском обществе, Российским обществом социологов в 2022 г. было проведено исследование «Культурное наследие и связь поколений», в связи с объявлением в СНГ 2022 г. – Годом народного творчества и культурного наследия. Цель и задачи исследования – изучение форм межпоколенных связей в меняющихся социальных контекстах, а также отношения студенческой молодежи к общей истории народов, входивших в состав СССР. Объект исследования – студенты вузов России – граждане Российской Федерации. Метод сбора первичной информации – онлайн-анкетирование, проходившее с использованием Google-форм. Как и любой метод, он имеет свои достоинства и недостатки, среди которых способ отбора единиц наблюдения, а именно стихийность выборки. Респонденты сами принимают решение о том, чтобы ответить на вопросы анкеты. Это заметно расширило границы изначально заданной территории исследования. В результате в ходе опроса было получено и оказалось в базе 12 679 документов, после этапа контроля и редактирования в массиве осталось 12 340 анкет, из которых 9 751 были заполнены студентами вузов РФ – гражданами РФ. В рамках данного материала будут представлены параметры именно этой категории опрошенных. Большой объем эмпирического материала, как мы полагаем, позволяет проследить тенденции и сделать содержательные выводы. Более подробно технические параметры и результаты исследования представлены в отдельных публикациях (см., напр., 5–8) и на сайте РОС.

По основному вопросу исследования, должен ли современный человек знать культуру своего народа?, мнение респондентов-студентов единодушное – позитивное. Лишь 6% (среди девушек – 4%, среди юношей – 8%) считают такое знание неважным, абсолютизируя влияние глобализации, когда, якобы, своеобразие культур отдельных народов утрачивает актуальность. Незначительность распространенности подобных негативных оценок в студенческой среде отнюдь не означает, что в работе со студентами возможность и такого осмысления социокультурных последствий глобализации может недооцениваться.

В рамках общей позитивной оценки проявляется и расхождение в акцентах: для одних основной аргумент – ощущение человеком своей принадлежности с определенным этносам, своей идентификации с ними, стремление сохранить его традиции; для других – не менее значимо: не

замкнуться на культурном наследии своего этноса, ориентироваться и в культурном наследии других народов. При относительном равенстве обеих позиций в рамках общего массива в ответах юношей чуть чаще представлена первая («идентификационная») позиция, в ответах девушек – вторая с акцентом на культурное многообразие. Различия по полу сказались и в различиях по профилю обучения. Студенты-«технари» и особенно курсанты военных вузов чаще выражали первую позицию, студенты гуманитарного и социально-экономического профиля – вторую.

В современных условиях, когда «коллективный Запад» всячески пытается изолировать Россию (шире – «Русский мир»), в том числе и в сфере культуры, особенно важно не скатиться «в ответ» к политике культурной самоизоляции. Даже борьба с «украинацизмом» – это и борьба «ЗА» украинскую культуру братского украинского народа – от Киево-Печерской Лавры до «одесского юмора». Как своевременно сегодня звучит призыв выдающегося деятеля культуры М.Б. Пиатровского к диалогу культур, «в ходе которого люди понимают, что различия между ними – это прекрасно» [9, с. 3]. Представляется, что именно акцент на диалоге культур и должен стать определяющим в нашей работе со студентами, с учетом роли в этом диалоге культуры их этноса. Теория «диалога культур» М.М. Бахтина (в изложении В.С. Библера ее суть – «понимание культуры как диалогического... самосознания каждой цивилизации»; а «самосознания культуры» как «формы ее бытия на грани с иной культурой» [10]) перестает быть лишь теорией и становится ориентиром социокультурного развития российского студенчества. Но, ориентируясь в работе с детьми, подростками, молодежью на диалог культур (а именно с ним и связан утвердившийся в последние годы в отечественной социологии детства и социологии молодежи субъект-субъектный подход), важно учитывать подводные течения в рамках этого диалога и не повторять исторических ошибок в культурной политике, не «наступать снова на грабли», когда под лозунгами «плюрализма» и «демократии» возрождалась и укоренялась либеральная идеология, а фиговым листком «толерантности» прикрывалось насаждение чуждых природе человека отношений. Акцент на диалоге и культурном разнообразии не может осуществляться вне различения добра и зла. Взаимопонимание с «другим», «иным» возможно лишь в пределах, когда его культура в своих основных принципах не враждебна нашей. Появившееся в последнее время крылатое определение «время своих» отражает утверждение и углубление данного подхода.

Важный аспект развития народной культуры – проблемы ее преемственности. В научном исследовании народной культуры длительное

время преобладал (да и сегодня зачастую) акцент на ее историческом аспекте, традиционности. В этой связке с традициями, прошлым есть угроза трактовки народной культуры как «пережитка прошлого». Подобный подход поддержали лишь 8% респондентов (юноши отмечали его чуть чаще; а «технари» – чаще «гуманитариев», но реже студентов социально-экономического профиля обучения), что, несомненно, может рассматриваться как положительный результат опроса. С учетом его можно сказать, что распространенное среди работников культуры мнения о низком уровне интереса в студенческой среде к тем или иным феноменам народной культуры явно недооценивает этот интерес.

Несколько больше оказалось тех, кто затруднился с выбором. И все-таки приоритетное мнение студенчества (в ответах четырех из каждых пяти респондентов) – необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее потомкам.

Народная культура сложна и многогранна по структуре и взаимосвязям ее различных компонентов. На наш взгляд, и сегодня актуален подход известного уральского социолога В.С. Цукермана [11]*, применившего «само-реализационную теорию культуры» Л.Н. Когана в исследовании народной культуры.

Схематически этот подход можно представить так (см. рис. 1).

Рис. 1. Структурные компоненты народной культуры, составлено по [11]

* Обращение к диссертации В. С. Цукермана, защищенной почти 40 лет назад, для авторского коллектива значимо не только как проявление преемственности и в развитии самой народной культуры, и в ее социологическом изучении, но и возможностью еще раз поздравить нашего коллегу с 90-летием.

Понятно, что опрос студентов – не лучший способ научно обосновать те или иные коррекции в научной дискуссии о структуре народной культуры. Да нас и не очень привлекала сама эта дискуссия. Важнее было, отталкиваясь от идеи сложности и многогранности народной культуры, выйти на разнообразие ее конкретных проявлений в реальной культурной жизни наших респондентов и социологически замерить степень распространенности каждого из этих проявлений. Причем – и в этом состояла важнейшая методологическая и методическая особенность исследования – мы рассматривали студентов не только как респондентов, но и как активных участников-исследователей. Поэтому им предлагалось не только осуществить самооценку роли различных проявлений народной культуры в своей личной культурной жизни, но и оценить эту роль в культурной жизни своих родителей (папа, мама) и прародителей (дедушка, бабушка).

Конечно, такой обобщенный вопрос нельзя абсолютизировать – в нем явно недооцениваются гендерные различия и любые возможные изменения в составе семьи (неполная семья, приемные семьи, отчим, мачеха и т. д.). Но у данного обобщения есть и несомненное преимущество – в ответах респондентов как бы воссоздается портрет культурной жизни поколения их родителей и прародителей (и мы благодарны нашим респондентам, большинство из которых именно так и восприняли этот вопрос, и ряд других аналогичных ему вопросов). В итоге получилось своеобразное сравнение – межпоколенческий срез распространения народной культуры в жизни людей.

Более двух третей респондентов (70% среди и юношей, и девушек) по своей этнической принадлежности – русские. Но массив настолько адекватно отражает многонациональный состав России (в нем представлены более 40 этносов, в том числе – татары (6,4%), башкиры (3,3%), якуты (3,2%), чеченцы (2,1%)), а по оценкам студентов, их родительские семьи еще более многонациональны (к этносу «русские» отнесли своих матерей 65%, своих отцов – 62%), что позволяет не ограничивать их мнение и оценки лишь русской народной культурой. Учтем к тому же и зафиксированный в опросе факт – почти треть респондентов жили в родительской семье (учились в школе, воспитывались, проходили первичную социализацию), в среде, где в составе населения было поровну представителей их этноса и других национальностей (24%) или даже представители других национальностей составляли большинство. Да и значимость именно русской народной культуры в России не нужно игнорировать, по-

сколькo опасения многих работников сферы культуры и деятелей культуры, что народная культура в социокультурной среде молодежи и студенчества есть нечто инородное, зачастую относятся именно к ней – народной культуры титульной нации. Подчеркнуть эти моменты представляется необходимым, чтобы избежать в социологическом анализе российской народной культуры двух распространенных перекосов – абсолютизации интегрирующей роли русской народной культуры и недооценки многообразия национальных народных культур различных этносов России.

Каково же, по самооценкам и оценкам наших респондентов, их отношение и отношение их родителей и прародителей к разным проявлениям народной культуры? См. табл. 1.

Таблица 1

Как проявляется ваше личное отношение и отношение ваших родителей, прародителей к народной культуре, % от числа ответивших

Варианты ответа	Студенты	Родители	Прародители
Учат и пользуются родным языком в повседневности	76	80	82
Читают литературу на родном языке	70	70	76
Готовят блюда национальной кухни	56	81	82
Уважают и соблюдают народные обычаи	54	67	85
Слушают национальную музыку	44	51	64
Собирают библиотеку на родном языке	35	40	57
Знают и поют народные песни	33	44	71
Танцуют народные танцы	23	21	31
Исполняют религиозные обряды	22	35	49
Используют народную медицину	18	35	56
Воспитывают детей в традициях своего народа	17	52	61
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	15	29	42

Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	12	24	47
Играют на национальных музыкальных инструментах	11	14	28
Используют в одежде элементы народного костюма	11	14	28
Освоили народные промыслы	10	18	32
Имеют собственный национальный костюм	8	11	22

Начнем наш анализ со студенчества. Заметно, что самооценки студентов значительно ниже их оценок, что отражает осмысление ими снижения роли разных компонентов народной культуры в их культурной жизни в сравнении с их родителями и прародителями. Однако, последний момент в той или иной мере позволяет говорить не просто о том, что эта роль снижается, но и о своеобразном запросе молодежи усилить внимание к проблематике народной культуры в современной государственной молодежной и культурной государственной политике. Характерный момент: наибольший спад фиксируется по параметру «воспитание детей в традициях своего народа» (с прародителями – в 3,6 раза, с родителями – в 3 раза). За этим, несомненно, стоит современный тренд – значительное повышение возраста вступления молодых людей в брак и, соответственно, возраста рождения первого ребенка (возраст 96% респондентов – до 24 лет; лишь 3% респондентов имеют детей). Но оценки студентов можно интерпретировать и иначе: трое из каждых пяти уверены, что их дедушки и бабушки воспитывали своих детей в традициях своего народа, каждый второй проявил аналогичную уверенность в отношении своих родителей. Распространенность такого позитивного нравственно-педагогического опыта – залог его достаточно широкого применения и в воспитательной практике самих студентов, но позднее, когда у них, в соответствии уже с современными нормами, появятся свои дети.

Определенный оптимизм порождает и относительная качественная устойчивость приоритетов компонентов народной культуры в культурной практике разных поколений (см. табл. 2).

Таблица 2

**Приоритеты распространенности компонентов народной культуры
в культурной практике разных поколений,
самооценка и оценки опрошенных**

Студенты	Родители	Прародители
1. Изучение и использование родного языка в повседневности	1. Приготовление блюд национальной кухни	1. Уважение и соблюдение народных обычаев
2. Чтение литературы на родном языке	2. Изучение и использование родного языка в повседневности	2. Изучение и использование родного языка в повседневности
3. Приготовление блюд национальной кухни	3. Чтение литературы на родном языке	3. Приготовление блюд национальной кухни
4. Уважение и соблюдение народных обычаев	4. Уважение и соблюдение народных обычаев	4. Чтение литературы на родном языке
5. Прослушивание национальной музыки	5. Воспитание детей в традициях своего народа	5. Знание и исполнение народных песен

Более того, если отвлечься от исторического ракурса, то потенциально уже сегодня по многим параметрам народной культуры возможности развития и углубления интереса студенческой молодежи к ней достаточно велики: по самооценкам студентов, трое из каждых четверых (однаково и юноши, и девушки) изучают родной язык и повседневно используют его; более двух третей респондентов читают литературу на родном языке (девушки отмечали это чуть чаще); более половины (среди девушек – три из каждых пяти) готовят блюда национальной кухни и соблюдают народные обычаи (тут девушки и юноши единодушны). Двое из каждых пятерых (юноши чуть активнее) – слушают национальную музыку, каждый третий – собирает литературу на родном языке и поет народные песни, каждый четвертый – танцует народные танцы.

Примечательно, что в сравнении общества, в котором живут, и идеального общества по параметрам знания истории, традиций и языка своего народа респонденты оценили реальный уровень этих знаний выше среднего. Но и в идеале они не ориентируются на очень большой рост: по знанию истории – в 1,4 раза, традиций – в 1,3 раза, языка – в 1,1 раза (см. табл. 3).

**Каковы личные качества людей и их взаимоотношения
в обществе, в котором вы живете,
и в идеальном обществе? % от числа ответивших**

Варианты ответа	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Знание истории своего народа	56	78	10
Знание традиций своего народа	60	77	11
Знание языка своего народы	70	75	9

Что же касается проявлений народной культуры, находящихся на периферии культурных интересов студенчества, то часть из них требует специальных навыков и умений (вышивание, вязание, лепка; игра на национальных музыкальных инструментах; народные промыслы), а часть (национальный костюм, народная медицина) отступили на второй план перед «современной модой», влияние которой на молодежь особенно велико.

Сложнее всего с соблюдением религиозных обрядов (соблюдающих среди студентов вдвое меньше, чем среди прародителей, и в 1,5 раза меньше, чем среди родителей, – лишь один из пятерых), и обращением к священнослужителям за советом (втрое реже прародителей и вдвое – в сравнении с родителями).

Оценки студентами культурных практик своих родителей и прародителей (роли в них различных проявлений народной культуры) – это их культурная память, чаще всего (особенно – во втором случае) восходящая к детству. Но запоминается и вспоминается лишь то, что было реально, что видели и знают – непосредственно в общении (хотя нуклеаризация семей зачастую негативно повлияла на такое общение с прародителями) или по воспоминаниям других членов семьи. Не удивительно, что по 19% (и по родителям, и по прародителям) не смогли ничего ответить (вспомнить). Правда, в отношении личных практик самих студентов доля не ответивших еще больше (29%).

И тем важнее картина интенсивной культурной жизни с широкой представленностью различных проявлений народной культуры, которую «нарисовали» студенты в отношении своих родителей и, особенно, прародителей. Конечно, сегодня межпоколенческие отношения существенно изменились, крайне редко воспроизводится традиционное стремление

молодежи быть «похожей» на старшее поколение. Сбывается прогноз М. Мид [4], что в будущем обществе приоритетной станет «префигуративная культура» (где не только дети учатся у родителей, но и родители – у детей). И все-таки можно говорить о своеобразном воспитательном значении нашего опроса: ведь для многих студентов сравнение своих культурных практик (по представленности в них феноменов народной культуры) с культурными практиками прауродителей и родителей может стать поучительным и мотиватором стремления глубже осваивать культуру своего народа, этноса.

Своеобразным индикатором интереса к народной культуре является использование в речи народных пословиц и поговорок. Применительно к себе такое использование отметил каждый второй респондент, применительно к родителям и прауродителям доля позитивных ответов была еще выше – соответственно 65% (две трети) и 79% (четыре пятых).

Исторический, традиционный аспект пронизывает народную культуру, является ее стержнем. И потому так важно было выяснить, каков интерес студентов (а через них – их родителей и прауродителей; методический прием сравнения поколений был применен и в данном случае).

Историческое сознание молодежи выступает во взаимосвязи основных компонентов (см. рис. 2)

<p>Знание и понимание прошлого своего Отечества и своего народа</p>	<p>Сохранение и развитие исторических традиций</p>	<p>Умение извлекать уроки из прошлого, руководствоваться этим опытом в повседневной жизнедеятельности</p>
---	--	---

Рис. 2. Структура исторического сознания молодежи

В современных условиях, когда усилились попытки извне (а нередко и изнутри) исказить, извратить уроки истории, особенно значим последний момент. А в относительной «действенности» этих попыток (влиянии на коррозию исторической памяти студенческой молодежи) мы убедились в ходе IV этапа федерального исследования «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2020) [12]. Хотя по большинству из предложенных «мнений», искажающих характер войны и ее послед-

ствия, оценки «отвергаю» преобладали над оценками «можно согласиться», слишком часто респонденты отмечали вариант «спорно, но обсуждаемо»:

- по «равной» вине фашистской Германии и СССР в войне (преобладание «отвергающих» в 2,5 раза, готовых «обсуждать» – 44%);

- по оценке помощи фашистам («лесные братья», «бандеровцы» и т. д.) как «борьбе против советского строя» за «независимость Украины, Прибалтики» (преобладание «отвергающих» в 2,5 раза, готовых «обсуждать» – 46%);

- по оценке освобождения Прибалтики, Восточной Европы как «оккупации» (преобладание «отвергающих» почти в 3 раза, готовых «обсуждать» – 51%);

- по оценке осквернения могил и сношения памятников советским воинам и полководцам в ряде стран как «декоммунизации», борьбе с наследием СССР (преобладание «отвергающих» в 1,2 раза, готовых «обсуждать» – 30%).

В рамках народной культуры обращение к исторической памяти молодежи особенно актуально, поскольку указанные попытки не только прикрываются стремлением противостоять «откровенно ангажированной политике памяти», новой мифологии прошлого. Теоретическим обоснованием такого стремления призвана была стать теория «двух памятей». Суть ее достаточно проста. Якобы, существуют две памяти. Первая – государственная. Она доходит до людей через медиа («сверху вниз») и чаще всего рассказывает о героическом прошлом страны. Еще она работает на сильную оценочную и идеологическую окраску прошлого. Вторая память – «народная». Она дана индивиду его семьей, предками и местом, где он вырос. Эта память работает на примирение: «признать, но не мстить», «знать и помнить». Она поступает «снизу вверх» и базируется не на официальном слове государства [13]. Незамысловат и замысел этих «теоретиков»: извратить «народную память» (в духе все тех же идей плюрализма и толерантности), противопоставить ее «официальной» памяти и, главное, «дегероизировать» историческое прошлое в сознании молодежи.

Но, и это можно считать важнейшим изменением последних месяцев, линия на «дегероизацию» отечественной истории заметно теряет поддержку в студенческой среде. Опрос зафиксировал и более жесткую оценку сноса памятников в ряде постсоветских стран (Табл. 4).

Таблица 4

**В настоящее время в ряде стран, входивших в состав СССР,
сносят памятники советского времени. что вы думаете
по этому поводу? % от числа опрошенных**

Варианты ответа	Σ	Муж	Жен
из истории нельзя вычеркивать события в угоду каждой новой власти.	52	51	53
сознательное разрушение общей для народов СССР памяти, истории.	46	45	46
страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным	25	25	24
у каждого народа есть свои герои; не надо пропагандировать чужих	14	14	15
это «корректировка» истории после открытия архивов	11	11	11
это расплата за несправедливое отношение к республикам во времена СССР	8	10	7
мне лично все равно.	14	16	13
другое	2	3	1

* Пропуски: 52 из 9751 (0,5%)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % может быть больше 100%.

*** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,075, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Заметно, что преобладают негативные оценки сноса памятников. Прежде всего, поскольку уроки истории должны учитываться, а не пересматриваться при каждом новом политическом повороте. Таково мнение каждого второго респондента (и юноши, и девушки). Усилить данное убеждение (противоположное известному высказыванию советского историка М.Н. Покровского: «История – есть политика, опрокинутая в прошлое» [14]), значит, более объективно анализировать исторический опыт, показать молодежи неправомерность сноса памятников (да и переименований городов и поселений) – и в советское время (в начале, когда это коснулось многих царей и полководцев дооктябрьской эпохи, но и позднее – когда это уже коснулось и Сталина, и лидеров партии, оказавшихся «врагами народа»), и в постсоветское время. По крайней мере,

нужно (хотя бы на перспективу) думать, какие противоречивые представления возникают, например, у молодого жителя Екатеринбурга Свердловской области...

Распространена (почти у каждого второго и тоже без особых гендерных различий) и оценка сноса советских памятников как сознательного разрушения общей для всех стран (бывшего СССР) исторической памяти.

Но материалы опроса не настраивают на благодушный лад – последствия негативного влияния (и извне, и изнутри) на историческую память молодежи еще сказываются. Среди них – попытки оправдать снос памятников ссылками:

- на суверенность новых государств (отмечены в ответах каждого четвертого);

- на ненужность навязывать «чужих» героев (один из семи);

- на «корректировку» истории после раскрытия архивов (один из девяти);

- на «несправедливое» отношение к некоторым республикам во времена СССР (один из двенадцати).

По поводу этих «ссылок» много вопросов: что Ватутин для Киева, Жуков для Харькова или Неизвестный советский солдат для Латвии (памятник ему был снесен в дни, когда писались эти строки) – «чужие»? Почему архивные данные об участии бандеровцев в Волынской резне и сожжении белорусской деревни Хатыни вместе с жителями не были представлены широкому общественному мнению раньше? Понятно, что подобные вопросы обращены не к нашим респондентам, а к тем, кто своей пропагандой и клеветой породил у них подобные сомнения.

Сама история как объект интереса рассматривалась в нашем опросе в трех разных ракурсах: отечественная история, история «малой Родины» и история семьи (Табл. 5).

На первом месте у студентов интерес к отечественной истории – три из каждых четвертых респондентов (без особых различий между юношами и девушками; с небольшими различиями по профилю обучения, в диапазоне от 78% у гуманитариев до 70% у «технарей» и студентов естественнонаучного профиля).

При всех несомненных проблемах с изучением отечественной истории (ведь большинство респондентов родились уже после распада Союза), по оценкам студентов, их интерес к ней не ниже, чем у родителей, и даже чуть выше (на 3%!?), чем у прадедов.

Гораздо бóльшим является разрыв их интереса к истории «малой Родины» – в сравнении с родителями он ниже в 1,1 раза, с прадедами –

в 1,2 раза. Одна из возможных причин разрыва во втором случае – нечеткость вопроса (где живут?), особенно для иногородних студентов, приехавших со своей «малой Родины» учиться.

Таблица 5

**Насколько ваша семья
(вы лично, ваши родители, прародители) интересуется историей,
% от числа ответивших**

Варианты ответа	Студенты	Родители	Прародители
Знают историю города, села, где живут	71	81	88
Смотрят документальные исторические фильмы	57	71	69
Посещают музеи	67	48	38
Читают краеведческую литературу	21	26	36
Интересуются историей страны, в которой родились	74	75	71
Хранят фотографии прадедушек/прабабушек	66	88	90
Хранят письма родственников	33	54	71
Знают девичьи фамилии бабушек	61	84	84
Нет ответа	12	8	11

В отношении источников интереса к истории респонденты зафиксировали, что реже родителей, прародителей смотрят документальное кино (в 1,2 раза) и читают краеведческую литературу (в 1,2 и 1,7 раз соответственно). Опрос выявил и позитивный момент – для студентов гораздо более значимым (в сравнении с родителями и прародителями) источником интереса к истории стали музеи, что, вероятно, связано с серьезным изменением в работе самих музеев со студенческой аудиторией.

В рамках изучения истории семьи особое внимание исследователи обратили на три момента. Прежде всего, это сохранение фотографий прадедушек и прабабушек. В рамках федерального мониторинга «Студенчество России о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020) мы уже убедились, что патриотический подъем последних лет и особенно акция «Бессмертный полк» заметно повысили интерес молодых к этому аспекту исторической памяти. Нынешний опрос подтвердил это: для

двух из троих респондентов хранить фотографии прадедушек и прабабушек, одержавших Великую Победу над фашизмом, и сегодня значимо. Другой аспект – знание девичьей фамилии бабушки – связан с оживлением в последние годы интереса к генеалогии рода, семьи. Три из пяти респондентов-студентов подтвердили такое знание. Наибольшей коррозии в современных условиях (смартфоны, компьютеры), когда «sms-ки» и сообщения в WhatsApp-е заменили переписку, подверглась такая форма семейной памяти, как сохранение писем родственников. Поэтому результат опроса, что в семьях каждого третьего респондента-студента и сегодня хранятся письма родственников, мы считаем позитивным.

Нуклеаризация семьи, сокращение рождаемости, изменение роли разных отношений в функционировании семьи (от приоритета родительства и родства к приоритету супружества) не могли не сказаться на таком компоненте народной культуры, как родственные связи. Но результаты опроса позволяют говорить, что «слухи» (мнения, оценки) о том, что современная молодежь не стремится особо поддерживать родственные связи (или использует их лишь в корыстных целях), «сильно преувеличены».

Возможно, в определенной мере на ответы студентов повлияла обобщенность вопроса (ведь для большинства из них «своя семья» сегодня – это, как правило, родительская семья). Но даже если по многим параметрам речь не идет об их личном участии в поддержании тех или иных родственных связей, в ответах отразился их опыт наличия (значимости) связей с родственниками – и в радости (опыт поздравления с праздниками есть у троих из четверых респондентов-студентов, участия в свадьбах – у семерых из каждых десяти, что, понятно, меньше, чем у их родителей и прародителей, но, как видим, не на много), и в горе (печальный, но очень человеческий опыт участия в похоронах родственников есть у каждых семи из десяти респондентов-студентов). Конечно, финансовая несамостоятельность многих студентов не позволяет им – на уровне родителей и прародителей – помогать родственникам материально (но опыт такой помощи есть у каждого второго). У каждых троих из четверых студентов есть опыт отношений с двоюродными родственниками. Во многом позитивно, но уже в перспективе, когда у них появятся свои семьи, может сказаться и имеющийся у каждых двоих из пятерых опыт крепких родственных отношений с родственниками одного из супругов – мужа или жены. Наконец, есть формы поддержания родственных связей, где молодость и здоровье студентов выступают даже их преимуществом, – в поездках в гости и помощи своим трудом.

В рамках укрепления родственных связей особое место занимает празднование дней рождения родственников, близких и родных. О том, что в их семьях эти дни регулярно отмечаются как важные события, ответило девять из каждых десяти студентов (в диапазоне 91% девушек – 84% юношей; без особых различий по профилю обучения, лишь в ответах курсантов военных вузов это отмечается реже, что связано с особенностями их службы).

Эти семейные праздники – лишь часть праздничной культуры, в которой под влиянием социально-экономических и политических трансформаций в российском социуме и религиозного ренессанса 1990-х гг. произошли серьезные изменения (Табл. 6).

Таблица 6

**Как поддерживаются родственные связи в вашей семье,
% от числа ответивших**

Варианты ответа	Студенты	Родители	Прародители
Участвуют в похоронах родственников	71	89	89
Поздравляют своих родных и близких с праздниками	76	89	89
Пишут письма друг другу, созваниваются	78	88	88
Ездят в гости, навещают	88	84	84
Участвуют в свадьбах родственников	70	83	83
Помогают родным деньгами, материально	53	83	83
Знают историю своих прародителей	58	81	81
Сохраняют близкие отношения с двоюродными родственниками	73	80	80
Помогают родным выполнением нужной работы	79	78	78
Сохраняют близкие отношения с родственниками жены	45	72	72
Сохраняют близкие отношения с родственниками мужа	44	71	71
Ведут родословную семьи	30	50	50
Нет ответа	10	11	11

Наиболее распространенным семейным праздником – для всех трех поколений остается Новый год (Табл. 7). Но, как выяснилось, для половины студентов, их родителей и прародителей весьма значимым событием является Старый Новый год. Под влиянием моды в жизненный мир россиян (правда, скорее, через символику, чем на уровне реального празднования) вошел и Новый год по китайскому и буддийскому календарю.

Важнейшим интегрирующим, объединяющим остается и День Победы, «праздник со слезами на глазах». Правда, особенно в современных условиях, вероятно, стоило бы вернуться к его традиционному названию – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне, да и к традиционной атрибутике парадов, посвященных этой знаменательной дате. По крайней мере, стоило бы чаще напоминать, что знамена поверженных фашистских войск было брошены к подножию мавзолея В.И. Ленина, и отказаться от практики его драпировки.

Превратившись в Праздник Весны и труда, Первомай заметно утратил свое былое значение. 23 февраля и 8 Марта остаются значимыми датами Российского календаря, но гендерный акцент, соотносимый в обыденном сознании с ними, нередко оставляет в тени стремление сделать День защитника Отечества основным праздником российской армии. Правда, серьезно дополняют этот День Дни родов войск (Военно-Морского Флота, ВДВ, пограничников, артиллерии и ракетных войск и т. д.).

В последние годы заметным явлением стали религиозные праздники. Особо активно отмечается Пасха. Но значительная часть верующих остается невоцерковленной, лишь один из девяти респондентов соблюдает посты, по их оценкам, аналогичной является и позиция их родителей, лишь прародители делали это чаще – один из троих.

Многонациональный состав участников опроса определил серьезную роль исламских праздников и национальных праздников татар и башкир.

Все шире в рамках праздничной культуры россиян отмечаются новые общероссийские праздники. Но пока их распространенность ограничена: лишь треть отмечает День народного единства, лишь один из шестерых – День Конституции. В первом случае, очевидно, сказываются негативные последствия резко возросшего за постсоветский период социального неравенства.

Таблица 7

**Какие события отмечает ваша большая семья?
% от числа ответивших**

Варианты ответа	Студенты	Родители	Праародители
Новый год			
Новый год	93	93	92
Старый Новый год	54	54	62
Новый год по китайскому и буддийскому календарю	11	11	12
Традиционные советские праздники (День Победы и др.)			
День Победы (9 Мая)	78	78	84
Международный женский день (8 Марта)	80	80	81
День защитников Отечества (23 февраля)	74	74	75
Праздник весны и труда (1 Мая)	50	50	56
Религиозные праздники			
Пасха	68	68	78
Рождество Христово	57	57	69
Крещение Господне	29	29	44
Посты перед праздниками	11	11	31
Яблочный, Медовый, Ореховый Спас	13	13	29
Ураза-байрам (Идальфитр), Курбан-байрам (Ид аль-Абха)	16	16	20
Национальные праздники народов России			
Сабантуй	12	12	15
Навруз	7	7	10
Российские праздники			
День России (12 июня)	38	38	40
День народного единства (4 ноября)	30	30	34
День Конституции (12 декабря)	16	16	18

Зарубежные праздники			
День Святого Валентина (14 февраля)	45	45	15
Хеллоуин (31 октября)	29	29	6
Другие события	13	13	13
Нет ответа	7	6	11

В рамках политики толерантности в Россию пришли и зарубежные праздники. Почти каждый второй отметил как знаковое событие День Святого Валентина, каждый шестой – Хеллоуин. В условиях санкционной (откровенно русофобской) политики «коллективного Запада» можно предполагать снижение их роли. Тем более, что активно распространяется идея праздника любви и семьи – Дня Петра и Февронии.

Отношение студентов к народной культуре исследовалось нами и в актуальном, и в перспективном ракурсе. Во втором случае выяснялось, насколько важно, значимо для них сохранение тех или иных компонентов народной культуры. И необходимо подчеркнуть, что по многим параметрам сохранение народной культуры предполагает не только дальнейшее существование того или иного её компонента, но его воспроизводство (сотворчество!?) в индивидуальных или коллективных поведенческих практиках.

Иногда среди социологов высказываются упреки в адрес респондентов, что те на закрытые вопросы (да еще с большим числом вариантов ответов) отвечают механически. Однако ответы наших респондентов, да еще обобщенные и ранжированные по индикатору «важно сохранить», не позволяют подобные упреки не только высказать, но даже подумать о них (см. табл. 8).

Таблица 8

**Насколько лично для вас важно сохранение...
% от числа опрошенных**

Варианты ответа	Важно	И да, и нет	Не важно
Национальной кухни	76	20	4
Семейных традиций	73	22	5
Равенства мужчины и женщины	66	26	8
Народного искусства	65	29	6
Народных песен	51	36	13

Похоронного обряда	50	34	16
Народных танцев	49	37	14
Традиционной религии	48	34	18
Народного костюма	43	39	18
Свадебного обряда	36	40	24
Традиции крещения, обрезания и др.	33	34	33
Главенства старшего в роду	33	36	31
Главенства мужчины в семье	28	33	39

Заметна осмысленность позиции, соотнесенность ее со своей жизнью. Объясним и приоритет национальной кухни, ведь люди едят гораздо чаще, чем пьют и танцуют. Еда – одно из самых массовидных и распространенных занятий человека; присутствие в ней блюд национальной кухни – наиболее явный индикатор самоопределения этноса. Чаще позитивно оценивали этот индикатор девушки (при среднем соотношении ответов «не важно» и «важно» 1: 19, у девушек он – 1: 23, у юношей 1: 14). Возможно, сказывается усвоенный еще с детства стереотип («путь к сердцу мужчины лежит через желудок»).

Особую значимость респонденты придают сохранению семейных традиций. И тут проявляется бóльшая ориентированность женщин на семью, прочные и здоровые, взаимоуважительные семейные отношения (по массиву указанное соотношение 1: 15, у девушек – 1: 17, у юношей – 1: 10). Но на примере семейных традиций особенно проявляется неготовность молодежи ограничиться лишь традиционными отношениями в семье. Менее трети респондентов готовы, чтобы в их будущей семье сохранялись патриархальные отношения, сохранялось главенство мужчины в семье (среди девушек их еще меньше – одна из пяти, юноши вдвое более консервативны). Они за биархатную семью с равноправием мужчины и женщины в семье (в среднем по массиву такова позиция двух третей респондентов, трех из четырех девушек, каждого второго юноши).

С ориентацией на гендерное равноправие связаны и их требования к семейной жизни (для большинства это – еще перспектива) и к сексуальным отношениям (а это, напротив, – реальность). Вновь обратимся к представлениям респондентов о реальном и идеальном обществе (см. табл. 9).

Таблица 9

**Каковы личные качества людей и их взаимоотношения
в обществе, в котором вы живете, и в идеальном обществе?
% от числа ответивших**

Варианты ответа	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Свобода сексуальных отношений	58	66	22
Верность в браке	50	81	7

Эту важную связку свободы сексуальных отношений и верности, приоритетную для респондентов (особенно – вместе с уверенностью, присущей четверым из каждых пятерых, что в идеале именно верность должна быть основной характеристикой брака) нужно всячески акцентировать. Такая связка делает сексуальные отношения ответственными, а не беспрерывной сменой партнеров (в духе получившей после революции широкое хождение «теории» /и практики/, отождествлявшей половую связь с «глотком воды, отпитом из стакана»).

Но самое опасное для социолога – иллюзии в отношении респондентов. Между тем аналогичное сравнение реалий и идеала в отношении защиты государством отдельных прав граждан показало, что именно сфера сексуальных отношений, брака, семьи в представлениях студенчества оказалась наименее устойчивой перед влиянием «плюралистской», «толерантной», «псевдодемократической» (равенство!!!!) пропаганды (Табл. 10).

Конечно, уже применительно к реальному обществу представления респондентов о распространенности сексуальных меньшинств, однополых браков и трансгендеров оказались намного завышенными (даже с учетом большого числа – каждый третий-пятый уклонившихся от ответа). Но еще более тревожит, что немало тех, кто считает возможным (или даже необходимым) сохранение этих феноменов и в идеальном обществе; если считать от общего массива, такова позиция:

- по сексуальным меньшинствам, к которым нужно проявлять терпимость (у троих из каждых пятерых);
- по однополым бракам (у каждого второго);
- по смене пола (почти у каждого второго);
- о возможности аборта не только по медицинским показаниям (у каждого пятого).

Насколько обеспечены государством отдельные права граждан в обществе, в котором вы живете, и насколько они должны быть обеспечены в идеальном обществе, % от числа ответивших

Варианты ответа	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Толерантное отношение к сексуальным меньшинствам	38	80	22
Возможность однополых браков	36	77	33
Возможность смены пола	46	72	34
Аборты только по медицинским показаниям	52	68	43

Понятно, что большинство из «готовых» терпеть эти «феномены» рядом с собой не примеряют их на себя. Толерантность и плюрализм формируют равнодушие к тому, что человек даже считает злом. Мы с подобным отношением столкнулись, изучая распространенность наркотиков в студенческой среде: «Для себя не приемлю, а другие – в том числе однокурсники или друзья по компании – это их личное дело». Именно против подобного равнодушия должно быть направлено острие нашей контрпропаганды. Тем более, что социологи должны помнить о «теореме Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях».

Возвращаясь к проблематике сохранения отдельных компонентов народной культуры, отметим противоречивое отношение к свадебному обряду. И дело, скорее, не в его обрядовой форме. Современная свадьба зачастую становится слишком затратным мероприятием, непосильным и для молодых, и для их родителей. К тому же все большее распространение в молодежной среде гражданского (незарегистрированного) брака превращает свадьбу из реального начала семейной жизни в чисто формальный. Она и проводится не столько для жениха и невесты, сколько для родителей, друзей, родственников. Поэтому многие молодые (каждая четвертая девушка, каждый пятый юноша) считают не важным сохранение на перспективу свадебного обряда, готовы заменить его свадебным путешествием.

Более позитивное у респондентов отношение к похоронному обряду, исторически складывавшегося как культ предков (его сохранение считает важным для себя каждый второй (одинаково – и среди девушек, и среди юношей). По другому принципу патриархальной семьи – главенство старшего в роду – голоса «за» и «против» фактически разделились. Но сравнение представлений респондентов о реальном и идеальном обществах показывает, что в данном случае речь идет о более сложной ситуации.

Таблица 11

**Каковы личные качества людей и их взаимоотношения в обществе, в котором вы живете, и в идеальном обществе?
% от числа ответивших**

Варианты ответа	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Уважение к старшим	68	75	7
Уважение к молодым	45	83	8

Молодые люди уже применительно к обществу, в котором они живут, оценивают в целом уровень уважения к старшим значительно выше среднего уровня (Табл. 11). И в перспективе (идеале) они уверены, что он станет еще выше. Но, по их личным ощущениям, реальному обществу явно недостает уважения к молодежи. Главенство старших в роду рассматривается ими как закрепление нынешнего положения, которое они считают необходимым изменить, повысив уровень уважения к молодежи почти вдвое.

Преобладают позитивные перспективные установки в отношении ряда компонентов народной художественной культуры: народного искусства, песен, танцев.

Заметно после пика роста религиозности молодежи на рубеже веков, что отношение к традиционной религии в студенческой среде становится более умеренным. Чуть меньше половины респондентов (одинаково и среди юношей, и среди девушек) считают ее сохранение в будущем значимым для себя. Но это в меньшей мере относится к некоторым религиозным обрядам разных конфессий (крещение, обрезание и т. д.) – голоса «за» и «против» их сохранения практически разделились поровну (треть).

Поскольку в данном конкретном случае речь шла об обрядах, преимущественно осуществляющихся в детстве, ответы «против» можно интерпретировать как достаточно распространенное нежелание многих студентов «решать за» своих будущих детей.

Исследуя отношение студентов к народной культуре, нельзя забывать, что обучение в вузе – это период их активной социализации (пока основная масса российского студенчества – молодежь). Это выдвигает проблему агентов социализации. С учетом ключевой роли семьи в сохранении и развитии народной культуры мы прежде всего попытались выяснить, насколько значимы для респондентов в разных жизненных ситуациях советы, опыт родных?

Результаты опроса отразили противоречивость социального статуса студенчества: растущее в процессе взросления и социализации стремление к самостоятельности и одновременно ощущение своей финансовой, жилищной, бытовой и т. д. зависимости от родителей, других родственников (Табл. 12).

Наиболее часто студенты используют опыт и советы родных именно в отношении тех проблем, в решении которых они наиболее зависимы: организация быта (никогда не использует этот опыт по данному параметру лишь один из восьмерых респондентов), выбор профессии (один из пятерых), покупка одежды и обуви (один из пятерых). Отметим сходство мнений по этим проблемам между юношами и девушками.

Таблица 12

**Как часто в разных жизненных ситуациях вы используете советы, опыт родных?
% от числа опрошенных**

Жизненные ситуации:	Часто	Редко	Никогда
Организация своего быта	50	37	13
Выбор профессии	38	43	19
Покупка одежды, обуви	34	45	21
Планирование доходов / расходов	30	42	28
Выстраивание отношений с людьми	29	45	26
При оценке событий в стране	29	45	26
При оценке событий в мире	29	40	31
Выбор места подработки	27	41	32

Выбор спутника жизни	20	36	44
Выбор друзей	17	42	41
Выбирая формы проведения свободного времени	15	43	42
Выбор книг, музыки, кинофильмов и т.д.	14	32	54
Планирование количества детей в собственной семье	13	26	61

Значим этот опыт и для формирования политических взглядов студентов, их оценок событий в стране и мире. Отмеченный момент существенно дополняет общую картину исследований политической культуры студенческой молодежи и, в частности, уточняет выводы о широком распространении у нее аполитичных настроений.

Гораздо менее часто обращаются респонденты к опыту и советам родных применительно к проблемам или личным, интимным (выбор друзей, форм досуга), или мало актуальным сегодня и в ближайшей перспективе (выбор будущего супруга/супруги, планирование количества детей в собственной семье). Особенно самостоятельны респонденты в выборе произведений художественной культуры, в том, что они читают, слушают, смотрят (серьезно значим этот параметр лишь для одного из семерых опрошенных).

Акцент на самостоятельности решений (развитое ощущение «самости») особенно проявилось в ответах респондентов на вопрос, чье мнение в разных жизненных ситуациях наиболее авторитетно для них? (Табл. 13)

Вообще преподаватели как авторитеты (особенно в современных условиях) крайне редки. Даже в отношении жизненных ситуаций, где помощь или совет преподавателей могут иметь реальное значение (выбор профессии, форм подработки, суждения о событиях в стране и мире), оценки респондентами авторитетности их мнения, если и возрастают, то не на много. В целом при не очень высоких общих оценках роли преподавателей почти по всем жизненным ситуациям (исключение – мнение о событиях в стране и мире) оценки юношей чуть-чуть выше, чем девушек.

Таблица 13

Чье мнение в разных жизненных ситуациях для вас наиболее авторитетно? в % от числа опрошенных

Жизненные ситуации	Свое	Преподавателей	Друзей	Блогеров, рекламы
Планирование количества детей в собственной семье	91	2	6	1
Выбор спутника жизни	90	2	7	1
Планирование доходов/ расходов	89	3	6	2
Выбор друзей	89	2	8	1
Выбор профессии	87	5	7	1
Организация своего быта	86	3	9	2
Выстраивание отношений с людьми	86	3	10	1
Выбор места подработки	82	4	11	3
Выбирая формы проведения свободного времени	82	2	14	2
При оценке событий в стране	78	7	11	4
При оценке событий в мире	78	7	11	4
Покупка одежды, обуви	77	2	16	5
Выбор книг, музыки, кинофильмов и т.д.	76	3	16	5

Крайне низко оценили респонденты авторитетность (для себя) мнения блогеров и рекламы, настолько низко, что их пришлось объединить. Применительно к рекламе проявилась ее неэффективность не только среди старшего поколения, но и у молодых. К тому же основная часть рекламы (телереклама), как правило, оказывается вне поля зрения большей части студенчества. Да и многие рекламируемые товары молодым людям мало интересны. Не получило подтверждения в рамках опроса и представление о значительной роли блогеров в формировании ориентаций молодежи.

Во второй половине XX в. при обсуждении проблем референтных (значимых) групп в социализации молодежи высказывалась (сначала в зарубежной, а затем и в отечественной социологии и социальной психологии молодежи) идея возросшей роли «peer-group» (групп сверстников). Но, очевидно, сегодня сильнее сказывается происшедший на рубеже веков в постсоветских странах (особенно в «лихие 1990-е») поворот к индивидуалистическим ориентациям, установкам, ценностям. В нашем опросе это, в частности, проявилось в не очень высокой оценке роли друзей. Даже по таким жизненным ситуациям, как выбор форм проведения свободного времени, выбор книг, музыки, кинофильмов, покупка одежды, обуви, авторитетность мнения друзей отметил лишь один из шестерых-семерых респондентов.

Применительно к студенческой молодежи, выросшей и социализирующейся в условиях социальной трансформации, преемственность народной культуры связана и с серьезными изменениями ценностных ориентаций и установок, образцов и норм поведения, идеалов темпоральных установок (представлений о прошлом – настоящем – будущем в их взаимосвязи). Один из использованных в исследовании приемов выявить масштабы и направленность этих изменений (или, напротив, устойчивость тех или иных ориентаций и установок) – сравнительная оценка респондентами распространенности качеств людей и их взаимоотношений в реальном (в котором они сейчас живут) и идеальном обществе. Мы уже выше привели некоторые из этих сравнений. В данном случае сосредоточим внимание на смысловых установках и ориентирах. Причем интерес представляют и общее сравнение, и сравнение приоритетов, соотносимых с тем или иным обществом (Табл. 14–15).

Таблица 14

**Каковы личные качества людей и их взаимоотношения в обществе, в котором вы живете, и в идеальном обществе?
% от числа ответивших**

Варианты	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Ориентация на личную выгоду	83	37	14
Ориентация на личный успех	79	56	7
Товарищеские отношения на работе	67	75	8
Трудолюбие	61	78	6

Взаимопомощь	60	80	4
Надежность дружбы	60	79	5
Культура быта	60	74	12
Ответственность за себя и других	56	80	6
Соблюдение моральных норм	52	82	5
Доверие к другим людям	50	81	6

Ответы респондентов адекватно отразили отмеченный поворот в аксиологическом сознании студенчества в сторону индивидуализма. Приоритетные ценностные установки современного российского общества (по мнению четверых из каждых пятерых) – ориентации на личную выгоду и личный успех. Но обратим внимание на очень важный аспект в исследовании самоактуализации смысложизненных ценностей молодежи (работы безвременно ушедшего В.И. Чупрова и группы Ю.А. Зубок [15]). Культурное пространство молодёжи формируется «в результате многоуровневых связей молодых людей с культурой в целом, элементы которой ими одновременно наследуются и изменяются, а также с образцами субкультур, возникающих в пространстве внутригрупповых взаимодействий, т. е. в молодёжных сообществах» [15, с. 164].

Таблица 15

**Каковы личные качества людей и их взаимоотношения в обществе, в котором вы живете, и в идеальном обществе?
% от числа ответивших**

Проявляются в обществе, в котором живу		Должны быть в идеальном обществе	
Варианты	Σ	Варианты	Σ
Ориентация на личную выгоду	83	Соблюдение моральных норм	82
Ориентация на личный успех	79	Доверие к другим людям	81
Товарищеские отношения на работе	67	Взаимопомощь	80
Трудолюбие	61	Ответственность за себя и других	80
Взаимопомощь	60	Надежность дружбы	79
Надежность дружбы	60	Трудолюбие	78

Культура быта	60	Товарищеские отношения на работе	75
Ответственность за себя и других	56	Культура быта	74
Соблюдение моральных норм	52	Ориентация на личный успех	56
Доверие к другим людям	50	Ориентация на личную выгоду	37

Противоречивое единство наследования и изменения смысложизненных ценностей было зафиксировано в разнообразных исследованиях социологов молодежи, в частности, в 25-летнем (1995–2020 гг.) мониторинге динамики социокультурного развития студенчества Среднего Урала [16, 17]. Удалось выявить серьезное качественное изменение последних лет в инструментальных ценностях успеха в жизни (во многом связанных с приходом в вузы нового поколения «Z») Еще в 2016 г. в рамках мониторинга уральские студенты осуществили выбор по известной формуле Э. Фромма «быть или иметь» («to be or to have»), образно говоря, «со счетом» 38: 56 «в пользу» того, что в молодежном жаргоне зовется «хавательной психологией» [17, с. 400]. Но уже на следующем этапе мониторинга (2020 г.) приоритеты в выборе наиболее важного, значимого для достижения успеха в жизни несколько изменились (Табл. 16). Главное среди этих изменений – в лидеры инструментальных ценностей вышли, отеснив связи, знакомства, наличие начального капитала и сохранив роль собственного интеллекта, способностей, параметры социального и человеческого капитала – профессионализм, деловые качества, компетентность; деловая хватка, прагматизм, предприимчивость. Хотястораживающие моменты сохранились (для многих /каждого второго/ респондентов все еще значим макиавеллевский принцип – «цель оправдывает средства»), стало понятной неправомерность однозначно негативной оценки достижительной стратегии студенческой молодежи.

К сходным выводам пришли участники федерального исследования РОС «Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости», проведенного – по методологии М.Ф. Черныша и В.А. Мансурова накануне V Всероссийского социологического конгресса (2016) [18]. Приоритеты студенчества – справедливое неравенство. Оно одновременно против «уравниловки» и против гигантского социального расслоения, все чаще акцент в суждениях студентов перено-

сится на равный доступ к источникам развития, социального и профессионального роста, а главное – на учет профессионально-квалификационных различий и различий в уровне и качестве образования [18, с. 200].

Таблица 16

Студенты вузов Среднего Урала о важности инструментальных ценностей достижения успеха (см.: [16, с. 272])

Варианты	2016	Варианты	2020
Собственный интеллект, способности	51	Профессионализм, деловые качества, компетентность	70
Связи, знакомства	50	Собственный интеллект, способности	65
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	48	Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	60
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	45	Умение использовать любые средства для достижения цели	54
Профессионализм, деловые качества, компетентность	42	Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	52
Богатство	41	Связи, знакомства	45
Умение использовать любые средства для достижения цели	37	Уровень и качество образования	39
Влиятельные родственники, родители	35	Везение, удача, счастливый случай	37
Уровень и качество образования	32	Богатство	34
Власть	30	Влиятельные родственники, родители	32
Везение, удача, счастливый случай	20	Власть	30

Учет изменений в аксиологическом сознании студенческой молодежи не позволяет и в нынешнем исследовании ограничиться её оценками основных ориентиров в современном российском обществе – на личный успех и личную выгоду. Собственно, в самом успехе и выгоде ничего негативного нет, они в общем характеризуют, насколько эффективными являются усилия и действия отдельного человека, и социальной группы, общности. Важнее как (какими средствами, какой ценой) достигается этот успех и эта выгода. Подчеркнем поэтому, что в характеристике студентами современного российского социума подчеркнут разрыв: ориентация на успех и выгоды сочетается с ушедшими в конец рангового ряда (т. е., по мнению респондентов, явно недооцениваемыми) ответственностью за себя и других, соблюдением моральных норм, доверием к другим людям (по всем этим параметрам оценки юношей чуть ниже, то есть жестче). Критический настрой студентов в отношении реального общества подкрепляется в их картине идеального общества, приоритетами которого выступают именно: соблюдение моральных норм (рост в 1,6 раза, у юношей – в 1,7 раза); ответственность за себя и других (рост в 1,4 раза, у юношей – в 1,6 раза), доверие к другим людям (рост в 1,6 раза, у юношей – в 1,7 раза).

Поразительно, как у молодых людей, вся жизнь которых прошла в постсоветскую эпоху, проявляются такие ностальгические настроения. Ведь названные ими приоритеты идеального общества во многом близки к тому облику СССР, который удачно отразила песня Л. Рыбкиной «Верните меня в СССР» [19]:

Верните меня в СССР,
Где жизнь людей была светлей,
Где не боялись отпускать
Детей без взрослых погулять,
Где мы любили и мечтали,
И все друг друга уважали,
Ключи под ковриком хранили,
Мы не боялись, мы просто жили,
Где скромность гордость вызывала,
А доброта границ не знала,
Где мы бесплатно все учились
И по профессии трудились.

И хотя вряд ли стоит образ СССР ограничивать лишь позитивными красками (что мешает пониманию глубоких причин неудачи советского

проекта, имевшего немало достоинств), изучая любой аспект жизни современной российской студенческой молодежи, в том числе и ее отношение к народной культуре, нужно учитывать присущие значительной ее части коллективистские установки и ориентации.

Список литературы

1. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
2. Флиер А.Я. Культура как социально-регулятивная программа: этап становления // Культура культуры. 2014. № 2. URL: <http://cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology/> (дата обращения: 10. 10. 2023).
3. Флиер А.Я. Перспективы культурологии в исследовании социальных функций культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 44–47.
4. Мид М. Культура и мир детства: избранные произведения. М.: Наука, 1988. 430 с.
5. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Пронина Е.И., Широкалова Г. С. Культурное наследие: от «дедов» к «отцам» и «внукам» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (83). С. 18–28. DOI: 10.26105/SSPU.2023.83.2.002.
6. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В., Петрунева Р.М. Город vs село: где «живет» народная культура? Мнение современной российской студенческой молодежи (по итогам социологического исследования) // Primo aspectu. 2023. № 2 (54). С. 37–47.
7. Дулина Н. В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.
8. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.
9. «Отменить культуру нельзя». Михаил Пиотровский о мягкой силе искусства // АиФ. 25.07.2022. № 30. URL: https://aif.ru/culture/art/otmenit_kulturu_nelzya_mihail_piotrovskiy_o_myagkoy_sile_iskusstva (дата обращения: 05. 10. 2023).
10. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму). М.: Гнозис, 1991. URL: <http://www.bibler.ru/index.php?sec=bakh1> (дата обращения 09.08.2022).

11. Цукерман В.С. Народная культура как социальное явление: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1984. 39 с. // <https://www.dissercat.com/content/narodnaya-kultura-kak-sotsialnoe-yavlenie> (дата обращения: 05. 10. 2023).

12. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / [под общ. ред. Ю.Р. Вишневого]; Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

13. Аналитика. Публикуем доклад Вольного исторического общества: «Какое прошлое нужно будущему России». URL: <https://www.komitetgi.ru/analytics/3076/> (дата обращения: 16. 08. 2022).

14. Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. / Вестник Коммунистической академии. Книга XXVI (2). М., 1928. С. 5–6. URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/461555/> (дата обращения: 07.10.2023).

15. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164–186. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

16. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): монография / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневого]; М-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 372 с.

17. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л.Н. Банникова [и др.]; под общей редакцией Ю.Р. Вишневого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Совет ректоров вузов Свердловской области, Ассоциация профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области, Уральское отделение Российского общества социологов, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.

18. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 253 с.

19. Рыбкина Л. Верните меня в СССР. URL: <http://muzgo.net/7722-lyubov-rybkina-vernite-menya-v-sssr/tekst-pesni> (дата обращения: 04. 10. 2023).

CULTURAL POLICY AND INTERGENERATIONAL CONTINUITY OF FOLK CULTURE (ACCORDING TO THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Yu.R. Vishnevsky¹, N.V. Dulina², A.A. Balyasov³

¹ Vishnevsky Yuri Rudolfovich – Doctor of Philosophy, Professor-Consultant of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration of Ural Federal University named after. First President of Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg
soc_stu38@mail.ru

² Dulina Nadezhda Vasil'yevna – Doctor of Sociology, Professor, Center for Sociological and Marketing Research «Analyst», Volgograd

nv-dulina@yandex.ru

³ Balyasov Aleksandr Anatolevich – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration of Ural Federal University named after. First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

a.a.balyasov@urfu.ru

The dynamics of changes and transformations taking place in Russian society at the present time, intensified by the processes of globalization, digitalization, etc., inevitably correct traditions and change the value priorities, especially of young people. When choosing priority goals for the country in new conditions, it is important to understand what modifications of culture in general and folk culture are characteristic of the mentality of Russian society. Since the exclusive right to make a value judgment belongs to their bearer, but not to outside observers, it is important to have an idea of whether modern Russian youth inherits or does not inherit the experience of previous generations, whether they are capable of reproducing cultural patterns, transforming the social experience of their ancestors with their own innovative creativity and transmitting it future generations. Interiorizing external and internal images of the world for Russia, actively responding to cultural challenges and risks, the younger generation expands/narrows its needs and interests, becoming an autonomous subject of folk culture, making a choice among the many proposed values and lifestyles, including previous generations, relaying them, which actualizes the need for comprehensive research on youth in general, and students in particular.

The material is devoted to the urgent problem of preserving cultural heritage and intergenerational connections in modern Russian society. Data obtained during the federal study of the Russian Society of Sociologists «Cultural Heritage and Connections of Generations» (2022) make it possible to identify the attitude of young people to current issues, including the preservation of cultural heritage.

Keywords: culture, folk culture, cultural heritage, generations, intergenerational continuity, values, youth, modern students, family, cultural policy.

АКТУАЛЬНОСТЬ УКРЕПЛЕНИЯ СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ СТРАН ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ

В.Г. Доброхлеб

Доброхлеб Валентина Григорьевна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ИСЭПН и ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва
vdobrokhleb@mail.ru

В данном разделе показано, что процесс демографического старения имеет различный уровень интенсивности для стран ЕАЭС. Представлены две различные стороны демографического старения, когда, с одной стороны, обостряются проблемы пенсионного обеспечения и долгосрочного ухода за растущими группами населения старших возрастов, а, с другой, открываются возможности использования второго демографического дивиденда. Второй демографический дивиденд – это окно демографических возможностей, являющийся результатом соответствующей социальной политики, при которой создаются условия для сохранения и развития ресурсного потенциала пожилых и старых людей в области их здоровья, образовательных-квалификационных навыков, мотивации и других. При этом стареющее население может стать активным актором рынка труда и участвовать в процессе эффективного взаимодействия разных поколений, в том числе в области передачи культурного наследия стран данного регионального союза. Однако в настоящее время развернутых программ в области гуманитарного сотрудничества, в том числе в сфере образования, не представлено. В целях укрепления ЕАЭС предлагается сформировать такие программы, в том числе в образовательной сфере.

Ключевые слова: демографическое старение, второй демографический дивиденд, солидарность поколений, сфера образования.

Проблемы демографической динамики и социальной солидарности как отдельных стран, так и региональных союзов в настоящее время все чаще оказываются под прессом не только внутренних, но и крайне опасных для Российской Федерации, стран СНГ и его ядра Евразийского Экономического Союза внешних угроз.

Страны, расположенные на постсоветском пространстве, существенно различаются по степени интеграции. Например, страны Балтии, начиная со времени распада СССР, позиционировали себя как не связанные с бывшими союзными республиками, другие предпринимали усилия для создания различного рода региональных союзов (РИО). К середине девяностых годов 20 века (1995 г.) относится создание интеграционного

ядра из ряда бывших союзных республик: к концу века (1999 г.) Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан объединились в Таможенном союзе и едином экономическом пространстве. В настоящее время состав ЕАЭС входит пять стран: Россия, Кыргызстан, Казахстан, Армения и Беларусь [1]. Это относительно новый, но быстро развивающийся РИО, в определенном смысле, составляющий ядро СНГ.

Исследователи признают, что решающим для сохранения государственности как России, так и стран, расположенных на постсоветском пространстве, в XXI веке является демографический фактор. При этом значение имеют как количественные, так и качественные показатели динамики населения. В условиях растущих внешних вызовов все большую значимость приобретает социальная солидарность различных групп населения.

Ранее было высказано предположение, что в связи негативными демографическими процессами в Российской Федерации, Республике Беларусь, а также в Армении проблемы сокращения численности населения ЕАЭС не будут преодолены на достаточно длительном отрезке времени [2]. Авторы основывались на прогнозах ООН и Российских статистических органов, по которым (средний вариант) сокращение численности населения в крупнейшем по населению члене Евразийского Экономического Союза России будет составлять в период до 2035 г. более 330 тыс. человек ежегодно. Прогнозы ООН рассматривают демографическую динамику РФ как еще более драматичную [3].

Естественное воспроизводство населения зависит от процессов рождаемости и смертности. В таблице 1. представлены показатели воспроизводства населения стран ЕАЭС за 2016, 2020 гг.

Таблица 1

Показатели воспроизводства населения стран ЕАЭС, 2016, 2020 гг.

	Коэффициент рождаемости, число родившихся на 1000 чел. нас.		Коэффициент смертности, число умерших на 1000 чел. нас.		Коэффициент естественного прироста, на 1000 чел. нас.		Суммарный коэффициент рождаемости	
	2016	2020	2016	2020	2016	2020	2016	2020
ЕАЭС	14,2	11,8	12,0	11,5	2,2	0,3		
Армения	13,5	12,3	9,4	12,2	4,1	0,1	1,647	1,656
Беларусь*	12,4	9,3*	12,6	12,8	-0,2	-3,5	1,733	1,382
Казахстан	22,5	22,8	7,4	8,6	15,1	14,2	2,77	3,126

Кыргыз- стан	26,0	24,0	5,5	6,1	20,5	17,9	3,06	3,044
Россия	12,9	9,8	12,9	14,6	0	-4,8	1,762	1,505

В столбце 2020 г. показатели даны за 2019 г.

Источник: Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2021. – 70 с.

Из пяти стран, входящих в данный союз, только в (Казахстане и Кыргызстане) высокие показатели рождаемости ведут к расширенному воспроизводству населения. В целом по ЕАЭС коэффициент рождаемости снизился с 2016 по 2020 гг. на 2,4‰. Население ЕАЭС различается не только по показателям рождаемости, но и по продолжительности жизни. В целом по объединению в рассматриваемый период несколько улучшился коэффициент смертности, снизившись с 12,0‰ до 11,5‰.

Важнейшим показателем демографической динамики является ОПЖ при рождении (таблица 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах ЕАЭС, лет

Страны	2016 г. ОПЖ при рождении			2020 г. ОПЖ при рождении		
	Мужчины	Женщины	Разница, лет	Мужчины	Женщины	Разница, лет
Армения	71,57	78,29	6,7	68,38	78,63	10,3
Беларусь	68,94	78,97	10,0	65,6	77,2	11,6
Казахстан	67,99	76,61	8,6	67,09	75,53	8,4
Кыргызстан	67	75,07	8,1	67,76	75,97	8,2
Россия	66,5	77,06	10,6	66,49	76,43	9,9

Источник: Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2021. – 70 с.

За период с 2016 по 2020 гг. лишь в Кыргызстане продолжительность жизни мужчин увеличилась на 0,76 года. Показатели продолжительности жизни женщин росли в двух странах Союза: Армении – на 0,34 года, Кыргызстане – на 0,9 года. Можно предположить, что изменение показателей продолжительности жизни в 2020 г. являлись следствием пандемии COVID-19, которые были различными для стран Союза.

В таблице 3 представлены данные по динамике численности населения с 2017 по 2021 гг.

Таблица 3

**Численность постоянного населения стран ЕАЭС
на начало года, тыс. человек**

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Доля населения в интеграционном объединении, %
ЕАЭС	183318,7	183715,4	183960,3	184273,9	184000,4	
Армения	2986,2	2972,7	2965,3	2959,7	2963,3	1,6
Беларусь	9469,7	9448,3	9429,2	9410,3	9349,6	5,1
Казахстан	17918,2	18157,3	18395,6	18631,8	18879,6	10,3
Кыргызстан	6140,2	6256,7	6389,5	6523,5	6636,8	3,6
Россия	146804,4	146880,4	146780,7	146748,6	146171,1	79,4

Рассчитано по Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2021.

В 2022 г. численность ЕАЭС населения составила 183 647,4 тыс. чел. и сократилась в сравнении с предыдущим годом на 353 тыс. человек. В этот период несколько уменьшилась доля РФ и Республики Беларусь в общей численности населения ЕАЭС. На 0,1% этот показатель увеличился для Республики Казахстан (таблица 4).

Таблица 4

Численность и доля населения стран, входящих в ЕАЭС в 2022 г.

	Численность населения 2022 г.	Доля населения в интеграционном объединении (ЕАЭС), %
ЕАЭС	183 647,4	
Армения	2 961,4	1,6
Беларусь	9 255,5	5,0
Казахстан	19 125,6	10,4
Кыргызстан	6 747,3	3,6
Россия	145 557,6	79,2

Рассчитано по: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2022. – 189 с.

По мнению экспертов, уменьшение численности населения ведет к снижению рейтинга в мировом «табеле о рангах» населения мира, а также к падению экономической значимости государства, возможному снижению её военной мощи и, как следствие, к уменьшению политического влияния. Считается, что сокращение и снижения качества демографического потенциала являются долговременными и снижают возможности экономического развития стран. По данным ООН, в 1990 г. Российская Федерация занимала 6ое место Рейтинге 10 крупнейших стран мира по численности населения, в 2022 г. РФ сместилась на 9ое место. По представленным расчетам, при сохранении текущих тенденций в динамике населения к 2050 г. наша стране не будет входить в состав 10 наиболее крупных стран мира по численности населения [4]. В период с 2017 по 2022 гг. наблюдались разнонаправленные тренды в области естественного воспроизводства в странах, входящих в ЕАЭС: процессы естественного воспроизводства населения в РФ, Беларуси и Армении вели к сокращению общей численности населения, в Казахстане и Кыргызстане способствовали его увеличению (табл. 1, 3). В связи с тем, что доля населения РФ в данном объединении составляет около 80%, демографические тренды современной России оказывают наибольшее влияние на демографическую составляющую ЕАЭС. При этом наблюдается незначительное снижение демографической составляющей РФ в общей численности населения данного Союза.

Исследователи [5] отмечают, что в настоящее время выявился существенный разрыв между потребностью в наращивании демографического потенциала как отдельных стран, так ЕАЭС в целом и фактически сложившейся демографической ситуацией в этом региональном союзе. Автор разделяет позицию Г.И. Осадчей в отношении демографического потенциала ЕАЭС, который есть совокупность как количественных, так и качественных характеристик населения стран, входящих в данный региональный союз, которые имеют определяющее значение для достижений целей ЕАЭС в области устойчивого развития, демографической безопасности, успешного противостояния внешним и внутренним угрозам. Тренды формирования демографического потенциала стран и данного союза в целом обусловлены динамикой численности, структуры и качества населения

Население данного объединения имеет существенные различия по возрастной структуре (Рис. 1). Вместе с тем все пять стран, входящих в данный Союз, испытывают влияние процесса демографического старения, который только начинает разворачиваться в Кыргызстане, где доля

жителей в возрасте 65+ составляет 5%, и достигает 15,8% в России и Беларуси.

В условиях сокращения численности населения существенным фактором демографической динамики является возрастная структура населения. На рисунке представлено соотношение возрастных групп в ЕАЭС на начало 2021 г.

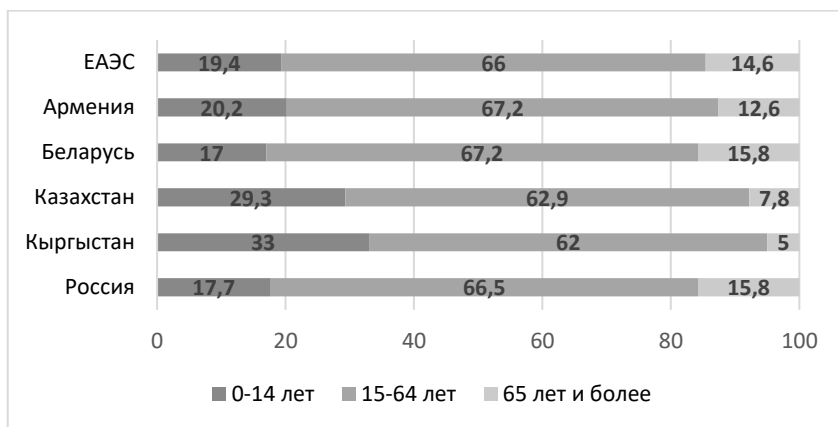
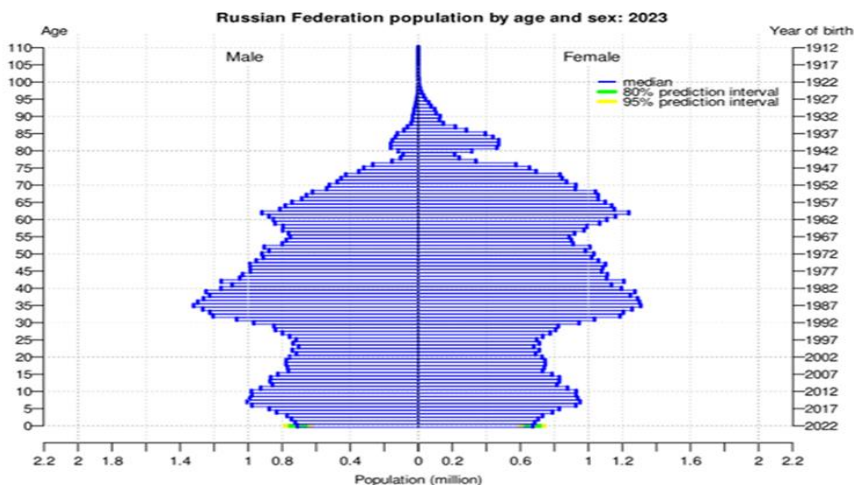

Рис. 1. Удельный вес возрастных групп населения на 1 января 2021 года (в % к общей численности)

Источник: Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2021.

Процесс демографического старения в настоящее время имеет разный уровень интенсивности, на рисунке 1 представлена демографическая пирамида РФ в 2023 г., которая наглядно показывает несбалансированность возрастных когорт населения.

© 2022 United Nations, DESA, Population Division. Licensed under Creative Commons license CC BY 3.0 IGO. United Nations, DESA, Population Division. *World Population Prospects 2022*. <http://population.un.org/wpp/>

Рис. 2. Демографическая пирамида России 2023 г.

Различия в численности населения, возрастной структуре стран членов ЕАЭС, разнонаправленность процессов естественного воспроизводства (депопуляция в РФ, Беларуси и Армении, с одной стороны, и рост численности населения в Казахстане и Кыргызстане) обостряют проблемы демографической безопасности, что требует системы формирования социальных институтов, позволяющих отвечать на современные вызовы.

В материалах ООН [6] отмечается, что старение населения, показывает значительный общий успех в улучшении жизни для миллиардов людей в мире, решающими факторами которого являются улучшение санитарии и медицины, больший доступ к образованию и планированию семьи, а также действия в направлении гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Данные факторы способствовали завершению эпохи быстрого роста населения в значительном числе стран. Этот процесс сопровождается постепенным, но постоянным сдвигом структуры населения в сторону более старших возрастов. К 2050 г. в мире количество лиц в возрасте 65 лет или старше, как ожидается, удвоится, превысив 1,6 миллиарда. Демографическое старение можно измерять различными способами. Наиболее распространенными остаются, во-пер-

вых, численность населения в возрасте 65 лет или старше как доля от общей численности населения, во-вторых, коэффициент иждивенцев пожилого возраста, который сравнивает соотношение численности населения старших возрастов к численности лиц трудоспособного возраста. Однако эти инструменты не учитывают изменения в уровне здоровья, социальной активности или разнообразные возможности старшего поколения, поэтому мы имеем неполную картину возрастной зависимости на протяжении всей жизни.

Старение населения, с одной стороны, обостряет проблемы, которые обусловлены сегодня тем, что государственные расходы в большинстве стран недостаточны для покрытия растущего спроса на долгосрочный уход. Средние расходы по странам Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) составили 1,5%. ВВП в 2019 г. по сравнению с 1,7% 2017 г. Недофинансирование показывает, что лица, оказывающие услуги по уходу, недооценены, их труд не в полной мере оплачивается, они недостаточно обучены и часто работают в сложных условиях. Нехватка подготовленных кадров, осуществляющих уход, приводит к низкому качеству заботы о пожилых людях. Многие страны, в том числе экономически высоко развитые, продолжают полагаться на неформальные услуги. Отмечено, что пандемия COVID-19 выявила существующие недостатки в здравоохранении для пожилых людей, особенно лиц, нуждающихся в долгосрочном уходе, и продемонстрировала, как это усугубляет неравенство. Плохое качество и не полностью финансируемые системы оказания медицинской помощи, недостаточно хорошие условия по уходу на дому, низкая заработная плата и опасная рабочая среда для оплачиваемых работников по уходу имели следствием большое число погибших среди пожилых людей. Пандемия COVID-19 подтвердила императив фундаментальных реформ в системе организации длительного ухода. Переосмысление подходов к проблемам долгосрочного ухода может принести пользу не только сегодняшним пожилым людям и тем, кто заботится о них.

Страны без комплексной социальной системы защиты должны сосредоточиться на расширении пенсионного обеспечения, предоставлении адекватных льгот и финансировании государственных пенсионных систем для достижения цели 1.3 ЦУР. Подчеркивается, что, хотя не существует универсального пути к увеличению пенсионного обеспечения, три действия могут помочь обеспечить финансовое благополучие всех пожилых людей. Среди них: поощрение частных сбережений и повышение фи-

нансовой грамотности; введение или расширение пенсионных схем, позволяющих всем пожилым людям сохранять базовый уровень гарантированности дохода; укрепление институтов труда.

С другой стороны, демографическое старение открывает возможности использования второго демографического дивиденда [7]. Страны в процессе своего развития проходят различные этапы демографического перехода. В ходе этого процесса открывается «окна демографических возможностей». Государства могут использовать демографический фактор (численность, структуру и качество). Прежде исследователи предполагали, что возможность получить демографический дивиденд закрывается по мере старения работающего поколения. Демографический дивиденд, как правило, связывали с упрощенной моделью жизненного цикла, в рамках которой люди в трудоспособном возрасте производят больше, чем потребляют, а разница делится между иждивенцами – детьми и пенсионерами. В настоящее время ученые показали, что возможна более сложная и, вероятно, более близкая к жизни модель, в рамках которой силы, приводящие к превращению демографического дивиденда в его противоположность, способны вызвать к жизни другой (второй) демографический дивиденд [8]. Следует согласиться с выводом ряда авторов: как общество поддерживает пожилых граждан, зависит степень реализации второго демографического дивиденда [9]. Существенным при формировании как первого, так и второго демографического дивиденда является способность государства строить социальную политику с учетом демографических перемен, создавая возможности для дальнейшего социально-экономического развития с учетом справедливого перераспределения общественных благ [10]. Среди условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, важнейшее – способность экономики создавать рабочие места как для всё возрастающего числа населения в трудоспособном возрасте, так и для стареющего населения, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики, политики в области образования. При формировании демографического дивиденда существенным является не только численность возрастных групп, участвующих в рабочей силе, но и их качественные характеристики. Качество населения имеет особое значение при формировании второго демографического дивиденда [11]. Использование дефиниции ресурсного потенциала старшего поколения может служить инструментом для выявления значимых характеристик старших возрастных групп. Ресурсный потенциал старшего поколения – комплекс социально и лично значимых характеристик пожилых и старых лю-

дей. Методологически понятие ресурсного потенциала позволяет выделить «третий» и «четвертый» возрасты, учитывая уровень сохранности человеческого потенциала старших возрастных когорт. Основными структурными элементами ресурсного потенциала выступают: здоровье, образовательно-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный [12]. В связи с этим актуальным является мнение Ф. Ноутстейна: «Проблема старения – вовсе не проблема, а лишь пессимистический взгляд на величайший триумф человечества» [13]. Но, чтобы этот триумф стал реальностью, необходимы решительные меры, направленные на улучшение условий жизни старших возрастных когорт в странах бывшего постсоветского пространства. Без реальных инвестиций в развитие потенциала стареющего населения не обойтись. Исследователи отмечают, что после начала СВО в феврале 2022 г., при нарастании санкционного давления недружественных стран, в первую очередь США и ЕС, становится более сложным формирование современного интеграционного союза. Предполагается, что наиболее приемлемым является организация «Большого Евразийского партнерства», составляющего систему социальных институтов и соглашений различного характера [14]. В первую очередь решается задача создания экономических, финансовых и правовых институтов. А рассмотрение социальных программ, норм по формированию единых социальных ценностей не входит в круг задач региональных союзов на постсоветском пространстве или рассматривается лишь вскользь. Однако, следует учитывать, что использование «мягкой силы» значительно облегчает процессы интеграции представителей различных культур.

В этой связи одним из направлений развития, например, ЕАЭС, являются программы по укреплению связи поколений, которые могут быть подпрограммами развития сферы образования. Потребность в этом направлении интеграции повышается, в связи необходимостью стратегического планирования развития ЕАЭС как для выполнения Стратегии-2025, а также при подготовке новых стратегических документов с большим горизонтом планирования в том числе 2045 гг. Потребность укрепления связи поколений обусловлена ещё и тем, что меняется демографическая структура стран ЕАЭС. В РФ, Беларуси и Армении интенсивный процесс демографического старения требует новых подходов. А более молодые по возрастной структуре населения Казахстан и Кыргызстан испытывают потребность в накоплении опыта лучших практик в изменении социальных институтов при трансформации демографических структур и миграционных процессов. Сотрудничество в укреплении связи поколений может реализовываться через проекты и новые рамочные программы

в сфере гуманитарных отношений между странами. Первоначально это направление может реализовываться через систему образования стран участниц, рамочных программ, усиливающих экономические и социальные эффекты. Российские ученые [15] считают, что в современном постоянно меняющемся мире именно формирование единого образовательного пространства, или в более широком контексте единого «гуманитарного пространства», представляет обширное поле взаимодействия различных культур и партнерства цивилизаций. В этой связи существенным является воссоздание общей идеологии единого евразийского пространства, направленного на сохранение и передачу обширного духовного наследия, объединяющего страны, входящие в ЕАЭС. Все более актуально вложение значительных средств в общую систему образования, включающую повышение квалификации для роста производительности и оплаты труда. Инвестиции в эту сферу необходимы не только со стороны государств, но и бизнес-сообществ, семей (домохозяйств) и отдельных членов общества. Национальные программы развития системы образования должны развиваться с учетом кластеризации промышленности и сферы услуг, прогноза необходимые изменений [16].

В экономически развитых странах государственные системы трансфертов, включая пенсии и здравоохранение, обеспечивают более двух третей потребления пожилыми людьми. В менее развитых регионах, пожилые люди, как правило, должны дольше и больше работать и полагаться на накопленные активы или помощь семьи. Страны, испытывающие влияние процесса демографического старения, должны иметь активные и дальновидные меры адаптации и внедрения инноваций на своих рынках труда, пенсионных систем и систем здравоохранения, чтобы обеспечить поддержку пожилых людей с учетом одновременно адекватных и финансово устойчивых мер. Реальные меры по развитию системы образования «через всю жизнь» должны шире внедряться в совместную практику стран, входящих в ЕАЭС. При этом укрепление связи поколений стран ЕАЭС в условиях растущих внешних и внутренних вызовов может решаться именно в сфере образования, интегрированной в решение общих экономических задач.

Приоритетом государств, входящих в ЕАЭС, необходимо поставить демографическое развитие, рассматриваемое как сохранение и преумножение народов, возвышение ценности их жизни. Без населения и солидарности поколений остальные приоритеты бессмысленны.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе URL: http://www.eaunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf (дата обращения 16.08.2023)
2. Кирпичев В.В., Лучкин А.Г. Современные демографические тренды ЕАЭС // МНИЖ. 2020. № 6-4 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-demograficheskie-trendy-eaes> (дата обращения: 09.10.2023)
3. ООН оценила демографические перспективы хуже Росстата. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2019/5d0b43749a794718129aa169> (дата обращения: 20.06.2023)
4. World Population Prospects 2022: Summary of Results URL.
5. <https://www.un-library.org/content/books/9789210014380> (дата обращения 10.09.2023)
6. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 346 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021
7. Leaving No One Behind In An Ageing World World Social Report 2023 URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2023/01/2023wsr-fullreport.pdf> (дата обращения: 06.08.2023)
8. Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. (2022). Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11
9. Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2003). The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change. The Rand Corporation. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/>; Bloom D.E., Canning D., Mansfield R., Moore M. (2006). Demographic Change, Social Security Systems, and Savings. National Bureau of Economic Research. [rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf](https://www.nber.org/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf)
10. Ли Р., Мэйсон Э. (2006). Что такое демографический дивиденд? // Финансы и развитие. URL: https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf (дата обращения: 06.07.2023)
11. Барсуков В.Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
12. Римашевская Н.М. (2003). Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН РАН. 392 с.
13. Доброхлеб В.Г. (2014). Старение населения. Ресурсный потенциал старшего поколения // Старшее поколение и будущее / под науч. ред. чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование. С. 23.
14. Notestein F. (1954). Some demographic aspects of aging. Proceedings of the American Philosophical Society, 98. 1. С. 38–45.

15. Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление. Экспертный доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Д.В. Галушко, М.К. Глазатова, В.Н. Зуев и др.; под науч. ред. Т.А. Колобашкиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/826632331.pdf> (дата обращения 09.06.2023)

16. Глазьев С.Ю. Общее образовательное пространство ЕАЭС как залог успеха евразийской интеграции. URL: <https://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshhee-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoj-ekonomicheskoy-integracii.html> (дата обращения: 24.09.2020)

17. Ткаченко А.А. Извилистые пути интеграции: Россия в ЕАЭС. Экономика. Налоги. Право.2020;13(6):46-57. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57

RELEVANCE OF STRENGTHENING THE INTERGENERATIONAL LINK BETWEEN THE EAEC COUNTRIES IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC AGEING

V.G. Dobrokhleb

Dobrokhleb Valentina G. Dobrokhleb – Doctor of Economics, Chief Scientific Associate of ISEPN and IDI FNISC RAS, Moscow
vdobrokhleb@mail.ru

This section shows that the process of demographic ageing has a different level of intensity for the EAEU countries. Two different sides of demographic ageing are presented, where, on the one hand, the problems of pension provision and long-term care for the growing population of older age groups become more acute, and, on the other hand, the opportunities for utilising the second demographic dividend open up. The second demographic dividend is a window of demographic opportunity, which is the result of appropriate social policies that create conditions for the preservation and development of the resource potential of the elderly and old people in terms of their health, educational and qualification skills, motivation and others. At the same time, the old population can become an active actor in the labour market and participate in the process of effective intergenerational interaction, including in the transfer of cultural heritage of the countries of the regional union. However, at present there are no developed programmes in the field of humanitarian cooperation, including in the field of education. In order to strengthen the EAEU, it is proposed to form such programmes, including in the educational sphere.

Keywords: demographic ageing, second demographic division, solidarity of generations, education.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ

В.Ф. Исайчиков

Исайчиков Виктор Фёдорович – главный редактор журнала «Просвещение»,
г. Москва, Россия
mihmarkin@mail.ru

Проанализирован ряд определений понятия «культура» и дано определение культуры для исследования проблем комплексной оценки уровня культуры. Показано, что определение уровня культуры по времени получения образования не пригодно для оценки уровня культуры. Автором предложен подход к понятию «культурная сила» в качестве возможного критерия оценки уровня культуры.

Ключевые слова: определения культуры; критерии оценки уровня культуры; «культурная сила».

Специалисты утверждают, что существует около 300 определений культуры; известно, что понятие культуры в разные времена и у разных специалистов (например, археологов, юристов, биологов) весьма различаются. Неоднозначность одного из важнейших научных терминов может указывать либо на неразвитость тех общественных отношений, которые этим термином определяются, либо за этим нерасчленённым термином скрываются на самом деле различные сущности, либо на сознательное искажение научного понятия в классовых целях. Существенно, что общим для большинства определений культуры является их комплексный, многофакторный характер. Многофакторность явления сама по себе, может быть как проявлением диалектического закона всеобщей связи явлений и относиться к единой сущности, так и признаком того, что у явления, понимаемого в настоящее время как единое, на самом деле имеются различные сущности, которые необходимо разделить.

Автор не берётся разрешить проблему единства или сущностной многозначности понятия «культура»; вполне возможно, что это задача в настоящее время не решаема из-за недостаточной развитости явления (явлений). Научные интересы автора определяются необходимостью решения практических политических задач, связанных с тем, что давно выявлена общеисторическая закономерность, что не только формационные переходы связаны с тем, что культура класса, сменяющего предыдущий в качестве формационнообразующего, выше, чем у сменяемого класса, но и с тем, что в рамках одной формации при столкновении различных

культур (народов) побеждает более высокая культура, причём даже в случае, если в военном отношении победил народ с более низкой культурой.

Таким образом, даже в случае, если мы дадим верное определение понятия «культура» (или того явления, которое в данном направлении будет выделено из нынешнего слишком общего определения – но в дальнейшем мы пока будем предполагать, что мы будем иметь дело именно с понятием «культура»), то нам будет необходимо решить задачу по поиску критерия, которым можно измерять уровень культуры. При этом может оказаться, что критерии для определения уровня культуры различных объектов будут различными – и изменяться в процессе развития. Например, для определения уровня культуры отдельной личности будет достаточен один критерий (или группа критериев), а для определения уровня культуры общности (коллектива) более высокого ранга, например, класса, потребуются другой критерий (группа критериев), ибо целое не является суммой его частей.

Вопрос об уровнях культуры заинтересовал автора при изучении причин победы Великой Октябрьской социалистической революции и причин её поражений; для данной работы отметим лишь некоторые свойства различных определений культуры и проанализируем подходы к измерению уровня культуры преимущественно такой политэкономической общности, как класс.

Очевидно, что уровень буржуазной культуры (уровень культуры буржуазии, капиталистов, в первую очередь) выше, чем уровень феодальной культуры; таким же образом в целом уровень феодальной культуры выше, чем уровень культуры дофеодальных формаций. Хотя локальный уровень рабовладельческой культуры Древнего Рима (Западной Римской империи) кажется выше, чем уровень культуры сменившего его раннего европейского средневековья, но об аналогичных сменах рабовладельческой формации в других местах, например, в Китае или даже в Византии, так сказать нельзя, и представляется, что можно говорить о действующей закономерности.

Однако для дальнейшей работы необходимо остановиться на таком определении культуры, которое позволит нам решить поставленную задачу. Очевидно, что не годятся определения, сознательно искажающие понятие, или ошибочные. Например, мы не можем опираться на определение из Википедии: «Культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей» [1], так как, во-первых, из истории известно, что до сих пор общечеловеческих ценностей не существовало; они различались для разных формаций и классов. Даже во времена еди-

ной (абстрактно) первобытно-общинной формации (первобытного коммунизма) в каждом племени существовали свои ценности, и на члена иного племени они не распространялись. Во-вторых, в данном определении явная тавтология, ибо общечеловеческие ценности как раз и являются духовными. В-третьих, это определение слишком неконкретное. Не годится и определение культуры «Вся совокупность небиологических проявлений человека» [2], так как, с одной стороны, является слишком общим, но, с другой стороны, не является точным, ибо культура влияет и на биологические проявления человека, такие как культура питания, культура секса, культура ухода за телом и пр.

Не лучше и определение модного Ю. Лотмана: «Совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека» [3], который оперирует не менее неопределённым понятием «информация» и уводит нас в область психологии поведения, которая является вторичной по отношению к материальной жизни человека. И даже не только человека, ибо ненаследуемой генетически информацией определяется и часть поведения тех высших животных, у которых важное место занимает обучение потомства.

Не менее туманным является определение ещё более модного Э. Ильенкова: «Исторически сложившаяся система норм поведения и деятельности». В этой системе индивид толкуется как единичное «воплощение» «всеобщего», общей нормы» [4]. Пользоваться таким определением практически невозможно, особенно применительно к классам, ибо у каждого класса своя культура; оно тоже уходит во вторичную психологию поведения человека.

В третьем издании «Большой советской энциклопедии» дано определение культуры: «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [5]. Однако, в нём имеются очевидные недостатки: кроме того, что неявно предполагается, что уровень развития общества и человека имеет одинаковые критерии, не ясно, зачем отделять жизнь от деятельности людей, ибо без деятельности нет и жизни.

Более приемлемым кажется определение из второго издания «Большой советской энциклопедии»: «Совокупность достижений общества в области просвещения, науки, искусства и в других областях духовной жизни; умение использовать эти достижения для покорения сил природы, для роста производства, для разрешения назревших задач общественного развития» [6]. В этом определении нас смущает слова «для покорения сил природы, для роста производства», ибо покорение сил природы и рост

производства – это не цель, а средство разрешения задач общественного развития. Кроме того, если рост производства был необходим для удовлетворения материальных и духовых потребностей общества, то сейчас мы пришли к состоянию, когда рост производства способен привести к экологической катастрофе [7].

За основу можно взять определение культуры из «Толкового словаря» Д.Н. Ушакова: «Совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе» [8]. В него автор добавил бы слова о науке и искусстве и заменил слова «подчинении природы» на «взаимодействии с природой»: «Культура – совокупность человеческих достижений во взаимодействии с природой в науке, технике, образовании, искусстве и общественном строе».

Поскольку автор поставил вопрос об оценке уровней культуры, то очевидно, что встаёт вопрос об определении этих уровней и их сравнении; но сравнивать можно лишь однокачественные явления: нельзя сравнивать жёлтое и сладкое. Поскольку все определения культуры являются многофакторными, вопрос определения и сравнения уровней культуры требует выбора единственного критерия для сравнения. При том, что всеми понимается, что культура – понятие изменяющееся и развивающееся, вопрос об измерении количественного уровня культуры до сих пор не ставился.

Неявно полагается, что сравнение уровней культуры – дело легкое и очевидное; это, действительно, так, когда речь идёт об обществах на различных крупных этапах развития. Например, уровень феодальной культуры выше уровня культуры первобытной, а уровень культуры буржуазной выше уровня культуры феодальной. Но когда идёт речь о более близких уровнях развития общества, причём общества, разделенного на классы, то тут простые методы сравнения не так легко срабатывают; общепринято, что даже при грубом сравнении культура развитого рабовладельческого общества была выше культуры раннего феодализма. Правда, при этом не учитывается, что уровень культуры рабов, занятых на работах, на которых требуется преимущественно физическая сила (например, на водоподъеме, гребле на галерах и пр.), приближается к уровню животных; в то же время греческие учёные, художники, писатели, философы, попавшие в рабство к римским варварам, определённо имели более высокий уровень индивидуальной культуры.

Вопрос об уровне культуры класса (классов) появился, разумеется, после открытия самого понятия «класс», то есть в XIX веке. Автор не берётся представлять исторический обзор этого явления в политической экономии, тем более, что само понятие класса развивалось и изменялось

со временем. Лучшее, научное определение понятия класс было дано Лениным в известной газетной статье «Великий почин» [9], однако оно до сих пор понимается и трактуется большей частью ошибочно. Главная принципиальная ошибка в трактовке ленинского определения класса заключается в том, что истолкователи ленинского текста игнорируют многофакторность ленинского определения [10]. Мы будем исходить из того, что научное понятие класса и культуры у нас имеется, поэтому основное внимание мы уделим определению уровня культуры класса.

Вопрос об уровне культуры «народа» (а фактически – крестьянства) поднимался российскими революционерами-народниками, в первую очередь, для доказательства, что русский народ готов (или не готов) к революции (или к удержанию власти после её революционного захвата политической партией). То есть, эти революционеры, не подозревая о сущности своих исканий, пытаясь доказать, что российский народ (крестьянство) готов к революции, на самом деле стремились показать, что уровень культуры народа (крестьянства) выше уровня культуры не только феодалов-помещиков, но и буржуазии. Г.В. Плеханов в работе «Наши разногласия» дал блестящий анализ этих представлений и показал, что от различных оценок культурного уровня народа различными течениями народничества зависела и политика их партий. В этом смысле наиболее интересны приводимые Г.В. Плехановым высказывания П.Н. Ткачёва: «Наш народ невежественен – это также факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения: он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции...». «Отсюда ясно, что, несмотря на своё невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, хотя они и образованнее его». [11, с. 149].

Однако, Г.В. Плехановым вопрос о том, как конкретно определять и измерять для любого класса в каждый данный момент уровень культуры, даже не ставился. В то же время его подход на качественном уровне заслуживает внимания: «...нужно различать *степень* культуры от её *типа*, и что, если степень материальной культуры современного пролетария очень невысока, то, тем не менее, она всё-таки остаётся культурой самого высшего типа из всех, до сих пор существовавших» [11, с. 197].

Не имея возможности для широкой и глубокой теоретической работы, В.И. Ленин часто обращался к теоретическим вопросам при анализе практической деятельности партии и государства. Вопросы о сравнении уровней культуры он коснулся в статье о положении женщин: «Говорят, уровень культуры всего больше характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины» [12,

с. 193]. Однако, как измерять уровень юридического положения женщин, Ленин не пояснил; более того, говоря о задачах социалистического государства по этому вопросу, Ленин ни словом не заикнулся о юридической стороне дела: «Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать её из «домашнего рабства», освободить её от подчинения – отупляющего и принижающего – вечной и исключительной обстановки кухни, детской – вот главная задача» [12, с. 193].

Если же рассмотреть вопрос исторически, то очевидно, что при матриархате женщины имели более высокий статус, чем мужчины, однако уровень культуры при матриархате был гораздо ниже, чем на более высоких уровнях развития общества – и такая оценка как раз находится в соответствии с подходом Плеханова о типах культуры и её степени.

По ряду положений в некоторых странах капиталистического центра женщины формально имеют более высокий уровень юридических прав, чем мужчины, однако нельзя сказать, что в этих странах уровень культуры выше, чем у тех стран, где у женщин нет такого преимущества. Известно, что современная буржуазия по части манипуляции юридическими правами достигла большого мастерства, и юридические права могут использоваться для более изощрённой эксплуатации и угнетения.

В одной из последних статей, возражая меньшевику-ортодоксу Суханову, Ленин заговорил о сравнении уровней культуры в общем плане. При этом он не только поставил задачи проведения в стране культурной революции как необходимого условия победы социализма – эту часть ленинского вопроса наши идеологи кое-как понимали, и на практике культурная революция проводилась.

Но Ленин поставил вопрос и о том, какой уровень культуры необходим для победы социализма, и как его измерить: «Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры, (хотя никто не может сказать, каков именно этот определённый «уровень культуры», ибо он различен в каждом из европейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [13].

К сожалению, Ленин не дал решения этого вопроса, а историки и политэкономы и не подумали, как его решать. Например, Н.В. Бухарин (по ленинским словам, лучший теоретик партии) задачу культурного подъема масс считал одной из важнейших задач: «Конечно, задача культурного подъема масс и их вовлечения в работу означает добавочную затрату сил и средств. Но это – не игрушка, не нечто «второстепенное», не побочная

линия развития. Наоборот, это есть одна из *важнейших проблем всей пролетарской революции*» [14, с. 185]. Однако повышение культурного уровня он видел преимущественно для масс и в частном (хотя и важном) вопросе борьбы с бюрократизмом: «...Глубочайшей основой, решающим условием для существования бюрократии и бюрократизма являются отсталость масс и культурное неравенство, ...*решающий удар бюрократизму есть решающий культурный подъем масс*» [14, с. 186]. О необходимости измерения уровня культуры Бухарин не задумывался; тем более, он (как и последующие советские политики и ученые) не ставил задачу повышения культурного уровня не только масс, но и передового отряда (партии) и руководства государства. А практика последних веков показала, что буржуазия в искусстве манипулирования сознанием масс и борьбы с рабочим классом (и другими противниками) показала высокий уровень культуры.

Нельзя сказать, что никто не пытался найти критерий сравнения уровней культуры. Обычно за такой уровень принимается уровень образования населения, который измеряется в годах учебы. Однако негодность такого критерия очевидна: в раннем средневековье студенту требовалось чуть ли не десять лет, чтобы овладеть таблицей умножения и другими простейшими, с нашей точки зрения, знаниями.

С другой стороны, каким образом победил социализм в СССР, когда уровень культуры и населения, и рабочего класса (если его измерять привычными мерками уровня образования – времени учёбы) был весьма низким? Ленин не раз говорил о невысоком уровне культуры и у рабочего класса, и у почти неграмотного крестьянства, и у членов партии (особенно в части управленческой культуры), о «той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор», при этом речь идёт даже о «не скажу культурности, а скажу грамотности». Следует напомнить, что уровень грамотности у населения в России (Европейская часть, Северный Кавказ, Западная Сибирь) в 1920 г. составлял 31,9% [12]. Правда, и Ленин, и Бухарин одновременно отмечали невысокий уровень культуры у российского чиновничества и интеллигенции (в сравнении, например, с прусскими чиновниками): «Царская бюрократия была на редкость бесталанной и изрядно вороватой. Российская интеллигенция была на редкость не деловой, технически мало образованной...» [14, с. 184].

При том, что уровень культуры первого Советского правительства, измеряемый в количестве написанных книг и владением иностранными языками, был выше уровня правительств империалистических стран, то и это получалось в среднем, при большой разнице внутри правительства.

А вот если его измерять по уровню полученного образования, то он будет куда менее внушительным: «При анализе образования членов Совнаркома нетрудно убедиться, что лишь меньшинство из них имело диплом об окончании высших учебных заведений. Некоторые учились в университетах, но не завершили полный курс. Ряд наркомов (в том числе Н.П. Глебов-Авиллов, В.П. Ногин, П.Е. Дыбенко) не имели и среднего образования.

Не лучше обстояло дело и среди членов ЦК и других ведущих руководителей, не входящих в СНК. Не имели законченного высшего образования Г.И. Зиновьев и М.В. Фрунзе. Не обучались в вузах Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин и другие. Анкетирование 1920 г. 30 тысяч членов партии показало, что из них лишь 5% имели высшее образование, и лишь 8% – среднее. 3% анкетированных было неграмотным. Остальные 84% имели «низшее», «домашнее», «тюремное» и прочие виды образования» [15]. Очевидно, что Советское правительство по этому показателю уступает даже выпускникам современного средненького университета, которые не то что страной на революционном переломе, но и собственной деятельностью управлять не умеют.

Век назад Ленин, поставивший вопрос о том, какой уровень культуры рабочего класса считать достаточным, не утверждал, что он фатально низок. Он фактически констатировал, что вопрос требует особого решения, ибо не известно, как и в чём измерять уровень культуры. Автор полагает, что при сравнении культурного уровня классов необходимо ввести понятие культурной *силы*, ибо, скорее всего, имеет значение не только средний уровень культуры, но и соотношение классовых культур с учётом численности и положения этих классов. Ранее (и сейчас) правящий класс составлял меньшинство населения, но его культурная сила позволяла ему управлять государством.

Следует отметить, что при столкновении культур победа высшей культуры (при естественном ходе событий) не являлась абсолютным отрицанием культуры низшей; как правило, происходило слияние культур, но с включением в результирующую культуру элементов низшей культуры. Однако при неестественном ходе событий победивший класс может не только сознательно подавлять все иные культуры, но и специально понижать уровень культуры иных классов. Так это происходит в настоящее время, когда главенствующая в мире держава (США) насаждает по всему миру не собственно свою культуру, а ту культуру, которую она считает желательной для угнетённых классов – культуру примитивного уровня; примером такой идеологической обработки может служить все-

мирная газета «Metro», выходящая в крупных городах всего мира (включая Москву, Петербург, Нижний Новгород и др.) и пропагандирующая «американские ценности», в том числе уровня ниже пояса. В то же время высшие классы американского общества для себя вполне могут развивать культуру и искусство высшего уровня. Например, если для «рабов» пропагандируется музыка примитивных направлений, то для себя, для «господ», в стране действуют десятки и сотни профессиональных и любительских симфонических оркестров... Художники, которые пропагандируют примитивные произведения поп-арта, в своих домах не имеют ни одной такой поделки и сами скупали антиквариат (Энди Уорхол).

Если же вернуться к определению уровня культуры рабочего класса и народа в целом, то вполне возможно, что подходы, предложенные и народниками, и Плехановым, в новых условиях окажутся весьма полезными при решении задачи, поставленной Лениным. Кстати, и народники, и Плеханов, и Ленин придерживались марксистского положения, что освобождение рабочего класса (у народников – народа) – дело самого рабочего класса (народа), и их смущало, что руководить народом (рабочим классом) приходится не самому рабочему классу (народу), а интеллигенции как более культурному слою.

Автор же полагает, что уровень культуры современного рабочего класса, особенно в его высшем звене (техники, инженеры, учёные) ничуть не ниже уровня культуры буржуазии – или не настолько ниже, что этот уровень нельзя превзойти в ближайшее время при должном понимании, в каком направлении его следует эффективно поднимать. В связи с этим вполне возможно возрождение понятия «пролетарская культура» – но не в примитивном богдановском понимании.

Список литературы

1. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры СПб.: СПбГУ, 1996. С. 66.
2. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система, М.: Языки русской культуры, 1998 г. / Цит. по Культура – Википедия www.ru.m.wikipedia.org/ (дата обращения: 28.03.23).
3. Лотман Ю.М. / Цит. по Культура - Википедия www.ru.m.wikipedia.org/ (дата обращения: 28.03.23).
4. Ильенков Э.В. «Философия и культура» / М.: Политиздат, 1991 г. 464 с.
5. Большая советская энциклопедия / Глав. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – Москва: Сов. энциклопедия, 1969. 631 с.
6. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. С.И. Вавилов. 2-е изд. – Москва: Большая Советская энциклопедия, 1949-1960. 652 с.

7. Медоуз Донелла и Деннис, Рандерс Й., Беренс У. Пределы роста // М.: МГУ, 1991. 207 с.
8. Толковый словарь русского языка / под редакций Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935 г.
9. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Избранные произведения в 3-х т. Т.3, М.: Политиздат, 1969. С. 152-172.
10. Исайчиков В.Ф. Политическая экономия: От решения старых проблем к постановке новых задач. Классовый анализ советского социализма и прогноз развития общества. Кризис прогнозов. Прогноз кризиса. М.: ЛЕНАНД, 2023. 480 с.
11. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Б/м, Политиздат, 1948. 403 с.
12. Ленин В.И. Странички из дневника // Ленин В.И. Избранные произведения в 3-х т. Т.3. М.: Политиздат, 1969. С. 706-707.
13. Ленин В.И. О нашей революции // Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. Т.3, М.: Политиздат, 1969. С. 720.
14. Бухарин Н.И. Культурные задачи и борьба с бюрократизмом / Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. 512 с.
15. Костин Н.Д. Ленин. Предан при жизни и после смерти. М.: ТОО СИМС, 1998. 139 с.

PROBLEMS OF A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE LEVEL OF CULTURE

V.F. Isaychikov

Isaichikov Victor Fyodorovich – Editor-in-Chief, Prosveshchenie magazine,
Moscow, Russia
mihmarkin@mail.ru

The paper analyzes a number of definitions of the concept of "culture" and gives a definition of culture to study the problems of a comprehensive assessment of the level of culture. It is shown that determining the level of culture by the time of education is not suitable for assessing the level of culture. The author suggests an approach to the concept of "cultural power" as a possible criterion for assessing the level of culture.

Keywords: definitions of culture; criteria for assessing the level of culture; "cultural power".

ПОДГОТОВКА К ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ: АНАЛИЗ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГЕРОНТОКУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА*

И.Ю. Киселев¹, А.Г. Смирнова²

¹ Киселев Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль
igkisselev@mail.ru

² Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
agsmirnova2001@mail.ru

Рассматривается проблема подготовки к выходу на пенсию. Подготовка к выходу на пенсию осуществляется в рамках сложившейся в обществе геронтокультуры, а именно с учетом представлений о жизни на пенсии. На основе результатов авторского социологического исследования показано, что в российском обществе одновременно присутствуют две модели выхода на пенсию и старения. Первая модель свойственна респондентам старше 45 лет, основывается на положительных представлениях о жизни на пенсии, принятии данного этапа жизненного пути и предполагает постепенное сужение круга социальной активности, прекращение трудовой деятельности, ориентацию ее на семью. Вторая свойственна респондентам 18-45 лет и предполагает установку на активное долголетие посредством сохранения трудовой деятельности. Образ жизни на пенсии имеет амбивалентную или отрицательную эмоциональную окрашенность. Подготовка к выходу на пенсию ориентирована на приобретение дополнительных источников дохода и заботу о здоровье.

Ключевые слова: геронтокультура, подготовка к выходу на пенсию, представления о жизни на пенсии, активное долголетие

Постановка проблемы исследования. Актуальность обращения к проблеме подготовки к выходу на пенсию определяется продолжающимся реформированием пенсионной системы в России. В 25 декабря 2012 г.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы VIP-020 «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России».

утверждена Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года [1]. Среди мер, предложенных в рамках стратегии: увеличение минимального стажа, дающего право на получение пенсии; возможность увеличить пенсионные выплаты, если отложить выход на пенсию. Предусмотрено участие будущего пенсионера и работодателей в формировании пенсий.

Реализация положений Стратегии неизбежно приведет к изменению характера перехода от трудовой деятельности к пенсии. На пенсию не просто «выходят», к ней готовятся, планируя сроки прекращения трудовой деятельности, влияя на размеры пенсионных выплат, поддерживая уровень здоровья и профессиональных навыков, позволяющих продолжать работать. Положения стратегии отражают современное понимание планирования выхода на пенсию как целостного процесса, который включает финансовый, трудовой, профессиональный, социальный и другие аспекты.

Подготовка к выходу на пенсию в соответствии с новыми принципами может оказаться затруднительной для россиян. Затруднения объясняются тем, что выход на пенсию – нормативное событие [2, с. 127]. Каждый человек точно знает, в каком возрасте он станет пенсионером. В связи с этим специальная подготовка к этому событию не требуется. Кроме того, россияне возлагают ответственность за будущие пенсии на государство, нежели берут ее на себя [3].

Вместе с тем, есть и факторы, которые способствуют изменению подхода к выходу на пенсию. По данным ВЦИОМ, россияне полагают, что старость начинается в 60-64 года (56%) и даже более старшем возрасте [4]. Довольно большая доля пенсионеров продолжают работать после выхода на пенсию [5, с. 31].

Таким образом, под влиянием институциональных изменений у россиян формируются новые представления о жизни на пенсии и пенсионном возрасте и в целом – новая геронтокультура, которая служит контекстом для подготовки россиян к выходу на пенсию.

Теоретико-методологические подходы к изучению проблемы. Понятие геронтокультуры раскрыто в работах В.В. Лемиш. Она берет за основу определение данного понятия, сформулированное Г.С. Сухобской и Н.М. Божко, как совокупности «некоторых жизненных принципов, позиций, отношений к пожилым людям и пожилых людей к жизни, к социуму, к самому себе» [6, с. 20]. При этом геронтокультура трактуется в широком смысле слова как всё, что создано в обществе для пожилых людей и самими пожилыми. В узком смысле геронтокультура – это ценности, формы общения и образ жизни пожилых людей [6, с. 21].

Геронтокультура складывается на макро-, мезо- и микроуровнях функционирования общества. На макроуровне геронтокультура проявляется в конкретных программах в русле проводимой социальной политики, образах старости, старения, жизни на пенсии [2, с. 126]. Она находит проявление в установленных границах пожилого и старческого возраста. Конструируются модели «правильного» старения. Например, Я.В. Евсеева на основе обзора исследований успешного старения выделяет две противоположные модели. Первая описана в теории активности, предписывающей поддерживать в пожилом возрасте тот же уровень социальной активности, что и в молодости. Вторая представлена в теории разобщения и предполагает постепенное взаимное отчуждение пожилого человека и социума [7, с. 7].

В современном российском обществе реализуются обе модели. Пожилые воспринимаются как объект заботы, в отношении них реализуются меры долговременного ухода [8]. Вместе с тем, складываются и новые подходы к пониманию старения, согласно которым, пожилых «стали чаще рассматривать как “ресурс”, а не как “ношу”» [9, с. 151]. Нормативные документы, регламентирующие социальную политику в отношении пожилых людей, основываются на принципах концепции активного долголетия [10; 11].

Ориентация в социальной политике в отношении пожилых на принципы концепции активного долголетия вызывает критические замечания [12]. Признавая их справедливость, нельзя не отметить, что социальная политика, основанная на принципах концепции активного долголетия, рассчитана не столько на нынешние поколения пожилых, сколько – на будущее. Она определяет новый образ пожилого человека у возрастных групп, которым еще только предстоит вступить в период старения, и способствует становлению новой геронтокультуры в российском обществе на макроуровне.

На мезоуровне можно говорить о геронтокультуре социальных общностей (мужчин и женщин, у людей с разным уровнем образования и материального достатка и т.д.). Подобное видение геронтокультуры соответствует трактовке проблемы старения, с точки зрения критических политэкономических подходов, согласно которым группы, обладающие неравным доступом к ресурсам, прежде всего, к доходам, по-разному проживают период жизни на пенсии и старения [13, с. 8].

На микроуровне геронтокультура представлена индивидуализированными представлениями о старении в контексте уникального жизненного пути каждого человек [2, с. 126].

Как понятие геронтокультуры можно применить для анализа подготовки к выходу на пенсию? По нашему мнению, решающее значение для выбора стратегии подготовки к выходу на пенсию приобретают представления о жизни в этот период, в частности, субъективно определяемые возможности и проблемы, а также возникающие в связи с этим эмоциональные переживания.

Существующая на макроуровне модель «правильного» старения, в том числе, отраженная в нормативных документах, определяет общую установку относительно того, стоит ли готовиться к выходу на пенсию, а также направления подготовки. На мезоуровне установки относительно подготовки к выходу на пенсию могут отличаться в зависимости от пола, возраста, образования и материального положения будущих пенсионеров.

Рассмотрим, какие установки относительно подготовки к выходу на пенсию разделяют мужчины и женщины разных возрастов и как они связаны с конструируемыми ими представлениями о жизни на пенсии.

Методика исследования. Эмпирическую базу составляют результаты авторского социологического исследования, проведенного в Ярославской области в период с 1 апреля по 1 июня 2023 г. сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова методом личного интервью. Объем выборки составил 650 человек. Выборка – целевая, формируемая в соответствии с принципом равной представленности групп респондентов: мужчин (323 человека) и женщин (327 человек).

Результаты и их обсуждение. Большинство опрошенных задумываются о подготовке к выходу на пенсию – 64,7%, полагают, что подобную подготовку нужно проводить заранее – 59,5%. Вместе с тем, в настоящее время 60,4% не планируют проводить подготовку к выходу на пенсию. Однако установки и направления подготовки к выходу на пенсию отличаются в зависимости от возраста респондентов.

Респонденты *18-25 лет* конструируют, скорее, негативный образ жизни на пенсии. У 53% опрошенных нет примера успешного старения. Благополучной жизнь на пенсии считают 18,2% опрошенных. Однако тяжелой и безрадостной жизнь пенсионеров видят лишь 19,7%. В результате спектр эмоций, которые испытывают молодые респонденты, представляя жизнь на пенсии, разнообразный и включает: принятие (35,6%), тревогу (32,6%), спокойствие (32,6%), безысходность (26,5%), страх (25,8%), тоску (25,8%), любопытство (25,8%). Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Страхи, которые респонденты связывают с предстоящей пенсией, универсальны и специфичны одновременно. Как и другие возрастные

группы, респонденты 18-25 лет связывают выход на пенсию со снижением доходов (62,1%), ухудшением здоровья (54,5%). Специфика состоит в том, что частота упоминания проблем со здоровьем – самая высокая среди всех рассмотренных возрастных групп. Наряду с проблемами со здоровьем молодых респондентов пугает физическая беспомощность (39,4%). Частота упоминания этого страха – самая высокая среди всех возрастных групп. Отмеченным проблемам соответствуют выбираемые направления подготовки к выходу на пенсию: сделать сбережения (73,1%), найти источник пассивного дохода (69,2%) и пройти медицинское обследование, плановое лечение (43,8%).

У респондентов 26-35 лет представления о жизни на пенсии в целом схожи с теми, которых придерживаются респонденты 18-25 лет. Исключение составляют направления подготовки к выходу на пенсию. Расширяется спектр инструментов обеспечения экономического благополучия на пенсии: наряду со сбережениями (49,2%) респонденты планируют приобрести источник пассивного дохода (49,2%), закрыть имеющиеся кредиты (38,3%). Кроме того, снижается значимость заботы о здоровье (31,3%).

У респондентов 36-45 лет сохраняется амбивалентный представление о жизни на пенсии. Доля тех, кто знает положительные примеры старения (52,6%), превышает долю респондентов, которые не знакомы с такими примерами (47,4%). Однако при этом предстоящая пенсия вызывает у респондентов преимущественно негативные эмоции (51,45%). Наряду с общими для всех групп страхами, связанными с предстоящей пенсией (снижение доходов – 75,4%; ухудшение здоровья – 47,7%), у респондентов 36-45 лет появляются и специфические опасения. В их числе: нарушение привычного ритма жизни, распорядка дня (23,1%), одиночество, ощущение собственной ненужности, сокращение круга общения (21,5%). Отмеченные страхи характерны для работающих респондентов. Респонденты 36-45 лет, прежде всего, женщины, чаще, чем другие возрастные группы, ориентированы на продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию, поскольку занятость позволяет справиться с ожидаемыми проблемами пенсионного периода, в том числе, снижением доходов.

У представителей данной возрастной группы специфичны и представления о позитивных событиях, связанных с выходом на пенсию. Как и респонденты других возрастов, они связывают выход на пенсию с возможностью располагать своим временем, посвящать его хобби, путешествиям. Однако, по сравнению с респондентами 18-35 лет они упоминают возможность на пенсии помогать семье, детям и внукам (36,8%), больше общаться с близкими людьми (26,3%).

У женщин 46-51 года и мужчин 46-56 лет среди эмоций, связанных с ожидаемым выходом на пенсию, преобладают: спокойствие (31,3% и 37,9% соответственно) и принятие (25,4% и 34,8%). При этом наблюдается положительная направленность эмоций, связанных с ожидаемым выходом на пенсию (65,55% и 70,1%). Возраст 46 лет становится своего рода рубежом, после которого человек начинает задумываться о приближении выхода на пенсию как нового этапа жизни и принимает его. В диапазон 46-56 лет попадает возраст, когда можно готовиться к выходу на пенсию. 17,9% опрошенных полагают, что подготовку к выходу на пенсию необходимо начинать в 50 лет; 10,3% – в 45 лет; 10,2% – 55 лет.

Респонденты данной возрастной группы отмечают новое, по сравнению с другими группами, преимущество, связанное с выходом на пенсию, возможность проводить время на даче (30,3% и 28,4%). При этом они чаще, чем респонденты 36-45 лет, связывают преимущества выхода на пенсию с возможностью помогать семье, детям и внукам (43,9% и 22,4%). Таким образом, в данной группе воспроизводится традиционное видение жизни пенсионера.

Респонденты называют универсальные для всех групп ожидаемые проблемы жизни на пенсии: снижение дохода и проблемы со здоровьем. Отметим, что у мужчин частота упоминаний о проблемах со здоровьем – одна из самых высоких среди сравниваемых групп (51,5%). Однако при этом лишь 29,0% планируют пройти медицинское обследование и плановое лечение в рамках подготовки к выходу на пенсию. В свою очередь, женщины, которые ожидают столкнуться с ухудшением здоровья (35,4%), ориентированы на решение этой проблемы в ходе подготовки к выходу на пенсию (35,4%).

У женщин и мужчин предпенсионного возраста (52-57 / 57-62 года) сохраняется в целом позитивный образ жизни на пенсии. Однако среди эмоций, вызванных мыслями о предстоящей пенсии, наряду со спокойствием и принятием женщины называют тревогу (37,1%) и страх (33,9%). У мужчин тревога выражена меньше (23,7%) и связана с ожидаемым снижением доходов. Респонденты, которые связывают выход на пенсию с эмоцией тревоги, чаще опасаются снижения доходов (85,7%), чем те, кто не высказывает подобных опасений (44,4%). Женщины наряду с традиционными страхами снижения доходов и ухудшения здоровья, чаще, чем представители других сравниваемых групп называют страх одиночества, ощущения собственной ненужности, сокращения круга общения на пенсии (29,5%).

Подготовка к выходу на пенсию респондентов предпенсионного возраста имеет особенности. По сравнению с респондентами молодого и среднего возраста, которые еще только задумываются о подготовке к вы-

ходу на пенсию или откладывают ее на более позднее время, предпенсионеры отмечают, что уже совершают конкретные шаги по подготовке (женщины – 29,5%, мужчины – 35,7%). Для обеспечения финансовой безопасности, наряду со стремлением сделать сбережения и закрыть кредиты, опрошенные стремятся совершить крупные траты, которые будут недоступны на пенсии: сделать ремонт квартиры, дачи (33,9% и 39,3% соответственно), обновить мебель и бытовую технику (женщины – 26,2%), купить новую машину (мужчины – 13,9%). При этом на сбережения и приобретение источника пассивного дохода ориентировано меньше респондентов, чем в других возрастных группах. Они также склонны отказываться от продолжения трудовой деятельности на пенсии (женщины – 20,9%, мужчины – 26,2%). Предпенсионеры полагаются не только на поиск дополнительных источников доходов на пенсии, но и на сокращение трат.

Выводы. Обобщая полученные результаты, можем сделать следующие выводы.

В российском обществе одновременно присутствуют две модели подготовки к выходу на пенсию и старению. Первой модели – традиционной – намерены следовать респонденты 46 лет и старше. Она предполагает постепенное сокращение социальной активности, прекращение трудовой деятельности, ориентацию на ближний круг, на семью, ведение домашнего хозяйства.

Вторая модель наблюдается у молодых респондентов, которые ориентированы на активное старение посредством сохранения трудовой деятельности. Стремление приобрести дополнительные источники доходов позволяет ожидать участия этих поколений пожилых в геронтоэкономике, потреблении образовательных, медицинских и рекреационных услуг.

Вместе с тем, необходимо отметить барьеры на пути реализации модели активного долголетия поколениями будущих пенсионеров. Первый состоит в том, что труд рассматривается респондентами не как терминальная, а как инструментальная ценность, как средство получения дополнительных доходов на пенсии. Тема завершения трудовой деятельности – эмоционально нейтральна и в основном не рассматривается респондентами моложе 46 лет, с точки зрения потерь или выигрышей. В результате, если им удастся приобрести другие источники дохода, они завершат трудовую деятельность при выходе на пенсию или раньше.

Второй барьер – невнимание к своему здоровью, которое сохраняется у респондентов среднего возраста.

Большинство респондентов не предпринимают конкретных шагов по подготовке к выходу на пенсию. Установка на подготовку появляется

лишь в предпенсионном возрасте, когда уже не остается достаточно времени на изменение состояния здоровья или финансового положения.

Вместе с тем, большинство молодых респондентов задумываются о подготовке к выходу на пенсию, однако не располагают конкретными инструментами для ее реализации. Можем предположить, что разработка программ подготовки к выходу на пенсию (например, в сфере финансового планирования), которые будут сопровождаться должным уровнем информационной и консультационной поддержки, позволит изменить ситуацию.

Список литературы

1. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ № 2425 от 25 декабря 2012 г. // Официальный сайт Минтруд России. Режим доступа: URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/174> (дата обращения: 29.04.2023)
2. Лемиш В.В. Подготовка к выходу на пенсию как элемент геронтокультуры // Омский научный вестник. 2015. № 4(141). С. 126-128.
3. Накопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях // ВЦИОМ, 2022. 16 августа. Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения: 23.10.2023)
4. Старение: принять или бороться? // ВЦИОМ, 2023. 13 марта. Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starenie-prinjatii-borotsja> (дата обращения: 21.10.2023)
5. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022 Стат.сб./Росстат. М., 2022. 151 с.
6. Лемиш В.В. Феномен геронтокультуры: проблемы исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 6. № 14. С. 18-27.
7. Евсеева Я.В. Теория успешного старения: Современные исследования: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 1. С. 6-13.
8. Григорьева И.А. Старение и пожилые в современной российской социологии // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 20-23.
9. Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 151-167.
10. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. Режим доступа: URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/37/2> (дата обращения: 24.09.2023)

11. Федеральный проект «Старшее поколение» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. Режим доступа: URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 24.09.2023)

12. Ермилова А.В., Исакова И.А. Концепция активного долголетия или концепция выживания пожилых // Старшее поколение современной России: монография / З.Х. Саралиева, Н.Ю. Егорова, Е.Е. Кутявина, И.Е. Золин [и др.]. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2022. 158 с.

13. Zaidi A., Howse K. The Policy Discourses of Active Ageing: Some Reflections // Population Aging. 2017. № 10. P. 1-10.

PREPARATION FOR RETIREMENT: ANALYSIS FROM THE POINT OF VIEW OF THE CONCEPT OF GERONTOCULTURE OF SOCIETY

I.Y. Kiselev¹, A.G. Smirnova²

¹Kiselev Igor Yuryevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl
igkiselev@mail.ru

²Smirnova Anna Gennadyevna – Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl
agsmirnova2001@mail.ru

The problem of preparing for retirement is considered. It is shown that preparation for retirement is carried out within the framework of the gerontoculture that has developed in society, namely, taking into account ideas about life in retirement. Based on the results of the author's sociological research, it is shown that in Russian society there are simultaneously two models of retirement and aging. The first model is typical for respondents over 45 years of age. It is based on positive ideas about life in retirement, acceptance of this stage of life's journey and involves a gradual narrowing of the circle of social activity, cessation of work activity, and family orientation. The second is typical for respondents aged 18-45 and involves an orientation towards active longevity through maintaining work activity. The retired lifestyle has an ambivalent or negative emotional connotation. Preparing for retirement is focused on acquiring additional sources of income and taking care of health.

Keywords: gerontoculture, preparing for retirement, representation about life in retirement, active aging

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

В.П. Козырьков

Козырьков Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
kozir3@yandex.ru

Культура рассматривается как способ формирования, воспроизводства и развития человека. Ее развитие, историческое и актуальное, имеет три уровня: матричный уровень, уровень метакультуры и уровень культуры свободной индивидуальности. Уровни являются одновременно стадиями становления и развития человека, на которых из различных элементов и форм культуры складываются различные по характеру взаимосвязи поколений. Высший уровень – развитие свободной индивидуальности, тенденция движения к которому пробивает себе путь в современную культурную эпоху. Приводятся факты и данные становления противоречивого процесса перехода от второго уровня развития культуры к третьему.

Ключевые слова: культура, уровни культуры, матричная культура, метакультура, свободная индивидуальность, связь поколений.

В преемственности поколений культура проявляет себя как явление сложное и развивающееся, поэтому и связь поколений тоже не имеет однообразного и линейного характера. Проблема связи поколений в российском обществе обостряется в связи с распадом советского общества. В истории таких процессов еще не существовало, поэтому мы не можем опираться на исторический опыт в решении проблемы преемственности поколений.

Цель главы – предложить опыт анализа проблемы связи поколений с этой точки зрения. Во многом анализ будет носить эскизный характер, а ссылки на эмпирические данные и социальные факты будут фигурировать для определенной привязки теоретических положений к актуальным проблемам с целью демонстрации возможности их нового осмысления.

В истории выделяются три уровня развития культуры и, соответственно, формы связи поколений: во-первых, первичный, матричный, связанный с процессом развития человека и с воспроизводством средств развития самой этой первичной культуры и человека: на этом уровне

связь поколений носит непосредственный и линейный характер. Во-вторых, разнообразие средств развития самой культуры, которые способствуют совершенствованию ее элементов и в различной степени являются формами изменений индивидуальности личности: связь поколений носит многовекторный и противоречивый характер. В-третьих, развитие свободной индивидуальности как самоцель развития культуры и общества: связь поколений носит восходящий и целенаправленный характер. «Культура – не только то, чем мы живем. Она в большей степени и то, ради чего мы живем» [1, с. 189]. Рассмотрим подробнее каждый из уровней.

На первичном уровне происходит становление человека в совокупности его атрибутов (прямохождение и универсальность движения, свободная рука, способная использовать орудие труда, язык и знаки, самосознание и солидарность, женственность и мужественность и др.). Одновременно, это и формирование *способа* этого становления человека, который исторически закрепился в социальной памяти через технику, технологию производимых продуктов, в трудовых умениях и навыках, в способе общественной организации всего процесса путем создания различных общностей, социальных организаций и социальных групп, деятельность которых составляет содержание социализации. Но в этом случае процесс социализации включает действие культуры в целом, в пространстве которого происходит становление человека как общественного существа [2]. Исторически (в филогенезе) первый уровень культуры формировался и утверждался в течение многих веков. Сейчас (в онтогенезе) он протекает в течение ряда лет в процессе развития задатков и способностей каждого человека с момента его рождения в процессе воспитания, обучения и образования.

На этом уровне преемственность поколений играет решающую роль в воспроизводстве соответствующего типа личности. В филогенезе она имела *жесткий* характер, осуществляясь в виде обычаев, ритуалов, традиций, сопровождаясь мифами различного рода.

В современном процессе социализации связь поколений стала носить многовекторный характер и включать действие различных специальных институтов (семьи, государства, церкви, искусства, морали и др.) и организаций (детский сад, школа, детские общественные организации, клубы, спортивные секции), которые осуществляют связь поколений или тормозят этот процесс в зависимости от характера их деятельности.

Активную и относительно самостоятельную роль начинают играть различные виды духовности. Так возникает *второй уровень культуры*, на котором искусство, религия, мораль, наука, философия выступают

в роли способа развития культуры в ее главном предназначении, становясь метакультурой [3], то есть приобретает такую функцию, которая развивает духовную структуру человека. Обнаружение и раскрытие задатков и способностей каждого происходит, как и прежде, в семье, в общении с близкими и друзьями, поэтому в этой первичной общности завязываются и первичные отношения между поколениями. На этом уровне возникают и первые риски в формировании связи поколений, вызванные ошибками в определении задатков детей, в выборе друзей и отсутствия способности у родителей выстраивать адекватные связи с молодым поколением, а у детей – со старшими. Древний принцип «делай, как я» уже не действует. Сам концепт «молодежь» приобретает различные модификации [4].

Новые возможности возникают при широком доступе к ресурсам культуры в пространстве Интернета, хотя в нем скрыты и новые угрозы для связи поколений. Наше исследование показало, что «наибольшим доверием у молодёжи пользуется информация, которая не противоречит личному опыту, мнению семьи и друзей (отметили 65%), а также информация, полученная от лично знакомых людей (62%). То есть, в этом случае срабатывает эффект базального генезиса доверия» [5, с. 139]. Следовательно, по источнику доверия к получаемой информации молодежь приближается к старшему поколению. Различие только в том, что старшее поколение ориентируется на традиционные социальные институты на основании своего практического опыта, а молодежь по опыту, который приобретают через погружение в сетевые сообщества. Поэтому проблема безопасности сохранения преемственности поколений перешла в информационные сети, но не вышла за пределы семейного пространства и круга близких людей в целом.

Новая духовная культура позволяет осознавать себя самостоятельным и свободным существом в формировании связи между поколениями. Но духовность на этом уровне культуры имеет противоречивый характер в соответствии с противоречивостью общества. Каждый вид духовности дифференцируется на свою духовность и на чужую. Поэтому духовная культура становится одновременно способом обеспечения безопасности определенных социальных организаций и групп от чужих форм духовности [6]. Так возникает *идеология* в различных ее формах в зависимости от вида духовности и в соответствии с интересами определенных социальных общностей. Поэтому необходимость преемственности поколений, как и сами поколения, стали воспроизводиться не только с ростом населения и семейных общностей, но в большей мере различными идеологическими структурами и публичными организациями.

Идеологический подход вызвал идею о появлении различных поколений нового типа, которые, якобы, складываются независимо от процессов в семье, от сложнейшего процесса инкультурация и социализация человека, от характера общества в целом. Причем, эти поколения выделяются только внутри молодежи. Так, сейчас выделяются поколения Альфа и Дельта, X, Y, Z [7-9] преимущественно в зависимости от новых технологий, по экзистенциальным особенностям, но независимо от старших поколений и от фундаментальных исторических событий, формирующих социокультурные поколения. Например, в специальной теории поколений утверждается, что «поколение – это люди, объединённые, в первую очередь, общими ценностями, которые распознаются по общему языку, культурному опыту, базовым установкам» [10, с. 64]. Но таким образом поколение редуцируется до социальной группы, так как поколения – это общности, которые выделяются во времени, образуют субъектную цепочку исторического процесса.

Цифровые технологии выдвигаются на первое место идеологически, чтобы показать их важность в коммерческих и политических интересах. С идеологической целью выдвигаются на первый план и экзистенциальные факторы, когда подчеркивается, что «отсутствие полноценной личной, социальной или политической свободы сформировало стремление к абсолютной свободе, когда человек занимается теми вещами и с теми людьми, которые он выбрал сам» [10, с. 64-65]. Очевидно, что в этом выводе раскрывается обоснование либеральной идеологии.

Но если выделение различных видов молодого поколения через привязку его лишь к характеру социальному времени, но в отрыве от старшего поколения, то молодое поколение лишается взаимосвязи с субъектностью старших. Субъектность молодых людей лишается своих корней.

Нельзя согласиться и с другой крайностью, в которой предлагается полностью возложить на детей ответственность за социальное обеспечение своих пожилых родителей, избавляя государство от соответствующих социальных институтов [11, с. 12]. Как отмечается в дискуссии по этому вопросу, «один из аргументов в пользу того, что дети заботятся о своих престарелых родителях, заключается в том, что они заботились о вас, когда вы были маленькими и беспомощными, а теперь, когда они старые и беспомощные или просто с трудом обходятся, вы должны заботиться о них» [12, с. 13]. Реальные социальные процессы в этой области отношений, как показало наше исследование [13], разворачиваются не через крайности, а через взаимодействие сторон, опосредованное новыми социальными институтами, на которые ориентирована молодежь, а также

семьей и государством, на которые ориентировано в большей мере старшее поколение.

В последние годы в России и в других странах можно наблюдать качественное изменение оценки пожилыми людьми своего человеческого потенциала. Казалось бы, он уже сформировался и обладает устойчивым характером, подкрепленным базовыми социальными институтами, но в обществе, реформируемом «цифрой», новым типом социальной элиты и власти, именно от *пожилых людей потребовалось существенное изменение своего человеческого потенциала*, а вместе с этим, характера контактов с представителями молодого поколения. От старших потребовалась большая динамика, чем от молодых. Особенно со студентами, поскольку именно они могли бы дать новые знания в области цифровых технологий, но не всегда это делается. В обмен пожилые люди могут предложить свой социально-исторический опыт в освоении культуры, в политической сфере, которым, как показывают научные исследования, не обладают молодые люди, проявляя социальный инфантилизм [14, с. 17].

Таким образом, молодое и старшее поколения нельзя отрывать друг от друга, выдвигая на передний план только молодежь. Внутри себя молодежь дифференцируется не на поколения, а на группы. Поколения нельзя выделять и рассматривать и в отрыве от типа общественной системы и социальной структуры. Отрыв от этих общих факторов лишает поколения их объективного основания, превращая в идеологические конструкции политического, ментального или технологического характера.

Но это легко делается по отношению к молодежи, так как она еще не определилась со своим социальным статусом. За основу берется привязанность молодежи к определенной моде или доминирующему сейчас средству коммуникации. Но все же в основе поколений – взаимосвязь «отцов и детей», образующая историческую преемственность. Что касается иных факторов, то они придают поколениям специфику в каждую культурную эпоху, в том числе и в эпоху современную.

Но как только была осознана *необходимость культуры развития самой культуры (метакультуры)*, а произошло это уже в античности, так в процессе развития культуры как общеисторического процесса стала набирать силу *культура третьего уровня*, на котором главной целью, а если точнее, то *самоцелью* истории становится развитие *свободной индивидуальности* человека. Уже в античности начинается взлет талантов в разных областях духовной культуры, но источник связывался с волей богов. В средние века развитие индивидуальности продолжалось преимущественно в ремесленном творчестве, соединяющегося с искусством, о

чем говорят предметы роскоши, украшения оружия, архитектурные сооружения крепостей, замков и храмов. Более широко этот процесс происходил уже в эпоху Возрождения: развитие индивидуальности было осознано как цель жизни, угодной богу [15].

Постепенно в качестве средств развития этого уровня культуры выступают новые технологии, которые интегрируют творческие возможности всей духовной культуры. Вначале это было развитие письменности, книгопечатания, творческого воображения средствами искусства, развитие философии и науки, развивающие культуру мышления. Выход на этот уровень рассматривался как проявление гениальности человека, а ее истоком, опять-таки, считался божий дар [17].

Долгое время третий уровень развивался стихийно и очень медленно, переходя от доминирования одного элемента культуры к другому. К планомерному развитию третьего уровня культуры человечество еще только приступило в XX веке, и трудно сказать, какова она будет в ее целостности. Ведь развитие свободной индивидуальности на том уровне становится самоцелью, поэтому многообразие элементов и форм культуры, выработанное на втором уровне, интегрируется. Тенденции к этой интеграции существуют на втором уровне.

Это было показано в экономических рукописях К. Маркса 1857–59-х гг. В них были разработаны экономические и социологические основы теории свободной индивидуальности. Она позволила К. Марксу рассматривать движение к свободной индивидуальности как общеисторический процесс и как результат развития культуры на разных исторических этапах, в особенности в капиталистическом обществе, и как самоцель истории человечества. Идея Маркса о «развитии свободной индивидуальности» [18, с. 214] стоит несколько особняком от его всем известной исторической концепции развития общественно-экономических формаций. Пожалуй, только Э. Фромм осмелился назвать К. Маркса индивидуалистом в понимании природы человека, отмечая: «Философия Маркса на нерелигиозном языке обозначала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства, нацеленного на полное осуществление индивидуализма, то есть той цели, которой руководствовало все западное общественное мышление со времен Возрождения и Реформации и до середины XIX в.» [19, с. 377].

Однако социологическая идея К. Маркса о свободной индивидуальности – не коммунистическая, а общеисторическая, идея, богатые условия для реализации которой развиваются уже в капиталистическом обществе. К. Маркс не был догматиком и очень критично относился ко всем абстрактным построениям будущего общества. Полтора века показали,

что бóльшую жизнеспособность показала не коммунистическая идея сама по себе, а гуманистическая идея развития свободной индивидуальности. Эта идея К. Марксом формулируется таким образом: «Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [20, с. 476].

Важно подчеркнуть, что в последующем эта идея в социологии развивалась независимо от формулировок К. Маркса и с разных методологических позиций: Н. Михайловским с его идеей «борьбы за индивидуальность», В. Розановым с идеей «частная жизнь превыше всего», С. Франком, развивавшем идею приоритетности «самых интимных упований личного духа» [21, с. 11]. Но их наследие, включая и других русских мыслителей, в рассматриваемом нами направлении не анализировалось. В новом осмыслении нуждается и наследие Г. Зиммеля, А. Шюца, Н. Элиаса, З. Баумана, Ж. Липовецки и других западных теоретиков, идеи которых были обозначены как самостоятельные и оригинальные, но не раскрыты социокультурные истоки их идей.

В социальной практике движение за свободную индивидуальность сейчас раскрывается в социальной установке на оригинальность, на самоутверждении социальной значимости каждой оригинальной личности. В экономике появились гибкие технологии, способности учесть индивидуальные вкусы потребителей продуктов. Цифровые технологии усиливают эту тенденцию, так как дают возможность планирования производства с учетом индивидуальных интересов. И сами по себе цифровые технологии стали основой для индивидуализации форм коммуникации и социального проектирования. Стираются грани между частной и публичной жизнью, что ведет к интимизации культуры и публизации частной жизни [22-23].

Таким образом, культура третьего уровня есть *культура развития свободной индивидуальности*. Культура, обладающая внутренним единством, определяемом единством генезиса человека и культуры, их неразделенностью в процессе развития. Общество находится только в начале движения к такой культуре. На этом пути существует множество противоречий и деструктивных форм, которые могут отпугивать людей от следования этой цели. Якобы, свободная индивидуальность может приводить только к росту моральной распушенности, преступности и личным

извращениям, что мы действительно наблюдаем сейчас и что охотно демонстрируется в СМИ. Но если есть противоположные тенденции (тоталитарные, авторитарные, омассовление, сакрализация, эстетизация и др.), то, значит, становление свободной индивидуальности, несмотря ни на что, обладает исторической устойчивостью. И вряд ли какая другая тенденция имеет более высокий духовный характер.

Второй век констатируется кризис культуры. Но кризис – это не катастрофа, а надежда на выздоровление. И показателем этого выздоровления будет формирование такой экономики и такой демократии, в которых целью выступит развитие индивидуальности человека, а не прибыль [24].

Только с высоты уровня развития культуры, целью которой является развитие свободной индивидуальности, можно адекватно оценить развитие взаимосвязи поколений, стремление найти такие взаимосвязи поколений, которые были бы адекватны природе человека. Они имеют развивающийся, но ограниченный во времени характер, поэтому проблема взаимосвязи старшего и молодого поколения будет всегда иметь актуальный характер и требовать внимания как со стороны семьи, так и общества, всех его организаций и развития социальных институтов.

Список литературы

1. Иглтон Т. Идея культуры. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 192 с.
2. Артемьева О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.: Наука, 1987. 199 с.
3. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010. 268 с.
4. Козырьков В.П. Трансформация молодежного концепта в сетевых сообществах // Молодежь: актуальные социальные практики: Монография / Б.И. Бедный, Г.Л. Воронин, В.П. Козырьков [и др.] / Под ред. Т.Э. Петровой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 126-150.
5. Козырьков В.П., Ушакова Я.В., Шалютина Н.В. Особенности формирования доверия учащейся молодежи в медиасетях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2 (34). С. 131-146. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8104
6. Фомченкова Г.А., Козырьков В.П. Духовная сфера общества и обеспечение его безопасности. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2018. 218 с.
7. Атаджанов М. Переходное поколение в современном социуме: от поколения икс к интернет-поколению // Научный вест. Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 4 (8). 2015. С. 69-73.
8. Котовщикова К.В. Теория поколений: специфика поколений Z // Вызовы времени и ведущие мировые научные центры. Сб. ст. Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч. 2. Уфа: ООО «Омега сайнс», 2019. С. 192-195.

9. Мухаметзянова Ф.Г., Степанова К.И. Размышления о новых поколениях обучающихся и особенности поколения альфа в глобальном образовании // Глобальная экономика и образование. 2021. Т. 1. № 2. С. 42-50.
10. Мичкова Н.С., Ошемкова С.А. Экзистенциальные картины мира представителей поколения «X» и поколения «Миллениум»: особенности переживания бессмысленности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2021. № 2. С. 60-78.
11. Grzegorz Ignatowski. Children's Responsibility for Their Elderly Parents // in *Pedagogika Rodziny (Family Pedagogy)* 5(1). November 2015 with 149 Reads. DOI: 10.1515/fampe-2015-0001 (дата обращения: 20.09.2023)
12. Should elderly parents be cared for by their children? // URL: <https://forum.wordreference.com/threads/should-elderly-parents-be-cared-for-by-their-children.475726/> (дата обращения: 20.09.2023)
13. Козырьков В.П., Ситникова Е.Л. Пожилые люди и молодежь: формирование и развитие поколений социокультурного характера // Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и экономико-демографические аспекты / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. М.: ООО «МАКС Пресс», 2022. С. 43-45.
15. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
14. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Сильчук Е.В. Новые явления в молодежной среде и актуальные задачи молодежной политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8-17.
17. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991. 432 с.
18. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Политиздат, 1968. 618 с.
19. Фромм Э. Концепция человека у Маркса // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375-413.
20. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. М.: Политиздат, 1968. 559 с.
21. Франк С.Л. Личная жизнь и социальное строительство. Paris: Ymca-Press, 1933. 25 с.
22. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 423 с.
23. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 254 с.
24. Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. Издательский дом ВШЭ, 2014. 192 с.

**THE PROBLEM OF INTERCONNECTION AND SPIRITUAL
SECURITY IN THE SUCCESSION OF GENERATIONS DEPENDING
ON THE LEVEL OF CULTURAL DEVELOPMENT**

V.P. Kozyrkov

Kozyrkov Vladimir Pavlovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor
of the Department of Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences,
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
kozir3@yandex.ru

Culture is considered as a way of human formation, reproduction and development. Its development, historical and actual, has three levels: the matrix level, the level of metaculture and the level of culture of free individuality. The levels are, at the same time, stages of human formation and development, at which various elements and forms of culture form different interrelations of generations. The highest level is the development of free individuality, the tendency of movement towards which is making its way in the modern cultural epoch. The facts and data of the formation of the contradictory process of transition from the second level of cultural development to the third are given.

Keywords: culture, levels of culture, matrix culture, metaculture, free individuality, generational link.

**МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ДЕТСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭКСПЕРНОЕ МНЕНИЕ
ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

С.Н. Майорова-Щеглова¹, С.Ю. Митрофанова²

¹ Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва
sherlova-s@yandex.ru

² Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, г. Самара
mit_s@mail.ru

На основе обращения к Конвенции ООН и статистическим данным представлены динамика численности детского населения и изменение статуса детства в России. Проведено обобщение подходов к обсуждению мер защиты детства в междисциплинарном поле. Представлена позиция воспитателей детских дошкольных образовательных учреждений как экспертов по вопросу приоритетности мер поддержки детства в современном российском обществе. Доказана их роль как конструкторов современного детства.

Ключевые слова: детство, численность детей в РФ, меры поддержки детства, воспитатели.

Введение. В основе всякого социального воспроизводства населения – профессионального, семейно-брачного, социально-экономического, политического и другого находятся процессы его естественного воспроизводства, среди которых процессы воспроизводства детского населения играют ключевую роль. В соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка принятой в 1989 г. и ратифицированной нашим государством в 1990 г., дети в возрастном аспекте от 0 до 18 лет [1]. Численность детей – это не только характеристика данного общества в настоящем, но и потенциал его развития в будущем. Укажем количественные характеристики когорты детей от 0 до 18 лет в России, используя данные 2002 г. [2], 2010 г. [3] и 2020 г. [4] итогов Всероссийской переписи населения.

**Динамика численности детского населения в России
с 2010г. по 2020 г.**

Год переписи	2002		2010		2020	
	В частотах	В %	В частотах	В %	В частотах	В %
0-18 лет	33 946411	23,4	28026172	19,6	31807081	21,8
Все население	145166731	10 0	142856536	100	146171015	100

Эволюция когорты детей за последние 10 лет демонстрирует тенденцию незначительного роста численности детского населения, однако в более отдаленной перспективе наблюдаем тенденцию снижения доли детей с 2002 г. к 2020 г., хотя численность населения в РФ в 2020 г. незначительно, но выше, чем в 2002 г.

Все это актуализирует вопросы выстраивания демографической, социальной и воспитательной политики в интересах детей, обсуждения возможных мер поддержки детству. Государственная поддержка детству в самом общем виде представляет собой оказание помощи детям, семье посредством выработанных государственными структурами инструментов: государственных программ, национальных проектов и других, ориентированных на улучшение социального положения, условий жизни детей, семей с детьми. Государством уделяется значительное внимание этим мерам, в этом контексте подчеркнем значение нацпроекта «Демография», миссия которого, в том числе, направлена на поддержку семей с детьми [5], Федерального закона от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2023) [6], распоряжения Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.». [7]

В научном дискурсе меры поддержки детства рассматриваются отечественными авторами в юриспруденции, политологии, педагогике, медицине, философии, экономике, психологии, теории и технологии социальной работы и социологии. В этом контексте продуктивной, на наш взгляд, является идея интерсекциональности применительно к понятию

«меры поддержки детства». Концепт интерсекциональности разрабатывается финским исследователем Л. Аланен применительно к исследованиям детства [8] и активно используется в отечественной социологии детства [9]. Однако, отметим, что, хотя мы и рассматриваем меры поддержки детей как «путешествующее» понятие, для одних областей научного знания этот вопрос имеет стыковочный характер, для других – центральный.

В юриспруденции меры поддержки детства освещаются в рамках проблем: конституционно-правовой защиты семьи, материнства, отцовства, детства; законодательного регулирования государственной поддержки, оказания помощи социально уязвимым категориям населения; анализа правовых оснований деятельности органов местного самоуправления в социальной сфере; правовой оценки содержания деятельности федеральных, региональных и муниципальных властей по обеспечению социальных гарантий детства; охраны и обеспечения прав ребенка [например, 10].

В политологии вопрос поддержки детства обсуждается в русле политических аспектов социальной защиты семьи и охраны детства, выстраивания направлений государственной политики в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних на разных этапах развития России, политики защиты семьи и политических проблем ее безопасности, защиты детства в условиях глобализации, организационно-политических аспектов защиты детства в стратегиях партийных структур, развития ювенальных институций [например, 11].

В педагогике изучаемый вопрос поднимается в аспекте выстраивания системы социально-педагогической поддержки детства, управления этой системой, особенностей воспитания и личностного развития социально уязвимых категорий детей, социально-культурного партнерства различных учреждений в профилактике детского неблагополучия [например, 12].

В медицине при рассмотрении мер поддержки детству внимание уделяется вопросам охраны и поддержки грудного вскармливания детей, эффективной системы охраны материнства, охраны здоровья детей, мероприятиям по улучшению здоровья женщин и детей, медико-социальной профилактики **заболеваний**, медико-социальных проблем социально уязвимых категорий детей и путей их решения [например, 13].

В философии меры поддержки детства обсуждаются в аспекте гуманистического содержания социальной политики в интересах детей, социально-философского анализа проблем детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, анализа феномена материнства как духовной ценности, философского анализа феномена социальной защищенности, ценностей родительства [например, 14].

В экономических науках рассматриваемая проблематика анализируется в контексте финансового обеспечения социальной защиты материнства и детства, организационно-экономического совершенствования механизма, обеспечения региональной социальной и семейной политики и оказания мер поддержки детству, экономической активности матерей [например, 15].

В психологии обсуждаемый вопрос является стыковочным и анализируется в аспекте деятельности психологических служб и их возможностей, психолого-педагогического сопровождения развития ребенка, готовности к замещающему родительству, социально-психологических факторах жестокого обращения, социально-психологических проблем социально уязвимых категорий детей [например, 16].

В социологии и социальной работе вопросы мер поддержки детства являются центральными и обсуждаются применительно к социальному обеспечению и возможностям оказания помощи социально уязвимым категориям детей в контексте помощи семье [например, 17], поддержки материнству, отцовству; анализу социальных проблем детства [например, 18], социальной политики в интересах детей, проблем семейной социальной политики, организации социальной работы с детьми, социального статуса детей в современном обществе, трансформационных процессов в семейной политике.

Исследовательский комитет Российского общества социологов «Социология детства» провел в 2022 г. исследование, посвященное определению роли социальных институтов и организаций в деятельности воспитателей дошкольных образовательных организаций. В онлайн-опросе приняли участие 3351 респондент из 8 федеральных округов, 54 субъектов РФ, 99% составили женщины, что является особенностью данной сферы труда, 98,5% работали в государственных детских садах.

Основной локус был направлен на выявление практик приобщения детей к традициям, в связи с Указом Президента РФ № 745 от 30.12.2021 «О проведении в Российской Федерации года культурного наследия народов России», однако мы дополнительно выяснили у респондентов их позиции по некоторым важным вопросам современного детства. Такой поворот исследования был не случаен, мы высказали гипотезу и получили ее подтверждение, что постепенно сама группа воспитателей ДОО становится значимой в ядре интеллигенции и трансформируется в группу экспертов детской проблематики.

Воспитателей детских садов раньше, скорее, относили к группе персонала, занимающейся присмотром и уходом за детьми. Однако, в последние два десятилетия реформ образования и особенно в последние два

года реконструирования системы воспитания в стране они стали группой, которая формирует мировоззрение, закладывает основы культурного кода и образует младшее поколение. Растет уровень образования и компетентности этих работников. В 2022 г. 52,6% воспитателей по стране имели высшее образование, с высшим педагогическим образованием половина сотрудников – 49% [19].

Для такой трансформации важны и внешние управленческие решения (утверждение новой Федеральной образовательной программы дошкольного образования) и изменения общественного мнения.

По определению Е.М. Колесниковой, педагог дошкольного образования – профессия «из списка базовых социальных ожиданий от государства» [20]. Население, родители проявляют доверие к государственным дошкольным образовательным учреждениям, отмечают свое уважение и поддержку труда педагогов дошкольного звена образования, около 50% считают ее престижной в современной профессиональной структуре [21].

Создание профессиональных самоуправляемых сообществ (а мы в нашем исследовании сотрудничали с двумя крупнейшими из них, с «Ассоциацией лучших дошкольных образовательных организаций и педагогов» и Всероссийской общественной организацией «Воспитатели России»), конкурсно-фестивальная активность, направленное влияние на родительское сообщество, взаимодействие с иными специалистами детской сферы (библиотекарями, музейщиками и др.) выводит воспитателей на новый уровень, стимулируя их конструктивную проектную деятельность о будущем детства. Мы рассматриваем педагогов ДОУ не просто как информантов, а как конструкторов современного детства. Своими действиями они влияют не только на юных воспитанников, но и на их семьи через общение, информирование, тесное взаимодействие, проявляя отчасти патерналистскую позицию по отношению к родителям, особенно молодым, которых воспитатели активно вовлекают в процессы образования и воспитания детей. В Год сохранения культурного наследия воспитатели смогли включить полностью в такую деятельность 2/3 всех родителей и еще пятую часть частично.

Важна позиция этих новых взрослых стейкхолдеров детства как заинтересованных и компетентных субъектов по вопросу приоритетных мер поддержки современного детства. В качестве основного направления в современной России воспитатели называют поддержку образования, эта позиция существенно выделяется на фоне остальных по частоте упоминаний – 64%. Скорее всего, это связано с тем, что воспитатели оценивают детство не только реально, с точки зрения его самооценности, субъектности, признавая значимость образования дошкольников в настоящее время

и право голоса за детьми на выражение своей позиции, но и потенциально, осознавая роль образовательных практик в процессах социализации и достижения успешных позиций в современной взрослой жизни.

Воспитатели считают важными и меры, связанные с организацией развивающей среды, мест для досуга, игр и развлечения (37,1%), поддержкой традиционных мест (площадок) культуры для детей (библиотек, музеев, театров и др.) (35,1%), защитой безопасности детей в общественном пространстве (32%). Эти меры отражают тенденции, которые наблюдаем в пространстве детства: увеличение роли потребительских практик детей, рост мобильностей и рисков детства. Возможно, данные меры, по мнению воспитателей, будут способствовать снижению негативных последствий этих тенденций и усилению позитивного отношения и доверие детей к окружающему их миру.

Рис. 1. Меры поддержки детства в современной России (в %)

Каждый четвертый опрошенный отметил важность мер по развитию физической культуры и детского спорта (25,8%), что, скорее всего, по мнению опрошенных, должно содействовать сохранению и укреплению здоровья детей. Практически каждый седьмой респондент указали на задачи по поддержке талантливых детей (15,1%). Эта доля говорит о том, что этот пункт, хотя и важен, но не признается значимым для детей дошкольного возраста. Каждый десятый поддержали необходимость создания государством специальных программ просвещения родителей, вовлечение их в занятия с детьми (11,6%) и мер, связанных с социальной защиты семей в форме льгот, дополнительных пособий (10,6%). Чуть менее одной десятой доли указали на значимость поощрения государством приобщения к культурному наследию и достижения экономической стабильности в стране (по 9,8%). Такие результаты, скорее всего, говорят о том, что воспитатели фиксируют работу государства по этим направлениям, но, вероятно, и недооценивают их влияние напрямую на детей.

Среди неприоритетных мер поддержки детства респондентами были названы и меры по развитию научно-технического и IT-творчества (6,7%), развитию новых практик воспитания (6%). Незначительно представлены меры по признанию роли детей в общественной жизни – только 2,7% придают значение, развитие деятельности единой детской организации, принятие и соблюдение законодательных актов о детях поддерживают мизерные группы, (менее 2%). Возможно, воспитатели считают, что эти позиции неактуальны именно для детей дошкольного возраста.

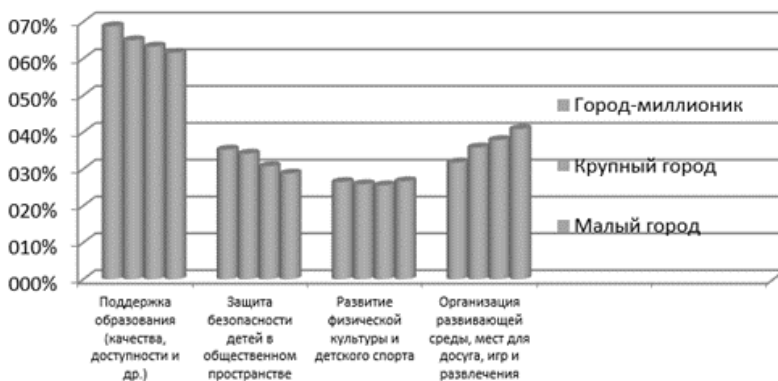

Рис. 2. Приоритетные меры поддержки детства в современной России (в %, сравнение по месту проживания респондентов)

Почти половина опрошенных работают в малых городах (49,5%), треть в крупных (33,4%), каждый десятый – сельский житель (10%), из городов-миллионников – 6,8% респондентов. Нам показалось важным попробовать сравнить их мнения. Чаще, чем их коллеги из других мест, сельские воспитатели отмечали необходимость организации как развивающей среды, мест для досуга, игр и развлечения, так и традиционных площадок культуры для детей (библиотек, музеев, театров), а также поддержки талантливых детей. Однако, в сельской местности в меньшей степени волнует проблема защиты безопасности детей в общественном пространстве (эту позицию отметили 28,7% сельчан и 35,2% жителей из городов-миллионников). Специалисты дошкольных учреждений из малых городов в большей степени, чем их коллеги, склонны связывать поддержку детства с экономической составляющей, и их озабоченность превышает позиции сельских воспитателей.

Сравнение показало, что воспитатели разного возраста неравнозначно оценивают императивы по развитию научно-технического и ИТ-творчества в дошкольной среде (8,5% молодых воспитателей до 35 лет называют этот пункт, и только 3,9% тех, кто старше 55 лет). С другой стороны, пожилые воспитатели чаще связывают меры поддержки детства со стабильностью экономической ситуации в стране (14% против 6,9% молодых). Пожилые воспитатели и чаще считают, что государство должно поощрять специальные программы по сохранению и передаче юным культурного наследия.

Таблица 2

**Различия мнений воспитателей разных возрастных групп
в выборе приоритетов мер поддержки населения
(в % от совокупностей групп по возрасту)**

Меры поддержки	Воспитатели до 35 лет, %	Воспитатели старше 55 лет, %
Поощрение государством приобщения к культурному наследию	6,7	10,8
Экономическая стабильность в стране	6,9	14,0
Меры по развитию научно-технического и ИТ-творчества	8,5	3,9
Создание государством специальных программ просвещения родителей, вовлечение их в занятия с детьми	10,7	6,9
Поддержка талантливых детей	12,0	17,9

Сравнение мужчин и женщин воспитателей мы не признаем в полной степени корректным: в данной феминизированной отрасли мужчин работает крайне мало, и в нашем исследовании их было около 1%. Однако, установлено, что на определении приоритетов пол специалистов тоже оказывает влияние: мужчины повышение качества образования отмечают наравне с развитием развивающей среды. У женщин – четкий акцент именно на образовании, все остальные пункты находят намного меньше приверженцев.

Вывод. В качестве основной меры поддержки детства в современной России воспитатели видят развитие образования детей. Выявлены некоторые расхождения позиций экспертов относительно векторов поддержки детства. Эти различия формируются как за счет ценностей разных возрастных групп, так и в связи с различиями культурных традиций и практик по полу и типу проживания. Стандарты дошкольного образования и воспитания возникают из требований к личности все более высокой квалификации и подготовленности, более основательного образования. При этом концентрация на образовательной стратегии для дошкольников не может быть признана идеальной. Скорее всего, это указывает на то, что детство не определяется воспитателями, с точки зрения его самоценности в настоящее время, а рассматривается с позиции его потенциала в будущем, элемента тех трансформационных процессов, которые происходят в обществе.

Мы признаем, что обращение к аудитории воспитателей в вопросах оценки мер поддержки детства дает ограниченный, первичный, хотя и очень значимый, срез знаний о влиянии на детство. Для выявления глобальной картины необходимо крупномасштабное многоплановое исследование различных институций и акторов.

Определение потребностей общества в дополнительной защите детства возможно через аудит представлений важнейших групп специалистов детства для последующих агрегации и интеграции в единый социальный форсайт-конструкт «меры поддержки детства».

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 22.10.2023)

2. Таблица 1. Все население, городское, сельское, по полу и возрасту. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. ВПН 2002г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31> (дата обращения: 22.10.2023)
3. Таблица 1. Население по возрасту и полу. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. ВПН 2010г. [Электронный ресурс]. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.10.2023)
4. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень) Москва 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 22.10.2023)
5. Демография [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--80aарам-речсчfmo7а3с9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya> (дата обращения: 22.10.2023)
6. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2023) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 22.10.2023)
7. Распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400150053/> (дата обращения: 22.10.2023)
8. Аланен Л.М. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 94-97.
9. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62-69.
10. Старцева С.В. Социально-правовая защита детей // Теория и практика общественного развития. 2023. №5. С. 154-159. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.5.23>.
11. Окладникова Е.А. Образ детства в политической рекламе в советской и современной России // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2. № 1. С.46-50. DOI: 10.33910/2687-0223-2020-2-146-50
12. Милькевич О.А. Развитие социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия // Мир науки, культуры образования. 2017. №2(63). С. 187-190.
13. Баранов А. А., Альбицкий В. Ю., Устинова Н. В. Состояние и задачи совершенствования медико-социальной помощи детскому населению // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 19 (3). С. 184-189. DOI: 10.15690/vsp.v19i3.2112
14. Исаков А.В. Формирование образа жизни ребёнка как главная цель родительства с точки зрения деятельностного подхода // Гуманитарный вектор 2015. № 2(42). С. 155-160.

15. Елизаров В.В., Архангельский В.Н., Наталья Георгиевна Джанаева Г.Г. Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2023. №3. С. 85-96.

16. Шац И.К. Психолого-педагогические аспекты сопровождения семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 2. С. 100-113. DOI 10.35231/18186653_2023_2_100

17. Курникова М.В., Придатченко М.В. Семья ребенка с инвалидностью в сфере адаптивной физической культуры: социально-правовые аспекты // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19(4). С. 727-736.

18. Беседина О.А. Пунитивные воспитательные практики и здоровье детей. Материалы международной научно-практической конференции «Здоровье как ресурс: v.2.0» / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород, НИ-СОЦ, 2019. С. 425-429.

19. Михальченкова Н.А., Большакова Ю.М., Кожевникова В.В., Большаков С.Н. Задачи кадрового обеспечения и подготовки педагогов дошкольного образования // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. №9. С. 307-315.

20. Колесникова Е.М. Педагоги частного и государственного дошкольного образования: статус группы и перспективы развития // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 114–132.

21. Кашуркина С.С., Лукишина Т.А. Престиж профессии «педагог дошкольного образования»: оценки педагогов и позиция родителей // Современное дошкольное образование. 2019. №6(96). С. 36-49. DOI: 10.2441 1/1997-9657-2019-10057

MEASURES TO SUPPORT CHILDHOOD IN MODERN RUSSIA: EXPERT OPINION OF TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

S.N. Mayorova-Shcheglova¹, S.Yu. Mitrofanova²

¹Mayorova-Shcheglova Svetlana Nikolaevna – Doctor of Sociology, Professor, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow
shcheglova-s@yandex.ru

²Mitrofanova Svetlana Yurievna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, S.P. Korolev Samara National Research University, Samara
mit_s@mail.ru

The dynamics of the child population and the change in the status of childhood in Russia are presented on the base of the appeal to the UN Convention and statistical data. A generalization of approaches to the discussion of child protection

measures in an interdisciplinary field is carried out. The article presents the position of educators of preschool educational institutions as experts on the priority of measures to support childhood in modern Russian society. Their role as designers of modern childhood is proved.

Keywords: childhood, the number of children in the Russian Federation, measures to support childhood, educators.

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА: ТРАДИЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО НАРОДНОГО ПРОМЫСЛА

О.Н. Мамонова

Мамонова Ольга Николаевна – кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, сектор социологии профессий
и профессиональных групп, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
mamonova1203@gmail.com

Рассматриваются актуальные проблемы социального института наставничества и его роль в трансформирующемся социально-культурном коде современной России, поднимается вопрос о профессиональных династиях в сфере народной культуры. Согласно данным исследования студенчества, проведенного Российским обществом социологов в 2022 г., народная культура в большей степени сохраняется и транслируется старшим поколением, что акцентирует вопрос ролей современных наставников, особенно в сфере сохранения культурного наследия, создания народных музыкальных струнных инструментов (на примере Звенигородского края).

Ключевые слова: Наставничество, трансформация, социокультурный код, народные традиции, народные промыслы, профессиональные династии, ценности.

Сущность понятия «наставничество» и актуальные проблемы этого процесса могут быть охарактеризованы многофакторностью: в настоящее время под данным определением понимается множество различных структур и общественных институтов. Социальный институт наставничества имеет давнее происхождение, отличается особой этико-профессиональной спецификой, что весьма значимо для осуществления межпоколенческой трансляции, трансформации идей и способов передачи смыслов, воспитания социально-этических норм во всех профессиональных группах российского общества [1, с. 3].

Потребность формирования актуального института наставничества, удовлетворяющего запросы общества в неформальном подходе к обучению и образованию, и необходимость возрождения уже имеющихся, успешно зарекомендовавших себя практик, была подчеркнута Президентом РФ В.В. Путиным в ходе совместного заседания Государственного совета РФ и Комиссии при Президенте РФ по мониторингу достижения

целевых показателей социально-экономического развития в декабре 2013 г. В феврале 2018 г. был сформирован перечень поручений Президента РФ по переосмыслению практик наставничества как общероссийского движения, что стало итогом обсуждений на пленарных и секционных заседаниях и мастер-классах первого Всероссийского форума «Наставник», чьими целями являлись популяризация идей и знакомство представителей различных социально-профессиональных групп с профессиональным полем наставничества современной России.

Указом Президента Российской Федерации 2023 г. был объявлен Годом педагога и наставника. 21 февраля 2023 г., обращаясь с Посланием к Федеральному собранию, Президент В.В. Путин обозначил необходимость изменений, которые должны затронуть сферу образования, и в первую очередь – высшего: *«Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий. Первое – вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием. Срок обучения может составить от четырёх до шести лет»* [2].

Трансформационные процессы, происходящие во всех сферах российского общества, актуализируют роль наставничества, оно играет решающую роль в жизни наставляемых. Этот процесс – и наука, и искусство, так как наставник выполняет важнейшие функции: «карьерную» и «психосоциальную». Возможности в осуществлении карьерной функции зависят от положения наставника, а реализация психосоциальной функции зависит от качества возникших межличностных отношений. В рамках психосоциальной функции наставник оказывает психологическую поддержку, помогает ученику сформировать его профессиональную идентичность, способствует повышению уверенности обучаемого в своих силах. Возникшая между наставником и наставляемым синергия дает ощущение комфорта и благополучия как в профессиональной сфере, так и на конкретном рабочем месте. Наставник может служить примером в профессиональной деятельности и при этом удовлетворять потребность ученика в принятии и поддержке [3, с. 77], используя активное слушание, обратную связь, беседы о развитии.

В 2018 г. Указом Президента Российской Федерации учрежден знак отличия «За наставничество», к настоящему времени 123 человека отмечены данной государственной наградой (среди награжденных – работники культуры и искусства, педагоги, водители автобуса, директора школ, машинисты, военные, а после пандемии – и медицинские работники).

По определению Агентства стратегических инициатив (АСИ), институт наставничества – это необходимое условие реализации механизмов практико-ориентированной (дуальной) модели обучения. Более 12 000 участников Всероссийского форума АСИ «Наставник – 2018» стали пионерами на новом витке развития наставничества в профессиональной среде. 2022 г. стал рекордным – 676 человек окончили обучение, поток был включен в Книгу рекордов России как «Наибольшее количество участников образовательного проекта в области наставничества в России» [8].

В марте 2023 г. в Москве при поддержке Министерства просвещения РФ, Российской академии образования, организации «Наставники России» прошел Всероссийский форум «Я – наставник», целью которого стал поиск путей совершенствования системы наставничества, выявление сильных и слабых сторон системы российского наставничества, что не может быть достигнуто без успешной коммуникации всех участников процесса [9].

Фундаментальной частью культуры по-прежнему является народное творчество во всем многообразии его обычаев и традиций, играющее одну из главенствующих ролей в диалоге культур между поколениями. Эта связь, единство нравственного в традиционном и современном – основной принцип творчества и развития, в том числе, в развитии народных художественных промыслов. Трансформация социокультурного кода отражает своеобразное взаимодействие ценностей и эстетики мировосприятия, организации многообразных форм досуга, социализации молодежи, интеракции социальных и этнических групп, раскрытию потенциала наставничества, в том числе и в среде профессиональных династий.

Музыкальные инструменты – несомненная часть социокультурного кода, могут рассматриваться как универсальные элементы культурной жизни человека, начиная с эпохи палеолита. Сегодня особым пространством исторической памяти и передачи культурного наследия новым поколениям могут стать центры традиционных художественных производств, в том числе в малых городах (например, в Звенигороде Московской области сейчас реализуется проект по созданию единого пространства музея и центра для проведения мастер-классов и обучения – создания музыкальных инструментов, издавна производимых мастерами-надомниками в данной местности).

Особое значение приобретает выявление пространственных связей промысла с учетом реакций мастеров-наставников на культурно-историческую «память места» – их малой родины. Проблематика социально-культурной исторической памяти и обновления традиции тесно связана с

проблематикой среды, социальной идентичности, психо-эмоциональных и личностных связей между наставником и его учениками [4, с. 352].

Несомненный интерес представляет исторический опыт адаптации и изменения художественной традиции, в частности, развернувшиеся в конце XIX в. процессы, в которых проявилась вся неоднозначность профессионального влияния. В советский период новая попытка мобилизации традиции и осуществления идеологического контроля способствовала формированию не только механизмов адаптации, но и стратегий сопротивления народного искусства. В настоящее время динамическая модель развития традиции художественных промыслов испытывает сложное влияние факторов новой экономической и социально-культурной ситуации.

Отмечается тенденция смены типов передачи социального и культурного опыта между поколениями и актуализируется проблема преодоления разрыва между ними. В нынешних политических условиях требуется еще более тонкая настройка реформ российского образования, в том числе в сфере культуры, направленных на развитие наставничества на базе отечественного социокультурного кода.

Наставничество – это один из способов образования личности, передача ценностей, знаний, умений, навыков от более опытного и знающего, предоставление взрослому человеку помощи и совета, оказание необходимой поддержки в социализации, в поиске индивидуальных жизненных траекторий и способов их достижения. Это не всегда связанный с прямым руководством процесс влияния одного человека на другого, добровольное участие в жизни другого на условиях конструктивных взаимоотношений и продуктивного партнерства, характеризующегося тем, что между участниками наставничества устанавливаются более тесные и доверительные связи, что немислимо без четкой системы норм и осознания важности трансформации социокультурного кода.

В современной научной практике есть множество различных определений наставничества, исходя из суммы которых главной характеристикой наставника становится совмещение в одном лице роли родителя и сверстника, наставник должен быть своего рода переходной фигурой в развитии индивида – молодого специалиста. Наставничество как межпоколенческая трансляция включает консультирование ученика и формирование у него устойчивой нравственной позиции. Сегодня открываются новые грани этого процесса. Возрождается практика наставничества в самых разных сферах, и при должной поддержке она может давать высокий образовательный эффект при минимальных затратах. Пристального внимания по-прежнему заслуживает развитие династий как пример естественного и неформального наставничества [5, с. 166].

Для династий, возникающих в народном творчестве, монополизация как социальный процесс практически невозможна, поскольку ею не могут быть созданы условия для кардинального контроля над жизнедеятельностью определённой части социума. Профессиональная династия, рассматриваемая в качестве монополии, в конечном счёте, трансформируется в семейственность и может попасть под каток государственного регулирования и функциональных ограничений. Примером может служить бюрократический, чиновничий аппарат, органы государственного и муниципального управления.

Одним из видов профессиональных династий, который отличается особым алгоритмом формирования и существования, являются творческие династии. Династические связи здесь, как ни в какой иной сфере, являются доминирующими. Формы передачи культурного капитала, передаваемого от старших представителей династии к младшим (внутридинастийная трансляция), могут быть сведены к следующему:

- вовлеченность, «впитываемость» профессиональной атмосферы семьи младшими поколениями, усвоение ими особого этического и профессионального климата, преклонение перед компетентностью узкого круга профессионалов (разговоры и профессиональные споры, посещения офисов, где работали родители), а впоследствии воспроизводимость норм и традиций, которые были приняты в родительской семье;

- формирование дружеских, партнёрских взаимоотношений между членами семьи транслируются на взаимоотношения профессиональные, не всегда влекущие за собой проявления семейственности и фаворитизма;

- формирование и использование репутационного капитала при наследовании династического направления профопределения младшим поколением. По мнению Е.М. Колесниковой, репутационный капитал – важная составляющая сегодняшней реальности любого профессионала, и во многом именно он определяет возможность получения необходимых ресурсов, достижения статусных позиций. Источниками репутации профессионала являются и его собственные поступки, суждения и высказывания; и учебные заведения, и «наставники», чье имя может служить рекомендацией; и принадлежность к династии. Создание репутации не предполагает исключительного доминирования одного из факторов, а, скорее, является результатом ситуативного сочетания имеющихся возможностей и достижений [6, с.80];

- династийность позволяет передавать неформализованное и неявное знание;

- изучение конструктивных последствий династийности вписывается в общий образовательный тренд, в котором особое значение приобретает роль команд, а также малых и больших социальных групп, когда эффективность проекта повышается не за счёт индивидуального прогресса, а за счёт коллективного взаимодействия;

- наследование культурного капитала происходит в значительной степени через и посредством образовательного компонента: как внутрисемейного (передача знаний и опыта), так и внесемейного (специальное и профильное образование, получаемое в соответствии с наследуемыми траекториями и легитимированное дипломами).

Особенность династий, функционирующих в сфере коллективного освоения и преемственного развития традиций народного искусства в процессе творческого ручного труда мастеров народных художественных промыслов, связана со следующим:

- нарушающиеся династические перспективы, в связи с невозможностью следовать курсом наследования профессии предков в узкоспециализированной области, в связи с отсутствием условий для поддержки процессов преемственности или наличием объективных (прошла мода на лаковые изделия, перенасыщение рынка, ликвидированы мастерские) или субъективных (отсутствие средств на производство, подмена творчества рыночными механизмами) причин, провоцируют членов династий на поиск иных сфер приложения труда (художник народных промыслов трансформируется, например, в художника-мультипликатора, таким образом прерывая одну династию и, возможно, становясь родоначальником другого её профессионального воплощения);

- примеры отсутствия возможности предьявлять своё имя носителем династических связей (клеймо, поставленное на художественных изделиях, не содержит фамилии автора работы, а представляет собой зарегистрированный фирменный знак хозяйствующего субъекта, находящегося с художником в трудовых отношениях) наносит репутационный удар по сложившимся и наследуемым профессиональным траекториям (Федоскино);

- отсутствие государственной поддержки исторически сложившихся центров народных промыслов как историко-культурного капитала российской идентичности на фоне превращения уникального творчества в разновидность обычного ремесла способствует вырождению династий и нарушает процессы накопления и передачи важнейших элементов профессии будущим поколениям;

- процесс возрождения семейной профессиональной преемственности инициируется акциями гражданского общества по поиску специалистов, представляющих последнюю генерацию утраченной династии, организацией мероприятий по популяризации народного промысла или вида деятельности на конкретной территории, помощи по формированию института наставничества и сохранению ремесла (например, культурное наследие мастеров деревни Шихово по производству народных струнных инструментов).

Обретая современные формы, изготовление музыкальных инструментов продолжает развиваться в историческом центре промысла (Шихово), так и в других населенных пунктах Московской области. По-прежнему актуальным остается изготовление домр и гитар для Фонда Чайковского, частных коллекционеров и в качестве сувенирной продукции, являясь важным элементом в сфере событийного туризма. К сожалению, современная молодежь не торопится усваивать опыт предков: все мастера являются людьми старшего возраста, а ученики (в основном, студенты колледжей и ВУЗов), желающие освоить нелегкое мастерство, должны посвятить ему не менее шести – семи лет плодотворной работы в паре с наставником. Занимая особую нишу в культуре Звенигородского края, ремесла и промыслы всё же имеют перспективы для дальнейшего развития, если роль наставника будет формально закреплена.

Весной 2022 г. в странах СНГ по решению Президиума Российского общества социологов было проведено исследование «Культурное наследие и связь поколений». В совокупности опрошенных представлены все федеральные округа страны (9751 студент различных ВУЗов РФ, из них девушек – 64% и юношей – 36%).

Таблица 1

Распределение респондентов по федеральным округам России

Округ РФ	Количество респондентов
Приволжский федеральный округ	3433 чел. (35,2%)
Южный федеральный округ	2329 чел. (23,9%)
Центральный федеральный округ	1416 чел. (14,5%)
Уральский федеральный округ	1054 чел. (10,8%)
Сибирский федеральный округ	453 чел. (4,6%)
Дальневосточный федеральный округ	431 чел. (4,4%)
Северо-Кавказский федеральный округ	379 чел. (3,9%)
Северо-Западный федеральный округ	256 чел. (2,6%)

Согласно полученным данным, в настоящее время народная культура в большей степени сохраняется и транслируется по-прежнему старшим поколением [7, с. 61]. Молодежь, в своем большинстве, осознавая ценность народной культуры в целом, все же ранжирует ее элементы по степени их соответствия запросам современности. По мнению большинства опрошенных студентов, «необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее потомкам» (78,2% всей выборочной совокупности студентов по сравнению с 74,2% московских студентов).

«Народная культура – пережиток прошлого...», – подобного мнения придерживаются 8,4% респондентов, а каждый восьмой (11,8%) затруднились с ответом на поставленный вопрос [7, с.61]. Ценность элементов культуры различна для каждого поколения. В большей степени сохраняется язык: около трех четвертей в каждой из выделенных категорий используют его в повседневном общении, читают книги на родном языке. При общей тенденции уменьшения значимости народной культуры в жизни каждого последующего поколения по сравнению с предыдущим наиболее быстро, к сожалению, «уходит» в прошлое именно игра на национальных музыкальных инструментах (поколение студентов – 11,3% всей совокупности, 8,3% - москвичи по сравнению с 28.4% поколениями бабушек и дедушек всей совокупности и 20,7% – поколением московских бабушек и дедушек).

Даже в семьях вышеупомянутых мастеров музыкальных инструментов лишь некоторые внуки занимаются по классу народных струнных инструментов (домра, балалайка при, конечно же, лидирующем положении гитары). Тем не менее, разница в распределении ответов всей выборочной совокупности и студентов Москвы при ответе на вопрос, «Насколько лично для Вас важно сохранение народного искусства?», – практически не обнаружена (64,7% и 65,3% респондентов соответственно).

Сохранение культурного кода, поддержание исторической памяти и ведение летописи промысла народных музыкальных инструментов, поиск наставников юным мастерам, безусловно, нуждается во всесторонней поддержке НКО, местных сообществ, общественных объединений и правительственных структур. В связи с этим, с 2021 г. при поддержке Российского общества социологов ряд НКО совместно с Общественным объединением «Шиховские струны» занимается созданием фотолетописи жизнеописания мастеров музыкальных инструментов (Шихово), проводит фотовыставки и концерты с ведущими музыкантами и профессорами Российской академии музыки имени Гнесиных в Москве, Звенигороде и Вязьме, популяризирует их творчество в музеях и усадьбах, берет интервью

у наставников и их мастеров, приобщая юные поколения к народной культуре.

Список литературы

1. Антипин С.Г. Традиции наставничества в истории отечественного образования: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. - Нижний Новгород, 2011. 170 с.

2. <https://rg.ru/2023/02/21/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-s-poslaniem-k-federalnomu-sobraniuu.html> [Электронный ресурс] – (дата обращения: 05.05.2023)

3. Мамонова О.Н., Юрченко О.В. Наставничество в науке: перспективы и вызовы // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. Вып. №5 (88). С. 76-83.

4. Ермишина А.В., Центры художественных промыслов: пространство памяти и обновления традиции. IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. / под ред. В. А. Тишкова. – Петрозаводск, 2011. С.352.

5. Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., Колесникова Е.М., Мамонова О.Н., Семёнова А.В., Шатрова Е.А., Юрченко О.В., Юрьев П.С. Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: Новый Хронограф, 2022. С. 149-175.

6. Колесникова Е.М. Принадлежность к династии как к ресурсу репутации и доверия профессионалу // Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп: [монография] / В.А. Мансуров [и др.]; отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова; ФНИСЦ РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 79-89.

7. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

8. <https://rsv.ru/mentoring/> [Электронный ресурс] – (дата обращения: 02.05.2023)

9. <https://форум.наставникироссии.рф/> [Электронный ресурс] – (дата обращения: 02.05.2023)

MENTORSHIP AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL CODE: TRADITIONS OF MUSICAL CRAFTS

O.N. Mamonova

Mamonova Olga Nikolaevna – Ph.D. in Sociology, Senior Researcher,
Institute of Sociology, Federal Center of theoretical and applied sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
mamonova1203@gmail.com

The article explores the current issues of the social institution of mentorship and its role in the transforming socio-cultural code of modern Russia. The issue of professional dynasties in the sphere of folk culture is also raised. According to the student survey conducted by Russian society of sociologists in 2022, folk culture is largely preserved and transmitted by the older generation, which highlights the issue of the roles of contemporary mentors, especially in the field of cultural heritage preservation, creation of folk musical stringed instruments (on the example of the Zvenigorod region).

Keywords: Mentorship, transformation, socio-cultural code, folk traditions, folk handicrafts, professional dynasties, values.

В ПОИСКАХ КУЛЬТУРНОГО КОДА НА САЙТАХ ОТЗЫВОВ

Е.В. Митягина

Митягина Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
проректор по развитию на основе анализа данных,
Вятский государственный университет, г. Киров
mityagina2004@yandex.ru

Проект «Культурный код россиянина» был задуман в 2019 г. Вятским государственным университетом как филологический проект по анализу читательских отзывов. Постепенно к работе подключились представители целого ряда гуманитарных, социальных наук, а также ученые Университетского консорциума исследователей больших данных, что сделало проект междисциплинарным. Исследуются составляющие культурного кода целевых групп: россияне в целом в виде анализа отзывов на произведения художественной литературы; жители регионов через анализ отзывов с сайтов туристов, молодёжь через анализ социальных сетей и опросов.

Ключевые слова: культурный код, междисциплинарный подход.

Введение

Команда Вятского государственного университета активно занимается исследованиями культурного кода россиян достаточно длительное время. Мы прошли долгий путь от обобщения существующих теоретических концепций и изучения составляющих культурного кода до первых попыток их оценки и интегрирования в систему идей, важных для формирования мировоззрения молодежи.

Первоначально основными прикладными методами исследований были традиционные социологические опросы, в которых культурный код приравнивался к пониманию ценностей. После знакомства в 2019 г. с командой Университетского консорциума исследователей больших данных, методы анализа существенно расширились. В нашем поле зрения оказались данные из открытых источников сети Интернет, в том числе, отзывы читателей о произведениях российской художественной литературы, комментарии туристов о посещенных ими регионах нашей страны, посты студентов на страницах сообществ образовательных организаций. Все это существенно пополнило наши источники для изучения составляющих культурного кода.

Теоретические исследования позволили сделать выводы об отсутствии общепризнанного определения понятия культурный код, о его использовании, скорее, для создания красочности образа, нежели как научного концепта, а также о коллективном характере этого феномена, сознательно или бессознательно усваиваемом, формируемом и приобретаемом, а не наследуемом генами.

Активно использованы социологические опросы, фокус-группы и текстовый анализ документов. Частотный и корреляционный анализ, методы аналитической индукции, извлечение ключевых слов и сущностей, разметка текста стали главными спутниками в нашей работе. Но на этом возможные варианты анализа не исчерпываются. Попробуем описать некоторые из примеров анализа.

Сущность понятия культурный код

Выделяют два основных подхода к исследованию культуры. *Первый подход*, связанный с представлением культуры как целостной и согласованной системы, утверждает ее влияние на социальные процессы и отношения [1]. *Второй подход* видит культуру как совокупность разнообразных и противоречивых процессов, происходящих в обществе и возникающих из человеческой деятельности [2]. В данном контексте возникают вопросы, что делает национальную культуру устойчивой, как она передается и сохраняется со временем, а также какие различия существуют между разными культурами. Одним из вариантов ответа на этот вопрос является наличие в культуре некоего придающего стабильность культурного кода.

В науке сложилось несколько подходов к изучению культурного кода: социокультурный [3; 4], психоаналитический [5], аксиологический [6; 7], семиотический [8] и лингвокультурологический [9; 10]. Мы придерживаемся теоретического концепта культурного кода как глубинного механизма, способа саморегуляции культуры, который поддерживает её устойчивость и воспроизводится в истории народа. Культурный код рассматривается как ключ к постижению особенностей определенной культуры, выявлению уникальных черт, переданных от предков к современным поколениям в форме закодированной информации. Этот «код» формирует набор образов, связанных с системой стереотипов, глубоко укорененных не только в сознании, но и в подсознании. Кроме того, он накладывает своеобразный штамп на поведение, эмоции и мышление человека, обладая, таким образом, управленческим воздействием.

Обнаружили, что количество работ по проблематике культурного кода растет, поэтому попытались обобщить эти работы в виде «Базы биб-

лиографических данных «Исследования культурного кода»» (Свидетельство № 2022622023, 12.08.2022) [11]. Основная её цель – упорядочить информацию о зарубежных и отечественных исследованиях данного явления. В базе 237 работ, она предназначена для отслеживания динамики публикаций по данной тематике, анализа географии распространения научных работ, выявления научных подходов и школ, а также определения методологических направлений исследований. Предусмотрены фильтры по автору, названию статьи, ключевым словам, а также по году выпуска и языку текста*.

Методология исследований

В процессе работы командой проекта был выдвинут ряд гипотез. *Во-первых*, методами анализа культурного кода могут быть данные из открытых источников сети интернет. *Во-вторых*, исследование культурного кода целесообразнее начинать с его региональных особенностей. *В-третьих*, ускорение темпов общественного развития вносит коррективы в культурный код россиян, особенно в среде молодёжи.

Исходя из гипотез, целевыми группами проекта стали россияне в целом, жители регионов страны и молодёжь. В качестве источников данных выступают отзывы с сайтов, посты и комментарии в социальных сетях. Для выявления специфики культурного кода россиян в целом в качестве источника данных использовались отзывы о книгах, получивших признание в виде литературных премий; для выявления региональной специфики культурного кода – отзывы с сайтов туристов, посещающих различные регионы страны. Наиболее сложные моменты работы связаны с изучением изменений в культурном коде – посты и комментарии молодёжи на своих страницах в социальных сетях, а также уточняющие социологические опросы и метод Photovoice стали методами по выявлению культурного кода молодого поколения.

Основными универсальными для всех исследований этапами алгоритма стали:

1. Сбор данных с сайтов и социальных сетей.
2. Разработка матрицы категорий для разметки отзывов и инструкции для аннотаторов.
3. Ручная разметка данных аннотаторами.
4. Выявление статистически значимых закономерностей по результатам ручной разметки.

* Доступ к базе данных можно осуществить по ссылке: <https://vyatgeo.ru/library/>.

5. Разработка алгоритма классификации использования технологий машинного обучения.

6. Применение дополнительных методов исследования для уточнения результатов (опросы, фокус-группы и Photovoice).

7. Использование результатов в практической деятельности.

Для демонстрации работы исследователей на каждом этапе приведем примеры анализа для каждой целевой группы. Для более подробного ознакомления можно посмотреть результаты исследований авторского коллектива [12; 13; 14; 15].

Культурный код россиянина.

Исследование культурного кода россиян основано на анализе отзывов о 109 произведениях 63 российских авторов, награжденных литературными премиями 2000-2021 гг. Эти отзывы, собранные автоматически, составили общее число 7959. Гипотеза исследования заключалась в возможности выявления составляющих культурного кода через три основных блока:

1. *Анализ смысловой составляющей отзыва.* Все отзывы были разделены на содержащие смыслы (20%), факты (29%) и эмоции (51%). Релевантными считались только отзывы, содержание смыслов, то есть в которых автор отзыва отвечал на вопрос, почему он высказывает такое мнение относительно прочитанного. Смысл рассматривался как пристрастное отношение сознания к действительности. Он уникален, индивидуален, субъективен и обусловлен личным опытом.

2. *Идентификация* себя, своей жизни с героями произведений и сюжетами. Таких отзывов было 13%.

3. *Анализ ценностей*, которые были представлены в отзыве. Под ценностью понималось то, что имеет для нас значимость в нравственном, эстетическом и познавательном отношении. За основу были взяты ценности из «Стратегии национальной безопасности РФ» (Указ Президента РФ от 02.07.2021, №400), которые заявлены составителями данного документа как ключевые. В числе отзывов, которые часто встречаются в отзывах, оказались: жизнь (28%), милосердие (12%), труд (10%), единство (8%), достоинство (8%). В отзывах практически отсутствовали такие ценности, как преемственность поколений, ответственность, гуманизм, взаимопомощь, коллективизм, гражданственность. Они заняли в общем количестве отзывов менее 1%.

Чтобы отзыв считался релевантным теме культурного кода, в нем должен был присутствовать хотя бы один из вышеперечисленных показателей. Таких оказалось 1989 отзывов, то есть 25% от общего количества.

Мы не будем описывать алгоритмы автоматической классификации отзывов. Все они подробно представлены в наших статьях [12; 13; 15].

Важным пунктом работы исследователей стало применение результатов на практике. Создана база данных «Культурный код в отзывах о произведениях художественной литературы» (Свидетельство № 2023621661, 24.05.2023.) [16]. Данная база позволяет сортировать произведения по критерию релевантных теме культурного кода отзывам. Кроме того, в базе предусмотрены фильтры по названию книги, автору, ее оценке и году издания. В базе предложено и чтение аннотаций и самих отзывов, сортируемым по лайкам, дизлайкам, общей оценке книги и оценке отзыва.*

Создание подобной базы позволило выделить произведения художественной литературы, отзывы на которые наполнены смыслом (см. рис 1).

Рейтинг книг и авторов по количеству отзывов, содержащих смысловую составляющую

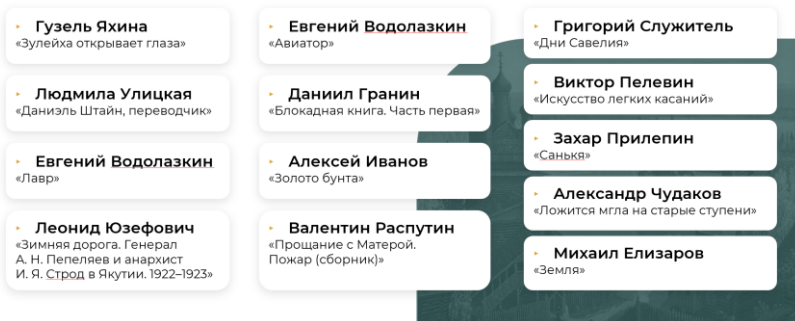

Рис 1. Список книг, отзывы на которые содержат элементы культурного кода

Благодаря взаимодействию с Институтом развития образования Кировской области и учителями-словесниками в рамках разработанного совместного курса «Современная детско-юношеская литература как фактор формирования национальной культурной идентичности» (рук. проф. Л.А. Мосунова) подобным образом был составлен рейтинг книг подростковой литературы (см. рис. 2).

* Доступ в базу данных по ссылке: <https://vyatgeo.ru/reviews/>.

Рейтинг подростковой литературы по количеству отзывов, содержащих смысловую составляющую

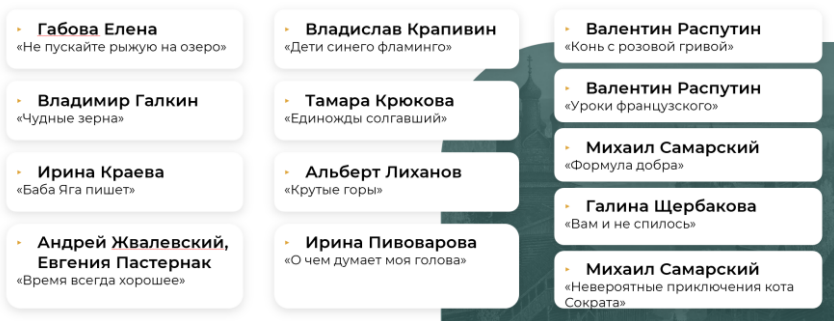

Рис. 2. Список книг подростковой литературы, отзывы на которые содержат элементы культурного кода

Региональная специфика культурного кода

За основу выявления региональной специфики культурного кода были положены данные с сайта «Tripadvisor». Это сайт туристических отзывов, на котором человек не только оставляет отзыв, но и пишет, из какого региона он сам. Таким образом можно понять, какие особенности видят жители, например, Нижегородской или Липецкой областей в других регионах. Это наблюдение позволило сформировать гипотезу о том, что региональные особенности культурного кода могут быть выявлены при помощи подобных сайтов.

За основу культурного кода были взяты похожие на анализ отзывов о художественных произведениях характеристики в виде смыслов, а также идентификации себя с жителем того или иного региона. Блок духовно-нравственные ценности, ввиду специфики данных в этом типе исследования, заменен на характеристики людей и материальных объектов, которые они видят в том или ином регионе.

Отзывов со смыслами примерно 33%, когда автор отвечает на вопрос, почему ему понравился тот или иной регион или место в городе. В качестве примеров можно привести следующие отзывы: «Мы за один день посетили три ресторации, но здесь их больше, конечно. ...Повод вернуться ещё разок для более вдумчивых дегустаций» (отзыв о Н. Новгороде, автор отзыва – из г. Москва); «Мы давно уехали с Крайнего Севера, а душа до сих пор тоскует по карликовым березкам и сопкам, покрытым мягким ягелем, по удивительным душевным людям, живущим на этой

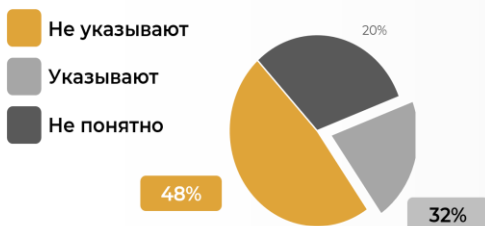
суровой земле» (отзыв о Мурманской области, автор отзыва из г. Санкт-Петербург).

Что касается идентификации себя с жителем того или иного региона, а также сравнения своего региона с посещаемым метом, то таких отзывов примерно 48% (см. рис. 3).

Составляющие культурного кода в отзывах посетителей региона

Каждый третий автор отзыва так или иначе указывает в нем особенности своего региона

Лицо, от которого написан отзыв, в %:

Пример отзыва:

« Путешествуя, посетили множество кафе и баров, но наши, вятские, вкусняшки все-таки ни с чем не сравнятся! »

48% туристов и жителей предпочитают писать отзывы, не отмечая в них особенности своего региона

Рис. 3. Идентификация себя со своим регионом в отзывах

На примере кировчан могут быть показаны характеристики жителей региона, которые они сами о себе отмечают в отзывах, а также то, что пишут посетители региона. Примеры типичных образов жителей Кировской области: «Народ отзывчивый. Подтолкнут; дорогу подскажут...»; «Народ у них дружелюбный. Мужчины brutальные; широкоплечие с бородками; женщины разговаривают, как главная героиня сказки, расставляя так же акценты»; «Люди по отдельности милые и отзывчивые; но только не когда они находятся на работе! Обслуживание и сервис ниже среднего; люди безответственно относятся к своей работе. Непунктуальность и равнодушие во всем... Прекрасными были только утки. Да; утки там ходят прямо по улицам; как в других городах голуби. Они не дикие; их кормят жители и туристы. Это самое милое; что я видела в Кирове»; «Люди приветливые, дружелюбные, всегда подскажут и помогут, если вам понадобится помощь».

На рис. 4. представлены положительные и отрицательные черты кировчан.

Топовые характеристики кировчан

Амбивалентность характерных черт кировчан

Вес положительных характеристик в 12 раз выше отрицательных в объёме отзывов.

В отзывах описание жителей часто идёт в контрасте с описанием и характеристикой города / местности / объекта.

Рис. 4. Характеристики кировчан в отзывах с сайта «Tripadvisor».

В качестве вывода по данному пункту стоит отметить, что отзывы 34% посетителей сайта «Tripadvisor» содержат элементы культурного кода с региональной спецификой.

Специфика культурного кода молодежи

В качестве изучения молодежи были использованы отзывы с сайтов о вузах и особенностях обучения. Всего было изучено 2 сайта: «Academica.ru», «Табитуриент: типичный абитуриент», на которых есть информация студентов 269 вузов и 4311 отзывов (за последние 3 года). На этих сайтах студенты размышляют о вузе, качестве преподавания, почему стоит получать ту или иную специальность, поднимают важные жизненные темы. Наиболее часто пишут отзывы студенты направлений подготовки, связанных с науками об обществе, инженерное дело, технологии и технические науки, а также гуманитарные науки (см. рис. 5).

Забегая немного вперед, отзывов с элементами культурного кода на этих сайтах было 52%.

В первую очередь на сайтах были изучены ценности, о которых пишут студенты. Наиболее значимыми ценностями в отзывах студентов были семья и дети, жизнь, нравственные идеалы, взаимопомощь, труд, справедливость. Высокую позицию заняли ценности, связанные с единством народов России. Вероятно, это можно объяснить особенностями общественно-политической ситуации в современном мире. Низкие позиции заняли ценности, связанные гражданственностью, преемственностью поколений, патриотизмом.

Рис. 5. Количество отзывов среди различных направлений подготовки

Для более полного раскрытия темы были предложены дополнительные методы, одним из которых являлся метод Photovoice – метод фотографирования объектов окружающей среды, которые наиболее целостно отражают смысл обсуждаемого понятия, явления. Алгоритм применения данного метода выглядит следующим образом. Задается тема для обсуждения в виде представления той или иной ценности и задание – сфотографировать объект, который наиболее точно отражает тематические понятия. Содержание фотографии становится объектом анализа и обсуждается на совместной встрече, на которой рождается цепочка рассуждений и аналогий. При помощи данного метода можно понять глубинные рассуждения студента относительно той или иной ценности.

Для примера возьмем размышления студентов о гражданственности, которую можно обозначить как степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность личности активно содействовать процветанию общества. Студенты прямо заявляют, что не понимают, что такое гражданственность. Для кого-то гражданственность – это собранные пластиковые крышки, а для кого-то – это пустой экран с непонятной формулой, на котором много ничего не обозначающих пикселей (см. рис. 6).

Гражданственность

степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность личности активно содействовать процветанию общества.

Смысловые характеристики

Гражданственность проявляется в заботе о сегодняшнем и завтрашнем дне нашей Родины.

Сложное понятие. О гражданственности мало говорят в школе и дома. Надо говорить об этом больше.

Рис. 6. Фотографии студентов по теме «Гражданственность»

Выводы:

Теоретические выводы подчеркивают неоднозначность определения культурного кода и его формируемый, а не наследуемый коллективный характер. Культурный код может быть изучен не только при помощи традиционных методов – опросы и фокус-группы, но и с использованием данных из открытых источников сети Интернет, включая отзывы, комментарии и посты. При этом пока остается неясным, можно ли подобрать единый источник данных для целевой группы (россияне, жители регионов и молодежь) либо предпочтительнее использовать свои данные для каждой из них.

Список литературы

1. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ. / Э.Б. Тайлор. М.: Политиздат, 1989. 576 с.
2. Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. Пер. с англ. / Б. Малиновский. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 700 с.
3. Гревнев В.М. Социокультурные коды как мировоззренческие и ментальные матрицы региональной идентичности / В.М. Гревнев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. №41. С. 58-63.
4. Мосейко А.Н. Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике / А.Н. Мосейко // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. №4(57). С. 5-18.
5. Потанина Н.Л., Психологическое знание как кодирующий фактор литературного текста / Н.Л. Потанина, Б.И. Тенюшев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. №4. С. 78-89.

6. Кремшокалова М.Ч. Культурные коды как аксиологические репрезентанты концепта любовь / М.Ч. Кремшокалова, Т.А. Черпакова, И.Р. Шибзухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. №7. С. 251-255.
7. Новикова М.Л. Аксиологический потенциал культурных кодов цветообозначений в русских, английских, французских медиатекстах / М.Л. Новикова, Ф.Н. Новиков // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т.6. №1. С. 91-104.
8. Стрельникова Н.Д. Семантическое пространство романа А. Николаенко «Убить Бобрыкина. История одного убийства» / Н.Д. Стрельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т.10. №4. С. 1088-1105.
9. Кюрегян А.Л. Семиотика культуры и культурные коды / А.Л. Кюрегян // Вестник Вятского государственного университета. 2012. №4 (2). С. 79-81.
10. Фельде О.В. Устный текст как транслятор старожильческой лингвокультуры Северного Приангарья / О.В. Фельде // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. №1. С. 55-76.
11. Городилова Т.С. Исследования культурного кода // Т. С. Городилова, Э.В. Гмызина, Р.В. Марков, Д.В. Чупраков // Свидетельство о регистрации базы данных 2022622023, 12.08.2022. Заявка № 2022621886 от 01.08.2022.
12. Мосунова Л.А. Автоматическое извлечение ценностно-смысловых компонентов культурного кода из корпуса читательских отзывов // Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина, П.В. Ананин // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2022. №5. С. 17-24.
13. Мосунова Л.А. Проблема изучения культурного кода россиянина с помощью больших данных / Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина // Большие данные и проблемы общества. Сборник статей по итогам Международной научной конференции. – Томск, 2022. С. 121-125.
14. Митягина Е.В. Цифровые следы выпускников вузов при исследовании миграции из регионов-доноров / Е.В. Митягина, Е.В. Конышев, К.А. Чернышев, Э.Р. Сайфулин // Вестник Томского университета. 2021. №467. С. 144-155.
15. Митягина Е.В. Междисциплинарный подход в изучении культурного кода россиян // Связь поколений как культурное наследие союза независимых государств: под ред. Проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 95-102.
16. Мосунова Л.А. Культурный код в отзывах о произведениях литературы, получивших признание в виде российских литературных премий с 2000 по 2022 гг. // Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина, П.В. Ананин, Р.В. Марков, Д.В. Чупраков, Е.В. Волченкова // Свидетельство о регистрации базы данных 2023621661, 24.05.2023. Заявка № 2023621268 от 05.05.2023.

IN SEARCH OF A CULTURAL CODE ON REVIEW SITES

E. V. Mityagina

Mityagina Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Sociology, Associate Professor,
Vice-Rector for Data-Driven Development, Vyatka State University, Kirov
mityagina2004@yandex.ru

The project "The Cultural Code of the Russian" was conceived in 2019 by Vyatka State University as a philological project to analyze reader reviews. Gradually, representatives of a number of humanities, social sciences, as well as scientists from the University Consortium of Big Data Researchers joined the work, which made the project interdisciplinary. The article uses the example of the analysis of the components of the cultural code for three target groups: Russians as a whole in the form of an analysis of reviews of works of fiction, residents of the regions through the analysis of reviews from tourist sites and young people through the analysis of social networks and surveys.

Keywords: cultural code, interdisciplinary approach.

ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ МИГРАНТОВ X, Y И Z* ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Г.И. Осадчая¹, Т.Н. Юдина²

¹ Галина Ивановна Осадчая – доктор социологических наук, профессор,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва
osadchaya111@gmail.com

² Татьяна Николаевна Юдина – доктор социологических наук, профессор,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва
ioudinatn@mail.ru

В исследовании поставлена цель, опираясь на результаты социологического исследования, проанализировать главные жизненные цели мигрантов из стран Центральной Азии, выявить особенности терминальных ценностей респондентов и факторов, их формирующих. Показано, что для подавляющего большинства всех поколений мигрантов главной жизненной целью/достижением является создание семьи. Для поколения X более значима ценность «Жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилию», поколения Z «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты», «Уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив». Мигранты по сравнению с россиянами чаще придерживаются авторитарной системы властных отношений в семье, а среди поколения Z выше приверженность демократическому, эгалитарному типу. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на социальное благополучие России.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации и установки, мигранты, страны Центральной Азии.

Введение.

В последние 30-40 лет отмечается массовая миграция из бывших советских республик в Россию, рост этнокультурного разнообразия страны под влиянием интенсивных миграционных процессов, этнического самосознания как принимающего населения, так и миграционных сообществ.

* поколение X – 1961–1981; поколение Y (миллениалы) – 1982–2004; поколение Z (зумеры) – с 2005 по приблизительно 2025 год

Поколение X (икс) | 1967 – 1984 Поколение Y (игрек) или миллениалы | 1984–2000 Поколение Z (зет) или зумеры | 2000 – 2015

Поколение Z (англ. Generation Z) – термин, применяемый в мире для поколения людей, родившихся примерно с 1997 по 2011 гг.

Системы ценностей мигрантов, проживающих в стране, обладают национальными особенностями, которые сформировались под влиянием экономических, политических, социальных, культурных условий в странах исхода и могут совпадать/не совпадать с российскими, и, в случае несоответствия, привести к возникновению конфликтов. Потребность российского общества в достижении согласованности действий, единства устремлений по стратегически важным вопросам социально-политического и экономического развития страны обусловила необходимость оценки консолидирующего потенциала ценностных ориентиров мигрантов.

Полученные результаты исследования дополняют существующие теоретические разработки социоаксиологической концепции исследования ценностей, способствуют выработке единства мнений в понимании их сущности и роли в общественной жизни [1;2], восполняют отсутствие эмпирических исследований, направленных на современный анализ ценностных систем мигрантов разных поколений – X, Y и Z из стран Центральной Азии.

Аналитические статьи ученых, посвященные в последние годы ценностям, как правило, затрагивают кросскультурные ценности, опираются на базы данных европейского социального опроса (ESS), Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS) или крупных исследований, проведенных по более широкой проблематике [3;4;5]. Ряд исследований ценностей российской молодежи проведены в 2015-2019 гг. [6;7]. Однако ценностные системы имеют динамический, подвижный характер, а в период нестабильности и радикальных перемен становятся принципиально иными, зачастую имеют неконтролируемый и стихийный характер. Поэтому требуется специальное исследование, позволяющего подробно проанализировать различные аспекты ценностных ориентаций различных социальных групп, проживающих на территории России, их сущности и содержание. В изучении ценностных ориентаций особую роль играет социологическое измерение, которое является важным инструментом оценки тенденций трансформации социальной реальности, создает базу для разработки предложений по её преобразованию.

Таким образом научная проблема исследования состоит в разрешении противоречия между *необходимостью осмысления* в новых условиях ценностных ориентаций, иерархий ценностей поколений мигрантов X, Y и Z из стран Центральной Азии, проживающих на территории страны, и *отсутствием* эмпирической информации, позволяющей выявить на дан-

ном этапе общественного развития страны сходство и различие их ценностных систем для расширения теоретического знания о поведении мигрантов, получения актуальной информации о ценностных ориентациях мигрантов из Центральной Азии в России, обоснования комплекса мер, направленных на консолидацию населения России.

Обзор литературы.

К современным исследованиям, напрямую или косвенно затрагивающим проблемы ценностей населения, следует отнести работы, позволяющие на общетеоретическом уровне осмыслить ценностные ориентации, охарактеризовать проблематику консолидации во взаимосвязи с ценностными ориентациями. Социально-философские аспекты нравственных ценностей и морали общества нашли отражение в публикациях Р.Г. Апресяна, А.М. Багаутдинова, Л.В. Баевой, В.С. Библер, А.В. Гидлевского, А.А. Гусейнова, О.Г. Дробницкого, И.Л. Зеленковой, Е.В. Золотухина-Аболиной, Л.Е. Кандалицева, П.А. Малиновского, Л.А. Попова, А.А. Радугина, А. Разина, Г.К. Сайкиной, Т.В. Стрежневой, А.И. Титаренко, Ю.А. Шрейдера. Исследования процесса трансформации ценностей общества в работах Г.А. Аванесовой, А.С. Ахиезера, М.К. Горшкова, Г.Г. Дилигенского, Т.И. Заславской, В.М. Зубец, А.Ю. Зудина, Н.И. Лапина, С. Петковой, Н.Е. Покровского, Т.А. Рассадной, Р.В. Рыбкиной, П. Сорокина, Л.А. Трониной, А.В. Шарова, Т.Д. Холостовой. Дифференциально-психологические особенности ценностных ориентаций, а также гендерные и межпоколенные различия в этой сфере изучались, прежде всего, создателями соответствующих методик при их стандартизации: Г. Олпортом, С. Шварцем и У. Билски, Н.М. Лебедевой, Д.А. Леонтьевым.

Следует особенно отметить значимость для предметного поля нашего исследования работы Р. Инглхарта [8], Ш. Шварца [9], Г. Хофстеде [10], М. Рокича [11], Н.И. Лапина [12].

Методология, результаты

В исследовании под ценностями понимаются фундаментальные нормы, обеспечивающие интеграцию общества, помогающие индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях в принимающем обществе. Ценностные ориентации рассматриваются как субъективное внутриличностное образование, которое формируется в результате интериоризации ценностей и норм социального окружения, закрепляется индивидуальным жизненным опытом человека, ограничивая значимое для него от незначимого, существенное от несущественного [13; 14; 15]. В нашем исследовании

они измеряются, как субъективный образ представлений о вариантах поведения, системе отношений, основанных на общественных идеалах.

Очевидно, что новые условия жизнедеятельности в России оказывают влияние на трансформацию ценностных систем мигрантов и могут иметь поколенческие различия.

Учитывая, что среди государств, откуда прибывает большинство мигрантов в Россию – страны Центральной Азии*, на основе анализа результатов анкетного опроса, проведенного в феврале – марте 2023 г., показаны ценностные ориентации мигрантов. Опрошено 970 человек (Казахстан – 201, Кыргызстан – 175, Россия – 204, Таджикистан – 199, Узбекистан – 191). Опрос россиян включен в программу исследования для сопоставления ценностей мигрантов из стран Центральной Азии и россиян. Исследование не носит репрезентативного характера, поскольку отбор респондентов мигрантов возможен лишь на основе неслучайной выборки с использованием метода целевого отбора по признакам: гражданство, место проживания и работы, возраст.

По данным опроса мигранты в 1,3 раза, или на 18,4%, чаще согласны с утверждением, что создание своей семьи является главной жизненной целью/достижением. В рейтинге у мигрантов первое место занимает ответ – «Крепкая семья, хорошие дети», у россиян это только – 2-4ые ранги.

Отметим, по большинству показателей терминальные ценности мигрантов во всех страновых группах очень близки, хотя есть некоторые отличия. Позицию «Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» чуть чаще отмечали мигранты из Кыргызстана. «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» – россияне, а из мигрантов – казахстанцы. Карьера, власть – казахстанцы. «Стремление к Богу, следование его заповедям» – мигранты из Кыргызстана и Узбекистана. «Уважение со стороны окружающих» – жители России выбрали в 3,8 раза реже, нежели мигранты.

*В РФ на заработки в 2022 г. чаще всего приезжали граждане Узбекистана и Таджикистана. [сайт]. URL:

<https://tass.ru/ekonomika/17090753> (дата обращения: 01.08.2023).

Стало известно, из каких стран прибыло в Россию больше всего трудовых мигрантов в 2022 году [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/07/18975343.shtml>; В Россию за 2022 год приехало на треть больше мигрантов: какие страны в лидерах [сайт]. URL: <https://bankstoday.net/last-news/v-rossiyu-za-2022-god-priehalo-na-tret-bolshe-migrantov-kakie-strany-v-liderah> (дата обращения: 1.08. 2023).

Количество иностранцев, проживающих в Москве в 2023 году. [сайт]. URL: <https://biletworldskills.ru/kolichestvo-inostrantsev-prozhivayuschih-v-moskve-v-2023-godu> (дата обращения: 1.08.2023).

Следует отметить гендерные особенности ответов на эти вопросы. Позицию «*Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать*» чаще выбирали мужчины. «*Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты*» – женщины. «*Уважение со стороны окружающих*», «*Карьера, власть*» – мужчины- мигранты. «*Жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилия*» – женщины мигрантки.

Для 40,1% молодых мигрантов в возрастной когорте 18-25 лет важно «*Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты*», для 34,7% – «*Уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив*».

Особенности выбора терминальных ценностей наших респондентов объясняет значимость для мигрантов национальных/этнических традиций и обычаев, особенно религиозных (рис.1).

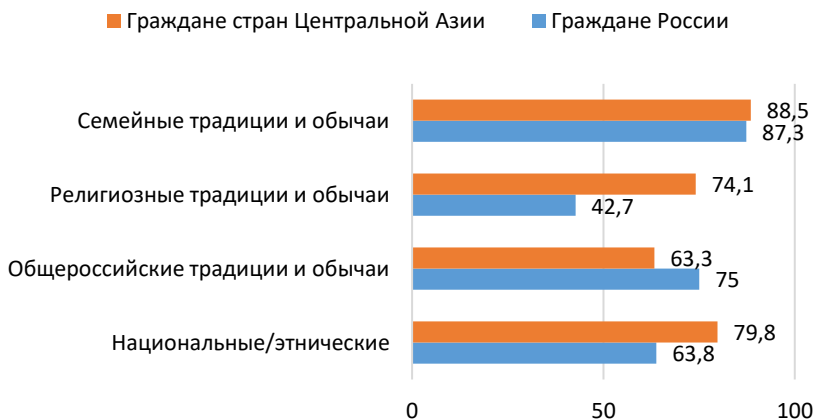

Рис. 1. Значимость традиций и обычаев: очень важны/скорее важны, в % от опрошенных по группам

Большинство респондентов важным для создания и функционирования своей семьи считают такие абсолютные ценности, как взаимная любовь, взаимное уважение. Мигранты более высоко ценят сохранение верности брачному партнеру. Для россиян более важна взаимная поддержка супругов, взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов. (табл. 1)

Таблица 1

**Оценка респондентами важности семейных ценностей
(множественный вопрос), в % от опрошенных по группам**

Ранг	Россияне	Ранг	Мигранты
1–3	Взаимная любовь (52,0%) Взаимная поддержка супругов (50,5%) Взаимное уважение (49,0%)	1–2	Взаимная любовь (53,5%) Взаимное уважение (52,9%)
		3	Сохранение верности партнеру (41,5%)
4–6	Взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов (31,9%) Сохранение верности партнеру (31,9%) Согласие супругов по всем ключевым вопросам (29,9%)	4–6	Взаимная поддержка супругов (36,7%) Согласие супругов по всем ключевым вопросам (29,6%) Наличие семейных традиций (23,4%)

Более высоко женщины ценят согласие супругов по всем ключевым вопросам, равноправие в решении всех вопросов. А мужчины – взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов, сохранение верности партнеру. Чем старше респонденты, тем выше ценят сохранение верности партнеру, согласие супругов по всем ключевым вопросам.

Одной из важнейших семейных ценностей является уважение индивидуальности каждого члена семьи, недопустимость насилия одного супруга над другим для подчинения своим интересам и потребностям, установления власти и контроля над членами своей семьи [16].

Уголовное наказание за это деяние поддержало бы большинство опрошенных россиян (77,5%) и на 16,3% меньше мигрантов (61,2%). Чаще безусловную поддержку введения уголовного наказания за внутрисемейное (домашнее) насилие высказывали женщины, что может косвенно свидетельствовать о том, что женщины чаще испытывают на себе давление со стороны других членов семьи.

Исследование фиксирует различия в представлениях наших респондентов о должной семейной иерархии, обозначая те изменения, которые происходят при трансформации традиционной семьи. Как свидетельствует опрос, мигранты скорее придерживаются традиционной системы, тесно связанной с порядком, определяющим авторитет, власть в семье и

степень влияния одного члена семьи на других. Они чаще ориентированы на патриархальную модель семьи, которая представляет собой властную систему, во главе которой стоит отец, полагают, что главой семьи является муж, он сам принимает основные решения или главой семьи должен быть кто-то из старшего поколения. Матриархальная модель семьи практически не имеет поддержки ни среди мигрантов, ни среди россиян. Москвичи демонстрируют большую симметрию моделей мужского и женского семейного поведения, когда члены семьи могут замещать друг друга при выполнении семейных обязанностей. 6 из 10 опрошенных полагают, что супруги равны, все вопросы должны решаться совместно. Видимо, мы можем говорить о сохранении в представлениях большинства респондентов - мигрантов авторитарной системы властных отношений в семье, а москвичей/ жители Подмоскovie – демократической (рис. 2).

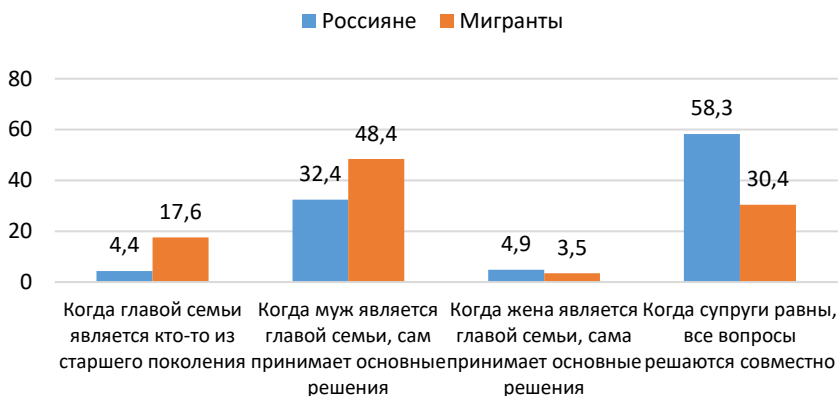

Рис. 2. Мнение респондентов о наиболее приемлемой форме взаимоотношений внутри семьи, в % от опрошенных по группам

Мужчины чаще поддерживают форму взаимоотношений внутри семьи, когда муж является главой семьи. Женщины – когда супруги равны, все вопросы решаются совместно. Молодые респонденты чаще демонстрируют приверженность демократическому, эгалитарному типу распределения власти в семье.

Выводы

Исследование показало, что терминальные ценности мигрантов из Центральной Азии во всех страновых группах очень близки. Главной

жизненной целью/достижением для подавляющего большинства является создание своей семьи. В рейтинге ценностей первое место занимает ответ – *«Крепкая семья, хорошие дети»*. Большинство респондентов важным для создания и функционирования своей семьи считают такие ценности, как взаимная любовь, взаимное уважение. Мигранты по сравнению с россиянами более высоко ценят сохранение верности брачному партнеру. Они чаще ориентированы на патриархальную модель семьи, которая представляет собой властную систему, во главе которой стоит отец, полагают, что главой семьи является муж, он сам принимает основные решения или главой семьи должен быть кто-то из старшего поколения. Молодые респонденты чаще демонстрируют приверженность демократическому, эгалитарному типу распределения власти в семье.

Отмечаются межпоколенческие различия ценностных ориентаций. Для поколения X более важно *«Жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилию»*, Z – *«Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты»*, *«Уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив»*. Чем старше респонденты, тем выше ценят сохранение верности партнеру, согласие супругов по всем ключевым вопросам.

Следует отметить гендерные особенности ценностных ориентаций. Женщины чаще считают важным для себя *«Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты»*, *«Жить в мире, чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилию»*. Они более высоко ценят согласие супругов по всем ключевым вопросам, равноправие в решении всех вопросов, безусловно поддерживают введение уголовного наказания за внутрисемейное (домашнее) насилие, что может косвенно свидетельствовать о том, что женщины чаще испытывают на себе давление со стороны других членов семьи.

Для мужчин более важно *«Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать»*, иметь *«Уважение со стороны окружающих»*. Они чаще выбирали такую ценность, как *«Карьера, власть»*, предпочтительной были форма взаимоотношений внутри семьи, когда муж является главой семьи, сохранение верности партнеру.

Особенности терминальных ценностей наших респондентов в значительной мере детерминированы национальными/этническими традициями и обычаями, особенно религиозными.

Полученные в исследовании результаты могут способствовать расширению теоретического знания о поведении мигрантов, дополняют опыт предыдущих исследований, наполняют теорию социологии новой и акту-

альной информацией о ценностных ориентациях мигрантов из Центральной Азии в России. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на консолидацию населения России, стать полезными для разработки политических стратегий и мер, направленных на укрепление общественной солидарности и единства в России. Это особенно важно в контексте множества вызовов, с которыми сталкивается современное общество.

Список литературы

1. Воскресенская Н.О. Духовные ценности и их межпоколенческая трансмиссия в контексте базовых функций современного российского государства // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 50–54.
2. Евдокимов А.И., Пономарева И.В. Культурные ценности российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии.
3. Бритвина И.Б. Культурная интеграция иноэтничных мигрантов и россиян XXII Уральские социологические чтения. //Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. 2020. С. 336-341.
4. Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление //Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93-102.
5. Григорьев Д.С. Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросс-культурное исследование в Бельгии, Германии, Франции.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 3–13.
7. Карпухин С.В., Колокольцева Н.Б. Влияние культурной среды на развитие социальных и нравственных ценностей молодежи // Конфликтология. 2016. № 2. С. 248–253.
8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
9. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.). Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65; Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 1994. № 50. 19–45).
10. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M., Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition. 550 pages. New York: McGraw-Hill USA, 2010, 561 p.; Exploring culture: exercises, stories, and synthetic cultures / G.J. Hofstede, P.B. Pedersen, G.H. Hofstede. Publisher Yarmouth, Me.: Intercultural Press, 2002. 234 p.
11. Рокич М. Методика «Ценностные ориентации» // Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А.А. Карелин. Москва: Эксмо, 2009. С. 26-28.

12. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть i. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3-15; Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 3-17).

13. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922. P. 584.

14. Бадонов А.М. Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей // Учёные записки ЗабГУ. 2014. № 4 (57). С. 10-13.

15. Лапин Н.Г. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3-21.

16. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С. 13–25.

VALUES OF GENERATIONS OF MIGRANTS X, Y AND Z FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

G.I. Osadchaya¹, T.N. Yudina²

¹Osadchaya Galina Ivanovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Demographic Research of the National Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
osadchaya111@gmail.com

²Yudina Tatyana Nikolaevna – Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Demographic Research of the National Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
ioudinatn@mail.ru

The study set a goal, based on the results of a sociological study, to analyze the main life goals of migrants from Central Asian countries, to identify the features of the terminal values of respondents and their formative factors. It is shown that for the vast majority of all generations of migrants, the main life goal/achievement is to create a family. For generation X, the value of "Living in peace, feeling safe, not feeling the threat of violence" is more significant, generation Z "Having an interesting job that allows you to show your abilities and talents," "Confidence in the future, having favorable prospects." Migrants, compared to Muscovites, are more likely to adhere to an authoritarian system of power relations in the family, and among Generation Z there is a higher commitment to a democratic, egalitarian type. The results of the study can be used by the authorities in the preparation and implementation of a set of measures aimed at the social well-being of Russia.

Keywords: Values, value orientations and attitudes, migrants, Central Asian countries

СИСТЕМА НАСТАВНИЧЕСТВА В ДЕМОГРАФИИ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.К. Ростовская

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор,
зам. директора по научной работе ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru

В кратком обзоре представлена роль Л.Л. Рыбаковского – легендарного учёного, ведущего демографа, видного исследователя с мировым именем, доктора экономических наук, профессора, внесшего огромный вклад в развитие демографической науки.

Ключевые слова: Л.Л. Рыбаковский, демограф, демография, научная школа, наставничество

Необходимо отметить, что наставничество как способ передачи знаний молодому поколению появилось в системе образования еще в период античности, и формы обучения, используемые Платоном, Сократом и Аристотелем во многом напоминают современные приемы взаимодействия учителя-наставника с обучающимися. Само понятие «наставничество» связывают с героем мифов – Ментором, воспитателем и наставником Телемаха, сына Одиссея [1].

В средние века наставничество существовало в обучении подмастерьев через прямое взаимодействие мастера с учеником в виде обучения личным примером. В христианстве духовное воспитание, значение духовного отца, пастыря, кормящего прихожан, тесно связано с наставничеством. Великий педагог Я.А. Коменский в своих трудах прямо указывал на значимость наставника в воспитании детей, он считал личный пример деятельности и нравственной жизни учителя одним из основных педагогических методов.

В истории российского образования наставничество как метод обучения и воспитания известно с XIX в., когда в школах была введена особая должность – «наставник». Идеологом педагогического наставничества выступал И.И. Бецкой, который сформулировал обязанности наставника и перечень личностных качеств, которыми наставник должен обладать: любовь к своему труду и добросовестное к нему отношение, справедли-

вость, честность, настойчивость, выдержка, педагогический талант. Затем идея наставничества нашла свое отражение в трудах В.П. Вахтерова, П.Ф. Каптерева, Л.Н. Модзалевского, К.Д. Ушинского [2].

С середины XX в. в Советском Союзе наставничество на законодательном уровне приобрело массовый характер в системе профессионально-технического образования, которое осуществлялось в форме шефства опытных рабочих над учащимися и было широко распространено практически во всех трудовых коллективах как шефство над молодыми работниками при вступлении в должность на предприятии или в организации. Труд наставника оценивался по результатам деятельности «подшефного» и материально стимулировался. Самые результативные наставники поощрялись благодарственными грамотами и денежными премиями.

Развал Советского Союза и разительная перестройка всех социально-экономических отношений привели к потере наставничества и его традиций. На долгие годы утраченными оказались действенные и результативные методы, дающие значимый педагогический эффект. Однако проблема педагогической помощи и поддержки молодых кадров является сегодня настолько острой, что государство принимает значительные меры по восстановлению и реинкарнации социального института наставничества. Распоряжением Министерства просвещения РФ в 2019 г. утверждена «Методология (целевая модель) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися». В данном документе наставничество определяется как «универсальная технология передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве» [3].

Программы наставничества реализуются в России на разных уровнях и ступенях образования. Большую работу в этом направлении проводят ведущие вузы страны, в которых традиции наставничества не были утрачены, и за годы работы накоплен значительный опыт наставничества преподавателями, студентами старших курсов, выпускниками и работодателями [1].

В Московском Государственном Университете существует «Менторский клуб МГУ» – общественное объединение, состоящее из выпускников Университета, работающих в сфере науки, бизнеса, производства, помогающее студентам и выпускникам разных лет в поиске работы, личном кураторстве, развитии и профессиональном становлении. На сайте клуба размещены сведения о менторах, которые систематизированы по факультетам университета и направлениям подготовки. Студент, желающий получить помощь наставника, заполняет на сайте google-форму, вопросы которой помогают определить образовательные потребности и определить наставника.

Большой интерес представляет проект «MY MENTOR», созданный в МГИМО. Это межвузовский проект, участвовать в котором могут студенты разных российских вузов: МГИМО, РЭШ, РЭУ им. Плеханова, РГТУ им. Менделеева, РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Поиск наставников осуществляется с помощью сайта, на котором происходит формирование наставнических пар между студентами старших курсов и выпускниками вузов-партнеров.

Интересная программа наставничества разработана и внедрена в практику деятельности НИУ ВШЭ [4].

Наставниками являются выпускники ВШЭ, добившиеся успехов в своих профессиональных областях. Сроки программы наставничества различны, и минимально по длительности составляют 1 год. По окончании курса программы студентам выдается сертификат участника и рекомендации от наставника для трудоустройства или предложение работы. Наставник получает благодарность от университета и возможность принять на работу выбранного студента. Так же, как и в описанных выше проектах, для участия в программе наставнику необходимо заполнить анкету на сайте, указав данные о себе, сведения о годе выпуска, направлении подготовки, месте работы, должности, области, в которой наставник является экспертом. Каждый студент может, руководствуясь этими сведениями, выбрать себе наставника в определенном профессиональном направлении.

Развивается и успешно функционируют программы наставничества и в таких вузах, как Финансовый университет при Правительстве РФ, МФТИ и МИФИ. Особый интерес представляет методическое пособие «Индивидуальная программа развития и система наставничества как инструменты наращивания профессиональных компетенций педагогов»,

разработанное научно-исследовательским центром социализации и персонализации образования детей ФИРО РАНХиГС [5]. В программах этого вуза в качестве наставников выступают представители профессорско-преподавательского состава, бизнес-структур, государственные и муниципальные служащие, а также успешные выпускники и студенты старших курсов, имеющие индивидуальные достижения [1].

В связи с объявленным Указом Президента России В.В. Путина «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» [6], тема наставничества в 2023 г. приобретает особую актуальность в научной среде. В научной среде наставничество как одна из эффективных форм подготовки научных кадров играет ключевую роль, так как наставник может передать свой опыт и знания своему подопечному, помочь ему развить научное мышление, а также обучить основным методам исследования. В рамках заявленной темы интересен краткий обзор системы наставничества в демографии.

В современных условиях демография становится неотъемлемым направлением формирования научного знания. Важность развития демографического образования в России определяется не только теми демографическими вызовами, с которыми сталкивается страна, но и ее географической протяженностью и культурным разнообразием, а также исторической преемственностью. Знания в области демографической статистики на протяжении веков служили важным фундаментом в области учета населения.

В России в целях налогообложения в XVIII-XIX веках проводятся подушные переписи (ревизии) податного населения Российской Империи. В 1897 г. под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского был заложен почин для проведения всеобщих переписей населения, которые сформировали богатую базу для научного изучения и осмысления демографических тенденций в стране в различные исторические периоды.

Рассматривая исторические этапы развития демографического образования в России (в том числе в Советском союзе), необходимо отметить заслуги ведущих ученых-демографов наших наставников: А.Я. Боярского, Д.И. Валентя, Л.Л. Рыбаковского.

Арон Яковлевич Боярский (1906 – 1985 гг.) – ведущий демограф, советский экономист-статистик. В 1945 г. в Московском экономико-статистическом институте – МЭСИ инициирует создание кафедры статистики и демографии и возглавляет ее практически около 20 лет, до 1963 г. [7].

А.Я. Боярский вносит большой вклад в разработку и развитие учебно-методической базы по демографии: в 1930 г. выпускает учебник «Теория математической статистики», в 1937 г. – работу «Статистика населения». В 1945 г. А.Я. Боярский издает первый в стране учебник по демографии «Курс демографической статистики», который до сих пор пользуется большой популярностью и выдерживает несколько изданий. За многолетний научно-образовательный труд в 1967 г. А.Я. Боярскому присвоено звание заслуженный деятель науки РСФСР [8].

Дмитрий Игнатьевич Валентей (1922–1994 гг.) – основатель университетской школы демографии и изучения народонаселения, являлся бесшестидесятилетним руководителем на протяжении четверти века, созданной в 1965 г. в МГУ проблемной лаборатории по вопросам изучения народонаселения и в 1967 г. кафедры народонаселения. Его научные интересы лежали в области теории народонаселения, управления народонаселением. Среди основных трудов ведущего ученого демографа следует отметить: Учебник «Основы демографии» (1989), «Демографический энциклопедический словарь» (ред., 1985), библиографии по проблемам народонаселения (ред., 5 выпусков с 1965 по 1983 гг.), «СССР – демографический диагноз» (ред., 1990). Д.И. Валентей – создатель и редактор научной серии сборников статей «Народонаселение».

В современном российском обществе велика роль *Леонида Леонидовича Рыбаковского* – легендарного учёного, ведущего демографа, видного исследователя с мировым именем, доктора экономических наук, профессора, внесшего огромный вклад в развитие демографической науки.

Научная школа нашего Учителя и Наставника Л.Л. Рыбаковского выходит далеко за рамки отечественного направления [9]. Им подготовлено свыше 100 докторов и кандидатов наук, работающих в России и за рубежом. Опубликовано более 400 научных трудов, в том числе – 15 авторских монографий и свыше 40 разделов в коллективных книгах, включая учебники и учебные пособия по демографии, миграции населения, социологии и экономике труда. Основные научные идеи, разработанные автором, относятся к теории миграции населения, демографии и региональным исследованиям народонаселения.

Назовём важные научные достижения и идеи Л. Л. Рыбаковского. Он является автором классификации населения в зависимости от «генезис-

ного» признака, учитывающего происхождение (рождение) и (или) продолжительность проживания на определённой территории [4]. Большое значение для регионального анализа миграций имеет, предложенный в конце 60-х годов XX столетия, так называемый коэффициент интенсивности межрайонных миграционных связей (КИМС) [10].

Существенным вкладом в теорию миграции явилась разработка Л.Л. Рыбаковским концепции трёх стадий миграционного процесса. Принципиальные положения Концепции сводятся, во-первых, к разделению таких понятий, как готовность к миграции (мобильность) и переселение (реализация этой готовности). Другое положение сводится к вычленению из всего миграционного процесса его срединной части миграционных потоков, совокупность которых представляет некое множество прямых и обратных перемещений, структурированных по личностным и географическим характеристикам. Третий принципиальный момент состоит в отказе от одностороннего понимания процесса взаимодействия человека с новыми для него социальной средой и природно-географическими условиями. Это та стадия миграционного процесса, начало которой в превращении мигранта в новосёла, а конец – в переходе новосёлов в состав старожилов, то есть постоянного населения конкретной территории. Кроме того, предложено авторское представление о взаимосвязи условий, факторов и причин, обосновано использование этих понятий применительно к естественным и социальным явлениям. По мнению автора, для первых свойственна двуединая схема: «условия–факторы»; для вторых – триединая: «условия–факторы–причины». Доказано, что факторы – это только та часть компонентов среды (условий), которые связаны с тем или иным конкретным явлением. В отличие от факторов причины имеют самостоятельное значение только для явлений социальной сферы. Они представляют собой взаимодействие объективного и субъективного, реакцию человека на тот или иной компонент среды или их группу. Так, по отношению к миграции фактор – это совокупность условий, которые воздействуют на принятие человеком решения о миграции, а причина – это то, что непосредственно заставляет человека принимать конкретные действия [6].

Новым является предложенный этнодемографический метод оценки людских потерь для отдельных частей государства или бывшей общей страны. Прямой счёт или балансовый метод, применяемые для оценки

общих для страны людских потерь, не пригодны в данном случае. В общих чертах суть этнодемографического метода состоит в том, что людские потери для отдельных частей определяются из потерь тех этносов или, точнее, национальностей, которые относятся к государствообразующим. На основе данного метода им рассчитаны людские потери России в Великой Отечественной войне [7].

Л.Л. Рыбаковский научную деятельность всегда сочетал и сочетает с разработкой практических предложений. Им было обосновано введение в южных районах Дальнего Востока районного коэффициента к зарплате (в 1.3) тем категориям граждан (в середине 60-х годов это было свыше 0.5 млн человек), которые в те годы не имели подобных льгот. Предложение было принято и реализовано. В начале XXI века под его руководством группой специалистов была разработана Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г., одобренная Правительством в 2002 г. Л.Л. Рыбаковский – активный участник разработки Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г., утверждённой Указом Президента РФ в 2006 г. Совместно с группой учёных им были разработаны концепции и программы демографического развития таких регионов, как Смоленская, Самарская области, город Москва, ХМАО [15].

Творческая деятельность Л.Л. Рыбаковского отмечена рядом государственных наград, ведомственных медалей и грамот. Среди них: Медаль «За доблестный труд», Медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II и I степени, Орден Дружбы, а также золотая медаль МГУ им. М.В. Ломоносова за выдающийся вклад в демографическую науку, серебряная медаль им. П. Сорокина за развитие социологической науки, серебряная медаль ВДНХ за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР, медаль «Ветеран труда», нагрудный знак «Отличник социально-трудовой сферы», медаль «За заслуги в развитии Дальнего Востока», Почётный орден ЦК КПРФ «100 лет Ленинскому комсомолу», медаль Федеральной миграционной службы «За заслуги».

В настоящее время Леонид Леонидович Рыбаковский – наш Учитель и Наставник, активно занимается научно-исследовательской деятельностью в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН. Является автором многочисленных монографий, среди которых особо следует выделить уникальный научный труд «Великая отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы Победы». Как пишет сам автор: «Эта книга о величайшей драме, которую в середине XX века пережил наш

народ. Несмотря на колоссальные людские потери, не говоря уже об уничтоженном материальном богатстве, создававшемся неимоверным трудом тех, кому выпало затем защищать себя, своих близких, свой народ, свою Родину от фашистской чумы, эта чума была повержена советскими воинами, водрузившими над Рейхстагом флаг Победы. Это книга о Великой Отечественной войне, о том, что ее отличает от всех войн, известных человеческой истории, о том, как, потеряв такое огромное количество военнослужащих и еще большее количество гражданского населения, страна смогла выстоять и победить, благодаря каким факторам это произошло» [16].

Л.Л. Рыбаковский – корифей своей любимой науки – демографии, видный исследователь с мировым именем, по праву является центральной фигурой не только Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, но и демографической науки в целом. Все профессиональное сообщество восхищается научными и жизненными достижениями нашего Учителя и Наставника. И еще – у Леонида Леонидовича есть удивительное свойство – брать на себя ответственность за тех, кто рядом с ним – и родных, и друзей, и нас, его сотрудников. Это удивительное качество – быть помощником и защитником тех, кто с ним рядом, не претерпело изменений в кардинально поменявшейся жизненной ситуации последних двух десятилетий, а это дорогого стоит. Огромная Вам благодарность, наши дорогие Учителя и Наставники!

Список литературы

1. Фомина О.Е., Ростовская Т.К. Особенности наставничества в контексте современных условий функционирования и развития системы образования. Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023 г. Т. 16. № 3 С. 107–120. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-3-107-120>
2. Каптерев П.Ф. Избранные сочинения. М., 1982. 627с.; Российская педагогическая энциклопедия: в 2-х т./ Гл.ред. В.В. Давыдова. М, 1993. 1999 с.
3. Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися. Распоряжение Министерства Просвещения РФ (№3-145, от 29.12.2019). <http://docs.cntd.ru/document/564232795>
4. Программа наставничества в НИУ ВШЭ / МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ. № 4 (89) 2021. Ссылка доступа: <https://mir-nauki.com/issue-4-2021.html>

5. Тарасова Н.В., Пастухова И.П., Чигрина С.Г. Индивидуальная программа развития и система наставничества как инструменты наращивания профессиональных компетенций педагогов. Рекомендации для руководящих и педагогических работников общеобразовательных организаций / Научно-исследовательский центр социализации и персонализации образования детей / ФИРО РАНХиГС. – [Электронное издание] – М.: Перспектива, 2020. 108 с. Электрон. данн. – Ссылка доступа: <https://itdperspectiva.page.link/recschool>
6. Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 "О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника" URL: <https://www.msu.ru/news/pub-lectures/sociology/ribakovski.html> (дата обращения: 25.04.2023).
7. Божко В.П. История становления МЭСИ (к 80-летию МЭСИ). Экономика, статистика и информатика. 2012;(5):3-7.
8. Боярский А.Я. Курс демографической статистики Москва: Госпланиздат; 1945. 264 с.
9. Поздравляем Леонида Леонидовича Рыбаковского с 90-летним юбилеем! // Демоскоп Weekly. 2021. № 899–900. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0899/nauka02.php> (дата обращения: 25.04.2023). Громыко Г.Л., Матюхина И.Н. К 100-летию со дня рождения Арона Яковлевича Боярского. Вестн. Моск. ун-та Серия 5. Экономика. 2007;(2):115-120.
10. ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 2. С. 3–5.
11. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграции: [монография]. М.: Статистика, 1973. 159 с.
12. Демография для практических работников / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦПС, 2005. 208 с.
13. Каптерев П.Ф. Избранные сочинения. -М., 1982. 627с.; Российская педагогическая энциклопедия: в 2-х т./ Гл.ред. В.В. Давыдова. М, 1993. 1999 с.
14. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010. С. 140.
15. Поздравляем Л.Л. Рыбаковского с юбилеем! // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 2. С. 3–5.
16. Рыбаковский Л.Л. Великая отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы Победы. Москва, 2020, Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ" (Москва). 251 с.

**MENTORING SYSTEM IN DEMOGRAPHY:
TRADITION, MODERNITY**

T.K. Rostovskaya

Rostovskaya Tamara Kerimovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Deputy Director for Research, IDI FNISC RAS, Moscow
rostovskaya.tamara@mail.ru

The brief overview presents the role of L.L. Rybakovsky, a legendary scientist, leading demographer, prominent researcher of international renown, doctor of economic sciences, professor, who made a huge contribution to the development of demographic science.

Keywords: L.L. Rybakovsky, demographer, demography, scientific school, mentoring.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ*

О.В. Рябов¹, Т.Б. Рябова²

¹ Рябов Олег Вячеславович – доктор философских наук, ВНС, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
riabov1@inbox.ru

² Рябова Татьяна Борисовна – доктор социологических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
riabova2001@inbox.ru

Посвящено анализу связи поколений как политического символа. Авторы рассматривают причины политизации возраста, показывают место символа связи поколений в политической риторике, иллюстрируют его использование материалами символической политики современной России.

Ключевые слова: связь поколений, политический символ, возрастные стереотипы, символическая политика, поколенческий разрыв.

Связь поколений можно рассматривать в качестве не только важнейшей ценности или характеристики реального состояния отношений между возрастными группами, но и политического символа, который активно используется в различных формах символической политики. Предметом анализа в нашем исследовании выступают репрезентации отношений между поколениями, производимые акторами символической политики в интересах тех или иных политических сил.

Проблема связи поколений имеет непосредственное отношение к такому сущностному признаку человека, как возраст, поэтому вначале мы рассмотрим возрастной дискурс как ресурс символической политики; далее мы остановимся на той роли, которую символ связи поколений играет в политической риторике; наконец, проиллюстрируем использование данного символа материалами репрезентаций протестной активности в России в 2017-2021 гг., которые связаны с обсуждением взаимоотношений поколений в российском обществе.

Возрастной дискурс как ресурс символической политики

Что выступает причиной использования возрастных маркеров в политике? Прежде всего, различия в возрасте на всем протяжении человеческой истории влияли на возможности той или иной социальной группы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>

принимать участие в управлении и заниматься политической деятельностью, касается ли это геронтократии, которую анализировал еще М. Вебер [1], или возрастных цензов в избирательном праве.

Обращение к методологии конструктивистского подхода требует, кроме того, проанализировать причины и технологии приписывания возрасту тех или иных значений, оказывающих влияние на различные аспекты использования их в политике. Возрастной дискурс можно определить как систему высказываний о различиях между индивидами, их персональными характеристиками и социальными ролями, обусловленных принадлежностью к определенной возрастной группе, а также об особенностях сообществ, детерминированных спецификой социального статуса, которым обладают в них различные возрастные группы. Семантическое ядро возрастного дискурса структурируется делением на возрастные группы («дети», «взрослые», «старика»); различением поколений, в том числе с наделением их политическими коннотациями (например, «советское поколение»); ассоциированием возраста с ценностно нагруженными оппозициями (например, «прошлое – будущее», «старое – новое», «традиции – новаторство» и др.).

Привлечение символа связи поколений обусловлено тем потенциалом, который заключен в возрастном дискурсе как ресурсе политики; этот потенциал определяет возможности использования его в проведении символических границ между сообществами и внутри них, а также в легитимации социальных иерархий.

Символические границы, связанные с различием «своих» и «чужих», играют значимую роль; напомним, что, например, по оценке К. Шмитта, разделение на друзей и врагов выражает самоё сущность политического [2]. Эффективность возрастных маркеров в качестве символических пограничников обусловлена такими их свойствами, как связь с личным опытом индивидов; заметность, очевидность; апелляция к естественным, природным признакам, что повышает степень их легитимности.

Что касается легитимации социальных иерархий, то возрастные характеристики могут быть использованы для обозначения неравенства, прежде всего, потому что оппозиция «ребенок – взрослый» выступает в качестве своеобразной матрицы отношений власти и подчинения. Первая власть, с которой сталкивается человеческое существо при появлении на свет, – это власть взрослых. Маркировка индивида или сообщества как ребенка означает наделение их эмоциональностью, беспомощностью, безответственностью, мечтательностью; демонстрацию их несамостоя-

тельности и обоснование необходимости контроля за ними [3]. В постколониальных исследованиях показано, что прием символической инфантилизации, уподобление народов колоний несамостоятельным детям эффективно использовался для оправдания и объяснения колониализма [4]. Вместе с тем старость как отклонение и от сегодня существующей нормы, воплощенной во взрослом человеке, тоже может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять и тем самым фактором, снижающим легитимность политического актора.

Противопоставляя одно сообщество другому, возрастной дискурс способствует и их оцениванию. Так, советский лозунг «Два мира – два детства» привлекался для демонстрации преимущества советского образа жизни над американским, в том числе для иерархизации условий реализации потенциала каждого ребенка, существующих в двух антагонистических системах [5; 6]. Все это обуславливает достаточно активное использование возрастного дискурса в политической риторике.

Символ «связь поколений» в политической риторике

Как отмечает Д. Сирс, термин «политический символ» может быть отнесен к любому аффективно нагруженному элементу в политической сфере [7]. «Связь поколений» обладает всеми признаками, которыми исследователи наделяют политический символ [см. об этом: 6]: способность вызывать сильную эмоциональную реакцию; способность быть включенными в создание символических границ между «своими» и «чужими»; пластичность и многозначность. Рассмотрим их подробнее.

Отношение индивидов к вопросу связи поколений определяется не только чисто прагматическими аспектами, касающимися вопросов карьеры или общественного согласия как основы социальной стабильности; эмоциональность восприятия этого вопроса детерминирована и экзистенциальными проблемами человека. Конечность индивидуального существования всегда побуждала искать бессмертие: физическое, в форме воскрешения или продолжения существования в загробном мире, или же социальное. Наиболее примечательным выражением поисков социального бессмертия стало появление такой формы социальности, как нация, и такой формы идеологии, как национализм – идеологии, которую нередко характеризуют в качестве «светской религии» [8, р. 33–34.]. Как отметил Э. Смит, нация «переживается страстно, как некое весьма реальное и конкретное сообщество, в котором мы можем найти определенную гарантию нашей идентичности и даже – через наших потомков – нашего бессмертия» [9, с. 261]. Идентификация с нацией помогает преодолеть чувство страха, вызванного конечностью индивидуального бытия и перспективой забвения; дискурс национализма позволяет индивиду ощутить

себя частью бесконечной цепи поколений. Без представлений об общности происхождения и общности будущего мифология бессмертия в значительной мере утрачивает свою эффективность; социальное бессмертие, таким образом, возможно лишь при условии, что новое поколение в той или иной степени продолжает дело прежнего, на уровне социума в целом или же отдельной семьи.

Символы, как заметила Г. Илджениус, по самой природе обладают таким свойством, как способность быть включенными в создание границ [10, р. 13]. Каждый символ используется в процессах коллективной идентификации, внося вклад в формирование ингрупповых связей общности, в исключение из нее внутренних «чужих», в противопоставление ее аутгруппе. Что касается возрастного дискурса, он тоже эксплуатируется в механизмах включения и исключения. При этом различие касается не только собственно возрастных групп (скажем, детей и взрослых), но и других типов социальных сообществ. В политике коллективной идентичности при различении «своего» и «чужого» сообщества используется образ того, как в них осуществляется связь поколений. Напомним слова из «Песни о Родине» В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского: «Молодым везде у нас дорога / Старикам везде у нас почет»; то есть, коллективное «мы» определяется за счет в том числе символа связи поколений, при помощи постулирования того, как в данном сообществе относятся к представителям той или иной возрастной группы.

Символы, выступая универсальным средством коммуникации внутри сообщества, вместе с тем достаточно пластичны, с точки зрения своего содержания [10, р. 16]. По оценке Э. Коэна, «символы не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» [11, р. 15]. Эта пластичность создает простор для интерпретаций, а также обуславливает возможность соперничества за понимание конкретного символа, за ту сумму значений, которую он призван выражать. Символ связи поколений становится предметом символической борьбы, которая ведется в интересах той или иной политической силы. Дискуссии о том, в какой мере новое поколение должно разделять ценности прежнего, проходят в более или менее явной форме на всем протяжении человеческой истории. Они в немалой степени оказывают влияние на идеологическую борьбу, включаясь в формирование ведущих идеологий, таких, как консерватизм или национализм. В современной науке существует несколько трактовок того, как интерпретировать «поколение» [12]. Мы разделяем понимание поколения в символическом значении как обозначения различий «старого» и «нового» [13]; релевантными символической политике

выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения. В самом делении на поколения, которые, таким образом, можно трактовать как социальный конструкт, заложена возможность их противопоставления, что, в свою очередь, повышает манипулятивный потенциал символа связи поколений и его эмоциональную нагруженность. Принципиально, что противопоставление поколений нередко сопровождается серьезными общественными переменами (например, в отечественной истории тема «отцов и детей» становится важным вопросом общественных дискуссий, нашедших отражение и в произведениях культуры, будь то роман И. Тургенева или кинематограф «оттепели»); соответственно, стабильность социально-политической системы зависит и от отношений между поколениями, и от репрезентаций этих отношений.

Наличие отмеченных свойств – связь с отношениями власти и обусловленный смысловой неопределенностью манипулятивный потенциал – объясняет ценность данного символа для акторов символической политики, которые для достижения политических целей могут как приуменьшать, так и преувеличивать объективные различия и сходства между возрастными группами.

Преувеличение возрастных различий активно используется в различных формах протестной активности, в том числе в «цветных революциях», в которых активно эксплуатируется тема социальных лифтов для молодежи. Во время событий на киевском Майдане в 2014 г. государственный переворот легитимировался украинской оппозицией не в последнюю очередь при помощи рассчитанной на молодежь пропаганды, утверждающей, что только «старика «выбирают совок» (проводили акции «спрячь паспорт бабушки – не дай ей проголосовать»), что поколения не только дедов, но и отцов безнадежно испорчены советской пропагандой <...> Старшие поколения украинцев и Россия в этой картине мира представляли “проклятое прошлое”, а молодежь и Запад – “светлое будущее”» [14].

«Связь поколений» в символической политике современной России

Показательно, что схожие избирательные технологии привлекались и либеральной оппозицией в России. В частности, акция «Спаси страну! Спрячь бабушкин паспорт!» использовалась во время выборов различного уровня, как минимум, с начала 2010-х гг. Во время митинговой активности в 2017-2021 гг., в которой участвовало значительное количество несовершеннолетних россиян, противопоставление поколений в символической политике оппозиции стало особенно заметным. Конфликт между властью и протестующими был представлен как конфронтация поколений.

Во-первых, критика старшего поколения была увязана с критикой статус-кво, а та, в свою очередь, с критикой власти. Власти и ее сторонникам приписывались те черты, которые входят в стереотип старости, включая утерю физического и ментального здоровья. В статье, опубликованной в оппозиционном издании, подчеркивалось, что «молодежь все резче отворачивается от власти. Старомодной, нелепой, все запрещающей и лишаящей молодых людей будущего в собственной стране – подростки, тинэйджеры это прекрасно чувствуют! <...> Власть теряет молодежь, а на пенсионеров опираться по естественным причинам бесконечно невозможно». [3]. Другой оппозиционный автор настаивает, что «партия телевизора и старики (55+) уверенно топят за власть – будущее, очевидно, за оппозицией, предложить молодым ничего, кроме пресловутой стабильности, власть не может») [3].

Во-вторых, новое поколение наделялось особыми достоинствами и репрезентировалось как не отягощенное грехами и заблуждениями предыдущего. В исследовании Л. Клещенко показано, что либеральные СМИ приписывали протестной молодежи такие качества, как бесстрашие, ответственность, решительность, знание о реальном положении дел в своей стране и в других странах [15, с. 27-28]. Молодежь была представлена как воплощение морального совершенства; ее протестная активность как порожденная не жаждой власти или стремлением к обогащению, а отстаиванием таких ценностей, как справедливость, достоинство, солидарность, уважение к человеческой личности. При этом молодежь позиционировалась в качестве наиболее европеизированной части российского общества, носителя европейских ценностей [15, с. 31].

В-третьих, новое поколение было представлено как жертва и потому, что ему не созданы условия в настоящем, и потому, что у него отсутствуют перспективы на будущее, что преследовало цель обеспечить ему моральное преимущество. В конфликтной фазе противостояния создавались картины политических репрессий против нового поколения, когда утверждалось, что власти применили насилие против самых незащищенных – детей [3].

Провластный дискурс подчеркивал единство поколений. При этом, во-первых, попытки оппозиции противопоставить поколения объяснялись тем, что та просто использует молодежь в качестве пушечного мяса или даже сакральной жертвы, особенно в случаях вовлечения в митинговую активность детей (например: «Цель организаторов – провокация, скандалы, беспорядки. Для них наши дети – объект политических манипуляций. Им нужны сакральные жертвы»; Анна Митянина, Уполномоченный по правам ребенка по городу Санкт-Петербургу) [3].

Во-вторых, подчеркивалось, что противопоставление поколений направлено на разрушение страны. Особое место занимали вопросы, связанные с памятью о Великой Отечественной войне как основы коллективной идентичности современного российского общества (например: «подростки без памяти о героическом прошлом своих предков, которые не читают книг и являются сторонниками быстрых суждений и простых решений, являются «идеальным топливом» для потрясений и революций»; Евгений Примаков, секретарь Союза журналистов России) [3].

В-третьих, акцентировалось внимание на том, что, поскольку ослабление России выгодно ее зарубежным недоброжелателям, то оппозиция выполняет роль «пятой колонны». Геннадий Зюганов, лидер КПРФ, заявил: «Нам этот подарок, который готовят цээрушники и наши доброжелатели в кавычках с Запада, совершенно не нужен. Кто главные заговорщики? Те, кто призывал бросить детей под колеса только для того, чтобы разжечь здесь большой пожар» [3]. В статье, напечатанной в феврале 2021 г. в «Российской газете», подчеркивалось, что задача западных кураторов протестного движения состоит в том, чтобы «добиться раскола страны, причем не только географического, но и поколенческого. Когда у молодежи будут совсем другие ценности и моральные ориентиры, нежели у их родителей. Наш народ хорошо помнит, что происходит, когда приходит слабая власть. В 90-е ветеранам плевали вслед, крича, что? если б не они, “мы бы сейчас жили, как в Германии”. Офицеры стеснялись ходить в военной форме, героев войны обвиняли во всех смертных грехах» [16].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что возрастной дискурс – значимый ресурс символической политики. Связь поколений может быть рассмотрена как политический символ, который используется как для объединения общества, так и для проведения символических границ внутри этого общества. Дискуссии об отношениях между поколениями, которые ведут проправительственные и антиправительственные акторы символической политики, идут в диапазоне оппозиции «Единство поколений» – «Поколенческий разрыв». Связь поколений – это одно из необходимых условий национальной безопасности. Как правило, при анализе вызовов единству России основное внимание уделяется вопросам межэтнических отношений. Однако деструктивное развитие межпоколенческих отношений может создать угрозы целостности российского общества. Между тем целостность общества, его объединение на основании общих ценностей и уз солидарности составляют суть социальной сплоченности, одной из центральных категорий современной социальной политики [17, с. 216-

217]. При этом необходимо не забывать, что важна не только символическая политика, но и создание реальных механизмов, обеспечивающих уважительное отношение молодежи к ценностям старшего поколения, с одной стороны, и умение общества адекватно реагировать на запросы нового поколения, детерминированные меняющимися условиями развития социума, с другой.

Список литературы

1. Вебер М. Типы господства / М. Вебер // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Вып. 2. С. 27–40.
2. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 35–67.
3. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. “Save the Children!”: The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests, 2017-21 / O. Riabov, T. Riabova, L. Kleshchenko // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2022. Vol. 11. No 2. P. 235–252.
4. Nandy A. Reconstructing childhood: a critique of the ideology of adulthood / A. Nandy // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1984. Vol. 10. № 3. P. 359–375.
5. Peacock M. Innocent Weapons: the Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War / M. Peacock. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2014. 304 p.
6. Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / О.В. Рябов и др. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
7. Sears D.O. Symbolic Politics: A Socio-Psychological Theory / D.O. Sears // *Explorations in Political Psychology* / Ed. by S. Iyengar, W.J. McGuire. N.Y.: Duke Univ. Press, 1993. P. 113–150.
8. Ozkirimli U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction / U. Ozkirimli. New York: St. Martin's Press, 2000. 280 p.
9. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. М.: Праксис, 2004. 464 с.
10. Elgenius G. Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood / G. Elgenius. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 248 p.
11. Cohen A. The Symbolic Construction of Community / A. Cohen. London: Routledge, 1985. 128 p.
12. Stoker L. Reflections on the Study of Generations in Politics / L. Stoker // *The Forum: A Journal of Applied Research in Contemporary Politics*. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 377–396.
13. Дубин Б.В. Поколение: социологические границы понятия / Б.В. Дубин // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 2. С. 11–15.

14. Ищенко Р. Инфантильные революции и «планета обезьян» / Р. Ищенко [Электронный ресурс] // URL: <https://ru-sled.ru/infantilnye-revolyucii-i-planeta-obezyan/> (дата обращения: 04.04.2023).

15. Клещенко Л. Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа / Л.Л. Клещенко // Комплексные исследования детства. 2021. № 1. С. 23–37. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-23-37>

16. Полтавцева А. Перед Навальным поставлена задача добиться раскола страны / А. Полтавцева // Российская газета. 2021. 24 февраля. URL: <https://rg.ru/2021/02/24/pered-navalnym-postavlena-zadacha-dobitsia-raskola-strany.html> (дата обращения: 04.04.2023).

17. Алешина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия / М.В. Алешина // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. Т. 4. № 1. С. 216–222.

THE CONNECTION OF GENERATIONS AS A POLITICAL SYMBOL

O.V. Ryabov¹, T.B. Ryabova²

¹Ryabov Oleg Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Doctor of Sociology, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg
riabov1@inbox.ru

²Ryabova Tatyana Borisovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St.Petersburg
riabova2001@inbox.ru

The paper deals with the analysis of the connection of generations as a political symbol. The authors examine the reasons of politicizing the age, show how political rhetoric exploits this symbol, illustrate the using it with materials of symbolic politics in contemporary Russia.

Keywords: connection of generations, political symbol, age stereotypes, symbolic politics, generation gap.

ЖЕНЩИНА-ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ (СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ)

З.Х. Саралиева

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
zaga@fsn.unn.ru

Рассматривается вклад выдающихся женщин-ученых Нижнего Новгорода в научный потенциал. Подчеркивается, что и сегодня они не дают прерваться связи времён и поколений, приняв эстафеты из рук женщин-личностей в науке прошлого века.

Ключевые слова: женщины-ученые, наука, научные исследования, научная школа Нижнего Новгорода.

В социальных потребностях современного человека особое значение приобретает способность к самоактуализации. В этой социально-психологической категории сочетаются понятия социального статуса в неразрывности с социальными ролями, социального самочувствия, самоидентификации. За человеком остаётся выбор поля преимущественного жизнесамоосуществления – труд, семья, политика, гражданское соучастие, – и далее по списку самореализации в социальном времени (как возможные вариации – жить прошлым, завтрашним днём, здесь и сейчас) и в социальном пространстве всех видов мобильности и жизнеобеспечения.

Мы будем говорить о выборе женщины, её усилиях противостоять всё ещё бытующему фактическому социально-гендерному неравенству. Лучше всего, на наш взгляд, это сделать, изучая жизнь выдающихся женщин-учёных, личностей в науке.

Говоря «личность», мы погружаемся в ситуацию теснейшего взаимодействия, взаимозависимости человека и общества (отметим сразу, что с переменной мест этих понятий меняется угол зрения на это взаимодействие, велика опасность в связке «общество и человек» остаться на социальных, по сути инструментальных, ролях).

В подмогу нашей точке зрения сошлёмся на широко цитируемую сентенцию Шарля Фурье (мы тоже не преминули это сделать) [1, с. 161],

впервые, по утверждению Ф. Энгельса, связавшего эмансипацию общества с эмансипацией женщины. Ф. Энгельс в своей работе «Развитие социализма от утопии к науке» (1880 год) писал о Ш. Фурье: он с большим мастерством критикует буржуазную форму отношений между полами и положение женщины в буржуазном обществе – «Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации». Эту мысль Ш. Фурье развивал в первой своей книге «Теория четырёх движений» (“Oeuvres completes”. Paris. 1841. P. 195.): «Расширение прав женщин есть основной принцип всякого социального прогресса» [2, с. 197].

Судя по контексту, Ф. Энгельс не относил эту мысль Ш. Фурье к утопическим. Можно считать её универсальной – «в каждом данном обществе», то есть и в нашем сегодняшнем.

Начало 90ых гг. XX в. ознаменовалось двумя событиями, затронувшими социогуманитарное пространство российского общества – создание межвузовских научно-исследовательских программ «Феминология и гендерные исследования России: перспективные стратегии и технологии», «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях» и создание в 1993 г. по инициативе питерских ученых, деятелей культуры «Академии гуманитарных наук» (АГН).

Профессора Нижегородского госуниверситета им Н.И. Лобачевского инициировали в 1994 г. создание первого регионального отделения АГН, фундаментальная задача которого определялась, как «распространение гуманитарных знаний, формирование у нового поколения ученых стиля мышления, органично сочетающего естественно-научную и общегуманитарную компоненту миропонимания» [3, с. 4], публикацию результатов своих исследований и участие в организации и проведении международных научно-практических конференций».

В рамках реализации проекта «Научные школы Нижнего Новгорода: история, проблемы, перспективы» отделением в 1997 и 1999 гг. были изданы сборники авто- и биографических материалов, воспоминаний и очерков учеников девятнадцати выдающихся представительниц горьковской/нижегородской академической и вузовской научных школ «Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода» [3;4].

Сами ученики – тоже яркие личности – микробиологи, лингвисты, психологи, физики, математики, педагоги, деятели искусства, которые продолжили историю нижегородской науки, внося свой вклад в развитие и благополучие научного социума.

Приведём несколько зарисовок о женщинах-ученых Нижнего Новгорода.

«Целеустремленность, упорство, настойчивость и какое-то бесстрашие перед трудностями» – это название статьи, посвященной *Людмиле Николаевне Белюстиной*, лауреату Государственной премии СССР в области науки и техники, доктору технических наук, одному из создателей в системе университета Научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики, с её именем связывают серьёзный прорыв в построении теории систем фазовой синхронизации [3, с. 5-14].

Основание большой школы в области биохимии – нейрохимии, бактериохимии, общей биохимии и клинической медицинской биохимии, молекулярной иммунологии связано с именем доктора медицинских наук, профессором *Городисской Генриэттой Яковлевной*. Характерен такой отзыв одной из учениц Генриэтты Яковлевны: она была «истинно интеллигентным человеком, покорявшим своей доброжелательностью, общей культурой, энциклопедическими знаниями, которые никогда не демонстрировала без нужды» [3, с. 18].

Поистине легендой горьковской/нижегородской науки была *Мария Тихоновна Грехова* – доктор физико-математических наук (степень присвоена в 1936 г. без защиты диссертации), профессор, организатор и первый декан первого в СССР радиофизического факультета, Почетный гражданин Нижнего Новгорода, заслуженный деятель науки и техники. По инициативе М.Т. Греховой был организован Научно-исследовательский радиофизический институт, директором которого она работала до 1972 г. Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции [3, с. 23, 25].

Заставляет задуматься названия подглавок в воспоминаниях о Марии Тихоновне: «Особенности мышления», «Супружеский «кластер»» (замужество с Виктором Ивановичем Гапоновым, профессором, автором двухтомного учебника «Электроника», награждён Орденом Ленина. Их брак назван оптимальным семейным парным кластером, заметив, что «оптимальность всегда есть функция предназначения!» [3, с. 31]); «Любовь к умным», «Упоение помогать», «Смысл жизни», «Времена не выбирают».

«Первый нижегородский альголог» – так начинается рассказ о *Вере Ивановне Есыревой*, внесшей серьёзный вклад в изучение водорослей Нижегородского Поволжья, фитопланктона Волги и Оки, Горьковского и Чебоксарского водохранилищ. «Просто жить нельзя, нужно жить увлечённо» – из её записных книжек. Небольшая зарисовка об исследованиях Веры Ивановны: для их выполнения в течение трёх летних сезонов отбирались пробы фитопланктона на весельной лодке на протяжении 502 км.

– от Рыбинска до Горького. Оставила богатое наследство – учеников, труды и альготеку, насчитывающую несколько тысяч проб, хранящихся на кафедре ботаники ННГУ им. Н.И. Лобачевского [3, с. 39-54].

Софья Павловна Зыбина известна как первая женщина с довольно редкой специальностью – фитопатолог, то есть специалист по борьбе с болезнями сельскохозяйственных растений. Относится к числу вавиловцев-нижегородцев, будучи соратником и единомышленником академика Н.И. Вавилова в его бытность в нашем городе. В 1930 г. была арестована по обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности в сельском хозяйстве. Сохранилась машинописная копия воспоминаний Софьи Павловны о её работе под руководством Н.И. Вавилова на Нижегородской земле [3, с. 55-58].

Ученики С.П. Зыбиной – Н.П. Королева, Н.Я. Крекнин, М.М. Рудакова в 1997 г. с горечью писали: «Сейчас имя С.П. Зыбиной оказалось забытым и даже не вошло в недавно изданный том «Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений», С-Петербург, 1994. Своей статьей мы пытаемся извлечь это имя из забвения» [3, с. 58].

Ещё один первый – профессор *Елена Петровна Куклина-Хрущева* – первый нижегородский миколог, первая женщина мордовской национальности, удостоенная ученой степени доктора биологических наук. В 20ые годы XX в. Елена Петровна преподавала биологию на рабфаке Нижегородского университета, заведовала отделением наименьшинств. «Выпускники этого отделения составили основу национальной интеллигенции поволжских национальных республик [3, с. 61]. Преподаванию в вузах Елена Петровна отдала более 60 лет и, по уверению её учеников, остаётся в памяти и сердцах тех, кто у неё учился не только науке, но и жизни [3, с. 59-66].

Зоя Сафроновна Никоро – убеждённый генетик, организатор и первая зав. кафедрой генетики (с 1931 г.) Горьковского госуниверситета. Не согласная с присланным в 1939 г. учебным планом по генетике для вузов, фактически извращавшим суть научного направления, Зоя Сафроновна позволила себе заявить, что «с сентября буду подметать улицы» [3, с. 70]. Тяжело пережила последствия пресловутой сессии ВАСХНИЛ 1948 г., лишилась работы и долго не могла работать по специальности (одно время работала музыкальным работником в детской школе-интернате). По приглашению академика Н.П. Дубинина с 1958 г. до конца жизни, в связи с организацией Новосибирского отделения АН СССР, работала в Новосибирском институте генетики и цитологии.

Ближайшей сотрудницей академика Н.И. Вавилова, генетиком, первым цитологом Всесоюзного института растениеводства была *Елена*

Карловна Эмме. Её доброе имя было восстановлено уже после смерти в тюрьме в 1942 г. Репрессирована была как немецкая шпионка. Среди пунктов обвинения и такой: «дискредитация совместно с академиком Н.И. Вавиловым научных достижений академика Лысенко». Елена Карловна покончила жизнь самоубийством в тюремной камере. Рукопись подготовленной ею книги «Эволюция картофеля» была изъята при аресте и бесследно пропала.

Вкладом в науку были и сделанные Еленой Карловной реферативные переводы на русский язык почти всей зарубежной генетической и селекционной литературы конца 30ых годов. Её имя навечно закреплено наукой в названии одного вида дикорастущего 24-хромосомного картофеля – Солянум Эмме. Она была соавтором двух засухоустойчивых сортов картофеля со значимыми названиями – «Подарок Родине», «Новинка пустыни» [3, с. 90].

Сегодня одна из улиц центра города носит имя Ирины Николаевны Блохиной – действительного члена РАМН, лауреата государственной премии СССР, д.мед.н., профессора, директора НИИ эпидемиологии и микробиологии Минздрава России. Под ее руководством был создан и осуществлен промышленный выпуск нового препарата для коррекции микробиоценоза человека: сухой лактобактерин, колибактерин, бифидум-бактерин, бифилакт [4, с. 5-15].

«Супружеский кластер» И.Н. Блохина и А.Г. Угодчиков был гордостью нижегородский науки. Андрей Григорьевич Угодчиков – доктор технических наук, почётный профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, заслуженный деятель науки и техники, почётный член Международной академии наук высшей школы, член Национального комитета РАН по теоретической и прикладной механике. Награждён четырьмя орденами и шестью медалями СССР и Российской Федерации. В 2003 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин Нижегородской области». Был ректором ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 1969-1988 гг., много способствуя созданию уже в 90ые гг. факультетов социогуманитарного профиля.

Волгина Александра Александровна – первая женщина ветеринарный врач – педагог Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (1938 г.р.). До сих пор благодарные ученики вспоминают о лекциях Александры Александровны, отличая ее обаяние, открытость, и считают, что ее жизнь была служением, потому что «человеческая медицина сохраняет человека, а ветеринарная медицина оберегает человечество» [4, с. 41-45].

Блестящим педагогом физики и методики ее преподавания была выпускница радиофака нашего университета проф. *Нелли Матвеевна Зверева*. Авторы очерка воспоминаний вывели формулу успеха, к которому приводило любое научное начинание Н.М. Зверевой: «Потому, что неуспех для нее невозможен... Талант и самозабвенное отношение к делу». Очерк о Нелли Матвеевне имеет ряд подзаголовков, отражающих ее научную и педагогическую деятельность: «Пусть не кончается урок», «Наши школы», «Жизнь без науки не возможна», «Наука – учителю» [4, с. 46-49].

Биолог, планктонолог, доктор биологических наук, эксперт ЮНЕСКО, член Национального Тихоокеанского комитета, главный научный сотрудник Института океанологии РАН, выпускница Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – все это о *Ларисе Анатольевне Пономаревой*. Мировой океан стал пространством жизни и труда Л.А. Пономаревой в течение почти 60 лет. *Участница или начальник, или научный руководитель множества экспедиций, охвативших 80 стран Мира.* «Труженица моря», «Пленница моря». Год, проведенный без рейса, считала потерянным. Последний рейс был в 1989 г. Ларисе Анатольевне было тогда 72 года [4, с. 127-153].

Ульяна Васильевна Ульenkova – первый доктор психологических наук в Нижнем Новгороде, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В профессиональных кругах широко известна как создатель оригинальной научной концепции изучения, обучения и воспитания детей с задержкой психического развития в комплексе: дошкольное учреждение – школа. Речь шла о теоретических основах и экспериментальных подходах психической диагностики и психолого-педагогической коррекции развития школьников с ЗПР [4, с. 154-171].

«*Соратница академика Н.И. Вавилова*, талантливый физиолог, профессор» – так озаглавлен очерк об *Ирине Владимировне Красовской*. Николай Иванович знал ее со студенческих лет и очень ценил. Еще в 1924 г. в отзыве на научную работу И.В. Красовской Н.И. Вавилов отмечал, что этот труд – «ценный вклад в агрономическую науку». В 1935 г. Вавилов характеризует Красовскую «как одного из лучших физиологов растений в СССР» [4, с. 71-82].

Берта Соломоновна Маранц – ученица профессора *Генриха Густавовича Нейгауза* окончила Московскую консерваторию в 1931 г., и так сложилась творческая судьба пианистки, что ей суждено было стоять у истоков создания двух других консерваторий – Уральской (Свердловск) и Горьковской/Нижегородской. Творческое исполнительское долголетие Берты Соломоновны поражает. Последние выступления в Свердловске

сопровождались лестными рецензиями о пианистке, перешагнувшей свой 80-летний рубеж [4, с. 111-126].

Одержимость – признак настоящего таланта. Но уникальным делают высокие личностные качества человека – личности в науке.

Приведу признание в своих чувствах восхищения и благодарности ко всем «Женщинам науки» кандидата педагогических наук, доцента Надежды Николаевны Деменёвой:

Женщинам науки

О, эти женщины науки! // У них есть дети, есть и внуки,
Но есть еще порыв душевный // Открыть наук ларец волшебный.
О, эти женщины науки! // Пройти через преграды, муки,
Через защиты и советы // И сохранить себя при этом!
Какое мужество и хватка! // Вся жизнь, как яростная схватка!
Но сколько женского при этом // Сияет в них незримым светом.
Какая страсть! Какая нежность! // Души распаханной безбрежность,
И острый ум, и глаз сияние, // И просто бездна обаяния!
О, эти женщины науки! // Имен чарующие звуки,
Мы вслух их вновь не произносим, // Имен созвучья в сердце носим.
Для нас Вы, словно свет в окошке, // Как блеск невидимой звезды,
Так хочется хотя б немножко, // Но стать такими же, как Вы [4, с. 69].

О сегодняшнем вкладе женщин-ученых Нижнего Новгорода в научный потенциал можно судить по некоторым данным последних пяти лет об их работе над диссертационными исследованиями в области социальных наук. В качестве примера воспользуемся сведениями о защитах в диссертационном совете по социологическим наукам по направлениям: социология управления, экономическая социология, социальная структура, социальные институты и процессы. С 2017 по 2022 г. на соискание степени доктора социологических наук успешно защищено 4 диссертации, из них 3 женщинами-соискательницами. Серьезность изучаемых проблем в диапазоне «Управление социально-психологическим старением персонала российских компаний в условиях требований рынка труда Индустрии 4.0»; «Супружество в современной России: особенности функционирования»; «Социальное самочувствие семьи с ребёнком-инвалидом в пространстве физической культуры и спорта».

Степень кандидата социологических наук в эти годы была присвоена 17 преподавателям, из них 12 – женщины. Укажем некоторые, весьма актуальные темы: «Пенитенциарная социальная работа по восстановлению,

поддержанию и укреплению социальных связей осужденных»; «Социальная адаптация молодых трудовых иммигрантов в России»; «Формирование и сопровождение замещающей семьи как формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; «Роль неформальных социальных связей в адаптации выпускников вузов на рынке труда»; «Пунитивные воспитательные практики в современной российской семье». Оппонентами и ведущими организациями была отмечены новизна в подходе к исследованию проблем и убедительность эмпирической базы.

С точки зрения вклада женщин-преподавательниц ННГУ им. Н.И. Лобачевского можно посмотреть на кадровый состав двух факультетов: факультета социальных наук (ФСН) и радиофизического факультета (РФ).

Таблица 1

	ФСН	РФ
ППС	116 чел.	147 чел.
мужчин:	36 чел. (31%)	115 чел. (78%)
женщин:	80 чел. (69%)	32 чел. (22%)
кандидаты наук	68 чел.	92 чел.
мужчин:	16 чел. (24%)	70 чел. (76%)
женщин:	52 чел. (76%)	22 чел. (24%)
доктора наук	29 чел.	33 чел.
мужчин:	13 чел. (45%)	32 чел. (97%)
женщин:	16 чел. (55%)	1 чел. (3%)

Если данные суммировать, получается, что среди женщин ФСН, составляющих 69% списочного состава ППС, имеют научные степени – 70%, на РФ – 22% и 85% соответственно.

Очевидно, что женщины-ученые ННГУ и других нижегородских вузов не сдают своих позиций, приняв эстафеты из рук женщин-ученых, женщин-личностей в науке, созидавших в Нижнем Новгороде в прошлом веке.

Список литературы

1. Саралиева З.Х. Социальный статус и социальная роль женщины: проблема самоидентификации // Бюллетень Академии гуманитарных наук. №4 // Составитель и редактор З.Х. Саралиева. // Н. Новгород, Изд-во ННГУ. 1997 г. 215 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2ое изд. М., 1961. Т.19.

3. Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Сб. очерков и воспоминаний // Под ред. З.Х. Саралиевой и Т.И. Ковалевой. Н. Новгород: ННГУ, 1997 г. 108 с.

4. Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Вып. 2 // Отв. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 1999. 196 с.

**FEMALE PERSONALITY IN SCIENCE
(LINKING TIMES AND GENERATIONS)**

Z.Kh. Saralievna

Saralievna Zaretkhan Khadzhi-Murzaevna – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod,
zara@fsn.unn.ru

The contribution of outstanding women scientists of Nizhny Novgorod to the scientific potential is considered. It is emphasized that even today they do not let the connection of times and generations be interrupted, having taken the baton from the hands of women personalities in science of the last century.

Keywords: women scientists, science, scientific research, scientific school of Nizhny Novgorod.

ГЛАВА II

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СМЕРТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ СНГ – ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ

С.А. Ананьин

Ананьин Сергей Александрович – доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения ФГБОУ ВО ПИМУ Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия
ananyin.sergey@mail.ru

Представлен анализ статистических данных смертности молодежи 15–29 лет стран СНГ за последние годы. Проанализированы показатели отдельно по мужчинам и женщинам соответствующего возраста. Особое внимание уделено смертности от внешних причин, в первую очередь лиц мужского пола.

Ключевые слова: смертность молодежи, причины смертности, СНГ, внешние причины.

В условиях смертности середины прошлого века до возраста 30 лет доживали от 69 891 из 100 000 родившихся живыми мальчиков в Туркмении до 87 499 на Украине. Во всех странах СНГ – бывших союзных республиках это число было выше, чем в среднем по миру (66 707). Тенденция к стагнации и некоторому снижению была выраженной в 1960–1980-е годы в России, на Украине и в Белоруссии (рис. 1). Из-за вооруженных конфликтов, в которые в первую очередь вовлечены молодые мужчины, резко снижалось значение показателя в Таджикистане (1992–1994 гг.), Азербайджане (1992–1994, 2020 гг.), России (1995–1996, 1999–2002 гг.). Свою лепту внесли и потери в результате пандемии COVID-19. Тем не менее, за последние 70 лет вероятность прожить весь период молодости и дожить до возраста 30 лет для новорожденных мальчиков в странах СНГ существенно возросла. Сейчас она составляет от 93,5% в Туркмении до 98,6% в Белоруссии при среднем значении по миру 92,8%. В России этот показатель равен 96,7% (7-е место после Белоруссии, Армении, Украины, Узбекистана, Молдавии и Казахстана) [1].

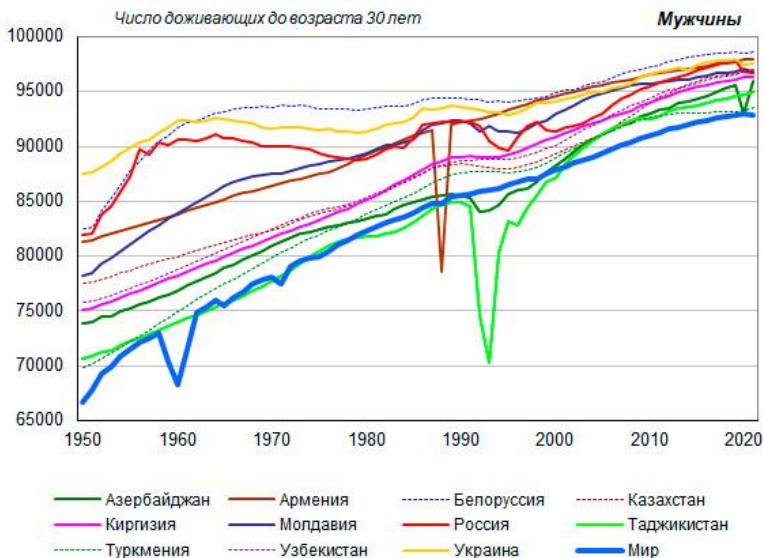

Рис. 1. Число доживающих до возраста 30 лет в странах СНГ и мире, 1950-2021 годы на 1000 родившихся живыми, мужчины (Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022, Online Edition. POP/DB/WPP/Rev.2022/MORT/F04-2)

Показатели дожития до 30 лет для женского населения стран СНГ выше, чем для мужчин, менее выраженными были и снижения показателя в периоды вооруженных конфликтов и социально-экономических кризисов (рис. 2).

В условиях смертности середины XX века из 100000 новорожденных девочек до 30 лет доживали в среднем по миру 69024, а в странах СНГ от 74920 в Таджикистане до 90265 на Украине. В современных условиях число девочек, доживающих до возраста 30 лет, увеличилось в целом по миру до 94055, а в странах СНГ превышает 95000, варьируясь от 95326 в Туркмении до 99357 в Белоруссии. Россия (98448) занимает по этому показателю 4-е место после Белоруссии, Украины и Армении. Снижение значения показателя за два года пандемии COVID-19 наблюдалось в России (-0,5%), на Украине (-0,2%) и незначительное в Белоруссии. У мужского населения вероятность дожить до возраста 30 лет за 2020-2021 гг. снизилась только в России (-1,2%) и на Украине (-0,4%).

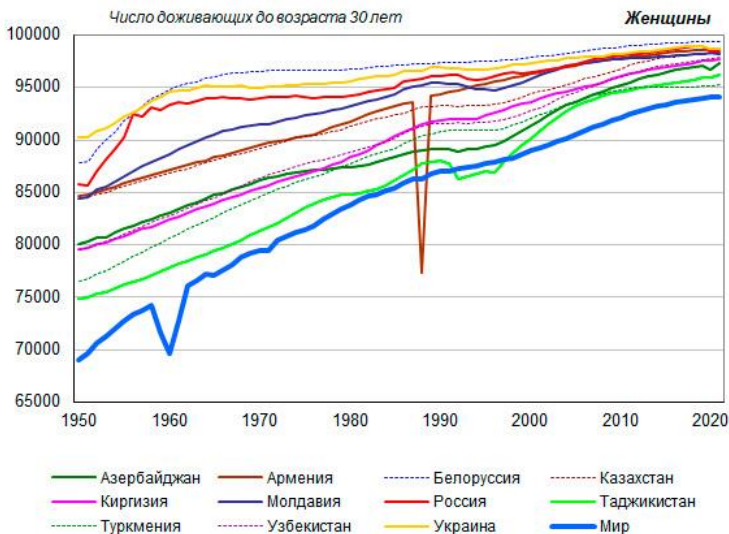

Рис. 2. Число доживающих до возраста 30 лет в странах СНГ и мире, 1950-2021 годы на 1000 родившихся живыми, женщины (Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022, Online Edition. POP/DB/WPP/Rev.2022/MORT/F04-3)

Смертность молодежи в возрастах от 15 до 29 лет, как правило, сравнительно низкая, превышает уровни смертности только в детских возрастах (от 1 года до 14 лет в более развитых странах и от 5 до 14 лет в менее развитых странах). С повышением возраста смертность молодых людей возрастает. Такие тенденции прослеживается и по странам СНГ, хотя между ними сохраняются значительные различия в интенсивности смертности, особенно у мужчин 25-29 лет. Смертность сверстниц заметно ниже.

Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет снизилась по сравнению с 2010 и 2000 гг. практически во всех странах СНГ (рис. 3). Исключение составили только Таджикистан, где смертность мужчин 15-29 в 2019 г. оставалась такой же, как и в 2010 г. (0,6 на 1000 человек), Армения и Азербайджан, где неизменной за тот же период оставалась смертность женщин 15-29 лет (соответственно, 0,3 и 0,4 на 1000 человек) [2, 3].

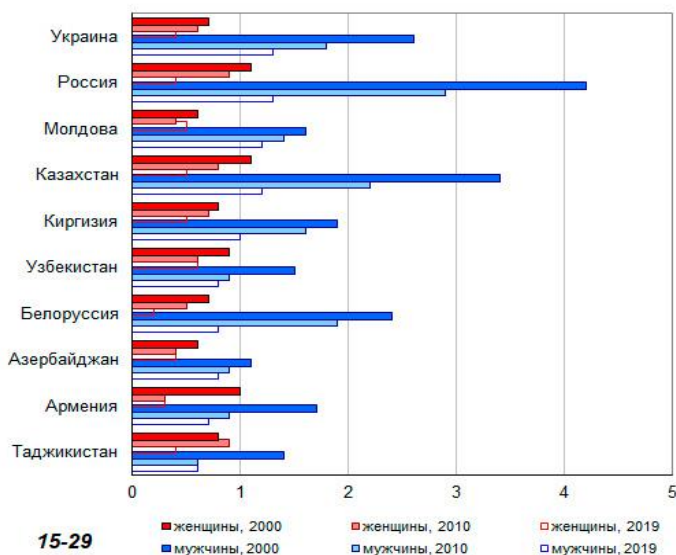

Рис. 3. Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет по странам СНГ, 2000, 2010 и 2019 гг., умерших на 1000 человек соответствующего пола и возраста (ранжировано по смертности мужчин в 2019 г.)

(Источники: Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. 2021, с. 90; Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. 2016, с. 85)

Смертность мужчин 15-29 лет наиболее заметно снизилась в странах с самыми высокими показателями – России (на 2,9 пункта промилле по сравнению с 2000 годом, с 4,2 до 1,3 на 1000 человек) и Казахстане (на 2,2 пункта промилле, с 3,4 до 1,2 на 1000 человек). Менее всего смертность мужчин 15-29 лет снизилась в Азербайджане, где она была самой низкой в 2000 году (на 0,3 пункта промилле, с 1,1 до 0,8 на 1000 человек). В результате различия между странами существенно сократились. Если в 2000 году значение показателя варьировалось от 1,1‰ в Азербайджане до 4,2‰ в России, то в 2019 году – от 0,6‰ в Таджикистане до 1,3‰ в России и на Украине.

Снижение более низкой смертности женщин 15-29 лет было менее существенным и составило за 2000-2019 гг. от 0,1 пункта промилле в Молдавии до 0,7 в Армении и России. В 2000 г. смертность женщин 15-29 варьировалась от 0,6‰ в Азербайджане и Молдавии до 1,1‰ в

Казахстане и России, а в 2019 г. – от 0,2‰ в Белоруссии до 0,6‰ в Узбекистане.

Уровень смертности мужчин в возрасте 15-29 лет во всех странах мира во многом определяется смертностью от внешних причин и некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний (в первую очередь, туберкулеза и болезней, связанных с ВИЧ-инфекцией).

По наиболее полным из имеющихся данных о смертности молодежи стран СНГ, внешние причины смерти обусловили в 2014 г. более половины смертей мужчин 15-29 лет в 8 из 10 стран (нет данных по Туркмении). Умершие от внешних причин составили 70% в Казахстане, 69% в Белоруссии, 67% в России и Молдавии, 65% в Армении, 60% на Украине, 58% в Азербайджане и 53% в Киргизии. Только в Таджикистане и Узбекистане внешние причины обусловили менее половины смертей мужчин 15-29 лет (32% и 46%). Смертность мужчин 15-29 лет от внешних причин варьировалась от 23 на 100000 человек в Таджикистане до 168 в России (рис. 4). Смертность от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний в этой половозрастной группе варьировалась от 1,9 на 100000 человек в Азербайджане и Армении до 17 на 100000 на Украине, а доля умерших от этого класса причин смерти – от 2 до 10% в тех же странах. Помимо Украины доля умерших от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний среди мужчин 15-29 была сравнительно высокой в Таджикистане – 7% (4,8 на 100000 человек), в остальных странах не превышала 5%.

Довольно высокой была смертность мужчин 15-29 лет от болезней системы кровообращения, хотя, по некоторым исследованиям, это может быть связано с неверной кодировкой причин смерти (отнесением смертей от ряда внешних причин к смертям от болезней системы кровообращения). В Азербайджане болезни системы кровообращения обусловили в 2014 г. 14% смертей мужчин 15-29 лет, в Узбекистане – 13%, России – 10%, в Белоруссии и на Украине – 9%, а в остальных странах СНГ – 6-8%. Наиболее высокая смертность мужчин 15-29 лет от болезней системы кровообращения зафиксирована в России (24 умерших на 100 тысяч человек). Заметно ниже она была на Украине (15 на 100 тысяч человек), в Азербайджане, Белоруссии, Узбекистане, Киргизии и Казахстане (10-12 на 100000 человек). В Таджикистане, Молдавии и Армении смертность мужчин 15-29 лет от болезней системы кровообращения составляла в 2014 г. 4-7 умерших на 100000 человек.

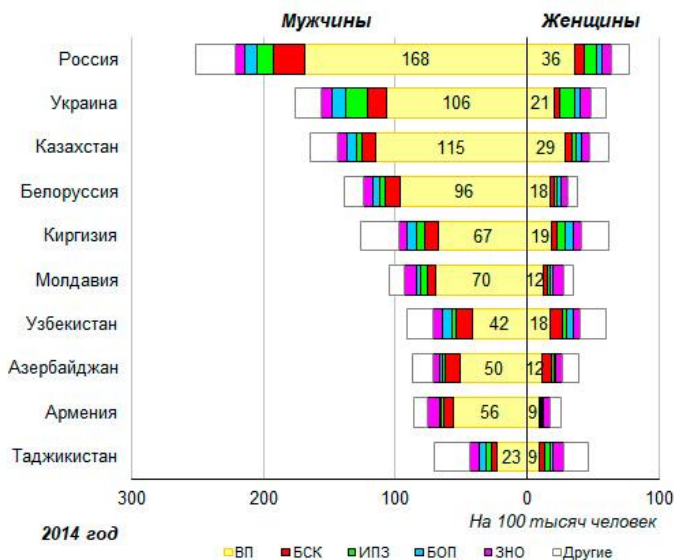

Рис. 4. Смертность населения в возрасте 15-29 лет по полу и причинам смерти в странах СНГ, 2014 год, умерших на 100 тысяч человек (ранжировано по смертности мужчин от всех причин смерти) (ВП – внешние причины, БСК – болезни системы кровообращения, ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания; БОП – болезни органов пищеварения; ЗНО – злокачественные новообразования, Др – другие причины смерти)

Большей однородностью отличаются показатели смертности мужчин 15-29 лет от злокачественных новообразований (от 5,3 на 100000 человек в Азербайджане до 8,9 в Молдавии) и болезней органов пищеварения (от 1,9 на 100000 в Армении до 9,9 в России и 9,5 на Украине). Отметим, что доля умерших от злокачественных образований среди мужчин 15-29 лет была выше всего в Армении и Таджикистане (по 10%), несколько ниже в Молдавии (9%) и Узбекистане (8%), тогда как в России она составляла всего 3%. Доля умерших от болезней органов пищеварения среди мужчин 15-29 варьировалась в 2014 г. от 2% в Армении до 9% в Узбекистане.

Для смертности женщин в странах СНГ в возрасте 15-29 лет внешние причины играют меньшую роль, чем для их сверстников. Только в Казахстане, Белоруссии и России они в 2014 г. обусловили около половины смертей женщин этого возраста (46-47%), более трети (34-36%) - в Армении, Молдавии и на Украине, около трети (29-30%) – в Азербайджане, Киргизии и Узбекистане, 19% – в Таджикистане. В Армении и Молдавии

более 20% смертей женщин 15-29 лет стали результатом злокачественных новообразований, хотя уровень смертности от данного класса причин смерти в этих странах, особенно в Армении, не превышает заметно смертность в других странах СНГ (от 5,1 до 8,1 на 100000 человек). В смертности женщин 15-29 лет в Азербайджане и Узбекистане существенную роль также играют болезни системы кровообращения (18% и 15% смертей соответственно), на Украине и в России – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания (19% и 12% смертей соответственно), в Таджикистане – другие причины смерти (42%). Доля умерших от других причин смерти, включая причины материнской смертности, помимо Таджикистана, велика в Киргизии, Узбекистане, Армении, Азербайджане (31-34% женщин, умерших в возрасте 15-29 лет).

По имеющимся данным за 2019 год (отсутствуют данные по Туркмении, Казахстану и Украине. Данные смертности по причинам смерти по Таджикистану не соответствуют общему уровню смертности (в частности, смертность мужчин 15-29 лет составила в 2019 году 0,6 на 1000 человек, а смертность тех же мужчин от всех причин смерти - 393 на 100000 человек) внешние причины смерти обусловили от 53% смертей мужчин 15-29 лет в Киргизии до 69% в Армении, коэффициент смертности от этого класса причин смерти варьировался от 43 умерших на 100000 человек в Азербайджане до 96 в России (рис. 5). В России смертность молодых мужчин от внешних причин смерти была вдвое выше, чем в Азербайджане, Узбекистане и Армении. Помимо России высокой смертностью молодых мужчин от внешних причин смерти выделяется Молдавия (79 на 100000 человек 15-29 лет), причем, в отличие от России, где значение показателя существенно снизилось по сравнению с 2014 г., в Молдавии оно, скорее, возросло. Довольно значительный вклад в смертность мужчин 15-29 лет в Азербайджане и Узбекистане, как и в 2014 г., вносили болезни системы кровообращения (15% и 14% от общего числа умерших). Смертность от болезней системы кровообращения варьировалась от 5 на 100000 человек в Киргизии до 14 в России, где с учетом более высокой смертности мужчин 15-29 лет от внешних причин вклад смертности от болезней системы кровообращения был ниже (9% от общего числа умерших), чем в Азербайджане и Узбекистане. Смертность мужчин 15-29 лет от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний в России также заметно превышала уровень других стран (8 на 100000 человек против 2-3 в других странах СНГ). Смертность мужчин 15-29 лет от злокачественных образований выше всего в Молдавии (8 на 100000 человек), Азербайджане и Узбекистане (по 7 на 100000 человек), от бо-

лезней органов пищеварения – в Молдавии и России (по 5 на 100000 человек), от болезней органов дыхания – в Молдавии (5 на 100000 тысяч человек). Вклад смертности от этих причин в общую смертность не так велик, как смертность от внешних причин.

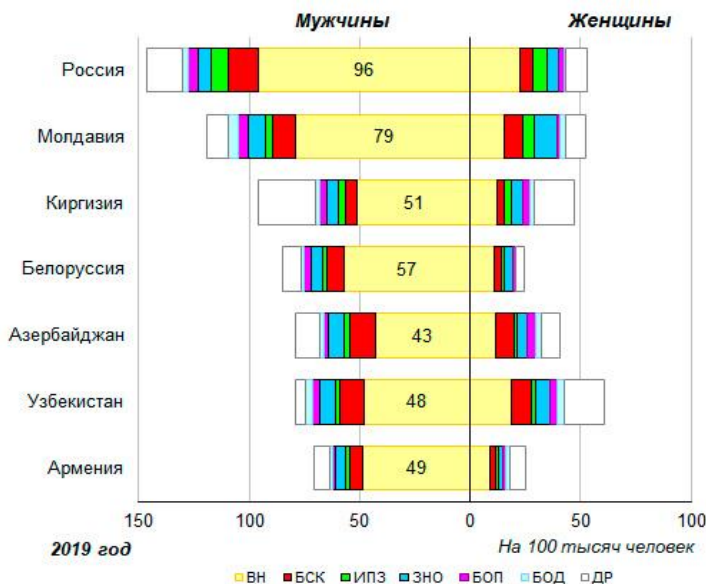

Рис. 5. Смертность населения в возрасте 15-29 лет по полу и причинам смерти в странах СНГ, 2019 год, умерших на 100 тысяч человек (ранжировано по смертности мужчин от всех причин смерти) (ВП – внешние причины, БСК – болезни системы кровообращения, ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания; ЗНО – злокачественные новообразования, БОП – болезни органов пищеварения; БОД – болезни органов дыхания, ДР – другие причины смерти)

По данным за 2019 г., доля умерших от внешних причин составляла от 26% женщин, умерших в возрасте 15-29 лет в Киргизии, до 45% в Белоруссии. Смертность от внешних причин в этой половозрастной группе варьировалась от 8,8 на 100000 в Армении до 22,6 в России, где она обусловила 43% смертей женщин 15-29 лет. Смертность от других классов причин смерти вносила существенно меньший вклад и в смертность молодых женщин. Исключение составляет агрегированная группа других причин смерти, которые в Киргизии обусловили

38% смертей женщин 15-29 лет, в Узбекистане 30%, в Армении 29%, в остальных странах – 15-21%.

Смертность женщин 15-29 лет от болезней системы кровообращения варьировалась в 2019 году от 3 умерших на 100000 человек в Армении, Белоруссии и Киргизии до 9 в Узбекистане, Азербайджане и Молдавии, где она обусловили, соответственно, 21%, 15% и 16% смертей женщин 15-29 лет.

Смертность женщин 15-29 лет от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний составила в 2019 году от 0,7 на 100000 человек в Армении до 6,5 в России, где она обусловила более 12% смертей женщин в возрасте 15-29 лет. Довольно большим вклад смертности от этого класса причин смерти был и в Молдавии (10% умерших) [2].

Смертность женщин 15-29 лет от злокачественных образований была самой высокой в Молдавии (10,6 на 100000 человек), в остальных странах СНГ она варьировалась от 2,0 до 6,4 на 100000 человек. В Молдавии причиной смерти для каждой пятой женщины, умершей в возрасте 15-29 лет, стали злокачественные новообразования. В других странах СНГ эта доля составляла 8-12% и только в Белоруссии достигала 16%.

Смертность женщин 15-29 лет от болезней органов пищеварения варьировалась в 2019 году от 0,9 на 100000 человек в Белоруссии до 4,0 в Азербайджане, от болезней органов дыхания – от 0,4 на 100000 в Белоруссии до 3,1 в Узбекистане. Вклад смертности от этих классов причин смерти в общую смертность женщин 15-29 лет относительно невелик, наиболее значительным он был в Азербайджане (10% умерли от болезней органов пищеварения) и Армении (по 7% умерших от болезней органов пищеварения и болезней органов дыхания).

Как было показано выше, для молодежи стран СНГ характерны высокие риски смертности от внешних причин. Среди них особенно выделяются риски смертности от всех видов транспортных несчастных случаев, самоубийств, убийств, а в некоторых странах и от случайных отравлений алкоголем, в основном мужчин.

По наиболее полным данным, относящимся к 2014 г., смертность мужчин в возрасте 15-29 лет от всех видов транспортных несчастных случаев варьировалась от 7 на 100000 человек в Таджикистане до 44 в России, а смертность в результате самоубийств – от 2 в Армении до 33 в России (рис. 6). В Белоруссии, Казахстане и на Украине потери от самоубийств молодых мужчин превышали потери от всех видов транспортных несчастных случаев.

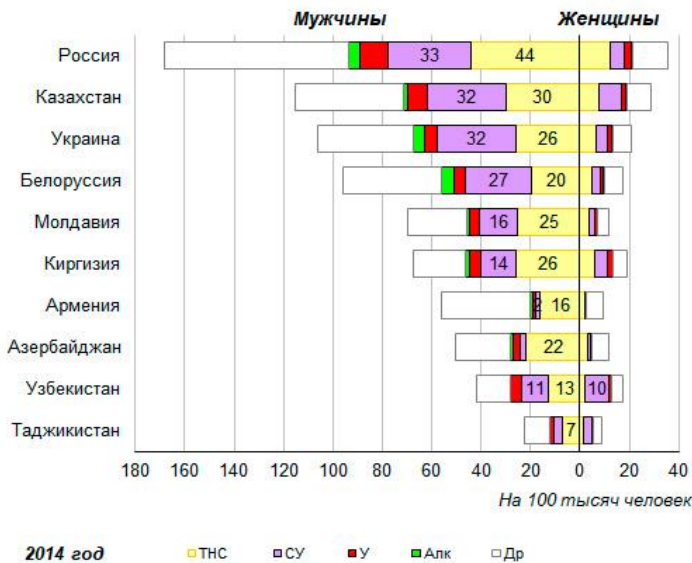

Рис. 6. Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет от внешних причин смерти в странах СНГ, 2014 год, на 100 тысяч человек (ранжировано по смертности мужчин от всех внешних причин)

Смертность мужчин 15-29 лет в результате убийств составляла в 2014 г. от 1,4 на 100000 человек в Армении до 11,4 в России, а от случайных отравлений алкоголем – от 0 в Таджикистане и Узбекистане до 5,6 в Белоруссии. Потери мужского населения 15-29 лет из-за убийств были высокими не только в России, но и в Казахстане (8,2 на 100000 человек), в остальных странах СНГ они не достигали уровня 5 на 100000 человек. Смертность мужчин 15-29 лет из-за случайных отравлений алкоголем, помимо Белоруссии, была высока в России (4,9 на 100000 человек) и на Украине (4,8), в остальных странах СНГ она была, по крайней мере, втрое ниже.

Более низкая смертность женщин 15-29 лет от внешних причин обусловлена в основном смертностью от всех видов транспортных несчастных случаев и самоубийств. Смертность в результате транспортных несчастных случаев составляла в 2014 г. от 1,6 на 100000 человек в Таджикистане до 12,1 в России. Помимо России, относительно высокой

смертностью женщин 15-29 лет от этих причин смерти выделялись Казахстан (7,7), Украина (6,5), Киргизия (6,0).

Смертность молодых женщин в результате самоубийств выше всего была в Узбекистане и Казахстане (более 9 на 100000 человек), ниже в России, Киргизии и в Украине (4-6 умерших на 100 тысяч человек), а ниже всего - в Армении (менее 1 умершей на 100 тысяч женщин 15-29 лет). В Узбекистане, Казахстане и Таджикистане потери женского населения 15-29 лет в результате самоубийств превышали его потери от всех видов транспортных несчастных случаев, причем в Узбекистане почти в пять раз. Потери из-за убийств заметно ниже: выше всего они в России (2,8 на 100000 человек), несколько ниже в Киргизии, Казахстане и на Украине (около 2 на 100000 человек) и по крайней мере вдвое ниже в остальных странах СНГ. Потерь женского населения 15-29 лет из-за случайных отравлений алкоголем нет в Азербайджане, Армении, Таджикистане и Узбекистане, а в остальных странах СНГ смертность от этой внешней причины составляла от 0,1 на 100000 человек в Киргизии до 0,7 в России.

Данные за 2019 г. демонстрируют тенденцию к снижению смертности молодых людей от внешних причин, однако в некоторых странах СНГ уровень смертности в результате самоубийств молодых людей остается высоким, превышает значения показателя во многих странах мира. Смертность мужчин 15-29 в результате самоубийств в 2-6 раз выше, чем у их ровесниц. Особенно высока смертность от самоубийств в Казахстане (22 на 100000 мужчин в возрасте 15-29 лет), Белоруссии (20), Молдавии (19) и России (18). В Белоруссии она превышает смертность мужчин 15-29 лет от всех видов транспортных несчастных случаев (14 на 100000 человек), которая лидирует среди внешних причин смерти в остальных странах СНГ, варьируясь от 6 умерших на 100000 мужчин 15-29 лет в Таджикистане до 26 в России (рис. 7).

Смертность женщин 15-29 лет от самоубийств особенно высока, по опубликованным данным, в Узбекистане (14 умерших на 100000 человек), в остальных странах СНГ она составляет от 0,3 на 100000 человек в Армении до 6,0 в Казахстане. В Узбекистане и Молдавии она превышает смертность молодых женщин от всех видов транспортных несчастных случаев, которая варьируется от 1,0 на 100000 человек в Таджикистане до 7,6 в Казахстане [4].

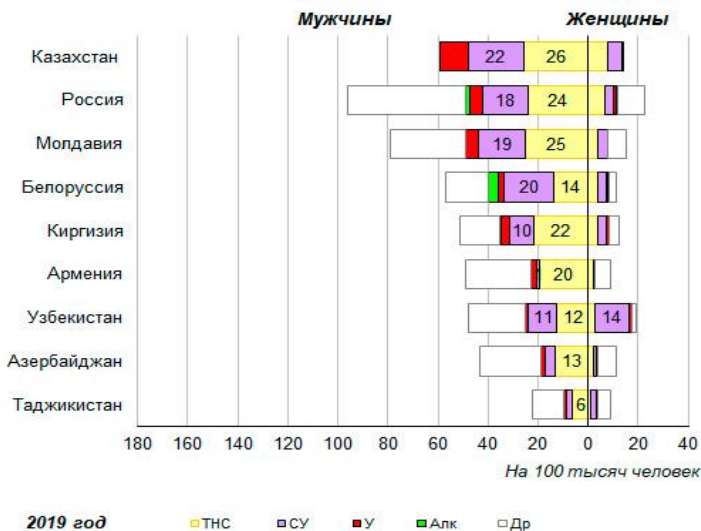

Рис. 7. Смертность мужчин и женщин в возрасте 15-29 лет от внешних причин смерти в странах СНГ, 2019 год, на 100 тысяч человек (ранжировано по смертности мужчин от всех внешних причин)

Необходимо отметить, что в настоящее время каждый пятый житель Содружества – это юноши и девушки в возрасте 15–29 лет, которые родились, выросли и социализировались уже в новых социально-экономических и политических условиях. Государства – участники СНГ отличаются своими исторически сложившимися традициями и уровнем экономического развития, оказывающими самое непосредственное влияние на уклад и условия жизни всего населения, в том числе молодых людей. Молодежь является одной из приоритетных групп населения как при принятии национальных программ и социальных проектов правительствами стран, так и в рамках глобальной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, разработанной ООН и соответствующих показателей мониторинга Целей устойчивого развития (ЦУР) [2].

Список литературы

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects: The 2022 Revision, Online Edition - <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 18.04.2023).

2. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет/Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М. 2021. 166 с.
3. Молодёжь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет/Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М., 2016. 155 с.
4. Щербакова Е.М. Молодежь СНГ, некоторые характеристики смертности // Демоскоп Weekly. 2023. № 971-972. URL:<http://demoscope.ru/weekly/2022/0971/barom01.php> (дата обращения: 18.04.2023).

SOME CHARACTERISTICS OF YOUTH MORTALITY IN THE CIS COUNTRIES – CAUSES AND CHALLENGES

S.A. Ananyin

Ananyin Sergey Alexandrovich – Doctor of Medical Sciences, Professor
of the Department of Social Medicine and Health Care Organisation,
FGBOU VO PIMU, Ministry of Health of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.
ananyin.sergey@mail.ru

The analysis of statistical data of mortality of young people 15-29 years old of CIS countries for the last years is presented. The indicators are analysed separately for men and women of the corresponding age. Particular attention is paid to mortality from external causes, first of all for males.

Keywords: youth mortality, causes of mortality, CIS, external causes.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В.А. Блонин

Блонин Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
blonin@fsn.unn.ru

На основе сопоставления исторического и социологического подходов рассматривается проблема формирования исторического сознания и ценностных ориентаций современной российской молодежи. Сопоставляются понятия истории как академической науки и исторической/социальной памяти в качестве факторов, влияющих на эти процессы. Рассмотрение социологического подхода к проблеме основано на сравнительном анализе и обобщении результатов лонгитудных и мониторинговых исследований (как общероссийских, так и региональных), посвященных проблемам формирования исторического сознания и ценностных представлений молодежи.

Ключевые слова: история и социальная память, историческое сознание и ценностные представления молодежи, социологический мониторинг.

К числу важных функций исторической науки относят функцию социальной памяти – сохранение опыта предшествующих поколений, традиций, обеспечивающих преемственность поколений и национальную самоидентификацию, а также тесно связанную с ней воспитательную функцию, воздействующую на формирование нравственных и гражданских качеств новых поколений, их ценностные ориентации.

Вместе с тем вопрос о роли исторического знания и опыта прошлых поколений в формировании ценностных ориентиров молодежи не так однозначен. Данную проблему можно рассматривать как с точки зрения исторической науки, так и социологической.

В первом случае следует обратиться к тому, что современная историческая науки, в частности, представители так называемого историко-антропологического направления отмечают важные различия между историей как академической наукой и исторической (социальной) памятью, аккумулирующей опыт и традиции предшествующих поколений. Особое внимание на эти различия обратил один из современных представителей французской школы «Анналов» Пьер Норá, который отмечал, что «па-

мять – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы – от малой до этноса... История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной... природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается... символическими воспоминаниями, чувствительна ко всем трансферам, отображениям... История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу» [1, с. 20]. В рамках исторической антропологии изучение социальной памяти воплотилось в одно из ее направлений, называемое *memory studies*. *Memory studies* – междисциплинарное направление исследований, получившее развитие с 80-х гг. прошлого века, прежде всего, усилиями представителей французской школы «Анналов». Объектом исследования является историческое сознание, коллективная память, механизмы формирования и передачи представлений о прошлом. Междисциплинарность этого направления привлекает внимание специалистов в разных областях социогуманитарного знания – социологов, философов, психологов, политологов. Объект исторической памяти – любой исторический феномен (событие, герой, явление), оценочная характеристика которого содержится в источнике формирования исторической памяти (устная традиция, письменные источники, коммеморации, аудиовизуальные источники). Использование данных категорий позволяет выявить локальные объекты исторической памяти, а также прояснить отношение, образ данных объектов, которые транслировались в источниках, созданных с разных позиций. Это, в свою очередь, помогает выявить места консенсуса исторической памяти, а также конфликтные объекты и болевые точки памяти [2, с. 321].

Таким образом, изучение истории может влиять на молодые поколения многопланово.

Во-первых, воздействие социальной/исторической памяти на молодежь может проявляться в том, что:

- получая представление об обычаях и традициях разных народов и в разные эпохи, она узнает, как формировались культурные и традиционные ценности, сохраняющие значимость и в современном обществе;

- обращаясь к культурным традициям и ценностям своего народа, молодежь осознает свою национальную идентичность и важность сохранения социальной памяти.

Во-вторых, овладение навыками научного видения прошлого (то есть с позиций исторической науки) способствует развитию критического

мышления и аналитических способностей, помогая молодым людям формировать свое представление о прошлом в его многогранности, сложности и противоречивости, в том числе и по отношению к культурно-историческому наследию и национальным ценностям, «болевым точкам» исторической памяти.

Оценивая роль исторического знания и его влияния на формирование ценностей молодежи, важно подчеркнуть, что необходимо учитывать условия, в которых происходит данный процесс:

– базовый этап связан в первую очередь с семейным воспитанием/образованием, а затем с обучением в школе (на данном этапе преобладает личностно-ценностное отношение к прошлому, осознание взаимосвязи истории страны с историей своей семьи, с историей родного края, с современной социокультурной ситуацией) [3, с. 42],

– изучение истории в вузе – иной этап, связанный с формированием у студентов исторического сознания, критического мышления, понимания сложности и противоречивости как исторического процесса, так и исторического познания, необходимости критического отношения к источникам исторической информации.

Соответственно, на втором этапе от личностного, эмоционального восприятия прошлого, традиций, ценностей молодежь переходит к осмысленному, самостоятельному взгляду на историческое наследие, на традиции и ценности предшествующих поколений. И для оценки возможных и реальных результатов воздействия опыта прежних поколений на формирование ценностей молодых людей необходим уже социологический подход, использование инструментария социологической науки.

В современной отечественной социологии подчеркивается, что формирование исторического сознания российской молодежи детерминировано процессами социальных трансформаций в российском обществе, превращающих историческое сознание в форму оценки не столько прошлого, сколько современности, выражая запросы молодежи на легитимацию и реализацию своих социальных интересов [4, с.8].

Изучение ценностных ориентаций современной молодежи является зоной постоянного внимания различных научных социологических центров, проводящих регулярные (в том числе, мониторинговые исследования) на общероссийском и региональном уровнях.

Сопоставляя материалы, отражающие результаты этих исследований, следует обратить внимание на различия в подходах разных исследовательских групп к рассмотрению проблем ценностных ориентаций российской молодежи в контексте исторического сознания и отношения к прошлому. Это отражается в ракурсе рассмотрения, в расставляемых ак-

центах, в формулировке вопросов для социологических опросов, в интерпретации и презентации полученных результатов. Проведенное сравнение позволяет разделить проводимые исследования, с одной стороны, на общероссийские и региональные, с другой – на в большей степени аналитические (с акцентом на выявлении проблемных зон формирования исторического сознания и ценностных представлений молодежи) и на мониторинговые, информационно ориентированные опросы (где преобладают актуальные социологические замеры без углубленного внимания к проблемным зонам исследуемых вопросов). Отметим, что все рассмотренные региональные исследования построены на аналитическом подходе и опираются при формулировке их обобщенных результатов на сравнение с общероссийскими академическими материалами соцопросов, что позволяет оценить их как достаточно верифицированные.

Среди всероссийских выделим лонгитюдные исследования Института социологии РАН под руководством М.К. Горшкова, итогом которых стала коллективная монография «Молодежь России: социологический портрет» [5]; Института социально-политических исследований РАН (в том числе международное исследование 2017-2018 гг. под руководством Т.К. Ростовской – монография «Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции» [3]; социологическое исследование Центра социологии молодежи ИСПИ РАН 2017 г., результаты которого отражены в статье Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова «Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность» [6]; мониторинговые замеры ВЦИОМ [7], результаты мониторинга Института изучения детства, семьи и воспитания РАО [8]. В качестве региональных исследований для сравнительного анализа отметим работы В.А. Фролова [4], В.В. Браницкого [9], И.В. Волоскова [10], Ю.А. Шестакова [11]. При проведении такого анализа были использованы и материалы аналитического обзора результатов международных и российских исследований «Ценностные ориентации современной молодежи», подготовленного ЦИРКОН в 2021 г. [12].

В исследованиях социологических центров РАН акцент сделан на проблемах отношения молодежи к традициям и ценностям предшествующих поколений. Обращается внимание на то, что традиционные ценности составляют ядро базовых, фундаментальных ценностей социума, являясь условием сохранности генетической идентичности общества. Как отмечает Т.К. Ростовская, «традиционные ценности функционируют на микро- и макроуровнях». Микроуровень – это семья, где осуществляется первичная социализация и формируются базовые ценности личности.

Макроуровень – это уровень ассоциации с нацией, государством и определенными политическими, культурными и историческими символами, формирующими нацию [3, с. 42-43].

Следует учитывать и значительные изменения в характере межпоколенных отношений, связанные с заметным обесцениванием накопленного опыта старших поколений в результате кардинальной перестройки всех сфер человеческого бытия в постиндустриальном обществе. Научно-технический прогресс, усложнение социокультурной реальности сопровождаются ломкой традиций и норм, изменением способов и форм передачи ценностного опыта от поколения к поколению. Американский антрополог М. Мид выделила три типа культуры межпоколенных отношений: постфигуративные (в них дети учатся у своих предков); кофигуративные (в которых дети и взрослые учатся у своих сверстников) и префигуративные (когда взрослые учатся у своих детей). В ее концепции увеличение роли в современном обществе префигуративных отношений предполагает уменьшение значимости межпоколенных трансфертов от родителей к детям и рост обратного информационного потока от детей к родителям [13, с. 235]. Это отражается на отношении молодежи к традициям и ценностям старших поколений, происходит нарушение самих межпоколенных связей, нарастание конфликтности в отношениях между поколениями. И хотя, как отмечал И. Кон, это не означает полного отказа молодежи от опыта прошлых поколений и транслируемой ими культурной традиции [14, с. 109], указанные процессы нарушают универсальные принципы преемственности поколений как одной из основ человеческой цивилизации.

Как отмечает в своем исследовании Ю.А. Шестаков, одной из основных характеристик массового молодежного исторического сознания является его антиномичность, возникающая как следствие недоверия молодежи к различным акторам и социальным институтам, постоянно реформирующим историческое сознание, политически ангажируя его. В числе других ярко выраженных черт – аморфность и фрагментированность. Их причиной является ценностный раскол российского общества, наличие по крайней мере двух полярных ценностных парадигм – этатистко-коллективистской и индивидуалистической, связанных с переходным, транзитивным характером нашего общества, характеризующимся отсутствием единого ценностно-смыслового ядра, обеспечивающего духовное единство социума [11, с. 400].

О проблеме сочетания традиционного и либерального в ценностных представлениях молодежи идет речь и по результатам авторского мониторингового исследования И.В. Волоскова, который отметил, что «в

условиях трансформации российского общества молодежь неизбежно вписывается, с одной стороны, в традиции, транслируемые старшими поколениями, с другой – адаптируется к новой социальной реальности. В этой противоречивости развития кроется проблема соотношения традиционного/ либерального. В сохранении традиции проявляется традиционная составляющая системы ценностей, в либеральном же проявляется необходимость адаптироваться к новой глобальной реальности» [10].

В диссертационном исследовании В.А. Фролова, напрямую посвященном проблемам формирования исторического сознания российской молодежи, на основе обобщения результатов общероссийских и региональных социологических мониторинговых опросов, а также авторского локального исследования обращается внимание на то, что историческое сознание молодежи как способ самоопределения в обществе зависит от конкретных ценностных предпочтений молодежи и ее жизненного опыта, от ее социально-статусных позиций, отношения к различным ценностно-нормативным моделям истории, оценки возникших социальных реальностей и проявляется в тенденциях отвержения или принятия исторических событий, исторических традиций. При таком подходе выясняется, что молодежь с установками на индивидуальный успех и самостоятельность рассматривает историю через призму самостоятельности личности и масштабных перемен, а для молодежи с патерналистскими настроениями характерна солидарность со старшими поколениями, идеализация периодов сильной государственности и соотнесение исторических оценок с протекционистской молодежной политикой государства [4, с. 60-61, с. 143-144]. В целом, по его мнению, в условиях ревизии исторического наследия и противоречивости исторических интерпретаций молодежь больше полагается на личный опыт и не склонна доверять официальному дискурсу, который претендует на статус консолидированной исторической позиции, но таковым не является. Отчетливо проявляется деаксиологизация истории: исторические персонажи не являются авторитетными в молодежной среде, и равняться на ушедшие поколения как образец поведения молодые люди, как правило, не готовы [15, с.75]. О специфике исторического самосознания молодежи как способе ее самоопределения в диалоге со старшими поколениями говорит и В.В. Брилицкий, подчеркивая его важность в качестве когнитивного и ценностного ресурса социального развития. Исследователь отмечает деформацию исторического образования и воспитания в системе школа-вуз, связанную в немалой степени с отмеченным многообразием и противоречивостью исторических интерпретаций и оценок, что в совокупности оказывает

влияние на формирование особенного, парадоксального исторического сознания молодежи [9, с. 268].

Тем самым, работы региональных социологов дополняют оценки М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, которые подчеркивали, что для большей части молодых людей (46%) свойственно убеждение, что сегодня мы живем совершенно в другом мире, отличном от того, который был раньше, что многие существовавшие ранее нормы морали устарели. Ни один исторический деятель или образ, взятый из литературы и искусства, не претендует на роль идеала [5, с. 125].

Исследователи отмечают, что в историческом сознании российской молодежи проявляются определенные ценностно-нормативные модели, то есть соединенность с конкретно исторической картиной, исторических знаний и представлений с идеальным образом истории. В таком случае исторический процесс воспринимается как подтверждение либо как отступление от принятых ценностных канонов [4, с. 120-121]. Обращается внимание и на взаимовлияние ценностно-нормативных моделей и особенностей формирования исторического сознания молодежи. В качестве примера можно привести зафиксированные в исследовании под руководством М.К. Горшкова изменения в отношении молодежи к эпохе Петра Первого: у молодежи 2000-х существенно снизилась по сравнению с 90-ми годами привлекательность западных образцов развития, в том числе привлекательность данной эпохи как образца перемен с ориентацией на такие образцы [5, с. 127].

Важное познавательное значение имеет и предложенная В.А. Фроловым типологизация ценностно-нормативных моделей истории и соответствующих им моделей поведения. Выделяются три таких модели: эклектическая, традиционалистская и либеральная, в зависимости от которых молодые россияне по-разному расставляют приоритеты в оценках истории [4, с. 124-125]. Очевидно и то, что изменение условий, в которых формируется и развивается историческое сознание, корректируются ценностно-нормативные модели, существенно влияет на изменение статуса разных групп молодежи в обществе, на их социальную самооценку, а также на то, как общество определяет роль молодежи в социальном развитии.

Таким образом, общероссийские социологические исследования академических центров, дополняемые работами социологов на региональном уровне, выделяют следующие проблемные зоны в отношении молодежи к историческому прошлому, в формировании их исторического сознания и в воздействии последнего на ценностные представления молодых поколений:

- влияние на формирование исторического сознания молодежи разнообразных, противоречивых и разнонаправленных интерпретаций российской истории в условиях продолжающейся социальной трансформации российского общества;
- связанная с этим неоднозначная роль исторического образования и воспитания как в школе, так и в вузе, отражающаяся и на качестве такого образования;
- актуализация исторических представлений в форме оценки настоящего, сквозь призму сегодняшнего социального самочувствия;
- зависимость отношения к прошлому от социально-статусных представлений разных групп молодежи (либерализм/традиционализм, индивидуализм/коллективизм);
- проблемный характер межпоколенных отношений, препятствующий передаче традиций, опыта и ценностных представлений от поколения к поколению;
- взаимовлияние ценностно-нормативных моделей и особенностей формирования исторического сознания молодежи в условиях социально-политических трансформаций.

Более оптимистическими выглядят итоги социологических опросов, которые были отнесены к группе мониторинговых и в большей степени информационно ориентированных. Среди них мониторинговые опросы ВЦИОМ (результаты последнего опубликованы в декабре 2022 г.) [7] и Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи в 2022 году») [8].

Так, по опросу ВЦИОМ 2022 г., особенностью последних лет и месяцев явилось специфическое сочетание глобализации и изоляционизма, и в этих условиях подавляющее большинство молодых россиян 14-35 лет сегодня идентифицируют себя как граждане РФ – 83%. Большинство молодых людей в России хорошо знают историю своей страны (76%) и историю своей семьи (73%), эти показатели остаются высокими во всех возрастных группах молодежи. Среди молодежи сохраняется на высоком уровне авторитет старших членов семьи: показатель составил 44%, лишь треть (32%), напротив, отмечают, что взгляды представителей старших поколений устарели и вряд ли могут помочь с выбором правильных решений. Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи по этому опросу на сегодняшний день – это «высокий уровень благополучия» (58%); «жить спокойно, работая и заботясь о семье» (54%) и «возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни» (26%) [7].

По итогам мониторинга Института изучения детства, семьи и воспитания РАО, больше всего опрошенная молодёжь (65%) ценит «здоровье», «материально обеспеченную жизнь» (41%), «счастливую семейную жизнь» (40%). Кроме того, в списке ценностей присутствуют «активная деятельная жизнь» (34%), «любовь» (36%) и «интересная работа» (31%). Патриотизм для большинства респондентов – это любовь к Родине, об этом заявили 76% опрошенных. Значительно менее популярны такие мнения: патриот – защитник своей страны и патриот – человек, работающий на благо своей страны. При этом выражение своей активной гражданской позиции важно для 51% учащихся. Молодежь 19–35 лет видит большую значимость своей позиции – о проявлении активной гражданской позиции говорят 62% респондентов [8].

Сопоставление результатов и интерпретаций проведенных социологических исследований показывает, что и проблема формирования исторического сознания молодых поколений, и проблема ценностных представлений российской молодежи крайне сложны и дискуссионны. Наряду с очевидной схожестью в выделении приоритетных ценностей у современной молодежи (здоровье, материальная обеспеченность, самореализация и др.), налицо существенные расхождения в оценке отношения молодежи к историческому прошлому. Последнее требует новых углубленных исследований. Весьма важно с учетом мониторингового характера социологических исследований рассматривать поставленные вопросы в динамике, что также определяет перспективы дальнейшего их изучения.

В целом проблемы формирования исторического сознания и ценностных представлений молодежи остаются и будут оставаться актуальными в контексте продолжающихся трансформаций в российском обществе, сложности и противоречивости межпоколенных отношений при сосуществовании разных социально-демографических поколений (советского периода, переломных 90-х годов (миллениалов), нулевых годов XXI столетия и нового поколения молодежи), воздействия внутренних процессов и внешних факторов в их взаимосвязи. Следует учитывать и влияние на формирование исторического сознания молодых поколений проблемного состояния современной исторической науки в осмыслении прошлого (особенно, истории XX века в контексте официальных подходов), уровня и качества преподавания истории в средней и высшей школе.

Соответственно, актуальным остается социологический мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи (в том числе, с учетом ее отношения к историческому прошлому), анализ изменений (как в ис-

торическом сознании, так и в ценностных представлениях) под воздействием внутренних и внешних факторов, научное (без влияния конъюнктуры) осмысление результатов исследований.

Список литературы

1. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-Память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-50.
2. Хапаева Д.Р. Прошлое как вызов истории // Франция-Память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 296-323.
3. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. Монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. – Москва: РУСАЙНС, 2019. 228 с.
4. Фролов В.А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04. –Социальная структура, социальные институты и процессы. Краснодар, 2014. С. 8. URL: https://крд.мвд.пф/upload/site119/document_file/oiMg8NznXL.pdf (дата обращения: 05.09.2023)
5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд. допол. и испр. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 170-191. (статья по материалам исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в 2017 г.).
7. Ценности молодежи: результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде (ВЦИОМ, 14 декабря 2022 г.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lmhfw3bbsn155595088> (дата обращения: 03.09.2023)
8. Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодёжи в 2022 году / Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования. URL: <https://newizv.ru/news/2023-04-14/monitoring-tsennostnyh-orientatsiy-molodyozhi-68-uchaschihsya-schitayut-sebya-patriotami-404421?ysclid=lmhhfxtz83663041171> (дата обращения: 05.09.2023)
9. Браницкий В.В. Историческое сознание современной студенческой молодежи: социологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Социальные науки. Том 12, №5. Орел: РАНХиГС, 2017. С. 263-269.
10. Волосков И.В. Традиционное и либеральное в системе ценностей российской молодежи. URL: https://znano.ru/media/sistema_tsennostej_molodezhi-293357?ysclid=lmhh6z4gxr859436073 (дата обращения: 03.09.2023)
11. Шестаков Ю. А. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. Т. 47, № 2. Белгород: БелГУ, 2022. С. 399–407.

12. Ценностные ориентации современной молодежи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований (версия 1.2 от 30.09.21) / ЦИРКОН. М., 2021 // <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (дата обращения: 05.09.2023)

13. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.

14. Кон. И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.

15. Столяренко Л.Д., Фролов В.А. Историческое сознание российской молодежи: поиск жизненных ориентиров и институциональная композиция// Теория и практика общественного развития, 2013. № 11. Т. 1. С.74-79 // http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2013/11/sociologiya/stolyarenko-frolov.pdf (дата обращения: 05.09.2023)

VALUE REPRESENTATIONS OF YOUTH AND THE STUDY OF HISTORY: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS

V.A. Blonin

Blonin Vladimir Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky NNGU, Nizhny Novgorod
blonin@fsn.unn.ru

Based on the comparison of historical and sociological approaches, the problem of the formation of historical consciousness and value orientations of modern Russian youth is considered. The concepts of history as an academic science and historical/social memory are compared as factors influencing these processes. The consideration of the sociological approach to the problem is based on a comparative analysis and generalization of the results of longitudinal and monitoring studies (both national and regional) devoted to the problems of the formation of historical consciousness and value representations of youth.

Keywords: history and social memory, historical consciousness and value representations of youth, sociological monitoring.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСТВА РОССИИ

Ю.Р. Вишнеvский¹, Е.Н. Икингрин², А.А. Никифорова³

¹Вишнеvский Юрий Рудольфович – доктор философских наук,
профессор-консультант кафедры социологии и социальных
технологий управления УрФУ, г. Екатеринбург
soc_stu38@mail.ru

²Икингрин Елена Николаевна – кандидат социологических наук,
ассоциированный сотрудник Лаборатории региональных исследований
качества жизни Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН,
г. Уфа
ikingrinen@mail.ru

³Никифорова Алина Александровна – кандидат культурологии,
доцент кафедры массовых коммуникаций и туризма
Нижеvартовского государственного университета, г. Нижеvартовск
blinks@bk.ru

Материал посвящен актуальной проблеме сохранения культурного наследия. Охрана и освоение культурного наследия являются одной из приоритетных задач государственной политики всех государств. В России создаются новые, восстанавливаются и реставрируются старые объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках и жертвах ВОВ. Анализ результатов, полученных в федеральных исследованиях Российского общества социологов позволяет узнать отношение молодежи к актуальным проблемам, в том числе к сохранению культурного наследия. В четвертой волне проекта «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» были добавлены вопросы о памятниках, их сохранности и сносу в странах зарубежья. Студентами разных регионов оценивается отношение правительства РФ к сохранению памяти о подвиге народов Советского Союза в ВОВ. В социологическом исследовании «Культурное наследие и связь поколений» проведенном марте-мае 2022 г., посвященном «Году народного творчества и культурного наследия» так же изучалась реакция студенчества на снос памятников ВОВ за рубежом, вандализм по отношению к ним. Была систематизирована информация о сносе памятников, вандализме по отношению к ним в странах бывшего Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, студенчество, регион, культурное наследие, правительство, памятники, сохранение, вандализм.

Для современной России изучение и всестороннее использование памятников культурного наследия имеет особое значение, поскольку

страна переживает принципиальные социальные, экономические и духовные перемены. Охрана и освоение культурного наследия являются одной из приоритетных задач государственной политики всех государств и безусловно России, располагающей огромным числом культурных и исторических ценностей, в которых отражается духовно-нравственное развитие современного общества. Изучение и сохранение культурного наследия являются необходимым условием предупреждения процесса разрушения и уничтожения национального богатства России. Освоение исторического наследия способствует сохранению духовности народа, не позволяя заменять подлинную культуру ложными ценностями [1]. На основании тех знаний, которые заключены в культурном наследии, человек создает для себя определенные жизненные принципы, которыми руководствуется в настоящем и разрабатывает приоритеты будущего. Поэтому мы полностью согласны с З.И. Дадовой, что «Духовное возрождение подрастающего поколения, а также его нравственно-эстетическое воспитание предполагает в числе прочего сохранение памятников культурно-исторического наследия, а также использование его в нравственном воспитании детей и молодёжи» [2, с. 152].

Всего в России насчитывается около 200 тысяч объектов культурного наследия федерального и регионального значения, из них 31 входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [3]. Как отмечает министр культуры Российской Федерации О.Б. Любимова, чью точку зрения мы разделяем, «восстановление памятников, их охрана и приспособление к современному использованию является неотъемлемой частью сохранения истории России» [4, с. 5]. В Конституции РФ (ст. 44) записано, что «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [5].

Известный кинорежиссер и член Общественной палаты деятелей культуры и искусства М. Матросов, снимающий фильмы о Великой Отечественной войне, рассматривает ее как нечто большее, чем даже самая страшная война. «Для меня это свидетельство вечной борьбы добра со злом. И в первую очередь, это борьба внутри самого человека. Здесь мы видим проявления отчаянного героизма и самого низкого предательства. Христианская жертва и поцелуй Иуды. Дьявольская жажда порабощения и уничтожения целых народов, а в противовес этому стремление отстоять Богом данную свободу и человеческий облик» [6].

Для народов Советского Союза Великая Отечественная война – «священная» война. Этот термин мы вправе отнести и к многочисленным памятникам, посвященным подвигу наших предков в военные годы. С начала войны прошло уже более 80 лет, и мемориалы служат напоминаям о том, что никогда больше не должно повториться.

Во исполнение Федерального закона от 19.04.1995 г. (статья 6) [7] в России создаются новые, восстанавливаются и реставрируются старые объекты, увековечивающие память о событиях, участниках и жертвах ВОВ.

В мае 2019 г. в с. Макарово Ишимбайского района республики Башкортостан открыли памятник легендарному снайперу А. Ахметьянову, который поразил более 500 целей и обучил более 200 стрелков. После демобилизации, вернувшись в родное село, работал директором местной школы, преподавал математику и физику [8].

30 июня 2020 г. был открыт Ржевский мемориал Советскому Солдату, посвященный памяти советских солдат, павших в боях подо Ржевом [9]. В ходе изматывающих боев за Ржев в течение 14 месяцев с 8 января 1942 г. по 31 марта 1943 г. погибло 776 889 военнослужащих Красной Армии. Памятник создан исключительно на народные пожертвования. Он изображен на банкноте в 100 рублей, образца 2022 г.

В 2020 г., к празднованию 75-летия Великой Победы была завершена реставрация скульптуры «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане в Волгограде [10].

8 сентября 2022 г. в Донецкой Народной Республике (ДНР) прошла церемония открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могила», разрушенного в 2014 г. во время боев с вооруженными силами Украины. Следы от обстрелов 2014 г. на памятнике и фигурах солдат не убирали. Добавили три новых пилона, на которых изображены герои ДНР – участники событий 2014 г. – Воха, Гиви, Моторола и Корса [11].

11 октября 2022 г. в День Республики Башкортостан на Советской площади в Уфе открыли мемориальный комплекс, посвященный легендарному комдиву 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, Герою России М. Шаймуратову, его знаменитым конникам и всем защитникам Родины: от «северных амуров», отличившихся в Отечественной войне 1812 г., до воинов-интернационалистов [12].

Без крепкого тыла, труда подростков и женщин на заводах, фабриках, в полях и на лесозаготовках, госпиталях и санаториях победа была бы невозможна. Установка монументов, посвященных труженикам тыла, массово была начата в 2010 г. Основная масса монументов появилась в 2012–2015 гг. [13].

В октябре 2015 г. в Уфе открыли самый большой в России памятник труженикам тыла (проект скульптора, народного художника России А. Ковальчука). Памятник сооружён за счёт внебюджетных средств. Он включает скульптурную группу, символизирующую основные профессии тружеников тыла: нефтяник, сталевар, жница, швея и другие [14]. А через 5 лет (2-го июля 2020 г.) Уфа была удостоена почётного звания «Город трудовой доблести».

Уже в мирное время советские (российские) военные продолжают совершать подвиги, а благодарные потомки увековечивают эти подвиги в памятниках. В ноябре 2022 г. в Ростове-на-Дону по инициативе общественников открыт памятник летчикам-героям Б. Капустину и Ю. Янину, которые ценой своей жизни в 1966 г. предотвратили

жертвы среди гражданского населения, пилотируя истребителем-перехватчиком Як-28П с двумя отказавшими двигателями. В момент полного отключения силовых агрегатов машина пролетала над жилыми кварталами Берлина.

Осознавая высокий риск гибели гражданского населения, офицеры решили увести самолёт в безлюдную местность. В донской столице именем ростовчанина Капустина названы улица и школа №51, где он учился. В честь летчиков установлены памятные знаки и мемориальная доска в России и за рубежом, в том числе в нескольких городах Германии. В память о героях написана песня «Огромное небо» поэтом Робертом Рождественским и композитором Оскаром Фельцманом. Помощник Президента Российской Федерации В. Мединский на открытии памятника сказал, что «Никто, кроме русского солдата, русского офицера не смог бы с таким благородством отдать жизнь за спасение вчерашних врагов – мирных жителей Западного Берлина, натовского вражеского города. При этом командир приказывал штурману катапультироваться, а штурман отвечал командиру, что тогда самолет точно не уведем» [7].

В Федеральном законе «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 22 августа 2004 г. N 122-ФЗ записано: «Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны, поддержание их в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне».

Не остается в стороне от изучения проблемы сохранения культурного наследия и Российское общество социологов (РОС). Ниже мы даем анализ результатов, полученных в федеральных исследованиях РОС [16]. В четвертой волне проекта «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» были добавлены вопросы о памятниках, их сохранности и сносу в странах зарубежья.

Для изучения проблемы внимания нашего государства к сохранению памяти подвига народа был задан вопрос «Как Вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времен ВОВ?». Результаты ответов на этот вопрос даны в таблице 1. Так как исследование федеральное, у нас есть возможность посмотреть ситуацию в разных регионах и городах. Мы выбрали города Волгоград, Санкт-Петербург, Уфу, Нижневартовск и Сургут, расположенные в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО-Югра).

Таблица 1

**Как Вы считаете, правительство России
достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат,
офицеров, тружеников тыла времен ВОВ?
* Город ВУЗа, % от Город ВУЗа**

Город ВУЗа	Как Вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ?				
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Мне лично все равно	ИТОГО:
Волгоград	37,1	31,3	30,0	1,6	100,0
Уфа	35,5	30,9	30,8	2,7	100,0
СПБ	37,1	25,9	30,5	6,6	100,0
ХМАО	38,7	25,4	34,0	2,0	100,0
ИТОГО:	38,8	29,1	29,4	2,8	100,0

Студенты всех этих городов дают примерно одинаковую оценку внимания правительства России сохранению памяти о подвигах в ВОВ, и это закономерно, так как оценивалась деятельность правительства России. К сожалению, положительных оценок не намного больше отрицательных. Меньше, чем у других, отрицательных оценок у ХМАО-Югры и СПБ. Но,

если у студентов ХМАО-Югры такая оценка за счет большего числа студентов, затруднившихся ответить, то у студентов СПб за счет тех, кто отметил (6%), что ему «лично все равно», уделяет ли правительство внимание сохранению памяти о подвигах в ВОВ (при средн. 3%).

Интересные результаты мы получили при анализе ответов на вопрос о внимании правительства России к сохранению памятников героев ВОВ в зависимости от того, планировали ли опрошенные студенты участвовать в подготовке и праздновании 75-летия Победы (Табл. 2).

Таблица 2

**Оценка работы правительства по сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ в зависимости от участия в подготовке и праздновании 75-летия победы?
В % к числу ответивших**

Как Вы участвуете (будете участвовать) в подготовке и праздновании 75-летия победы?	Как Вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ?				
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Мне лично все равно	ИТОГО:
буду участвовать в акции «Бессмертный полк»	40,9	30,4	27,9	0,8	100,0
участвую(овал) в конкурсе работ, посвященных этой дате (сочинения, рисунки)	44,7	28,3	26,4	0,6	100,0
участвую в подготовке праздника	42,9	30,4	25,7	1,1	100,0
приму участие в приведении в порядок памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в нашем городе / регионе.	41,5	37,1	21,2	0,3	100,0

ни в чем не буду участвовать	36,3	27,4	25,0	11,3	100,0
не могу сказать определенно	36,3	28,2	34,0	1,5	100,0
ездил или поеду в места боев (ухаживать за могилами погибших, за памятниками, поиск останков и мест захоронения погибших в ВОВ)	39,3	34,5	24,3	1,9	100,0
буду участвовать в параде (демонстрации) 9 мая	43,8	28,5	27,1	0,6	100,0
участвую, буду участвовать во встречах с ветеранами, помощь ветеранам	41,6	31,6	26,2	0,6	100,0
участвую(овал) в выставках-продажах с благотворительной целью (деньги будут переданы ветеранам ВОВ)	44,5	29,7	25,3	0,5	100,0
ДРУГОЕ	39,1	34,8	21,7	4,3	100,0
ИТОГО:	38,8	29,1	29,4	2,8	100,0

Среди тех, кто «ни в чем не будет участвовать» при подготовке к празднованию 75-летию Победы, 11% тех, кому «все равно», достаточно ли внимания правительство уделяет сохранению памяти о подвигах времен ВОВ (при средн. показ. 3%). А среди тех, кто примет участие в приведении в порядок памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в своем городе / регионе, и тех, кто ездил или поедет в места боев (ухаживать за могилами погибших, за памятниками, поиск останков и мест захоронения погибших в ВОВ и т.п.) значительно меньше респондентов, затруднившихся дать оценку правительству, соответственно 21% и 24% (при средн. показ. 29%). В то же время среди них несколько больше респондентов, давших отрицательную оценку деятельности правительства, соответственно 37% и 35% при средн. показ. 29%. Эти респонденты, хотя

и критикуют правительство, сами делают многое для сохранения памяти о героях Великой Отечественной войны.

Еще один позитивный момент: в ответах на вопрос об оценке правительства и как будут участвовать в праздновании 75-летия Победы дали положительную оценку правительству по 45% опрошенных студентов, которые участвуют(овали) в конкурсе работ, посвященных этой дате (сочинения, рисунки) и участвуют(овали) в выставках-продажах с благотворительной целью (деньги будут переданы ветеранам ВОВ). Конкурсы, выставки, обычно организованные администрацией разного уровня, оцениваются студентами очень позитивно.

Мы попросили студентов оценить состояние памятников, могил в своем городе, регионе. Наиболее информированы о состоянии памятников респонденты, которые собираются принять участие в приведении в порядок памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в своем городе / регионе, среди них затруднившихся ответить всего 4%; чуть больше затруднившихся среди тех, кто ездил или поедет в места боев (ухаживать за могилами погибших, за памятниками, поиск останков и мест захоронения погибших в ВОВ) – 6%, затем среди тех, кто обычно сам или вместе с родными ходит на кладбище, где похоронены родные – участники войны, – 10%. Среди тех, кто ни в чем не будет участвовать, – затруднились оценить состояние памятников 27% опрошенных, а среди тех, кто пока не определен, будет ли он участвовать в каких-либо мероприятиях, посвященных Дню Победы, 18%.

Волонтеры культуры, которыми стали уже больше 70 тысяч человек, за два года (2020-2021 гг.) участвовали в восстановлении 3 тысяч объектов **КУЛЬТУРНОГО** наследия. Этого удалось достичь благодаря четкой системе подготовки волонтеров от базового уровня до специальной углубленной программы [17].

В Международный день памятников и исторических мест, 18 апреля 2023 г., пресс-служба Министерства культуры РФ сообщила, что, благодаря программе «Волонтеры культуры», на 11 тысяч объектов культурного наследия России прошли работы по их сохранению [3]. Отметим, что волонтерское движение стало за последние три года масштабнее и эффективнее. А оно, как ничто другое, способствует росту патриотизма.

По нашему мнению, очень показательна таблица 3, в которой оценивается работа правительства по сохранению памяти по сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ и состояние памятников в городе/регионе.

Таблица 3

Оценка внимания правительства России сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен ВОВ и состояния памятников (в % к числу ответивших)

Правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах времен ВОВ?	Как Вы оцениваете состояние памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в вашем городе / регионе?							
	Все в хорошем состоянии	Большая часть в хорошем состоянии	В основном положительная оценка	Только малая часть в хорошем состоянии	Все в плохом состоянии	В основном отрицательная оценка	Затрудняюсь ответить	ИТОГО:
1	2	3	2+3	5	6	5+6		
Да	21,7	50,1	71,8	17,2	1,5	18,7	9,5	100,0
Нет	5,7	34,1	39,8	40,2	8,5	48,6	11,6	100,0
Затрудняюсь ответить	8,2	40,0	48,5	24,9	2,6	27,5	24,4	100,0
Мне лично все равно	7,8	22,3	30,1	13,1	7,8	20,9	49,0	100,0
ИТОГО:	12,7	41,7	54,4	26,0	4,0	30,0	15,6	100,0

За сохранение памятников должно прежде всего отвечать правительство и администрации регионов, городов. Это отражено в законах РФ. В статье 5 Федерального закона от 19.04.1995 «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» записано: «Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны, поддержание их в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне» [7].

Студенты России тоже так считают. Среди тех, кто считает, что правительство достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах времен ВОВ две трети (72%) студентов дают положительную оценку состояния памятников, а среди тех, кто считает, что недостаточно, – 40%.

Президент России В.В. Путин неоднократно обращал внимание на вандализм в зарубежных странах по отношению к памятникам и захоронениях героев ВОВ. «Снос памятников советским воинам в ряде стран –

это глумление над историей и предательство собственных предков» [18]. Такое заявление 8 сентября 2022 г. сделал президент России В.В. Путин в видеообращении к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса Саур-Могилы в Донецкой Народной Республике (ДНР).

После начала специальной военной операции ВС РФ на Украине в западных странах участились случаи вандализма в отношении памятников и мемориалов в честь советских солдат, погибших в годы Второй мировой войны. Российский МИД неоднократно выражал возмущение по поводу осквернения и демонтажа монументов, называя «позорным явлением» войну с памятниками советским воинам-освободителям на Западе [19].

В статье «Война с памятниками. Хроника вандализма» Александр Пронин пишет: «Сегодня в Европе развернута самая настоящая война с памятниками советским воинам-освободителям. Их безжалостно сносят, заливают краской (преимущественно в цветах украинского флага), наносят на них кощунственные надписи и свастику, совершают другие акты вопиющего вандализма» [20]. Мы обобщили данные по странам бывших Советских республик, приведенные в статье. Меньше, чем за 3 месяца (25 февраль 2022-11.05.22), в Литве были зафиксированы 14 актов вандализма, в Эстонии – 4, в Латвии и Молдавии – по 1. На Украине в г. Житомире 5 мая 2022 г. демонтировали советский танк, установленный в качестве памятника на площади Победы.

Данные, опубликованные в статьях в сети Интернет, позволили собрать и представить в таблице (таблица 4) акты вандализма, совершенные в Литве с 03.03.2022 г. по 30.11.2022 г.

Таблица 4

Случаи вандализма по отношению к памятникам воинской славы, совершенные в Литве в марте – ноябре 2022 г.

Когда	Город, сельское поселение	Памятник	Акт вандализма
03.03.2022	д. Пашалтуонис Юрбаркского района	мемориальный памятник	нанесли оскорбительные надписи и свастику
03.03.2022	г. Жасляй Кайшядорском районе	мемориальный памятник	ограда и вокруг памятника были залиты разноцветной краской

07.04.2022	г. Марьямполь	памятник советским солдатам Второй мировой войны	облили краской зеленого цвета и темной жидкостью
10.04.2022	г. Шета Кедайнского района	памятник советским солдатам	залиты красной, желтой и синей красками
10.04.2022	Куркляй Аникшчяйского района	памятник советским солдатам	залиты красной, желтой и синей красками
11.04.2022	местечко Жасляй Кайшядорский район	скульптура советского солдата на военном кладбище	облили краской
11.04.2022	г. Скаудвиле Таурогский район	мемориал советским воинам,	нарисовал на мемориале украинский флаг.
23.04.2022	г. Паланга	памятник советским воинам	был облит краской
25.04.2022	гг. Кедайняй и Шета	два памятника советским воинам Великой Отечественной войны	местные власти решили демонтировать памятники
25.04.2022	д. Жалейи Вилкавишского района	памятник и памятная табличка погибшим советским солдатам	облиты синей и желтой краской
02.05.2022	г. Неринга на Куршской косе	Памятный знак на месте гибели семи Героев Советского Союза – воинов 113-го стрелкового полка 32-й стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.	облили краской памятный знак
04.05.2022	г. Клайпеда	памятник на кладбище участвовавших во Второй мировой войне советских военных	на нем были сбиты все углы у мемориальной звезды.

08.05.2022	г. Шяуляе	воинский памятник, находящимся вблизи здания городского самоуправления	рядом на деревьях развесили семь вывесок-инсталляций, на которых демонстрировались вперемешку нацистские и коммунистические символы
08.05.2022	г. Лаздийяе	памятник на кладбище советских воинов	облили красной краской
11.05.2022	г.Скуодасе	памятник на кладбище советских воинов	обрызгали краской
30.11.2022	г. Вильнюс	Антакальнисское кладбище, Воинский мемориал	снос советских стел

Летом прошлого года (2022 г.) при правительстве Эстонии была создана комиссия, которой вменили в обязанность составить каталог еще оставшихся в стране советских памятников и назвать те из них, которые предстоит демонтировать. Всего комиссия осмотрела 322 памятника. 74 из них были найдены «нейтральными», а все прочие решено либо снести полностью, либо изуродовать. К осени 2022 г. было убрано уже 56, поскольку многие эстонские самоуправления начали расправу с памятниками, не дожидаясь рекомендаций свыше.

Власти Эстонии борются с вандализмом следующим образом – в июле, августе и сентябре 2022 г. власти постановили эксгумировать в общей сложности 40 массовых захоронений, а останки перезахоронить там, где, по словам эстонских чиновников, мертвые солдаты «перестанут слушать советской идеологии». 13 июля 2022 г. была вскрыта могила с останками советских воинов, находившаяся в центре города Раквере. 8 августа 2022 г. раскопали могилу советских солдат в г. Пярну и

убрали находившийся над ней памятник. Аналогично убрали с людных мест мемориалы, находящиеся в волостях Тюри, Эммасте, Нью и Вызу. А власти г. Тарту демонтировали монумент с надписями на русском и эстонском языках «Тарту помнит и благодарен своим защитникам и освободителям». Заодно снесли братскую могилу рядом с ним, где покоились более 200 красноармейцев. Вандализм и кощунство мэра Тарту объяснил так: «Жертвы войны должны обрести покой на кладбище».

После начала специальной военной операции украинские власти вновь активизировали борьбу с русским и советским наследием. С конца 2013 г. на Украине было демонтировано более 2,5 тыс. советских памятников, переименовано 987 населенных пунктов и 52 тыс. улиц. Демонтированы не только военные монументы, но и памятники поэтам, писателям, ученым и политическим деятелям [21].

Легендарную «тридцатьчетверку», которая украшала площадь Победы в Житомире, демонтировали перед праздником Днем Победы, 5 мая 2022 г.

После распада Советского Союза монумента «Украина – освободителям» в Ужгороде включили в перечень культурного наследия Украины, однако от разрушения это его не спасло. 9 ноября 2022 г. памятник грубо повалили на землю с помощью тросов, объяснив демонтаж «аварийностью» композиции. Абсолют-

ным рекордсменом по дерусификации стал классик русской литературы А. Пушкин, чьи произведения официально перестали изучать в украинских школах с осени 2022 г. В общей сложности после начала специальной военной операции на Украине были уничтожены более 30 памятников, бюстов и мемориальных досок поэту. В подавляющем большинстве населенных пунктов монументы А. Пушкину «цивилизованно» демонтировались под руководством администраций. Однако в некоторых городах, например, в Никополе, их открыто разрушали вандалы, не встречая никакого сопротивления со стороны государственных структур.

В Молдавии в с. Бравича Каларашского района власти планируют установить на братской могиле советских воинов, погибших при освобождении страны от фашизма, памятник солдатам армии союзника нацистской Германии румынского диктатора Иона Антонеску. Инициатором проекта, который финансирует посольство Румынии, стала местная общественная ассоциация «Монумент» [22].

В марте-мае 2022 г. Российское общество социологов провело федеральное социологическое исследование «Культурное наследие и связь поколений», посвященное «Году народного творчества и культурного наследия», который объявило Содружество Независимых Государств [23]. Учитывая актуальность проблемы сохранения памятников участникам ВОВ, одним из вопросов, который задавали студентам, был: «В настоящее время в странах, входивших в состав СССР, сносят памятники советского времени. Что Вы думаете по этому поводу?». В таблице 5 мы приводим ответы на этот вопрос всех студентов, в том числе, студентов Башкирии, Волгограда, Санкт-Петербурга и ХМАО-Югры. Волгоград и Санкт-Петербург города герои, Башкирия (Уфа – город трудовой доблести), ХМАО-Югра – регион нового освоения (число жителей в 1939 г. – 92932, в 2022 – 1 713 763 чел.) [24]. Жители ХМАО-Югры в большинстве своем – это приехавшие из разных регионов СССР.

Отношение к «сносу памятников» у студентов разных регионов в той или иной степени разнятся (таблица 5). Вариант «Думаю, что это сознательное разрушение общей для народов СНГ памяти, истории» выбрало 49% – волгоградцев, 46% – студентов Югры, 43% – башкирских студентов и 37% студентов Санкт-Петербурга (средн. показ. 46%). Вариант «Страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным» (средн. показ. 25%) – Санкт-Петербург – 34%, Башкирия – 27%, Волгоград – 25%, ХМАО-Югра – 23%. «У каждого народа есть свои герои. Не надо пропагандировать чужих» (средн. показ. 14%) – Санкт-Петербург – 21%, Башкирия – 16%, Волгоград – 13%. ХМАО-Югра – 10%. «Это расплата за несправедливое отношение к республикам во времена СССР» (средн. показ. 8,1%) – Санкт-Петербург – 12,4%, Волгоград – 8,6%, Башкирия – 8%, ХМАО-Югра – 7,4%.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что студенты Волгограда высказывают более патриотичные суждения по сравнению со студентами ХМАО-Югры, Башкирии и Санкт-Петербурга.

Таблица 5

В настоящее время в странах, входивших в состав СССР, сносят памятники советского времени. Что Вы думаете по этому поводу? (в % к числу ответивших)

Валидные	Значения	Весь массив	Башкирия	Волгоград	Санкт-Петербург	ХМАО-Югра
1	Считаю, что из истории нельзя вычеркивать события в угоду каждой новой власти.	52,1	46,4	54,3	50,3	48,3
2	Думаю, что это сознательное разрушение общей для народов СНГ памяти, истории.	45,7	43,4	49,3	37,3	45,5
3	Страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным.	24,5	27,0	25,2	33,5	22,5
4	Мне лично все равно.	14,2	9,5	12,2	11,8	15,8
5	Полагаю, что это «корректировка» истории после открытия архивов.	10,8	10,9	10,7	20,5	11,1
6	У каждого народа есть свои герои. Не надо пропагандировать чужих.	13,9	15,6	13,0	20,5	10,0
7	Это расплата за несправедливое	8,1	7,9	8,6	12,4	7,4

	отношение к республикам во времена СССР.					
8	Другое	1,8	1,6	1,8	5,6	1,4
	Сумма:	171,0	169,8	175,0	190,1	161,9

В пояснительной записке проекта федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к уничтожению, повреждению или оскорблению памятников выдающимся российским военачальникам и значимым событиям истории», разработанного Министерством обороны РФ сказано что каждый акт вандализма по отношению к памятникам «является преступлением особой общественной опасности, поскольку наносит вред не только соответствующему имуществу, общественному порядку и нравственности, но и направлен на искажение хода исторических событий, способствует формированию искаженного общественного сознания, настроения, умаляет роль Вооруженных сил России в поддержании международного мира и безопасности, отрицает решения Международного военного трибунала в части осуждения завоевательной политики фашизма, фактов преступлений фашизма на оккупированных территориях» [25].

Юрист О.Е. Спиридонова в статье «Памятники Великой Отечественной войны как предмет преступления» пишет, что в России поэтапно предпринимаются меры по усилению уголовно-правовой защиты символов памяти и воинской славы от посягательств, связанных с оскорблением исторической памяти о Великой Отечественной войне [26]. По мнению юриста А.В. Гайдашова, в настоящее время «российская уголовно-правовая политика направлена на ужесточение действующего уголовного законодательства в области охраны культурного наследия народов Российской Федерации. Особое внимание уделяется увековечиванию историко-культурного значения наследия Великой Отечественной войны» [27]. Уголовный кодекс Российской Федерации 7 апреля 2020 г. был дополнен ст. 243.4, устанавливающей уголовную ответственность за уничтожение либо повреждение объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов [28]. В то же время А.В. Гайдашов считает, что «актуальность данная статья начала приобретать лишь в последний год, что несомненно связано с обострением внешнеполитических отношений России с другими государствами. В

указанный период по факту совершения соответствующих противоправных действий за границей Следственным комитетом России возбуждено около 22 уголовных дел» [27].

В заключение необходимо отметить, что исследования Российского общества социологов, опросы студенческой молодежи, анализ научных статей свидетельствуют об актуальности проблемы сохранения культурного наследия и сложности ее решения. Это связано с несколькими моментами. Во-первых, почти половина опрошенных не осуждают вандализм по отношению к памятникам, захоронениям в зарубежье; во-вторых, наблюдается равнодушие в самой России в сохранении культурного наследия; в-третьих, наметились положительные тенденции к проблеме сохранности памятников, захоронений (растет число «волонтеров культуры», восстанавливаются и открываются новые мемориальные комплексы, совершенствуется законодательство и улучшается работа правоохранительных органов в сохранении культурного наследия); в-четвертых, несколько увеличилось число осуждающих варварское отношение к памятникам и захоронениям, олицетворяющих подвиг нашего народа в ВОВ.

Но, главное – решение проблемы сохранения культурного наследия зависит во многом от уровня и эффективности патриотического воспитания и активности в этом молодежи. Поскольку, как констатируют Е.Б. Шестопал и А.В. Селезнева на основе своего исследования, «снижение общего морально-нравственного уровня делает государство и общество уязвимыми из-за опасности массового разрастания деструктивных и противоправных форм поведения, снижая общий уровень законности и правопорядка, стабильности и безопасности в стране» [29, с. 95].

Список литературы

1. Сиволап Т.Е. К вопросу сохранения культурного наследия в России: некоторые аспекты решения проблемы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – № 1 (9). 2012 г. С. 80-90.
2. Дадова З. И. Роль сохранения памятников культуры в нравственно-эстетическом воспитании // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 1. № 4. С. 152-154. EDN YPBNPL.
3. Программа «Волонтеры культуры» помогла сохранить 11 тысяч объектов культурного наследия <https://news.myseldon.com/ru/news/index/282306214> дата обращения 27.09.2023.
4. Любимова О.Б. Наша система вполне прозрачна // Хранители наследия. <https://hraniteli-nasledia.com/articles/person/olga-lyubimova/olga-lyubimova-nasha-sistema-vpolne-prozrachna/>

5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.)
<http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/242:0>
6. Михаил Матросов. Во время большой встряски, становится видно, кто есть кто // <https://ayakub.mirtesen.ru/blog/43197002088/Mihayil-Matrosov-Vo-vremya-bolshoy-vstryaski-stanovitsya-vidno-k?ysclid=lolmxpitm3678800249>
7. Федеральный закон от 19.04.1995 N 80-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов»
8. В Ишимбайском районе открыли памятник легендарному снайперу Ахату Ахметьянову <https://gtrk.tv/novosti/133434-ishimbayskom-rayone-otkryli-pamyatnik-legendarnomu-snaiperu-ahatu-ahmetyanovu>.
9. Ржевский мемориал Советскому солдату. История создания // <https://rzhev.histrf.ru/history>. История.РФ. Дата обращения: 15 октября 2021.
10. В Волгограде завершили реставрацию легендарной скульптуры «Родина-мать» на Мамаевом кургане // <https://www.1tv.ru/news/2020-05-07/385420-v-volgograde-zavershili-restavratsiyu-legendarnoy-skulptury-rodina-mat-na-mam-avom-kurgane?ysclid=lobkwehuj0261498601>
11. Саур-Могила // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Саур-Могила#>
12. Подробнее на РБК:
<https://ufa.rbc.ru/ufa/11/10/2022/63454ce69a79471245be3e74>
13. Памятник труженикам тыла // https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_труженикам_тыла (дата доступа 10.05.2020).
14. В Уфе появился памятник труженикам тыла
<https://regnum.ru/news/cultura/1988483.html>
15. Мединский открыл памятник военным летчикам, спасшим «натовский Берлин» от падающего самолета // <https://ro.today/17876-medinskij-otkryl-pamyatnik-voennym-letchikam-spashhim-natovskij-berlin-ot-padajuschego-samoleta.html>
16. Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Мансуров В.А. Молодежь России о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 162-163. DOI: 10.31857/S013216250009394-6; Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.
17. Любимова О.Б. Главное, чтобы был рабочий механизм государственной охраны культурного наследия// Охраняется государством / 02.2021. С. 4.
18. Путин назвал глумлением над историей снос памятников советским воинам <https://iz.ru/1392774/2022-09-08/putin-nazval-glumleniem-nad-istoriei-snos-pamyatnikov-sovetskim-voinam>
19. Случаи вандализма и сноса советских памятников в 2022 г. // <https://tass.ru/info/14466999>

20. Пронин А. Война с памятниками. Хроника вандализма. 30.05.2022 // <https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/voyna-s-pamyatnikami-khronika-vandalizma/>
21. Запольская А. На Украине вновь сносят памятники. Почему стране так важно избавиться от бронзовых Пушкина и Суворова? // https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страницаhttps://lenta.ru/articles/2023/01/19/pamyatniki_ua/
22. Об этом сообщили NEWS.ru – онлайн СМИ 24.10.2023. <https://news.ru/europe/v-moldavii-na-mogile-sovetskih-voinov-ustanovyat-pamyatnik-rumynskim-fashistam/>
23. См. подр.: Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.
24. Последние официальные данные от Росстата // <https://gogov.ru/population-ru/hmao>
25. Проект ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к уничтожению, повреждению или осквернению памятников выдающимся российским военачальникам и значимым событиям истории» <https://www.pnp.ru/social/minoborony-predlozhilo-vvodit-ogranicheniya-protiv-inostrancev-prichastnykh-k-oskverneniyu-pamyatnikov-voinam.html?ysclid=lockw3228y719218850>
26. Спиридонова О.Е. Памятники Великой Отечественной войны как предмет преступления // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. № 9. С. 166-177. EDN PBWCSN.
27. Гайдашов А.В. Проблемы уголовно-правовой охраны воинских захоронений, мемориальных объектов воинской славы России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1. (73). С. 41–45.
28. ФЗ от 07.04.2020 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020 № 15 (часть I). Ст. 2235.
29. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. №10. С.95.

**PROBLEM OF PRESERVING MONUMENTS THE PROBLEM
OF PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE MONUMENTS
IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN STUDENTS**

Y.R. Vishnevsky¹, E.N. Ikingrin², A.A. Nikiforova³

¹ Vishnevsky Yuri Rudolfovich – Doctor of Philosophy, Consultant Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Management, UrFU, Ekaterinburg.
soc_stu38@mail.ru

² Ikingrin Elena Nikolaevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Associate of the Laboratory of Regional Studies of the Quality of Life of the Centre for the Study of Russian Regions, IS FNISC RAS, r. Ufa
ikingrinen@mail.ru

³ Nikiforova Alina Aleksandrovna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Mass Communications and Tourism, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk
blinks@bk.ru

The material is devoted to the actual problem of preservation of cultural heritage. Protection and development of cultural heritage is one of the priority tasks of the state policy of all states. In Russia new objects are created, old ones are restored and reconstructed, perpetuating the memory of the events, participants and victims of the World War II. Analysing the results obtained in federal surveys conducted by the Russian Society of Sociologists allows us to learn about the attitudes of young people to topical issues, including the preservation of cultural heritage. In the fourth wave of the project "Student Attitudes to the Great Patriotic War", questions about monuments, their preservation and demolition in foreign countries were added. Students from different regions assess the attitude of the Russian government to preserving the memory of the feat of arms of the peoples of the Soviet Union in the Great Patriotic War. The sociological study "Cultural heritage and the link between generations" conducted in March-May 2022, dedicated to the "Year of Folk Art and Cultural Heritage" also studied the reaction of students to the demolition of monuments of World War II abroad, vandalism in relation to them. The information about the demolition of monuments, vandalism in relation to them in the countries of the former Soviet Union was systematised.

Keywords: Great Patriotic War, patriotism, students, region, cultural heritage, government, monuments, preservation, vandalism.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Ю.Р. Вишневский

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук,
профессор-консультант кафедры социологии и социальных технологий
управления УрФУ, г. Екатеринбург
soc_stu38@mail.ru

Анализируются материалы Федерального исследования РОС «Студенчество России о народной культуре» в ракурсе проблематики правовой культуры студенчества. В рамках сравнительного анализа используются и результаты других исследований, осуществленных под руководством и при участии автора в 2007–2020 гг. Это позволило показать в динамике становление правовой культуры современного студенчества, выявить тренды и противоречия этого процесса.

Ключевые слова: правовая культура, студенчество, отношение к закону, причины возможных правонарушений

Прежде чем анализировать материалы нынешнего федерального исследования РОС по проблемам правовой культуры студенчества, отметим важную особенность этих исследований. Проводимые во взаимодействии с региональными отделениями РОС эти исследования взаимно дополняют и обогащают каждого из участников, независимо от имевшегося у него методологического и методического опыта. Именно так в рамках последних этапов федерального исследования РОС «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» [1] углублялось современное понимание патриотизма (взаимосвязь гражданина и Отечества: любовь гражданина к своему Отечеству, но и любовь /забота, защита/ Отечества к своим гражданам; акцент на гражданско-патриотическом компоненте – ответственности за выбор профессии и высококвалифицированный труд на благо Отечества; понимание роли социума и СМИ /идеологии плюрализма и толерантности/ в деформациях патриотического сознания студенческой молодежи).

Аналогичной была и ситуация с изучением правовой культуры студенческой молодежи. Исследование ее проводилось нами и на федеральном уровне (в 2007 г. в рамках одного из первых федеральных исследований РОС «Гражданская культура российского студенчества»)

[2], и на локальном уровне (в 2016 г. – «Гражданская культура студенчества Свердловской области») [3]. Серьезное внимание проблемам правовой культуры студентов было уделено и в рамках многолетнего мониторинга динамики социокультурного развития молодежи региона (1995–2020 гг.) [4].

Исследователей прежде всего интересовало отношение студентов к закону (см. рис. 1).

Рис. 1. Механизм эмпирической интерпретации понятия «отношение к закону»

В качестве основного инструмента для выявления отношения студентов к закону был избран вопрос – «Порой допустимость нарушения законов соотносится с рядом моментов. С какими из них Вы согласны?». Результаты последних этапов мониторинга (2007 – 2012 – 2016 – 2020) отразили распространенность в студенческой среде мнения (по крайней мере, на вербальном уровне), что законы можно и нарушать. Такой, по сути, правовой нигилизм особенно усилился на волне пандемии (2020) и

был связан со многими ограничениями в поведении, образе жизни и даже в формате обучения (переведенного в режим он-лайн) (рис. 2).

Рис. 2. Согласие с мнением, что «законы можно и нарушать, потому что...» (в % от числа опрошенных) (два последних варианта добавлены на этапах 2016-2020 гг.) [4]

Мнение о необходимости неукоснительного (безусловного) соблюдения законов («закон всегда закон, его нарушение недопустимо и не может быть ничем оправдано») в 2007 г. поддержал каждый четвертый участник мониторинга, в 2012–2016 гг. – каждый третий, но в 2020 г. – вновь лишь один из четырех респондентов.

Достаточно разнообразен и перечень «оправданий» правонарушений, с большинством из которых был согласен каждый третий-пятый (в 2020 г.) респондент (рис. 3).

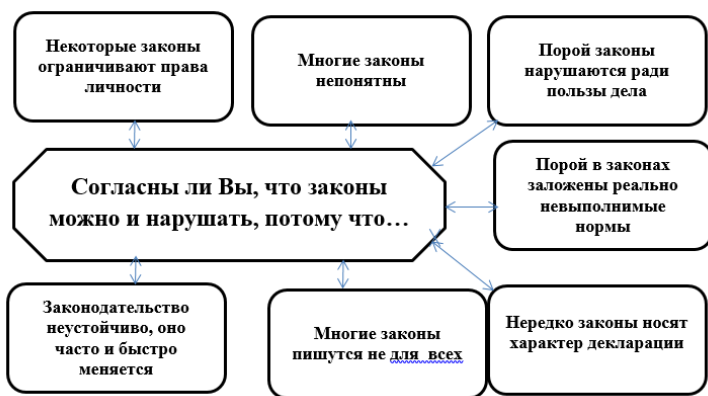

Рис. 3. Основные причины, с которыми, по мнению респондентов, могут быть связаны правонарушения

В целом же таких «согласных» на VIII^{ом} этапе мониторинга – трое из каждых четырех. Конечно, от вербального согласия, что по ряду причин правонарушения возможны, до реального нарушения норм и законов – очень значительная дистанция. Но ответы студентов отразили и серьезные пробелы в их правовом воспитании и просвещении.

Вот тут-то и сказались уже отмеченные уроки федеральных исследований РОС. Ведь, если незнание законов не освобождает от ответственности за их нарушения, то только ли студенты виноваты в таком незнании (или более точно сказать, недостаточном знании). Соответственно, уже в интерпретации результатов VIII^{го} этапа мониторинга (2020) появилась фраза. «Печально, что во многом студенты, скорее, правы» [4, с. 107-151; с. 114-115]. За этой фразой и понимание, что даже небольшой жизненный опыт большинства студентов дает им немалое число фактов и примеров несовершенства российского законодательства, его быстрого обновления, нечеткости (а порой и недостаточной понятности) ряда законов и подзаконных актов, беззакония (а иногда и безнаказанности) ряда работников даже правоохранительных органов и официальных лиц. Кстати, в рамках VIII^{го} этапа мониторинга (2020) изучалось и мнение студентов об их защищенности от различных опасностей. В итоге наряду с позитивными результатами (четверо из пяти респондентов отметили свою защищенность от ущемлений по этническому или конфессиональному признаку, две из трех – по социально-демографическим признакам /возраст, пол/), исследователи столкнулись и с негативом. Лишь один из

троих респондентов, по его самооценке, ощущает защищенность от произвола правоохранительных органов (двое из пятерых не ощущают). Относительно чиновников оценки еще жестче – один из четверых ощущает, каждый второй – не ощущает [4, с. 98].

Но самое важное для исследователей понимание, осмысление ограниченности изучения правовой культуры студентов лишь проблематикой соблюдения ими законов и норм права. Правовая культура – более глубокий феномен и процесс, она не отделима от обеспечения государством и обществом прав и свобод каждого гражданина. Именно такой подход и определил включение в нынешнее федеральное исследование РОС вопросов об обеспечении государством прав граждан. При этом использовался прием сравнения нынешнего общества и идеала, актуальности и перспективы (табл. 1, 2).

Таблица 1

Насколько обеспечены государством права граждан в обществе, в котором Вы живете, и насколько они должны быть обеспечены в идеальном обществе (в % от числа ответивших)

Варианты	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Достойная оплата труда	30	88	6
Достойная пенсия	27	88	6
Уверенность в будущем	31	87	5
Равная оплата за равный труд	32	86	8
Справедливость	37	86	7
Равенство перед законом	41	85	8
Обеспечение рабочими местами	40	84	6
Возможность трудоустройства по специальности	46	84	6
Бесплатное здравоохранение	54	84	7
Уважение к другим народам	48	83	7
Поддержка малых народов	52	80	9
Бесплатное образование в школе, вузе	64	80	6
Свобода выбора любой религии или атеизма	64	77	8

Таблица 2

Насколько обеспечены государством права граждан в обществе, в котором Вы живете, и насколько они должны быть обеспечены в идеальном обществе (в % от числа ответивших)

Обеспечены в обществе, в котором живу		Должны быть в идеальном обществе	
Варианты	∑	Варианты	∑
Свобода выбора любой религии или атеизма	64	Достойная оплата труда	88
Бесплатное образование в школе, вузе	64	Достойная пенсия	88
Бесплатное здравоохранение	54	Уверенность в будущем	87
Поддержка малых народов	52	Равная оплата за равный труд	86
Уважение к другим народам	48	Справедливость	86
Возможность трудоустройства по специальности	46	Равенство перед законом	85
Равенство перед законом	41	Обеспечение рабочими местами	84
Обеспечение рабочими местами	40	Возможность трудоустройства по специальности	84
Справедливость	37	Бесплатное здравоохранение	84
Равная оплата за равный труд	32	Уважение к другим народам	83
Уверенность в будущем	31	Поддержка малых народов	80
Достойная оплата труда	30	Бесплатное образование в школе, вузе	80
Достойная пенсия	27	Свобода выбора любой религии или атеизма	77

Начнем с наиболее общих ощущений и характеристик настроения человека, чьи права и свободы защищены. Это, прежде всего, понимание им, что он живет в обществе социальной справедливости, и возникающая на этой основе уверенность в будущем. Для современной социологии характерен в целом поворот к будущему. Еще выдающийся историк, социолог и философ сер. XX в. А. Тойнби, обращаясь к народам и обществам,

говорил об альтернативе: или «бежать во всю прыть к будущему, овладеть им, придавать ему желаемую форму», или «стать прахом в могиле прошлого» [Цит. по: 5]. С учетом того, что вице-президент Международной социологической ассоциации М. Шульц назвал «переориентацией социологии на будущее» (sociology's re-orientation toward the future), а российский социолог Н.В. Романовский «всплеском интереса к будущему» как характерную черту социологии нач. XXI в., мы ориентировали VIII^{ой} этап мониторинга студентов Среднего Урала на изучение их темпоральных установок и, прежде всего, их представлений о будущем (своем, страны, мира) [См.: 4, с. 72, 75].

Если сравнить наши данные (каждый пятый студент вузов Екатеринбурга полностью уверен в своем будущем, каждый третий – скорее уверен, то есть более половины отметили такую уверенность) с результатами нынешнего федерального исследования РОС, заметна определенная тенденция. Этот тренд уже неоднократно выявлялся в различных социологических исследованиях: чем ближе круг социокультурной среды к респонденту, тем крепче его уверенность. Действительно, даже если отвлечься от локальности нашего мониторинга, различие заметно: каждый второй так или иначе уверен в своем будущем, но лишь один из троих считает, что в современном российском обществе государство обеспечивает своим гражданам такую уверенность. Между тем, в ряду перспективных установок, связанных с идеальным обществом, уверенность в будущем занимает третье место в ряду приоритетов (причем, как видно из данных табл. 2, разрыв внутри первой шестерки приоритетов крайне мал (1-2%) и находится в пределах статистической погрешности).

В этом же ряду находится и справедливость. Во многом именно в студенческой среде наиболее ощущается «чувство справедливости». По обоснованной оценке известного социолога М.Ф. Черныша, «живущее в сознании» россиян и «оскорбленное» 1990-ми годами и политикой, когда «многие вопросы решались за счет населения» [6]. Студенчество чаще проявляет и толерантность «к тем видам социального неравенства, которые представляются справедливыми» [4, с.61], ориентируясь на справедливое неравенство.

Основным критерием такого справедливого неравенства для молодежи выступает «достоинство» (нечто в духе провозглашавшегося еще в советские времена, но редко реализованного принципа «по количеству и качеству труда»). Отражением характеристики студенчеством современного российского общества как несправедливого является то, что «достойная оплата труда» и «достойная пенсия» в перспективном ранговом

ряду (идеал) занимают первое-второе приоритетные места, а в актуальном = замыкают ряд, то есть отмечены как наименее обеспеченные государством. Причем оценки этой необеспеченности у девушек чуть выше (по оплате труда в 1,1 раза, по пенсии – в 1,2 раза).

Особо отметим интерес респондентов к достойной пенсии. С одной стороны, это – проявление заботы о поколениях родителей и прародителей, что позитивно характеризует растущую культуру межпоколенческих отношений. С другой стороны, не подтверждается распространенное мнение, что молодые особо не интересуются будущей пенсией. Напротив, такой интерес есть, он является значимым мотиватором квалифицированного труда задолго до наступления пенсионного возраста.

Ориентир на справедливое неравенство не исключает, а, напротив, предполагает реализацию и общеправового правила равенства перед законом (противоположного подходу «все равны, но некоторые ровнее»), и более конкретного принципа «равной оплаты за равный труд», исключаящего дискриминацию в сфере труда. В рамках федерального исследования РОС это отразилось в единодушном мнении студентов, включивших это правило и этот принцип в приоритеты идеального общества. Однако, сегодня с их реализацией, по мнению студентов, еще немало проблем. Лишь один из троих применительно к обществу, в котором они живут, считает, что государство обеспечивает своим гражданам такое равенство. Среди них девушек в 1,2 раза меньше, чем юношей.

Понятие «работающий студент» прочно вошло в социологический (да и житейский) лексикон и отразило массовость феномена совмещения учебы и работы. Такое совмещение имело, по данным исследователей, немало недостатков (в частности, мониторинг студентов Среднего Урала выявил, что лишь у одного из четырех-пяти работающих студентов его работа так или иначе была связана с осваиваемой в вузе специальностью; по мнению большинства из них, их трудовые права наименее защищены, а работодатели часто нарушают элементарные правила трудоустройства /начиная с трудового договора и заведения трудовой книжки/; да и вузы крайне мало учитывают интересы работающих студентов в учебном процессе). К тому же в условиях пандемии сокращение работников, как правило, начиналось с работающих студентов. И все-таки нельзя недооценивать значимость феномена работающего студента в развитии практического жизненного (а для некоторых и профессионального) опыта.

О феномене работающего студента мы заговорили и в связи с тем, что студенты в рамках федерального исследования РОС поставили вопрос не только о принципах, но и о более конкретных, практических вещах, свя-

занных с обеспечением рабочими местами и возможностью трудоустройства (после окончания вуза) работой по специальности. Голоса респондентов как бы разделились, каждый второй считает, что государство обеспечивает своим гражданам такие возможности. Но одновременно аналогичным является и противоположное мнение. Конечно, нельзя забывать о сложности взаимосвязи спроса и предложения на рынке труда, тем более что федеральное исследование охватило регионы с самыми разными типами этой взаимосвязи. К тому же выбор будущей профессии, специальности (и вуза, где их можно освоить) далеко не всегда осуществляется выпускниками школ (то есть будущими студентами) с учетом потребностей рынка труда, да еще в перспективе на 4-5 лет. Да и сам «мир профессий» в современную эпоху IV^{ой} индустриальной революции так быстро и кардинально меняется, что предвидеть эти изменения – и на уровне общества, государства, и особенно на уровне личности становится все сложнее. И все-таки запрос студенчества должен быть услышан и найти отражение в глубоких переменах государственной политики профориентации (профессиональной навигации!?), трудоустройства и занятости.

Анализ оценок студентами степени обеспеченности государством прав и свобод граждан в современном российском социуме было бы неверно ограничить лишь критической нотой. Уже в материалах мониторинга студентов Среднего Урала отмечалось, что наиболее защищенными они ощущают себя от ущемлений в связи с национальностью (двое из троих чувствуют себя полностью защищенными, еще каждый пятый – частично) и религиозными убеждениями (соответственно, трое из пяти – каждый пятый). На федеральном уровне эти позитивные оценки подтвердились. Свобода выбора любой религии или атеизма отнесены респондентами федерального исследования РОС к наиболее обеспеченным государством правам и свободам россиян (это отметили двое из каждых троих). Подчеркнем и более широкое (и правильное) понимание «свободы вероисповедования» в федеральном опросе, включающее не только различные религиозные убеждения, но и атеизм. Это особенно важно для современной России, где с 1990-х гг. на волне массового ухода от атеизма советских времен (зачастую чисто формального, вербального) в молодежной среде становилось не «модным» быть атеистом, придерживаться атеистических убеждений.

Достаточно высоко респонденты оценили и роль государства в обеспечении поддержки малых народов и в формировании уважения к другим

народам. В условиях, когда развал СССР способствовал росту национализма в ряде постсоветских государств (на Украине, да и в Прибалтике, переросшего в этнофашизм) и породил межнациональные и межгосударственные конфликты, такая позитивная оценка особенно значима.

Разрыв между актуальной и перспективной оценками по параметрам свободы вероисповедания и обеспечения прав всех народов и этносов – самый низкий. А это означает (учтем, что все перспективные оценки очень близки – разрыв между крайними оценками всего 11 пунктов, в 1,1 раза; для сравнения – по актуальным оценкам разрыв в 37 пунктов, в 2,4 раза), что именно по этим параметрам права граждан обеспечены наиболее близко к представлениям респондентов об идеале.

Из всех ответов респондентов федерального исследования РОС об обеспеченности прав и свобод граждан в современном российском обществе наиболее сложно объяснить относительно высокие оценки бесплатности образования в школе и вузе (отметили почти две трети из них) и здравоохранения (более половины). По образованию оценки юношей и девушек не различаются, по здравоохранению оценки девушек чуть ниже. Между студентами-бюджетниками и контрактниками различия носят обратный характер: совпадая в отношении здравоохранения, они несколько отличаются в оценке бесплатности среднего и высшего образования (68% – у первых, 53% – у вторых). Но получается, что каждый второй студент, даже оплачивающий свое обучение в вузе (мы уже не говорим о постоянно растущих расходах на подготовку к ЕГЭ, о мизерности стипендии бюджетников, о расходах на жизнь и транспорт...), считает бесплатное образование в современной России обеспеченным. Одно из напрашивающихся объяснений таких явно завышенных оценок в самом принципе справедливого неравенства – ведь на контракт поступают те, чей уровень довузовской подготовки (фиксируемый в баллах ЕГЭ – пусть и достаточно формально и далеко не всегда полностью объективно) оказывается ниже. Да и траты на обучение в основном идут из родительского бюджета (и многими студентами воспринимаются как должное, как исполнение родительского долга). Но подчеркнем, что проблема требует дальнейших исследований.

Федеральное исследование РОС не только выясняло обеспеченность в современной России прав и свобод граждан, но и предложило респондентам определить, какие ресурсы (экономические, политические, экологические) государству необходимы для этого (табл. 3, 4).

Таблица 3

Какие ресурсы должны быть у государства, чтобы обеспечить права граждан? (в % от числа ответивших)

Варианты	Реальное	Идеальное	Нет ответа (от числа опрошенных)
Частная собственность на базовые средства производства	55	75	18
Частная собственность на природные ресурсы	55	68	24
Экономическая стабильность	31	86	9
Сильная экологическая политика	32	87	11
Возможность для граждан определять политику государства	36	84	17
Сильная армия	69	71	17
Профессиональная полиция	44	83	12
Уважение народа к своей стране	51	83	11
Учёт мнений меньшинства	39	82	21
Учет мнений большинства	56	76	16

Таблица 4

Какие ресурсы должны быть у государства, чтобы обеспечить права граждан? (в %% от числа ответивших)

Обеспечены в обществе, в котором живу		Должны быть в идеальном обществе	
Варианты	Σ	Варианты	Σ
Сильная армия	69	Сильная экологическая политика	87
Учет мнений большинства	56	Экономическая стабильность	86
Частная собственность на базовые средства производства	55	Возможность для граждан определять политику государства	84
Частная собственность на природные ресурсы	55	Профессиональная полиция	83

Уважение народа к своей стране	51	Уважение народа к своей стране	83
Профессиональная полиция	44	Учѐт мнений меньшинства	82
Учѐт мнений меньшинства	39	Учет мнений большинства	76
Возможность для граждан определять политику государства	36	Частная собственность на базовые средства производства	75
Сильная экологическая политика	32	Сильная армия	71
Экономическая стабильность	31	Частная собственность на природные ресурсы	68

Сравнение актуальных и перспективных оценок респондентов начнем с экономики. Для нынешних студентов частная собственность – это реальность. Они сталкиваются уже с отдаленными последствиями приватизации («прихватизации»). Но примечательный момент – в актуальном ряду приоритетов частная собственность на III-IV^{ом} местах, среди идеалов она же (особенно на природные ресурсы) замыкает ряд оценок. И это достаточно четко характеризует общие установки студенчества. Идеи национализации, деприватизации в ее среде почти не находят поддержки (в пределах 2-4%), но и приходит понимание, что связанные с частной собственностью конкуренция и кризисы ведут к экономической нестабильности. Менее трети респондентов оценивают экономическую ситуацию в современной России как стабильную (не будем сбрасывать со счета и негативное влияние пандемии и санкционной политики коллективного Запада). И одновременно именно экономическая стабильность является в представлениях студентов одной из важнейших характеристик их идеала будущего общества, занимая II^{ое} место в ряду перспективных оценок.

А I^{ое} место в этом ряду студенты отводят сильной экологической политике, замыкающей актуальный ряд приоритетов вместе с экономической стабильностью. Будущее российское общество видится студентам экологически чистым и экономически стабильным и потому способным в социальном и правовом плане защитить своих граждан. Наибольший разрыв между актуальными и перспективными оценками по этим параметрам: в 2,8 раза по экономической стабильности, в 2,7 раза – по сильной экологической политике. И за этими ответами своеобразный наказ студенчества об основных направлениях оптимизации государственной политики.

В этом смысле более парадоксальными выглядят актуальная и перспективная оценки такого важного атрибута современного государства, как сильная армия. Причем, сама по себе высокая актуальная оценка (1ое место в ранговом ряду) не является парадоксальной. За ней понимание тех огромных перемен, которые произошли в российской армии за последние годы (техническое перевооружение, оснащение технологически новейшим вооружением, сокращение сроков и – главное – условий срочной службы, серьезные меры по социальной защите военнослужащих, повышение качества их подготовки и уровня профессионализма). Сложнее объяснить крайне незначительный разрыв между двумя типами оценок (всего на 2 пункта) и перемещение данного параметра в самый низ перспективного рангового ряда. Среди возможных объяснений – преобладающее у молодежи представление о будущем человечества как состояния мира между народами, когда потребность в армии может снизиться. В пользу такого объяснения гендерный перекокс выборки в сторону девушек. Но есть тут и тревожный момент: студенчество (да и значительная часть российского социума) слишком медленно осознает, что специальная военная операция на Украине за её демилитаризацию и денацификацию все сильнее становится войной с НАТО (пусть и необъявленной) за будущее России.

В сравнении с армией актуальная оценка профессиональной полиции ниже, а перспективная выше. Да и разрыв между ними значительный: почти в два раза. С одной стороны, это говорит о критическом настрое студентов к любым проявлениям непрофессионализма и произвола правоохранительных органов (это как бы антитеза отмеченному выше широко распространенному мнению о допустимости нарушения гражданами законов). С другой стороны, это уверенность, что в процессе укрепления роли государства эти проявления и факты произвола должны быть и могут быть устранены. Об этом говорит и зафиксированный социологами (в том числе и в мониторинге студентов Среднего Урала) определенный рост доверия граждан к полиции и другим правоохранительным органам.

О дальнейшем развитии российского государства студенты размышляют с демократических позиций, через дальнейшее расширение возможностей граждан (каждого гражданина) в определении государственной политики. Перспективная оценка по данному параметру в 2,3 раза выше, чем актуальная. С учетом этого представляется, что мнение о низкой политической активности современной молодежи, даже подтверждаемые данными социологических исследований, отражают не весь спектр реальной ситуации. Ведь мало провозгласить молодежь драйвером социального развития. Становление молодого человека активным, актёром

требует внимания, поддержки и немалых усилий. Даже от добровольцев сегодня требуется столько знаний, умений и навыков, что одного желания («доброй воли») явно недостаточно.

Особую значимость в развитии демократии студенты придают росту патриотизма граждан. Не останавливаясь подробно на этой проблеме, отметим очень важный нюанс, прозвучавший в вопросе – речь идет об уважении народа к своей стране. В самом слове «уважение» подчеркнуто нечто большее, чем просто любовь (к тому же бывающая безответной или слепой), – это признание достоинств, значимости. И то, что перспективная оценка данного параметра студентами в 1,6 раза выше, чем актуальная, на наш взгляд, отражает несогласие молодежи с самокритичным (до самоуничижительности) отношением к прошлому и настоящему своей страны, взявшим верх на рубеже эпох и нередко проявляемому до сих пор.

Наконец, заметно и своеобразие студенчества в понимании основного принципа демократии – «меньшинство подчиняется большинству». В актуальном ранговом ряду учет интересов большинства опережает учет интересов меньшинства. В перспективном – они, оставаясь в середине ряда, меняются местами. Акцент на учете мнений меньшинства выступает реализацией основного ориентира студенчества на справедливое неравенство, или единство в разнообразии. Хотя заметно и влияние принципов плюрализма и толерантности.

Список литературы

1. Спасибо прадеду за Победу: Монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне (2005 – 2010 – 2015 – 2020)»/ под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020, 352 с.
2. Вишневский Ю.Р. Актуальные проблемы гражданской культуры студенчества // Российская молодежь в условиях общественных преобразований: матер. III Уральского молодежных социол. чтений: Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 20–21 сентября 2007 г.) / Ю.Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 52–57.
3. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А.А. Айвазян, Л.Н. Боронина, Ю.Р. Вишневский, Л.Д. Забокрицкая, Д.Ю. Нархов, Т.А. Орешкина, Д.С. Попов, О.Б. Франц, М.В. Ячменева; под общей редакцией профессора Ю. Р. Вишневого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 244 с.

4. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего/ По материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995-2020 гг.): монография /под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2021. 371 с. С. 107-151; С. 114-115)
5. Брэдбери Р. Путешествие во времени. URL: <http://raybradbury.ru/library/story/84/1/1/>
6. Черныш М.Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. 2015. №4. С. 7-28.
7. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2013. 400 с. С. 61.

LEGAL CULTURE OF RUSSIAN STUDENTS

Y.R. Vishnevsky

Vishnevsky Yuri Rudolfovich – Doctor of Philosophy, Consultant Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Management, UrFU, Ekaterinburg
soc_stu38@mail.ru

The materials of the federal research of ROS "Russian Studenthood on Popular Culture" in the perspective of the problems of legal culture of students are analysed. Within the framework of comparative analysis the results of other researches carried out under the guidance and with the participation of the author in 2007-2020 are also used. This allowed to show in dynamics the formation of legal culture of modern students, to reveal trends and contradictions of this process.

Keywords: legal culture, students, attitude to the law, causes of possible offences.

МЕНТОРСТВО В СФЕРЕ ИТ: СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Р.В. Голубин¹, А.П. Коротышев²

¹Голубин Роман Викторович – кандидат исторических наук, декан факультета социальных наук, заведующий кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
golubin@unn.ru

²Коротышев Александр Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
aleks_korotyshev@mail.ru

ИТ-менторство рассматривается как социальный институт, то есть система норм и отношений, которая опирается на разделяемые профессиональным сообществом ценности. Авторы утверждают, что современное ИТ-менторство вышло за рамки чисто образовательной технологии, приобретя собственное институциональное, коммуникационное, практико-прикладное выражение. В сфере ИТ менторство развивается значительно успешнее, чем в других профессиональных сферах. Причина этого кроется, в первую очередь, в частичном отходе от классических взглядов на менторство в пользу адресной взаимопомощи в прикладных вопросах.

Ключевые слова: менторство, ментор, ИТ-менторство, образование в ИТ, наставничество.

Менторство как образовательная технология и как особый институт формирования профессиональных и личностных компетенций в последние годы широко обсуждается в академической среде. Государственные и коммерческие структуры с различной степенью успеха пытаются развивать собственные программы менторства.

Тем не менее, по-настоящему масштабного распространения данная технология не получила: в лучшем случае она развивается в рамках небольших профессиональных сообществ, в форме ограниченных по охвату аудитории программ отдельных организаций. В данном формате активно развиваются соответствующие психолого-педагогические подходы, однако формирования менторства как социально-образовательного института фактически не происходит.

Исключение здесь составляет сфера ИТ, где менторство вышло за рамки чисто образовательной технологии, получило широкое распространение и собственное институциональное, коммуникационное, практико-прикладное выражение. Причиной такого успешного развития является специфический подход к менторству в ИТ, несколько отличающийся как от массовых представлений, так и от научных теорий.

Вначале следует кратко охарактеризовать взгляды научного сообщества на феномен менторства. Необходимо заметить, что в российском научном дискурсе соседствуют понятия «менторство» и «наставничество». Представляется, что они вполне равнозначны, поскольку термин «наставничество» представляет собой перевод английского слова «mentoring», а термин «менторство» – его транслитерацию. При этом отечественные статьи о наставничестве массово ссылаются на англоязычные работы о менторстве. Мы будем пользоваться терминами «менторство», «ментор» и «менти», поскольку именно они активно применяются в сфере ИТ.

Научному сообществу до сих пор не удалось дать универсального определения данной категории. Это, по всей видимости, объясняется тем, что менторство представляет собой сложный, не имеющий четких понятийных границ процесс взаимодействия двух и более субъектов. В научной литературе под менторством (наставничеством) понимаются, в самом широком смысле, отношения между ментором (наставником) и менти (наставляемым), нацеленные на развитие профессиональных и личностных качеств последнего.

Дж. О. Сантамария характеризует менторство как особый вид индивидуальных отношений, нацеленный не только на обучение, но также на поддержку и поощрение обучающегося. При этом подчеркивается добровольность усилий ментора, их благонамеренный и благотворительный характер [1].

Л.Дж. Захари и Л.А. Фишлер описывают менторство как особый механизм в рамках образовательного процесса, в значительной мере способствующий передаче и усвоению знаний, а также благоприятно влияющий на развитие личности [2].

В.Б. Джонсон подчеркивает межличностный характер отношений менторства, в рамках которых более опытный и авторитетный индивид может выступать для менее опытного в роли учителя, воспитателя, руководителя и спонсора. Однако в первую очередь он является примером для подражания, профессиональным и даже духовно-нравственным ориентиром [3].

Американские исследователи активно развивают функциональный подход к менторству, определяя его как механизм, который способствует передаче знаний, развитию определенных умений, навыков и компетенций, адаптации личности в профессиональной среде [4].

Такого рода представления, по всей видимости, восходят к древним традициям менторства, характерным для античной и средневековой эпох. В то время молодого человека принято было отдавать на воспитание старшему члену некоей социальной корпорации (профессиональной, сословной или родовой), что включало проживание в его доме и усвоение, помимо знаний и умений, некоторых мировоззренческих и морально-этических принципов. В специфических социально-экономических условиях этих ушедших эпох менторство, действительно, было одной из наиболее прогрессивных форм образования, и именно эти условия сформировали его характерные черты, выделяемые современными исследователями:

- Адресность и ориентированность на личность, поскольку образование в эпоху расцвета менторства еще не стало массовым, и обучающихся не могло быть много.
- Межличностный характер общения, так как ментор и менти фактически жили совместной жизнью, не только профессиональной, но и бытовой.
- Акцент на развитии личностных качеств, менти оставался в ближайшем окружении ментора и непосредственно влиял на его жизнь.
- Значительный социализирующий, духовно-нравственный компонент. Античные и средневековые сообщества выполняли функции множества возникших позже институтов, от школы до индустрии развлечений.

На этих особенностях менторства, в том числе менторства в IT, как правило, и акцентируется внимание как в академической среде, так и в информационном пространстве. При этом теряются из вида другие важные особенности, которые и обеспечивают успех менторства в IT.

Отметим, что ряд специфических факторов делает IT-индустрию уникальной средой для развития менторских практик. К ним относятся:

- Постоянная смена технологических подходов и программных решений, порой вынуждающая обновлять свои компетенции в ходе работы над одним проектом.
- Специфическая сфера деятельности, требующая сочетать прикладные знания и умения с творческим подходом.

- Относительно замкнутое профессиональное сообщество, состоящее преимущественно из людей молодого и среднего возраста.
- Прямая зависимость результата трудовой деятельности от компетентности, мотивации и даже эмоционального состояния сотрудников.
- Понимание работодателями специфики ИТ и необходимости поддерживать институт менторства в организационном и финансовом смысле.

Не вызывает сомнений, что ИТ-индустрия, а, следовательно, и ИТ-менторство наиболее развиты в странах Запада, в первую очередь, в США. Здесь складываются и активно действуют менторские сообщества и даже институционально размытое, но имеющее некоторые механизмы координации «движение менторства». Наиболее заметным его элементом является проект Mentorcliq, включающий информационный портал, мобильное приложение для поиска менторов, он-лайн платформу для координации наставничества и стимулирования карьерного роста [5].

Для эффективного продвижения приложения на рынке проект Mentorcliq проводит собственные исследования, освещающие роль и значение менторства для рынка труда. Установлено, что 50 наиболее авторитетных американских компаний (первые из регулярно публикуемого рейтинга журнала Fortune) используют программы менторства, а среди первых 500 кампаний его применяют 84%. При этом зачастую это внутренние программы организаций: в 61% случаев ментор и менти работают в одной организации, а в 81% – в одной узкопрофессиональной сфере. В 41% случаев менторство имеет нормативно закрепленные во внутренней документации компании цели и задачи [6].

Участие в такого рода программах способствует росту карьерных перспектив. 25% участников-менти отметили повышение своего заработка (среди тех, кто не участвовал в программах, таких только 5%). Для участников программ возрастает и шанс получить повышение: в 5 раз для менти и в 6 раз для ментора. 27% менторов выступают за продвижение своего менти по службе [6].

Теоретический подход западного профессионального сообщества к менторству имеет несколько особенностей. Он тесно увязывает менторство с проблемой текучести кадров, утверждая, что одной из причин частых увольнений сотрудников являются их неспособность психологически адаптироваться в коллективе и непонимание общественной значимости своей работы. Эти проблемы часто удается решить с помощью менторства. Согласно уже упоминавшемуся исследованию, сотрудники, имеющие ментора, на 50% менее склонны к смене места работы, чем не име-

ющие. 90% из них заявляют, что довольны своей профессиональной деятельностью [6]. Отношения ментор – менти зачастую рассматриваются как дружеские и доверительные.

С другой стороны, менторство рассматривается как важный элемент рабочей атмосферы, неременное условие для создания профессиональной среды, работая в рамках которой сотрудник может действовать эффективнее, а руководители компании строить более действенные, горизонтально интегрированные управленческие схемы. Подчеркивается важность менторства как технологии обратной связи, согласования интересов сотрудников и руководства. Интернет-ресурсы профессиональных менторских сообществ зачастую сравнивают свои задачи с задачами профсоюзов и даже рассматривают свою деятельность в качестве механизма профилактики недовольства персонала.

Характерной особенностью западного подхода к менторству остается его ориентация на проблемы инклюзивности и ЛГБТ-проблематику. Считается, что менторство должно в значительной степени способствовать сохранению в коллективе гендерного, этнического, конфессионального разнообразия. Впрочем, по данным проекта Mentorcliq, 71% менторов стремятся выбрать менти того же пола и этнической принадлежности, что и они сами [6].

В отечественном IT-сообществе идут сходные процессы постепенного формирования «движения менторства». Приведем три признака того, что IT-менторство, действительно, может рассматриваться как формирующийся в рамках профессионального сообщества социальный институт.

Во-первых, в IT-менторство вовлечено обширное и устойчивое профессиональное сообщество. В него входят как опытные IT-специалисты, предлагающие помощь новичкам, так и начинающие, имеющие опыт общения с менторами и охотно пользующиеся их услугами. Подтверждением этого может служить активное обсуждение IT-менторства в социальных медиа (табл. 1.).

Таблица 1

**Показатели сетевой активности пользователей
с формулировкой «IT ментор» (включая словоформы)
в социальных медиа в январе–июне 2023 г. (данные сервиса IQbuzz).**

Месяц, год	январь 2021	февраль 2021	март 2022	апрель 2022	май 2022	июнь 2023	июль 2023	август 2023	сентябрь 2023
Число сообщений	3515	3816	4176	3256	3479	3819	3277	3357	3792
Число репостов	1654	1816	1982	1654	1796	1815	1667	1703	1785
Охват сообщений	1256458	1274049	1293677	1249089	1256321	1263953	1253057	1263478	1271678

Эти данные свидетельствуют, что среди пользователей социальных сетей существует устойчивая группа, активно обсуждающая IT-менторство и нередко участвующая в такого рода проектах. Что касается менторства в других профессиональных сферах, в социальных медиа обсуждается бизнес-менторство, менторство личностного роста, менторство в образовании (в т.ч. зарубежном), однако активность этих обсуждений крайне низка и не превышает 130-150 сообщений в месяц.

Во-вторых, в глобальной сети действуют он-лайн площадки по подбору IT-менторов. Весьма характерно, что первые сообщества такого рода были инициативой частных лиц. При этом они действуют на безвозмездной основе, не взимая никакой комиссии или платы за участие ни от менторов, ни от менти. Примером такого рода может служить достаточно известный в профессиональных кругах сайт [Getmentor.dev](https://www.getmentor.dev) Георгия Могелашвили, разработчика из Shopify и ex-Booking. Нескольким иным подход, опирающийся на использование технологического инструментария Telegram, предлагает Анна Булдина, автор популярного telegram-канала No Flame No Game. Ее командой поддерживается Telegram-бот для поиска менторов (https://t.me/Nfng_bot). Параллельно действуют успешные коммерческие проекты и общественные инициативы. Крупнейшее российское IT-сообщество Хабр (<https://habr.com/>) поддерживает собственную площадку Хабр Эксперты – платформу, обеспечивающую координацию менти и менторов в IT. Каждая из этих платформ имеет собственное сообщество, разделяющее определенные профессиональные и личностные принципы.

В-третьих, именно IT-менторство вызывает устойчивый общественный интерес. Об этом красноречиво свидетельствует статистика поисковых запросов в наиболее популярном в России поисковом сервисе «Яндекс» (табл. 2).

Таблица 2

**Статистика поисковых запросов с формулировкой «ментор» (включая словоформы),
введшихся пользователями в поисковый сервис Яндекс в июне 2021 г. – июне 2023 г.
(данные сервиса WordStat).**

Месяц, год	июнь 2021	сент. 2021	дек. 2021	март 2022	июнь 2022	сент. 2022	дек. 2022	март 2023	июнь 2023	сент. 2023
Число поисковых за- просов с формулиров- кой «IT ментор»	35715	38858	39852	38117	40417	38790	39777	45287	38945	38052
Число поисковых за- просов с формулиров- кой «коуч ментор»	660	646	844	648	636	599	675	1052	718	634
Число поисковых за- просов с формулиров- кой «бизнес ментор»	411	452	512	377	551	487	492	612	591	500

Из всех поисковых запросов с формулировкой «ментор» наиболее популярным с огромным отрывом оказался запрос «IT ментор». Для сравнения в таблице приводится 2 следующих по популярности запроса.

Отметим, что в течение последних двух лет число запросов остается относительно стабильным, с небольшим ростом. Это позволяет утверждать, что в обществе существуют устойчивые профессиональные группы, ориентированные на IT-менторство.

Именно в рамках IT менторство обнаруживает признаки социального института как системы взаимосвязанных норм, опирающихся на коллективно разделяемые ценности. Другие профессиональные сообщества в России пока не демонстрируют такого рода достижений.

Представляется, что принципиальное отличие IT-менторства от менторства в других профессиональных сферах заключается в практико-ориентированном подходе. Рассмотрим подробнее деятельность он-лайн площадки «Хабр Эксперты», поддерживаемой крупнейшим российским IT-сообществом Хабр (<https://habr.com/>).

Данная площадка представляет собой один из разделов портала «Хабр Карьера» (<https://career.habr.com/experts>). Она включает постоянно обновляемую базу экспертов с удобной навигацией и формой обратной связи. По состоянию на 3 июля 2023 г. в базе было 2013 экспертов, готовых выступить менторами в различных профессиональных областях (Табл. 3.).

Таблица 3

Профессиональная специализация менторов он-лайн площадки «Хабр Эксперты» (по состоянию на 3 июля 2023 г.).

Профессиональная специализация менторов	Число менторов с соответствующей специализацией (один человек может специализироваться в нескольких областях).
Разработка	1054
Тестирование	120
Аналитика	133
Дизайн	141
Менеджмент	233
Информационная безопасность	12
Администрирование	88
Поддержка	26
Маркетинг	67
Контент	27

Продажи	17
Работа с персоналом (HR)	258
Обслуживание офиса	4

Вполне очевидно, что большинство менторов ориентированы на решение прикладных задач, в особенности в области разработки программных приложений, менеджмента проектов, дизайна. Вторая по популярности сфера связана с трудоустройством. Отметим, что навигация по базе экспертов построена именно по принципу профессиональной специализации. Стандартными пунктами анкеты ментора являются сферы, в которых он может быть полезен для менти: «начало карьеры или смена профессии», «развитие навыков», «оценка навыков», «смена работы», «карьерный рост», «помощь с задачей».

При этом работа с личностными качествами, профессиональная социализация, межличностное общение и другие преимущества менторства отходят на второй план. Многие из экспертов предлагают, в дополнение к профессиональным навыкам, чисто психологическую поддержку (помощь с эмоциональным выгоранием, построение отношений в коллективе), но в качестве дополнительных услуг. Лишь один из пунктов анкеты – «поддержка и коучинг» касается этого.

Что касается менти, то их можно условно разделить на 5 категорий:

1. Начинающие специалисты, которые ищут работу в IT. Как правило они стремятся приобрести нужные навыки и знакомства в профессиональной среде, а их основная задача – успешно пройти собеседование на понравившуюся вакансию.

2. Люди из других смежных профессий (инженеры, физики и др.), которые хотят перейти в IT. Как правило, они уже имеют диплом об основном образовании, но проходят курсы по разработке, активно занимаются самообразованием и нуждаются в сторонней оценке своих навыков и способностей. Нередко они делают собственный IT-проект, по которому им необходима помощь или экспертиза.

3. Практикующие IT-специалисты с опытом работы на уровне junior и middle (разработчики, дизайнеры, тестировщики). Они рассчитывают на консультацию по прикладным вопросам по месту работы, помощь в решении конкретных задач, которые ставит перед ними руководство. Это особенно характерно для небольших компаний, где задач много, а круг грамотных IT-специалистов невелик.

4. Разработчики, достигшие уровня руководителя группы и испытывающие трудности во взаимодействии с коллективом или сражающиеся его

расширить. Они стремятся к развитию навыков менеджмента, установлению профессиональных контактов.

5. Корпоративные заказчики, стремящиеся получить консультацию для своих небольших коллективов по решению прикладных задач.

Все эти категории ориентированы на содержательный профессиональный диалог с ментором и получение быстрых ответов на конкретные вопросы. Под это адаптирована и система навигации, позволяющая менти искать менторов исходя из профессиональных задач. По состоянию на 3 июля 2023 г. сферы интересов менти выглядят следующим образом (Табл. 4.).

Таблица 4

**Сферы интересов менти он-лайн площадки «Хабр Эксперты»
(по состоянию на 3 июля 2023 г.).**

Начало карьеры и смена профессии	1373
Развитие навыков	1275
Оценка (навыков, портфолио, резюме)	1353
Смена места работы	1030
Карьерный рост	821
Помощь с задачей	1269
Поддержка и коучинг	986
Карьера за рубежом	223

Данные свидетельствуют, что менти ищут и могут найти на площадке решение прикладных проблем, в первую очередь – технических и карьерных. Определенный запрос на «поддержку и коучинг» тоже присутствует, но он явно вторичен.

Отметим, что время общения ментора и менти подлежит учету и почти в половине случаев оплачивается. Так, из 2013 менторов 995 согласны консультировать бесплатно, а некоторые за символическую плату в 1-2 рубля в час. Другие просят за свои услуги довольно высокую цену, доходящую до 50 или даже 90 тысяч рублей в час. Вполне понятно, что при лимитированном времени общения обсуждаться будут именно прикладные задачи.

Таким образом, прикладная деятельность он-лайн площадок IT-менторства несколько отличается от распространенного в научной литературе подхода к менторству как таковому. Она, в целом, вписывается в понимание менторства как отношений между наставником и наставляемым, нацеленные на развитие профессиональных и личностных качеств

последнего. Однако это развитие происходит не за счет поддержки и поощрения, духовно-нравственных ориентиров или длительной совместной работы по совместному саморазвитию, а за счет решения прикладных задач. Более того, именно оперативное решение прикладных задач (включая и задачу саморазвития и трудоустройства) и является основной целью IT-менторства.

В настоящее время в отечественных IT-компаниях активно развиваются и внутренние программы менторства. Наставничество зачастую указано в должностной инструкции работника как одна из обязанностей. В отдельных случаях в штатное расписание вводятся даже отдельные ставки наставников, которые в основном сотрудники замещают по совместительству. Распространяются и различные формы финансовой ответственности наставника за своего подопечного. Существует практика, когда половину суммы за работу с менти, ментор получает после прохождения новичком испытательного срока, а оставшуюся часть – только спустя три месяца, когда работодатель окончательно убедится в профессиональных качествах менти.

Именно такой практикоориентированный подход позволил IT-менторству перерасти рамки образовательной технологии, став реально действующим социальным институтом, развивающимся в рамках профессионального сообщества.

Список литературы

1. Santamaria J.O. Mentoring Develops High-Potential Employees. Asia Africa.
2. Zachary L.J., Fischler L.A. The mentee's guide: How to make mentoring work for you. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2009. 273 p.
3. Johnson W.B. On being a mentor: A Guide for Higher Education Faculty. 3rd edition. New York – London, 2018. 272 p.
4. Allen T.D., Eby L.T., Chao G.T., Bauer T.N. Taking Stock of Two Relational Aspects of Organizational Life: Tracing the History and Shaping the Future of Socialization and Mentoring Research // The Journal of Applied Psychology. 2017. Vol. 102. № 3. P. 324-337.
5. MentorcliQ. Employee Mentoring Software. Official Web Site. URL: <https://www.mentorcliq.com/> (application date: 25.10.2023).
6. 40+ Definitive Mentorship Statistics and Research for 2023. MentorcliQ. Employee Mentoring Software. Official Web Site. URL: <https://www.mentorcliq.com/blog/mentoring-stats> (application date: 25.10.2023).

**MENTORING IN IT: A SOCIAL INSTITUTION WITHIN
THE FRAMEWORK OF PROFESSIONALISATION COMMUNITY**

R.V. Golubin¹, A.P. Korotyshev²

¹Golubin Roman Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, Head of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies of the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
golubin@unn.ru

²Korotyshev Alexander Pavlovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
aleks_korotyshev@mail.ru

IT mentorship is considered as a social institution, i.e. a system of norms and relations, which is based on the values shared by the professional community. The authors argue that modern IT mentoring has gone beyond purely educational technology and has acquired its own institutional, communicative, practical and applied expression. In the IT sphere mentoring is developing much more successfully than in other professional spheres. The reason for this is, first of all, a partial departure from the classical views on mentoring in favour of targeted mutual assistance in applied issues.

Keywords: mentorship, mentor, IT mentorship, IT education, mentoring.

ПОКОЛЕНИЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И.А. Грошева¹, И.Л. Грошев², Л.И. Грошева³

¹Грошева Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

grosh@nextmail.ru

²Грошев Игорь Львович – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск

А.И. Прошлякова, г. Тюмень

grosh@nextmail.ru

³Грошева Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск

А.И. Прошлякова, г. Тюмень

malivia@rambler.ru

Авторы конструируют портрет поколений («деды – отцы – дети/внуки»), сложившийся в представлениях студенческой молодежи. Эмпирическую основу составили результаты исследования «Культурное наследие и связь поколений», осуществленного под эгидой Российского общества социологов. Для сравнительного анализа выбраны ответы студентов из 21 вуза, в которых количество респондентов превысило 200 (N=6998). В ходе аналитической работы выявлены особенности идентификации поколения «отцов».

Ключевые слова: молодежь, поколение, ценности, культура, портрет поколений.

В современном российском обществе прослеживаются два направления культурной трансформации: первая (революционная, «концепция технологического прорыва») базируется на необходимости практически одновременной перестройки целого комплекса социальных институтов (экономика, политика, образование и др.), следствием чего становится разрушение межинституциональных связей, формируются потребности в дополнительных (временных) механизмах и непрерывных их корректировках.

Сторонники второго направления придерживаются консервативных взглядов на изменения и апеллируют к осторожному воздействию на

каждый институт с учетом его места в социальной иерархии. При таком подходе воздействие на каждый элемент системы обосновывается с позиции эффективности и результативности, в логике каждого трансформационного этапа присутствует возможность отказа от преобразований и возвращение к исходному состоянию. При этом особенности культурного развития приобретают ключевое значение посредством раскрытия понятия межпоколенческой культурной трансмиссии.

Эпоха постмодерна, в которую вступило наше общество, бросает вызов сложившимся традициям, изменяет понимание ценностей и культуры, усиливает акцент на индивидуальном различии. Согласно результатам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), несмотря на значимость культурных сдвигов в период с 1994 по 2020 гг., наблюдались позитивные установки в отношении возможности установления взаимопонимания и сотрудничества между людьми старшего возраста и молодежью. При этом в 1994 г. оценка возможности взаимодействия составила 54,6%, максимальное значение в 56,7% зафиксировано в 2010 г, а в 2020 показатель снизился до 52,7% [1, с. 132]. Технологический разрыв между поколениями в настоящее время ощущается как никогда остро. Более того, опыт предыдущих поколений считается даже вредным, так как препятствует продвижению прогрессивных идей [1, с. 146]. Цифровизация в один момент отменила опыт предшествующих поколений, который в результате остался невостребованным.

Тем не менее формирование и сохранение культурных ценностей приобрело особую значимость в современном постмодернистском обществе, которое придает большое значение индивидуальным различиям, способствует быстрой смене «мировоззренческих картинок». Культурная трансмиссия в большинстве исследований рассматривается как процесс передачи культуры от предшествующих поколений к последующим при помощи научения [2, с. 160]. Это своеобразный билатеральный процесс, где поколение выступает в качестве субъекта и объекта передачи. Каждая последующая поколенческая группа принимает ценности предыдущей и становится объектом трансляции. С другой стороны, она же выступает субъектом, поскольку создаёт собственную систему ценностей, которую, в свою очередь, транслирует следующему поколению. Перед субъектом трансляции стоит сложная задача: сложившийся набор ценностей нужно не просто механически передать, а сделать так, чтобы реципиент осмыслил их, принял как свои собственные и научился применять в социальной среде. Из этого очевидно, что межпоколенная трансмиссия состоит из следующих

этапов: трансляция, интериоризация, рефлексия и ретрансляция. На каждом из них появляются проблемы и противоречия, формирующиеся в условиях той социальной среды, в которой социализируется новое поколение. Благодаря этому процессу, последующее поколение начинает развитие с того этапа, на котором остановилось предыдущее. Сохраняется определенный «след», складывается социальный портрет предшественника, формирующего культурную преемственность. Еще К. Мангейм говорил о таком необходимом условии существования поколений, как передача культурной памяти. Он подчеркивал, что на взаимодействие поколений существенное влияние оказывает социальная динамика. Почтительность формируется в условиях статики, когда молодое поколение стремится приспособиться к старшему. Но в случае усиления социальной динамики старшее поколение становится более восприимчивым к влиянию молодых [3, с. 34]. В связи с этим представляет научный интерес исследование образа не только предыдущих поколений, но представлений о современниках, складывающихся на основе мнений студенческой молодежи.

Эмпирической основой для аналитической работы послужили материалы исследования «Культурное наследие и связь поколений» (N=9751), проведенного в марте-мае 2022 г. по решению Президиума Российского общества социологов (РОС) на территории Российской Федерации и стран СНГ. Метод сбора данных – онлайн-анкетирование с использованием Google-форм. Вопрос о репрезентативности не ставился, в опросе приняли участие все желающие. Научный интерес для авторов представили результаты ответов студенческой молодежи на вопросы, отражающие представления о трех поколениях, условно названных «деды – отцы – дети/внуки». Для анализа выбраны ответы обучающихся 21 учебного заведения, в котором количество респондентов превысило 200 человек (N=6998).

В ходе коллективного анализа полученных результатов отдельные участники исследования пришли к определенным выводам. Например, установлено, что для каждого поколения различается ценность элементов культуры, снижается авторитет такого социального института, как религия [4, с. 154]. Молодежь признается ценность народной культуры в целом, но имеется склонность к ранжированию, исходя из запросов современности [5, с. 74].

Авторы в большей степени уделили внимание конструированию социального портрета поколений. В ходе сравнения трех поколенческих групп («деды – отцы – дети/внуки») и выявления качеств, прису-

ших каждому из них, определено общее и особенное во мнениях студентов из различных вузов. При установлении степени общности показателей исходили из следующего условия: расхождение в оценках между тремя поколениями не должно превышать 5%. Например, студенты Ставропольского государственного педагогического института (СППИ, N=900) отметили, что три поколения объединены чувством юмора, гибкостью и социальной активностью. Поколениям «отцов» и «дедов» в равной степени свойственны чувство юмора, критичность и социальная активность. Гибкость в меньшей степени присуща «отцам», а способность к адаптации – «дедам». В ходе самоидентификации молодежь отметила, что такие качества, как трудолюбие, патриотизм и коллективизм присущи поколению «детей/внуков» в меньшей степени. Респонденты Астраханского государственного технического университета (АГТУ, N=239) оказались единодушны во мнении, что всем трем поколениям присущи оптимизм и критичность. Наличие ответственности и трудолюбия у современных молодых людей отметили немногим больше половины опрошенных, а самую низкую оценку получил патриотизм.

Имеет некоторые отличия взгляд на общность поколений у студентов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова (ЧГУ, N=217). Согласно их мнению, среди качеств, объединяющих представителей трех поколений, оказались гибкость и способность к адаптации. Наибольшей степенью общности отличаются поколения «отцов» и «дедов», которые соединили гордость, сопереживание (высокая степень совпадения, различие составило 0,6%), гибкость, способность к адаптации, критичность, самодисциплина, доверчивость и отзывчивость. Для поколения «отцов» в меньшей степени оказалась свойственна социальная активность, а для поколения «дедов» – гибкость. Коллективизм, патриотизм и трудолюбие выражены у молодежи гораздо слабее, чем у двух других поколенческих групп. Поколениям «отцов» и «дедов» присущи трудолюбие, ответственность, верность, доброта, добросовестность и взаимопомощь. Гибкость в меньшей степени свойственна поколению «дедов», а доверчивость – поколению «отцов». Уровень патриотизма у «отцов» ниже, чем у «дедов», зато у них в большей степени проявились сопереживание и самодисциплина (табл. 1).

Таблица 1

Положительные качества различных поколений

ВУЗ	Ваше поколение	Поколение отцов/матерей	Поколение дедушек/бабушек
Астраханский государственный технический университет (АГТУ)	чувство юмора (87,3%), способность к адаптации (81,6%), гибкость (79,1%), отзывчивость (72,6%), доброта (71,8%)	отзывчивость (88,5%), трудолюбие (88,2%), ответственность (85,8%), сопереживание (84,3%), верность (83,6%), доброта (82,9%)	трудолюбие (94,1%), патриотизм (93,1%), ответственность (92,5%), верность (91,8%), взаимопомощь (91,7%)
Ставропольский государственный педагогический институт (СППИ)	чувство юмора (74%), способность к адаптации (68,7%), оптимизм (64,5%), гибкость (64%), сопереживание (61,1%), социальная активность (61%)	трудолюбие (78,1%), взаимопомощь (77,5%), отзывчивость (76,9%), сопереживание и доброта (76,7%), патриотизм (75,7%), добросовестность (75,4%)	патриотизм (92,4%), ответственность (91,6%), трудолюбие (91,4%), добросовестность (89,6%), взаимопомощь (89%), верность (88,3%), доброта (87,9%), щедрость (87,1%)
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова (ЧГУ)	чувство юмора (72,8%), доброта (67,8%), социальная активность (65,9%), отзывчивость (65,7%), гибкость (65,5%), взаимопомощь (64,6%)	щедрость (80,1%), взаимопомощь (79,8%), трудолюбие (79,2%), добросовестность (77,7%), сопереживание (77,1%), отзывчивость (76,6%), патриотизм (75,6%)	патриотизм (85,8%), трудолюбие (84,8%), доброта (84,7%), добросовестность (84%), ответственность (83,9%), взаимопомощь (82%), верность (80,7%)

Студенты Башкирского государственного университета (БашГУ, N=437) выделили для трех поколений такое общее качество, как сопереживание, Волгоградского государственного университета (ВолГУ, N=652) – оптимизм. Ответы респондентов отдельных вузов, например, Волгоградского

государственного технического университета (ВолГТУ, N=257), Уральского федерального университета (УрФУ, N=228), Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ, N=274) и др. не позволили определить точек соприкосновения, объединяющих поколения.

По мнению студентов Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ, N=232), поколение «отцов» и «детей» объединяют доброта и критичность. Самая низкая способность к адаптации отмечена у поколения «дедов», коллективизм и патриотизм в меньшей степени присущи молодежи, а гибкость не свойственна поколению «отцов». Вообще следует отметить единодушие во мнении всех студентов о низком уровне наличия у современной молодёжи такого качества, как патриотизм, что не может не беспокоить.

Изучение набора отрицательных качеств поколений позволило сделать вывод о высоком уровне критической самоидентификации молодежи. В ходе сравнения рейтингов точки соприкосновения трех поколений встречались достаточно редко. Например, респонденты ВолГУ выделили скупость в качестве общего отрицательного качества, но чаще встречалось наличие качеств, идентичных только для двух поколений. Так, студенты СурГПУ полагали, что скупость и злопамятность объединяют старшие поколенческие группы. Наивность, скупость и злопамятность характерны для поколения «дедов»; агрессивность, злопамятность и скупость – для «отцов». Респонденты СГПИ выделили общность упрямства, скупости, эгоизма и зависти для «отцов» и «дедов», а также упрямства, оказавшегося общим для поколений «отцов» и «детей». В меньшей степени для «отцов» и «дедов» оказалось характерным такое качество, как лень. Респонденты из ЧГУ увидели общность между «отцами» и «дедами» в таких отрицательных качествах, как злорадство, скупость, наивность, трусость, стремление к выгоде любой ценой, пессимизм, агрессивность и упрямство (табл. 2).

Таблица 2

Отрицательные качества различных поколений

ВУЗ	Ваше поколение	Поколение отцов/матерей	Поколение дедушек/бабушек
Астраханский государственный технический университет (АГТУ)	самовлюблённость (90,8%), лень (88,1%), эгоизм (87,9%), зависть (85,6%), неуверенность в себе	зависть (49,5%), злопамятность (46,2%), стремление к выгоде любой ценой	наивность (51,6%), скупость (45,3%), чрезмерная открытость людям

	(84,5%), стремление к выгоде любой ценой (83,7%), трусость (82,4%), индивидуализм (82,1%) и безразличие 81,6%)	(45,7%), скупость, агрессивность, наивность (по 45,3% каждое качество), индивидуализм (44,2%), злорадство (40,2%)	(43,3%), упрямство (40,9%), злорадство (40,2%)
Ставропольский государственный педагогический институт (СГПИ)	лень (85,1%), самовлюбленность (81,9%), эгоизм (81,2%), индивидуализм (81%), стремление к выгоде любой ценой (80,4%), трусость (77,9%), неуверенность в себе (77,7%), упрямство (76,3%)	злопамятность (42%), агрессивность (38,1%), упрямство (37,6%), зависть и чрезмерная открытость людям (37,5%), скупость (36,6%), наивность (35,7%)	чрезмерная открытость людям (48,3%), наивность (45,6%), скупость (39,4%), злопамятность (28,1%), упрямство (34,5%), агрессивность (31,9%)
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова (ЧГУ)	лень (78,7%), трусость (73,9%), самовлюбленность (72,8%), безразличие (71,9%), неуверенность в себе (71,3%), индивидуализм (70,4%), эгоизм и стремление к выгоде любой ценой (68,1%)	зависть (45,5%), агрессивность (43,5%), наивность и чрезмерная открытость людям (42,2%), скупость (40,5%), злопамятность (39,7%), упрямство (39,2%)	наивность (45,2%), скупость (45%), чрезмерная открытость людям (42,2%), злопамятность (42%), агрессивность (39,7%), упрямство (37,5%)

В итоге на основе обобщенных данных удалось получить позитивный портрет трех поколений: молодое поколение – обладающее чувством юмора, доброе и гибкое; поколение «отцов» – трудолюбивые, отзывчивые и сопереживающие люди; «деды» – патриотически настроенные, трудолюбивые, ответственные. Обобщенный негативный образ поколений: поколение молодежи – ленивое, эгоистичное и самовлюбленное; поколение «отцов» – завистливое, агрессивное и злопамятное; «деды» – наивные, чрезмерно открытые людям и скупые. Оказалось, что молодые люди дали неоднозначные оценки своим родителям. Выявлено противоречие в

ходе конструирования социального портрета так называемого среднего поколения. С одной стороны, они трудолюбивые и сопереживающие, с другой – злопамятные и завистливые. Особенно беспокоит, что среди лидирующих отрицательных качеств в отдельных вузах названы агрессивность и стремление к выгоде любой ценой, что является не самым лучшим вариантом для трансляции следующим поколениям.

Присутствие контрастных оценок поколений указывает на пространственно-временные сдвиги, вызываемые реакцией внутренних сил на внешние раздражители. В числе последних целесообразно выделить:

1) нарастающая событийность и по количеству значимых для человека фактов и по качеству – сложной структуре информационного отображения реальности;

2) отсутствие времени на обработку входящего контента, исходя из плотности и отрывочности получаемой индивидом информации;

3) утрата механизма ретрансляции опыта старших поколений, ввиду интенсификации инновационной деятельности во всех сферах социальной жизни;

4) социально-экономическая конъюнктура поляризует опорные ценности человека, выводя на приоритетные места индивидуалистические и эгоистические ценности и жизненные установки;

5) внешняя среда все активнее деформирует проблемное поле личности, выводя его внимание из сферы стратегических интересов в область эгоцентризма;

6) искажение осознания ценности коллективизма, обособление внимания на внутриличностных переживаниях;

7) утрата практической значимости старшего поколения в процессе строительства молодой семьи, воспитания внуков, культурно-исторического переноса ценностей прошлого в реалии современного мира;

8) отказ от аналитического мышления по причине недостатка времени, знаний, умений и навыков, вследствие чего возрастает вероятность внешнего манипулирования.

В ходе проведения 12 фокус-групп (каждая фокус-группа охватила от 5-ти до 7 человек в возрасте от 17 до 20 лет) на тему «Молодежь – это поколение...», проведенных среди студентов Филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области в сентябре 2023 г., выявился неоднозначный подход к идентификации современного молодого поколения представителями студенческой молодежи. Прозвучали несколько определений: прагматичное, поскольку «стремится к достижению своих целей и заботится только о себе» (ж., 18 лет); «разочарованное из-за несо-

ответствия ожиданий и реальности, вызванного социальными или экономическими проблемами» (ж., 18 лет), причем мнение было обосновано невозможностью трудоустройства на работу с достойной заработной платой; «скептическое поколение» из-за недоверия к политическим институтам власти» (ж., 20 лет).

Выявилось неоднозначное понимание «потерянного поколения». С одной стороны, представители «потеряшек» «углубляются с головой в Интернет и ничего вокруг не видят» (ж., 17 лет); с другой стороны, сущность этого поколения в противоречии между «потребностью в комфортной жизни» и «возможностью реализовать свои устремления» (ж., 19 лет). Были и такие мнения, что нынешнее поколение молодежи достаточно агрессивно, при этом привели примеры участия молодых людей в драках, кражах, убийствах (м., 19 лет). Участница одной из фокус-групп высказала мысль, что молодежь – это поколение индивидуалистов, и предположила, что «именно на долю молодого поколения выпала основная тяжесть краха несбывшихся надежд родителей» (ж., 19 лет). Вполне вероятно, что в этих словах кроется причина столь неоднозначной оценки студенческой молодежью поколения «отцов», период социализации которых пришелся на пик трансформационных процессов, на так называемый период «излома» 1990-х. Именно это поколение прикладывало больше всего усилий, чтобы дети были лучше, чем они сами. Оно проявляло повышенную требовательность к их успехам и тем самым заслужило противоречивую оценку. Кроме того, следует сказать и о неоднородности студенческой молодежи, представители которой порой придерживаются весьма противоречивых взглядов и позиций. Они одновременно могут высказывать восторженное мнение о своих родителях, об их заботе и чуткости и тут же обвинять их в своих неудачах.

В результате оказалось, что современному поколению молодежи в большей степени присущи такие характеристики, как прагматичное, скептически настроенное и агрессивное, что соответствует некоторым результатам исследования РОС, приведенным выше. С полной уверенностью молодежь можно назвать цифровым поколением, но только применительно к таким характеристикам, как общение в социальных сетях и выполнение в сети нескольких задач одновременно, чего не скажешь о качестве контента, выбираемого в сети. Частично соответствуют такие характеристики, как потерянное, циничное и обманутое. Сегодняшнее поколение «детей» нельзя назвать поколением романтиков, поколением надежд и разочарованным поколением.

При существующих объективных и субъективных противоречиях налицо объединяющие факторы, способствующие диалогу поколений (вне оценки его качества):

- а) единое пространственное позиционирование;
- б) общая история и единый язык коммуникации (хотя и с присутствием сленга и жаргонизма);
- в) интегрированность в общий контекст происходящих событий;
- г) следование каждого поколения единому хронологическому алгоритму;
- д) участие в поиске главных, системообразующих ценностей, жизненных целей, роли и места личности в социальном общезитии.

Следует отметить, что в ходе анализа ответов студенческой молодежи на вопрос, «Укажите, как часто в разных жизненных ситуациях Вы используете советы, опыт родных?», оказалось, что опыт и советы родных используются молодыми людьми в отношении организации быта, выбора профессии (более половины опрошенных). Каждый третий респондент обращался к родственникам за советом по поводу покупки одежды и обуви, выстраивания отношений с людьми, при выборе места подработки. Однако половина принявших участие в опросе никогда не обращались за советом при выборе музыки, кинофильмов, книг и планирования количества детей в собственной семье. Хранителем и транслятором социальной памяти по-прежнему остается самое старшее поколение в семье. Использование элементов народной культуры в повседневной практике идет по нисходящей от «дедов к внукам». Язык сохраняется в большей степени: около трех четвертей пользуются им в повседневном общении, читают книги, значительно реже собирают библиотеки.

Косвенно потребность в наличии общности поколений подтвердили результаты ответов студенческой молодежи на вопрос о ценностях, присущих человеку в идеальном и реальном обществах. Например, респонденты АГТУ считают, что в идеальном обществе людям должны быть присущи: соблюдение моральных норм (78,3%), взаимопомощь (75,4%), знание истории своего народа (74,8%), знание традиций своего народа (74,2%), трудолюбие (73,8%), уважение к старшим (73%), знание культуры быта и верность в браке (72,7%). Подобные результаты прослеживаются в ответах представителей других вузов. Однако обращает на себя внимание то, например, студенты СГПИ уверены, что в идеальном обществе вторым по значимости должно быть уважение к молодым (77,3%). Оказалось, что в реальном обществе при условии обязательного наличия уважения к старшим современной молодежи хотелось, чтобы присутствовало уважение к молодым и наличие доверия к другим людям,

что присуще только идеальному обществу. Особенно остро нехватка этих ценностей ощущалась в ответах чеченской молодежи.

Следует отметить, что формирование доверия, являющегося одним из базовых оснований создания прочного социального капитала, предполагает наличие высокого уровня честности, предсказуемости в отношениях, ответственности. Это обеспечивает необходимый уровень толерантности как фундамента социального порядка, мирного сосуществования и успешного разрешения конфликтов и противоречий.

Безусловно, полученные результаты нуждаются в дальнейшей верификации, поскольку двойственность оценок скорее всего связана с условиями социальной среды (1990-ые годы), в которой проходило социализацию поколение «отцов». Изучение особенностей культурной трансмиссии и взаимосвязи двух поколений на основе воздействия социальной среды является задачей дальнейших исследований.

Список литературы

1. Козырева П.М., Смирнов А.И. Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества поколений в постсоветской России (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994-2020 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 12 [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 2,17 Мб). – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. С. 129-148.
2. Кравченко А.И. Основные принципы веберовской методологии / А.И. Кравченко // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 4. С. 153–171.
3. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Перевод Додина Е.Я.; Отв. редактор Скворцов Л.В. М., 2000. 164 с.
4. Дулина Н.В. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) / Н.В. Дулина, В.П. Засыпкин, В.А. Мансуров, Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин, П.С. Юрьев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. №5(80). С. 151–154.
5. Дулина Н.В. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Н.В. Дулина, В.А. Мансуров, Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин, П.С. Юрьев // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78.

OF GENERATIONS IN THE ASSESSMENTS OF STUDENT YOUNG PEOPLE

I.A. Grosheva¹, I.L. Groshev², L.I. Grosheva³

¹Grosheva Irina Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law, Humanities and Natural Sciences, Branch of ANO VO "Business Career Institute" in Tyumen Region, Tyumen
grosh@nextmail.ru

²Groshev Igor Lvovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) of Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen
grosh@nextmail.ru

³Grosheva Lyubov Igorevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) of Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen
malivia@rambler.ru

The authors construct a portrait of generations ("grandfathers – fathers – children/grandchildren") in the perceptions of student youth. The empirical basis was formed by the results of the study "Cultural Heritage and the Link between Generations", carried out under the auspices of the Russian Society of Sociologists. For comparative analysis we selected the answers of students from 21 universities, where the number of respondents exceeded 200 (N=6998). In the course of the analytical work the peculiarities of identification of the generation of "fathers" were revealed.

Keywords: youth, generation, values, culture, portrait of generations.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННЫХ АСПИРАНТОВ В РФ

В. Демарева¹, С. Олаво², М. Гергес³

¹Демарева Валерия Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
valeriia.demareva@fsn.unn.ru

²Олаво Самуэль Олутунде – аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нигерия

³Гергес Марина Малак Бешара – аспирант кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Египет

Рассматриваются вопросы, связанные с привлечением и удержанием иностранных аспирантов в высших учебных заведениях России. Олимпиада Open Doors видится как один из механизмов, позволяющих привлечь такую аудиторию. Освещается имеющийся опыт работы с иностранными аспирантами, когда они приезжают в Россию, чтобы проводить исследования в области социальных наук. Внимание уделяется сложностям коммуникации и адаптации иностранных аспирантов, а также предлагается идея введения локальных грантов для поддержки этой категории студентов. Подчеркивается важность сотрудничества и совместных усилий с целью обеспечения успешности образовательного и научного опыта иностранных аспирантов в российских ВУЗах.

Ключевые слова: иностранные студенты, аспиранты, привлечение, удержание, олимпиада.

Привлечение иностранных аспирантов в российские ВУЗы представляет собой важную и одновременно сложную задачу.

Важность связана, в первую очередь, с диверсификацией культурного опыта. Привлечение иностранных аспирантов обогащает учебное и научное окружение российских ВУЗов культурным разнообразием. Это создает возможность для обмена идеями и опытом между студентами и учеными из разных стран. Второй аспект связан с улучшением академической репутации ВУЗа. Присутствие иностранных аспирантов может повысить международную репутацию ВУЗа, что способствует привлечению выдающихся профессоров и исследователей, а также участию ВУЗа в международных исследовательских проектах. В-третьих, это экономи-

ческие выгоды. ВУЗы получают дополнительные источники финансирования от обучения иностранных аспирантов, что может способствовать улучшению инфраструктуры и качества образования.

Некоторые сложности привлечения и удержания иностранных аспирантов могут быть связаны со следующими очевидными проблемами.

1. Языковой барьер. Необходимость изучения русского языка может осложнить привлечение иностранных аспирантов, особенно тех, кто не владеет им достаточно хорошо.

2. Визовые и иммиграционные ограничения. Иностранные аспиранты могут столкнуться со сложностями в получении виз и разрешений на пребывание в России.

3. Финансовые вопросы. Стоимость обучения и проживания может быть значительной для иностранных аспирантов, и ВУЗы должны предлагать финансовую поддержку или стипендии, чтобы привлечь талантливых аспирантов.

4. Сложности культурной адаптации. Иностранные аспиранты могут испытывать трудности с адаптацией к новой культуре, образу жизни и системе образования.

5. Конкуренция. Всемирная конкуренция за лучших аспирантов и исследователей делает сложной задачу их привлечения в ВУЗы РФ.

Далее расскажем об опыте ННГУ им. Н.И. Лобачевского на примере факультета социальных наук и лаборатории киберпсихологии в сфере работы с иностранными аспирантами.

В ННГУ им. Н.И. Лобачевского обучается большое количество студентов из различных стран. Основная их часть участвуют в программе бакалавриата и специалитета, в то время как аспиранты-иностранцы представлены в небольшом количестве. Однако количество иностранных аспирантов играет важную роль при оценке активности университета, и поэтому мы озаботились разработкой стратегии, направленной на привлечение и удержание этой аудитории в ННГУ.

Олимпиада Open Doors [1] представляет собой эффективный канал привлечения иностранных аспирантов. Несмотря на то, что она предназначена для программ (треков) магистратуры и аспирантуры, пока мы смогли ее задействовать для привлечения аспирантов. Олимпиада проводится в три этапа. Первый этап – входное тестирование, где участники проходят несложное тестирование. Второй этап – основной этап тестирования. Третий этап – собеседование с потенциальным научным руководителем (ПНР) от конкретного ВУЗа. Для трека магистратуры задействовано только два первых этапа, а для трека аспирантуры – все три. По этой причине по треку аспирантуры проще находить подходящих аспирантов,

так как они сразу связываются с будущими научными руководителями на уровне конкретных университетов, в отличие от магистрантов, которые в случае победы имеют больше свободы при выборе ВУЗа и программы обучения.

Стоит отметить, что поступление на программу аспирантуры по олимпиаде Open Doors в конкретном ВУЗе возможно только после согласия ПНР из этого ВУЗа. Требования к ПНР можно уточнить в отделе, занимающемся аспирантурой в ВУЗе. Очень важно, чтобы ПНР были узнаваемыми фигурами в научном сообществе, и по нашему опыту, потенциальные аспиранты, как минимум, смотрят на профили ПНР на платформе ResearchGate.

В 2023 г. были внесены изменения в профили олимпиады Open Doors. Ранее наша целевая аудитория принимала участие в профиле «Когнитивные нейронауки и психология» [2], однако в новой версии этот профиль был объединен с образовательным, образуя профиль «Образование и психология». Скорее всего, такая модификация приведет к изменению контингента аспирантов, которые доходят до третьего этапа. Но об этом можно будет судить только в будущем году.

Лаборатория киберпсихологии участвует в олимпиаде Open Doors с 2021 года. Один из авторов статьи (В.А. Демарева) начинала как член жюри (по проверке методических материалов для олимпиады) в 2021 г., а затем была приглашена в методическую комиссию в 2022 г. В 2023 году она вновь участвовала в составе жюри. Каждый год она также участвует в качестве ПНР для аспирантов, которые доходят до третьего этапа, где они проходят собеседование с ПНР. Сотрудничество с олимпиадой Open Doors оценивается нами как очень позитивное, и за два первых года программы «Междисциплинарные исследования когнитивных процессов» было принято шесть аспирантов, среди которых два соавтора данного материала (С. Олавуо и М. Гергес). Кратко расскажем об исследованиях, которые они провели.

В целом иностранные аспиранты проявляют интерес к проведению междисциплинарных исследований в области социальных наук.

Исследование С. Олавуо «Проблемы использования студентами-иностранцами приложений для повышения академической продуктивности».

Целью данного исследования является изучение практики использования приложений для повышения производительности студентов магистратуры и аспирантуры, посещающих занятия по иностранному языку в России. Исследование включает изучение видов используемых инстру-

ментов, частоты их использования, а также воспринимаемых преимуществ и сложностей, связанных с ними, что предоставляет ценные исследовательские данные и рекомендации для улучшения академической производительности и общих успехов иностранных студентов в России.

В исследовании участвовали студенты магистранты и аспиранты (N = 21), обучающиеся на курсах английского языка как иностранного в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сбор данных осуществлялся с использованием онлайн-опроса «Использование приложений для повышения академической производительности» [3]. Опрос был распространен среди участников через приложение для обмена сообщениями.

Данные опроса позволили получить представление об использовании студентами различных инструментов и приложений для повышения производительности во время учебы.

Взглянув на полученные данные, можно заметить, что относительно инструментов для ведения заметок Evernote, OneNote и Notability применяют менее, чем 15% студентов, в то время как более 66,7% предпочитают не использовать цифровые приложения для заметок во время занятий. В отношении управления ссылками, данные опроса указывают, что 45% студентов по-прежнему предпочитают ручные методы сбора материалов для ссылок, Mendeley (25%) и Zotero (20%) следуют за ними, а Evernote используют лишь 10% студентов. Что касается приложений для академической сетевой деятельности Academia пользуется наивысшей популярностью (57,4%), за ней следуют ResearchGate и LinkedIn (оба с показателями 52,4%), в то время как значительная часть студентов (23,8%) не использует приложения для академической сетевой деятельности. В области облачного хранения данных Google Drive является наиболее распространенным вариантом (66,7%), затем идет OneDrive (38,1%), а Dropbox используется 23,8% студентов, при этом некоторые (28,6%) вообще не прибегают к использованию приложений для облачного хранения данных. Относительно приложений для управления задачами и списками дел, большинство студентов (66,7%) не применяют такие инструменты, но небольшая доля студентов выбирает Google Task, Minimal List и To-do. Что касается видеоконференций и группового общения, Zoom является предпочтительным выбором для проведения учебных занятий и вебинаров, используемым 95,2% студентов. Google Meet (Classroom) и Skype также имеют свою аудиторию в 33,3% и 23,8% соответственно. Наконец, в области проверки плагиата Grammarly является наиболее популярным инструментом, применяемым 38,8% студентов, в то время как Turnitin и другие аналогичные инструменты имеют меньшие показатели использования.

Далее рассмотрим, какую ценную информацию предоставляет опрос, проведенный С. Олауво. В первую очередь, данные опроса раскрывают технологические предпочтения студентов. Важно отметить, что многие из них предпочитают традиционные ручные методы работы с материалами для ссылок и ведения заметок перед цифровыми приложениями. Кроме того, опрос помогает оценить осведомленность студентов о различных инструментах и приложениях для повышения производительности и в какой степени они внедряют эти инструменты для организации своих учебных материалов и управления расписанием. Данные опроса предоставляют информацию и о том, какие инструменты и приложения студенты обычно используют в своей учебной деятельности. Это дает преподавателям и учебным заведениям понимание, какие инструменты эффективны в поддержке обучения и повышении академической производительности. Наконец, опрос выявляет области, где студентам может потребоваться дополнительная поддержка или обучение. Например, значительное количество студентов, не использующих приложения для управления задачами, указывает на необходимость улучшения навыков управления временем и организации учебной работы. Все эти аспекты делают результаты опроса ценным источником информации для всех участников образовательного процесса.

Результаты данного исследования имеют значимость для различных участников образовательного процесса. В первую очередь, они представляют интерес для преподавателей. Понимание технологических предпочтений и паттернов использования студентами приложений позволяет преподавателям более эффективно адаптировать свои методы обучения. Важным аспектом является также значение результатов для образовательных учреждений. Учреждения могут использовать эти данные для оценки эффективности инструментов, интегрированных в образовательные платформы. Это позволяет им лучше понимать, какие инструменты приносят больше пользы студентам, и исследовать способы сделать эти инструменты более доступными и удобными для использования студентами.

Поставщики технологий могут получить представление о поведении и предпочтениях пользователей своих продуктов. Это позволяет им улучшать свои продукты, чтобы лучше соответствовать потребностям студентов и делать их более эффективными в образовательном процессе. Наконец, сами студенты могут воспользоваться результатами опроса, изучить новые инструменты и приложения для повышения своей производительности, что в итоге улучшит их академическую успеваемость и поможет им успешно выполнять учебные задания. Таким образом, результаты

этого исследования имеют практическую ценность для всех участников образования и могут способствовать обогащению учебного процесса.

По данному исследованию сделаны следующие выводы:

1. Студенты имеют разные предпочтения по использованию цифровых инструментов и приложений в образовательных целях, многие предпочитают традиционные методы.

2. Полученные данные будут полезными для преподавателей и учебных заведений, позволяя им лучше соответствовать потребностям студентов и эффективнее организовывать учебный процесс.

3. Благодаря результатам данного исследования поставщики технологий получают информацию о предпочтениях пользователей, что поможет им совершенствовать свои продукты и делать их более полезными для студентов, способствуя их академическому успеху.

Исследование М. Гергес «Исследование нейрофизиологических коррелятов энтузиазма у молодежи».

Целью данного исследования явилось изучение влияния аудиовизуальных стимулов и мотивации вознаграждения на уровень кортизола, ЭЭГ (электроэнцефалографию) и ВСП (вариабельность сердечного ритма). Изучая эти психофизиологические маркеры, хотелось раскрыть глубинные механизмы, связанные с возникновением энтузиазма.

Исследование проводилось с регистрацией ЭЭГ. Запись ЭЭГ (по 5 минут) проводилась с помощью прибора Neuroplay с шестью каналами. Для предварительной обработки и анализа данных использовались приложение Neuroplay, среда MNE и библиотека SciPy. Вариабельность сердечного ритма (ВСП) измерялась с помощью приложения Welltory, которое отслеживает ВСП по изменениям кровотока в кончиках пальцев. Для решения пространственных задач использовалась игра-головоломка SOMA, в которой участники решали две головоломки по 10 минут каждую. Исходный уровень мотивации оценивался с помощью ситуационной мотивационной шкалы (SIMS), состоящей из 16 пунктов. Энтузиазм после эксперимента оценивался с помощью 17-позиционного опросника со шкалой Лайкерта. Образцы слюны для анализа кортизола собирались с помощью оральных тампонов Salimetrics и анализировались с помощью набора для иммуноферментного анализа кортизола Salimetrics.

Для манипулирования мотивацией и настроением использовались четыре стимула, включая мотивационные и наградные видеоролики, обещанное вознаграждение и контрольный видеоролик. Участниками исследования (N=30, 20 мужчин/10 женщин, возраст 18–30 лет) были студенты университета, набранные методом случайной выборки. Использовались

строгие критерии здоровья. Оценка индекса массы тела обеспечивала постоянство состояния здоровья. Несмотря на малый размер выборки, для обеспечения внутренней валидности были применены строгие протоколы и средства контроля с учетом потенциальных ограничений статистической мощности и обобщающей способности.

В исследовании М. Гергес были получены следующие результаты. Уровень кортизола измерялся до и после выполнения задания с помощью парных *t*-тестов. Контрольная группа: не значимо ($p=0,190$). Группа вознаграждения: значимо ($p=0,039$). Группа мотивации: значимо ($p=0,032$). Группа видеороликов с вознаграждением: незначимо ($p=0,679$). Дисперсионный анализ не выявил значимых различий между контрольной группой и группой видео с вознаграждением/вознаграждением. Однако в группе мотивации различия оказались значимыми (скорректированное значение $p=0,022$).

Положительные тенденции наблюдались в балансе симпатической нервной системы (СНС). В контрольной группе баланс СНС был несколько ниже, чем в других группах, что указывает на возможные различия в реакции на стресс. Однако эти тенденции не достигли статистической значимости, что, вероятно, связано с малым размером эффекта.

ЭЭГ регистрировалась до и после выполнения задания с помощью прибора NeuroPlay-6Cap с 6 поверхностными электродами. В группе вознаграждения наблюдалось увеличение связи между лобными и затылочными областями (4–8 Гц), лобными и височными областями (4–8 Гц, 18–30 Гц), а также височными и лобными областями (30–48 Гц). В группе мотивации наблюдалось увеличение связи между затылочной и лобной областями (4–8 Гц), но уменьшение связи между лобной и височной областями (0,5–48 Гц) и левой лобной областью (4–8 Гц). В группе видео с вознаграждением наблюдалось снижение связи между лобными и височными областями (18–30 Гц, 0,5–48 Гц), лобными и затылочными областями (8–12 Гц), но повышение связи между лобными и затылочными областями (4–8 Гц). Эти изменения в связности свидетельствуют об изменении нейронной координации и обмена информацией во время выполнения заданий, что отражает когнитивные процессы.

Итак, в исследовании М. Гергес изучались физиологические и нейронные основы энтузиазма, вызываемого аудиовизуальными стимулами и мотивацией вознаграждения. Полученные результаты проясняют некоторые аспекты этого явления. В разных группах наблюдались значительные изменения уровня кортизола. В группе вознаграждения наблюдалось снижение уровня кортизола, что свидетельствует о регуляции со

стороны стрессовой системы. В группе мотивации, напротив, наблюдалось повышение уровня кортизола, что отражает повышенную возбудимость. Анализ ВСР указывал на тенденции в активности вегетативной нервной системы. Как в группе мотивации, так и в группе вознаграждения наблюдались потенциальные сдвиги в сторону повышения симпатической и снижения парасимпатической активности. В группе мотивационного видео также наблюдалось усиление вегетативной регуляции. Данные ЭЭГ выявили изменение функциональной связи в группах вознаграждения и мотивации, что свидетельствует об усилении нейронной связи в определенных сетях.

Таким образом, исследование раскрывает сложную взаимосвязь кортизола, дофамина, мотивации, вознаграждения и энтузиазма. В дальнейших исследованиях М. Гергес планирует глубже изучить нейробиологические механизмы, нейротрансмиттерные системы и области мозга, а также увеличить объем выборки для получения более надежных выводов по ВСР.

Итак, на примере двух тематик мы показали, какие междисциплинарные исследования проводят аспиранты, которые поступают к нам по олимпиаде Open Doors.

По опыту работы с иностранными аспирантами можно сформулировать ряд моментов, с которыми мы столкнулись, и которые касаются проблемы удержания аспирантов. Мы отметили проблемы, которые включают трудности в коммуникации, адаптации и желание обеспечить себе жизнь в новой стране.

Трудности коммуникации – самая общая проблема. При взаимодействии с иностранцами все должно быть четко и без возможности разночтений. Наличие разных чатов без централизованного канала связи приводит к недопониманию и даже недовольству. Если ВУЗ заинтересован в удержании иностранных аспирантов, стоит регулярно проводить работу с сотрудниками, которые взаимодействуют с иностранцами. Вытекающая следующая проблема – трудности адаптации иностранцев. Здесь может помочь закрепление гида-волонтера за небольшой группой студентов-иностранцев.

По опыту можем сказать, что в работе с иностранцами желательно, чтобы был один конкретный человек, к которому они могут обратиться за помощью в определенной сфере. Так, если это касается учебного и научного процесса, этим человеком может быть научный руководитель. При отсутствии такого человека аспиранты теряются и начинают сами искать пути решения возникающих проблем, что приводит к негативу как

со стороны иностранца, так и со стороны сотрудников ВУЗа (которые не понимают, с чем к ним пришли и по какой причине).

Еще одна важная проблема – это желание иностранных аспирантов обеспечивать себе жизнь в чужой стране. Они приезжают в РФ во взрослом возрасте и хотят зарабатывать. Многие надеются, что смогут получить ставку в ВУЗе, где обучаются, но это далеко не так. Одно из наших предложений – это ввести программу локальных грантов (к примеру, в рамках программы «Приоритет 2023») для аспирантов-иностранцев с конкретными КРП, которые будут выгодны трем сторонам – ВУЗу, научному руководителю и самому аспиранту. Например, каждый аспирант – участник программы будет обязан в течение года опубликовать статью по теме своей диссертации в высокорейтинговом журнале.

В итоге привлечение иностранных аспирантов в российские ВУЗы может быть успешно реализовано через конкурсы, предоставляющие бюджетные места для обучения. Это позволяет ВУЗам увеличить долю иностранных студентов и аспирантов, улучшить свои отчетные показатели, развивать компетенции преподавателей и привлекать новых преподавателей. Для удержания иностранных студентов важно регулярно поддерживать их и организовывать мероприятия по интеграции.

Список литературы

1. Open Doors. Russian Scholarship Project Association «Global Universities» [Электронный ресурс] // URL: <https://od.globaluni.ru/> (дата обращения: 21.09.2023).
2. Демарева В.А. Внедрение англоязычных программ высшего образования: пути и цели в современных условиях // Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества; Гуманитарные науки. VIII Международная научно-практическая конференция; XXVII Нижегородская сессия молодых ученых. Нижний Новгород, 2022. С. 112–114.
3. Олавуо С.О., Демарева В.А. Особенности использования студентами-иностранцами приложений для повышения академической продуктивности // Вестник психофизиологии. 2023. №3. С. 79–82.

SOME ASPECTS OF ATTRACTING AND RETAINING FOREIGN POSTGRADUATE STUDENTS IN RUSSIA

B.A. Demareva¹, S. Olauvo², M. Gerges³

¹Demareva Valeria Alekseevna – Candidate of Psychological Sciences, associate professor, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
valeriia.demareva@fsn.unn.ru

²Olauvo Samuel Olutunde – PhD student of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Nigeria

³Gerges Marina Malak Beshara – PhD student at the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Egypt

The article focuses on addressing the challenges associated with attracting and retaining foreign graduate students in Russian higher education institutions. The Open Doors Olympiad is considered an important mechanism for attracting this demographic. The article highlights the accumulated experience of working with foreign graduate students who come to Russia to pursue research in the field of social sciences. It delves into the communication and adaptation challenges faced by these students and introduces the concept of implementing local grants to support this specific group. The article underscores the significance of collaboration and collective endeavors to ensure the successful educational and research experiences of foreign doctoral candidates within Russian universities.

Keywords: International students, graduate students, attraction, retention, olympiad.

КРИЗИС ДОВЕРИЯ У СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИЯХ «Я-ДРУГОЙ»

Н.И. Дунаева¹, О.А. Баринова², Т.В. Филина³

¹Дунаева Наталья Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, руководитель Центра социально-психологического сопровождения студентов факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

nataliadunaeva468@yandex.ru

²Баринова Ольга Алексеевна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

olga.valesco@yandex.ru

³Филина Татьяна Викторовна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

ftv1962@yandex.ru

Рассматривается проблема нарастающего кризиса доверия в семье, влияющего на межпоколенное взаимодействие, обосновывается важность и значимость поддержания доверительных отношений в семье для студентов. Представлены результаты исследования наличия у студентов доверительных отношения к членам семьи, близким, друзьям, а также к психологам. Выявлено, что сохраняется ядро значимых членов семьи, в том числе и прародителей, с другой стороны возрастает значимость партнеров друзей, подруг, психологов. Выявлена тенденция утраты у студентов доверительных отношений к старшему поколению у студентов, перечислены причины, связанные с нарушением их личной свободы, а также с наличием психологического барьера в общении и старомодностью суждений прародителей, что оказывает негативное влияние на преемственность поколений.

Ключевые слова: доверие, межпоколенные отношения, преемственность поколений, студенты, семья, семейные ценности.

Проблема доверия в межпоколенном взаимодействии является актуальной, поскольку семья, в ее традиционном понимании, закладывает нравственные императивы, модели семейных отношений. Важность роли семьи в формировании личности отмечали отечественные психологи (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, Я.В. Сапоровская). На протяжении многих десятилетий активно изучались особенности современной семьи, семейных отношений, а также ее психологическое сопровождение (М.А. Абалакина, В.С. Агеев, Ю.Е. Алешина, А.А. Бодалев, В.Н. Дружинин, А.С. Спиваковская, В.В. Столин, Э.Г. Эйдемиллер).

Большое количество исследований (Е.В. Куфтяк, Е.А. Петровой, Т.А. Петровой, М.А. Сизовой) посвящено изучению различных аспектов взаимоотношений в семье, в частности родителей и детей, на разных возрастных этапах.

Современные отечественные авторы отмечают деформацию института семьи, трансформацию семейных ценностей и межпоколенного взаимодействия в современных российских реалиях (Ю.В. Вишневский, М.В. Ячменева).

Отмечается также, что переход к рыночной экономике и провозглашение индивидуальной свободы привели к увеличению значимости материального фактора и отсутствию устойчивой жизненной перспективы у современной молодежи [1]. Культивируемые среди молодежи такие идеи и ценности, как стремление к личной свободе, ярко выраженный индивидуализм, эгоцентричное получение удовольствия от жизни, несомненно, повлияли на изменение традиционных семейных ценностей и межпоколенных взаимоотношений.

В исследовании Л.Г. Лебедевой подчеркивается идея трансформации семьи и преемственности поколений, отмечаются различия в понимании смысла жизни и ценностных ориентаций в семейной сфере [2]. Акценты на самореализации в профессиональной среде, амбициозные планы молодых людей изменили представления о семейном укладе и взглядах на воспитание детей, с отказом подчинять собственные интересы интересам своих детей. В свою очередь, подрастающее поколение, воспитанное в атмосфере отсутствия психологической близости, доверительных отношений с родителями, тоже старается отгородиться от них, тем самым, нарушается связь поколений.

Следует отметить, что одним из факторов, на наш взгляд, влияющим на трансформацию межпоколенного взаимодействия, является идея ранней сепарации от родителей, которая многими молодыми людьми понимается искаженно, буквально, как приводящая к полному разрыву отношений или поддержанию формальных контактов с семьей. В ходе консультаций психологами Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского ребят, имеющих проблемы взаимоотношений с родителями, было отмечено, что в основном это характерно для студентов-выходцев из сельской местности. Наблюдается тенденция либо полного разрыва с семьей при условии, если студент сам зарабатывает себе на жизнь, совмещая учебу с работой, либо минимизация контактов с семьей. Большая часть студентов, обратившихся в ходе консультации по данной проблеме, не хотят помогать ро-

дителям в бытовых вопросах, связанных с ведением хозяйства, или делают это по большому принуждению со стороны родителей, если зависят от них материально.

В литературе особенности межпоколенного взаимодействия были описаны Ч. Каитчибаши, в основу положена степень взаимозависимости членов семьи. Традиционно считается, что для западной модели характерны слабые межпоколенные связи, а для русской культуры характерны модель эмоциональной взаимозависимости при консолидирующей роли старшего поколения (С.А. Судьин, Е.Е. Кутявина, А.В. Курамшев [3]. По исследованию Н.Ю. Егоровой, в детско-родительских отношениях старшее поколение настроено на взаимосвязь [4]. В исследовании С.А. Судьина большое количество опрошенных родителей считают, что в их семьях преобладают доверительные отношения, и подчеркивают значимость семейных ценностей. Одной из форм межпоколенного взаимодействия, как считают респонденты, является финансовая поддержка детей и внуков родителями, бабушками и дедушками, чаще на это указывают женщины [5].

Интерес к изучению межпоколенной преемственности и феномена доверия возрастает и в отечественной психологии, поскольку только при доверительных взаимоотношениях, при сформировавшейся психологической близости возможна передача ценностей родителями подрастающему поколению (Т.К. Комарова, Е.В. Куфтяк, Е.И. Николаева) [6; 7; 8].

В работах В.П. Зинченко [9], Т.П. Скрипкиной [10] рассмотрены источники формирования, характеристики проявления и функции доверия. Согласно Т.П. Скрипкиной, доверие представляет собой сложный психологический феномен, проявляющийся в виде ценностной установки-отношения к себе и другим людям, который обеспечивает целостность и устойчивость личности, предполагает самопринятие, определяет отношение личности к себе и другим.

Доверие пронизывает все стороны жизни человека, как общественной, так и частной, ему отводится главенствующая роль при построении отношений между людьми. Важным методологическим основанием при изучении доверия является деятельностный подход, поскольку проявляется доверие во взаимодействии людей. Рассматривается доверие и в тесной связи с ценностно-смысловой структурой сознания, поскольку является сознательно регулируемым процессом.

В психологической литературе в структуре доверия выделяют когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты, которые могут иметь разную степень выраженности. В концепции И.В. Антоненко [11],

Т.П. Скрипкиной феномен доверия и недоверия понимаются как противоположные и при разрушении доверия возникает недоверие. Доверие к другим рассматривается в работе А.Б. Купрейченко как психологическая дистанция, которая выстраивается при отношениях с другими [12].

При кризисе доверия в межпоколенном взаимодействии, объект недоверия воспринимается негативно. Это распространяется и на информацию, которая исходит от этого человека. Поэтому молодое поколение не будет воспринимать установки, мировоззренческие позиции старшего поколения.

Известно, что потребность в доверительных отношениях важна в любом возрасте. Кризис доверия рассматривается как один из нормативных в подростковом возрасте из-за высокой вероятности проявлений эмоциональных и поведенческих нарушений в период гормональной бури. Разрешается этот кризис благополучно при поддержке взрослого, который готов выслушать, а подросток, имеет возможность поделиться своими опасениями, чувствами, получив тем самым психологическое облегчение. Зачастую подросток не получает обратную связь, что затрудняет дальнейший процесс коммуникации и взаимодействия с родителями. Несмотря на реакцию группирования со сверстниками, отмечается важность построения доверительных отношений с родителями, поскольку это играет большую роль в установлении близких отношений с другими в будущем.

В юношеском возрасте стремление к самостоятельности выходит на первый план, тем не менее значимость доверительных отношений в семье возникает в ситуациях жизненного, профессионального самоопределения.

В семье происходит передача культурных ценностей, так называемая «вертикальная трансмиссия» Т.Г. Стефаненко [13], но это происходит при одном условии, если есть доверие к родителям. Ценностный обмен возможен при доверительных отношениях, которые сложились между родителями и взрослыми, при этом, взрослый получает статус значимого.

В своем исследовании Т.К. Комарова отмечает, что одной из причин кризиса доверия в детско-родительских отношениях в раннем юношеском возрасте является ценностная дезинтеграция, связанная с нарушением межпоколенной «вертикальной трансмиссии» ценностей [6].

Трансформация отношений внутри стилей межпоколенного взаимодействия на примере старшего, среднего, младшего поколений по мужской линии в одной семье в исследовании У.Ю. Севастьяновой была выявлена интересная особенность. Несмотря на то, что преобладает активный стиль взаимодействия между поколениями и сохраняется тенденция

к традиционному исполнению семейных функций, все же у младшего поколения отмечается активный игнорирующий и самоустраняющийся стиль, который проявляется центрацией на себя, на личные дела, отказ в помощи членам семьи, избегание участие в общесемейных делах [14].

Е.В. Куфтяк изучала межпоколенную передачу паттернов взаимодействий на примере трех поколений в одной семье по женской линии. Был выявлен заботливый тип у всех представителей (бабушка-мать-внучка). Это свидетельствует о том, что сохраняется тенденция к традиционной роли женщины в семье-«хранительницы очага», связанная с формированием чувства безопасности в семье.

Нами было проведено исследование, целью которого явилось выявление наличия у студентов доверительных отношения к членам семьи, близким, друзьям, а также к психологам Центра Социально-психологического сопровождения ННГУ им. Н.И. Лобачевского, которые сопровождают процесс адаптации студентов в вузе. Всего в исследовании приняли участие 134 студента ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Из них 65,3 % составляют девушки и 34,7% юноши. Была разработана анкета, в которую входили вопросы, касающиеся социально-демографических характеристик, вопросы относительно причин, которые затрудняют установление доверительных отношений с ближайшим окружением; вопросы о наиболее значимых ценностях, способствующих доверительным семейным отношениям; а также способы для достижения понимания в семье и разрешения проблемы «отцов и детей».

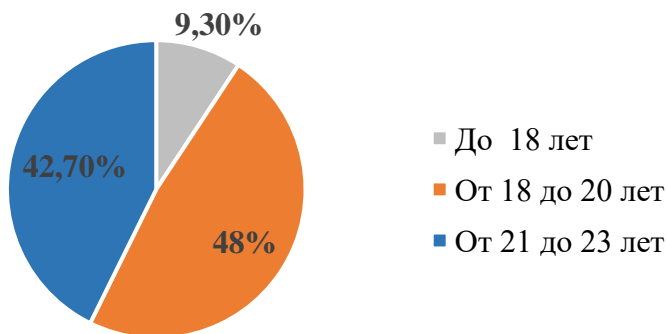

Рис. 1. Распределение возрастных групп в выборке респондентов

Отвечая на вопрос, «Кому из Ваших близких Вы доверяете больше всего?», студенты отметили тех своих близких, которым они готовы довериться. Больше всего доверия у студентов вызывают родители – 66,7% студентов, ответили, что именно с ними они были бы готовы поделиться волнующими их проблемами. На втором месте в рейтинге доверия оказались друзья – 57,3% респондентов что с наибольшей вероятностью поделились бы с ними волнующими вопросами. На третьем месте оказались братья и сестры респондентов, их в качестве фигуры доверия выбрали 45,3% участников исследования. Смогли бы открыться более старшему поколению – бабушкам и дедушкам либо психологам по 30,7% респондентов. Примечательно, что у 30,7% студентов наблюдаются доверительные отношения к психологам Центра, что может свидетельствовать о том, что у них сформировано базовое доверие к людям, в том числе и к другому – психологу, а также установка на то, что помощь специалиста позволит разрешить проблему более эффективно. Наименьшее количество участников исследования – 2,7% отметили, что не доверились бы никому. При этом, важно отметить, что девушки в качестве доверенных лиц чаще выбирают друзей и подруг и меньше всего бабушек и дедушек. Следует отметить важный факт, что юноши отметили, что чаще доверяют своим родителям и меньше всего доверие вызывают психологи.

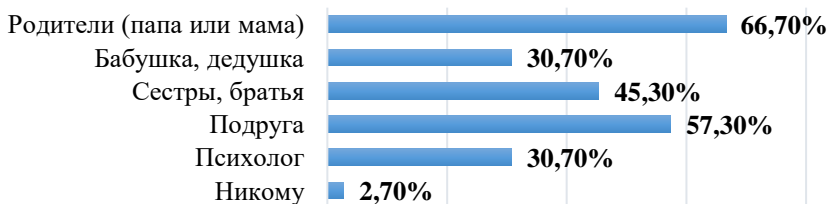

Рис. 2. Распределение результатов опроса респондентов о выборе тех, кому они доверяют больше всего

39,1% среди причин *отсутствия доверия* в семье большинство студентов, принявших участие в исследовании, выделили наличие психологического барьера в общении. «Старомодность родительских суждений» как причина отсутствия семейного доверия заняла второе место – предпочтение ей отдали 34,8% студентов. Несоответствие представлений о ценностях между поколениями и непонимание между членами семьи выбрали по 30,4% респондентов. Наименьший выбор среди возможных

причин недоверия в семье получило утверждение – «Они меня не слышат», предпочтение ему отдали всего 15,2%. Среди девушек, самыми важными причинами отсутствия доверия в семье стали барьер в общении и старомодность родительских суждений. Юноши выделили непонимание в семье как наиболее важную причину отсутствия семейного доверия.

Рис. 3. Распределение результатов опроса о причинах отсутствия доверия в семье

Среди наиболее важных ценностей и установок, объединяющих семью, студенты выделили следующие: поддержка, забота и взаимопонимание 66,7%, чувство любви – 64%, совместное время и досуг– 54,7% и материальное обеспечение – 53,3%. Наименьшую значимость среди представленных причин, которые могут объединить семью, отдали «преемственности поколений», этот фактор выбрали лишь 26,7% респондентов. Девушки среди самых важных факторов, объединяющих семью, назвали любовь и досуг, преемственность между поколениями стала наименее значима для них. Юноши выделили, как наиболее важный фактор, способный объединить семью, поддержку, заботу и взаимопонимание, а такой фактор, как «дети», стал наименее значим для них.

Рис. 4. Распределение результатов опроса о наиболее значимых ценностях и установках, способных объединить членов семьи

Рис. 5. Распределение результатов опроса о способах достижения взаимопонимания между членами семьи

Наиболее значимым способом достижения понимания в семье и разрешения проблемы «отцов и детей» участники исследования назвали – уважение личной свободы – 92%, а также создание доверительных отношений в семье – 78,7%, вера в близких людей – 57,3%, что является важными условиями достижения понимания в семье. Наименее значимой установкой было выбрано сохранение семейных традиций – 28%, что не может не настораживать, поскольку семейные традиции являются неким скрепляющим, объединяющим элементом. Среди юношей и девушек отличие наблюдается только в выделении наименее значимого способа достижения понимания в семье. Для девушек наименее важна сохранение семейных традиций, для юношей наименее важно минимизация открытого манипулирования.

Относительно доверия психологам Центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского были получены следующие результаты: большинство респондентов, особенно девушки, обратились бы за психологической помощью, если бы не смогли справиться с проблемой самостоятельно – 54,7%. Важным фактором, способствующим обращению за помощью к психологу ННГУ им. Н.И. Лобачевского, как считают молодые люди, явилось наличие трудной жизненной ситуации – 44%, именно это способствовало бы обращению за помощью к психологам. При обращении за психологической помощью в ВУЗе наиболее важным оказалась уверенность в профессионализме психологов Центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского, особенно для девушек. Для юношей наиболее значимым фактором обращения за помощью к психологам Центра является наличие большей информации о Центре.

Рис. 6. Распределение результатов опроса о факторах, способствующих обращению студентов за помощью к психологам «Центра социально-психологического сопровождения ННГУ им. Н.И.Лобачевского»

Результаты нашего исследования свидетельствуют о значимости поддержания доверительных отношений в семье для студентов. Для большинства студентов атмосфера полного доверия и самораскрытия представляется важной не только в кругу семьи и родных, но и в общении с друзьями и психологами. С одной стороны, сохраняется ядро значимых членов семьи, в том числе и прародителей, что говорит о сохранении традиционности и преемственности, с другой стороны возрастает значимость партнеров (друзей, подруг, психологов), то есть открытости новому (происходит изменение периферии структуры значимых членов семьи). Тем не менее наблюдается тенденция утраты доверительных отношений к старшему поколению. Как считают студенты, это связано с нарушением их личной свободы, а также с наличием психологического барьера в общении и старомодностью суждений прародителей, что не может не повлиять негативно на преемственность поколений. Важно отметить, что преемственность поколений утрачивает свою ценность для молодого поколения, а необходимость признания и уважения личных границ студентов возрастает, что обуславливает необходимость дальнейшего исследования данной темы.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Том 20. № 5.
2. Лебедева Л.Г. Трансформация семьи и преемственность поколений // Социодинамика. 2019. №9. С. 1-8.
3. Судьин С.А., Кутявина А.В., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной Нижегородской семье // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. №3.
4. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительставах // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23-30.
5. Дудина С.Ю. Межпоколенное взаимодействие в расширенных семьях: автореферат дис... кандидата психологических наук: 19.00.05/ Дудина Светлана Юрьевна; [Место защиты: Костром. гос.ун-т им. Н.А. Некрасова]. Кострома, 2013. 25 с.
6. Комарова Т.К. Ценностные основания кризиса доверия старшеклассников к родителям. Психология общения и доверия: теория и практика: Сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. 6-7 ноября 2014 г. / Под ред. Т.П. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014. 332 с.

7. Куфтяк Е.В. Общение и близость в семье: поколенческие различия и преемственность. Психология общения и доверия: теория и практика: Сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. 6-7 ноября 2014г. / Под ред. Т.П. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014. 339 с.
8. Николаева Е.И. Проблема доверия в семье между детьми и родителями. Психология общения и доверия: теория и практика: Сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. 6-7 ноября 2014 г. / Под ред. Т.П. Скрипкиной. – М.: Университет РАО, 2014. 341 с.
9. Зинченко В.П. Психология доверия // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 76-93.
10. Скрипкина Т.П. Психология доверия // Учебное пособие. Изд.центр «Академия», 2000. 264 с.
11. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта; Наука, 2006. 480 с.
12. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: «Институт психологии РАН», 2008. 571 с.
13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
14. Севастьянова У.Ю. Особенности стилей взаимодействия между поколениями семьи (дед - отец - сын). Психология общения и доверия: теория и практика: Сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. 6-7 ноября 2014г./ Под ред. Т.П. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014. 351 с.

CRISIS OF TRUST IN STUDENTS IN THE RELATIONSHIP "I - OTHER"

N.I. Dunayeva¹, O.A. Barinova², T.V. Filina³

¹Dunayeva Natalia Ivanovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Head of the Centre for Social and Psychological Support of Students of the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
nataliadunayeva468@yandex.ru

²Barinova Olga Alekseevna – psychologist of the Centre for Social and Psychological Support of Students, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
olga.valesco@yandex.ru

³Filina Tatiana Viktorovna – psychologist of the Centre for Social and Psychological Support of Students, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
ftv1962@yandex.ru

The problem of the growing crisis of trust in the family, which affects intergenerational interaction, is considered, the importance and significance of maintaining trusting relationships in the family for students is substantiated. The results of the study of students' trusting relationships with family members, relatives, friends,

and psychologists are presented. It is revealed that the nucleus of significant family members, including forebears, is preserved; on the other hand, the significance of partners of friends, girlfriends, and psychologists increases. The tendency of loss of trusting relations to the older generation in students is revealed, the reasons connected with violation of their personal freedom, as well as with the presence of psychological barrier in communication and old-fashioned judgements of forebears, which has a negative impact on the continuity of generations, are listed.

Keywords: trust, intergenerational relations, generational continuity, students, family, family values.

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБСУЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ И ОЦЕНКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ*

Т.С. Киенко

Киенко Татьяна Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальных технологий Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону
tskienko@sfedu.ru

На материалах 10 фокус-групп со студентами шести вузов Ростовской области, проведенных весной и осенью 2022 г., рассматривается проблема диалога поколений при обсуждении социально-политической ситуации в стране и Специальной военной операции. В семьях представители разных поколений могут иметь разные позиции. Если оценки ключевых событий совпадают, отмечаются сходные взгляды, общие страхи и проблемы, то это консолидирует семьи. В то же время сама ситуация и ее обсуждения становятся дополнительным источником стресса. Частью студентов отмечаются противоречия со старшими членами семьи, поводом к осознанию которых стали разговоры об СВО. Если возникают конфликты, молодежь чаще всего выбирает стратегию отказа от обсуждений (в т.ч. ради мира в семье). Это усиливает тревожность, отчуждение, риск появления протестных настроений и социального отчуждения, приводит к нарушению коммуникаций, затрудняет обмен ценностями. «Невидимость» позиций и мнений молодежи формирует их социальную пассивность, чувство бессилия, безразличия к происходящему в стране, установку на неучастие. Усилению рисков способствует доверие разных поколений к разным источникам информации и низкая оценка информационной компетентности друг друга. Проблем удается избежать тем семьям, в которых мнения совпадают либо выстраивается диалог на основе уважения мнений всех членов семьи.

Ключевые слова: студенческая молодежь, старшие члены семьи, диалог поколений, специальная военная операция, фокус-группы, обоснованная теория.

В марте 2022 г., после начала Специальной военной операции (СВО), население России, и особенно приграничных регионов, испытало шок,

* Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период» в Южном федеральном университете

рост страхов и тревожности, оказалось в ситуации неопределенности и рисков. В целях изучения ситуации и снятия напряжения исследовательский коллектив под руководством д.соц.н., профессора УрФУ им. Первого Президента Б.Н. Ельцина М.В. Певной инициировал в этот период разработку программы исследования и проведение фокус-групп в российских вузах. В марте 2022 г. коллектив социологов четырех университетов (УрФУ, Тюменский госуниверситет, Белгородский научный исследовательский университет, Южный федеральный университет) провел серию фокус-групп со студенческой молодежью Свердловской, Тюменской, Ростовской и Белгородской областей с целью анализа репертуара страхов в событийном контексте весны 2022 г. В рамках первой серии исследований были проведены 8 фокус-групп с бакалаврами очной формы обучения экономических и социально-гуманитарных направлений подготовки, в том числе 2 фокус-группы со студентами направления «Социальная работа» Южного федерального университета. В ходе этой работы были выявлены актуальные риски и страхи современной молодежи, результаты были представлены в виде научной публикации (М.В. Певная и соавторы [1]).

Осенью 2022 г. Центр социально-политических исследований Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (ЦСПИ ЮФУ, руководитель д.соц.н., проф. В.И. Филоненко) принял решение провести вторую «волну» исследования в вузах Ростовской области. Было проведено 8 фокус-групп с опорой на методологию исследования первой «волны», кроме того, по авторской методике Центра было собрано более 200 эссе студентов шести вузов региона на тему отношения к СВО. В исследовании приняли участие студенты разных курсов и направлений подготовки Южного федерального университета (ИФиСПН ЮФУ, г. Ростов; ИНЭП ЮФУ, г. Таганрог), Донского государственного технического университета, Института водного транспорта им. Г.А. Седова, Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ (РИНХ)), Таганрогского Института им. А.П. Чехова (ТИ им. А.П. Чехова, филиал РГЭУ (РИНХ)), Донского государственного аграрного университета (ДОНГАУ).

В настоящей работе речь пойдет об итогах анализа материалов 10 фокус-групп, проведенных в вузах Ростовской области (две в марте 2022 г., 17 чел.; восемь в ноябре 2022 г., 78 чел.). Обработка транскрибированных материалов фокус-групп проводилась методом традиционного интерпретативного анализа с опорой на методологию обоснованной теории (А. Страуссе, Дж. Кобрин, Б. Глейзер [2; 3; 4]), что позволило выявить неявные, глубинные переживания студентов, их отношение к ситуации в

стране, образы будущего, проблемы и страхи, особенности самочувствия в современных социально-политических реалиях. Благодаря методологии обоснованной теории на этапе открытого кодирования отбирались цитаты о том, что беспокоит студентов, как они видят своё будущее, будущее страны, каковы причины их страхов и тревожности, как они их переживают. Затем цитаты осмыслились вокруг определенных «осей» («ядра», очагов напряженности, ключевых рисков, причинно-следственных связей), в ходе сравнений выделялись ключевые коды и обобщения, чтобы подойти к теоретическому осмыслению проблем. Были выявлены ключевые темы: прежде сего сама Специальная военная операция; начало СВО стало точкой и фактором неопределенности будущего, в которой студенчество не знает, что будет дальше и что в этой ситуации предпринять. Остро переживаются санкции, которые закрывают для молодежи не только связи и отношения с западным миром или лишают их доступа к брендам, но и проблематизируют возможность образовательного и профессионального развития, самореализации и благополучия, возможность завести семью, детей, обеспечить себя и своих близких необходимыми благами и ресурсами, лишают свободы выбора и почвы под ногами. Молодежь отмечает проблему, так называемого «железного занавеса», что ассоциируется с ограничениями прав и свобод, отсылает к 1930-м годам, воспринимается молодежью как посягательство на их гражданские права и свободы. Еще одна крайне важная тема для молодежи – это мобилизация, которая касается каждого лично, затрагивает интересы ближайшего окружения, семьи, друзей, знакомых и требует принятия какого-то решения, определенной позиции. Однако в условиях неопределенности молодым людям крайне сложно определить свое отношение к СВО, мобилизации, санкциям, «культуре отмены» и прочим изменениям. К тому же для молодежи, независимо от того, какова её позиция и отношение к СВО, неприемлемы риски гибели большого числа людей с любой стороны конфликта, отрицание версии настоящего или будущего, в которой возможна гибель людей.

По итогам анализа материалов фокус-групп автором была предпринята попытка описания рисков, выявления их причин и путей преодоления, определения диспозиций студенческой молодежи (с опорой на диспозиционную концепцию личности В.А. Ядова [5]), готовности к принятию решений, поведению стереотипного, стереотипно-личностного или активно-личностного типа, обусловленных системой социальных ценностей и установок и их конфликтности (с опорой на подход У. Томаса и Ф. Знанецкого). Полный анализ данных и его результатов представлен в ряде работ автора и исследовательского коллектива ЦСПИ

ЮФУ под руководством д.соц.н., проф. В.И. Филоненко, которые находятся в печати. В данной работе будет описан лишь один сегмент выявленных особенностей: проблема диалога поколений в контексте обсуждения социально-политической ситуации в стране и оценки Специальной военной операции.

В ходе анализа была отмечена проблема нарушения коммуникаций, «холодной» конфликтности между поколениями в некоторых семьях при обсуждении темы СВО в семейном кругу «нулевым, первым, вторым и третьим» поколениями [6, с. 24]. Некоторые студенты отмечали сбои в коммуникациях со старшими членами семьи как в первую «волну» фокус-групп, так и во вторую. В то время как одна часть студентов отмечала общность мнений и отсутствие напряженности между поколениями, другая часть информантов сообщала о росте конфликтности при обсуждении в семьях социально-политической ситуации и СВО. Некоторые говорили, что не могут разговаривать об этом со старшими членами семьи по причине страхов, различий в оценках либо возникающих на этой почве конфликтов и отчуждения. Это послужило основанием для поиска причин, затрудняющих диалог поколений. Были поставлены исследовательские задачи выявления специфики конфликтов студенческой молодежи со старшими членами семьи при обсуждении ситуации в стране в контексте СВО, поиска вопросов, провоцирующих конфликтность, изучения позиций студентов, их оценок причин и следствий столкновения мнений, используемых в конфликтах и спорах стратегий, ожиданий от общения со старшими, способов преодоления данной проблемы.

Студенты называют современность «историческим временем», понимая под этим «переломное» время, точку бифуркации, где возможны любые варианты развития событий, где растет неопределенность и риски. Студенческая молодежь Ростовской области воспринимает двойственно, амбивалентно это «переломное время», современную социально-политическую ситуацию в целом, ее следствия и риски. С одной стороны, их увлекает и удивляет, воодушевляет и вдохновляет осознание причастности к «переломному» времени, ключевым историческим событиям, после которых мир никогда не будет прежним: *«история происходит на твоих глазах» (№1)*. Происходящее вызывает тревогу и беспокойство, но также интерес, восхищение, чувство причастности к великим вехам истории, глобальным переменам. С другой стороны, студенты отмечают чувства страха, неизвестности будущего и неуверенности в завтрашнем дне. Страх перед будущим парализует волю и способность принимать решения. Отмечается неспособность дать оценку происходящего: *«ты не мо-*

жешь... осознать, что происходит... понять, как тебе к этому относиться» (№2). Студентов беспокоит, что они не знают, что может случиться, а случиться может всё; не могут повлиять на ситуацию, но ситуация влияет на них. Они не могут понять, что будет завтра, предсказать ход событий, спланировать завтрашний день или заглянуть в будущее. Вокруг много мнений, источников информации, но все они противоречивы и не надежны. В ситуации «переломного времени», неопределенности и рисков молодежи сложно оценивать происходящее, делать выборы и занимать позиции, решать, на чьей они стороне и что им следует делать. Но есть потребность осмыслить, понять, упорядочить существующую ситуацию, для этого нужно обсудить происходящее, высказать свои страхи и сомнения, прежде всего в кругу близких людей.

Весной 2022 г. всеобщее внимание было приковано к происходящему в стране. Россияне следили за новостями, в том числе студенты активно обсуждали ситуацию в студенческих группах, на занятиях, в кругу знакомых, в собственных семьях, постоянно отслеживали новостную информацию из разных источников, а некоторые испытали эмоциональное выгорание от избыточности информации и вообще перестали следить за событиями. К осени тема СВО стала терять свою остроту, но продолжала занимать значимое место в разговорах. На почве обсуждения ситуации в семейном кругу у студентов стали появляться проблемы и конфликты. В семьях представители разных поколений могут иметь разные позиции. Если оценки ключевых событий совпадают, это консолидирует семьи. Если молодежь разделяет убеждения своих старших, это приводит к усилению доверия и частоты внутрисемейных контактов. Консолидация наблюдается прежде всего на почве общих переживаний за родных, которые проживают в приграничных районах, за близких, которые несут службу и выполняют воинский долг в зоне СВО. Семьи объединяют общие взгляды на причины СВО, общие страхи и проблемы. Таким образом, если позиции совпадают, семья может стать для студентов источником внутренней силы и стабильности. В то же время встречаются примеры, когда обсуждения и эмоциональные выплески близких, ожидающих вестей от живущих в зоне боевых действий или мобилизованных родственников, становятся дополнительным источником переживаний и стресса.

Часть студентов столкнулись с трудностями в семьях на почве обсуждения и оценки ситуации в стране. Сама ситуация для многих превратилась в источник стресса, ее многократное ежедневное обсуждение только усиливает напряженность, но не снимает ни проблему, ни остроту ее переживаний. Поэтому некоторые семьи пришли к решению не обсуждать

новости и тему СВО, чтобы не тревожить друг друга, не усиливать свои страхи: *«любой диалог насчет военной вообще спецоперации под запретом... чтобы не нагнетать ситуацию еще и в семье»* (№3), *«потому что, как бы, всё становится более мрачным дома, когда начинается нагнетание»* (№4). Отдельные высказывания студентов сообщали о решениях на семейных советах отказаться от разговоров об СВО не только в семье, но и вне семьи, в публичных пространствах, чтобы не провоцировать споры и риски.

Ряд студентов отмечают появление внутрисемейных конфликтов на почве СВО, в некоторых случаях это приобретает катастрофический характер: *«это очень болезненная тема для моей семьи, потому что она в целом ее расколола»* (№5). При наличии разных точек зрения возникают межпоколенные споры: *«Каждый день, каждый час, всегда начинаются споры. Невозможно уже... бывает что-нибудь... скажешь, ну, может быть, неправильно, там, не поддерживаю мнение. Потом бабушка говорит: «Ты не прав!».* *Получается выходит большой спор, который затягивается... сразу конфликт»* (№6). Анализ материалов фокус-групп показывает, что острые конфликты возникают, когда молодежь выражает свое несогласие с мнениями старших членов семьи.

Одной из причин конфликтов является опора разных поколений на разные источники информации и низкая оценка информационной компетентности друг друга. Многие студенты полагают, что их родители, бабушки и дедушки не владеют достоверной и полной информацией о происходящем, подвержены манипуляциям со стороны официальных СМИ, особенно телевидения: *«они, преимущественно, получают информацию только из новостных источников, а, по моему мнению, там очень много чего умалчивается и показывается ситуация с одной стороны»* (№7). Молодежь использует интернет, социальные сети, альтернативные СМИ, предпочитает получать информацию из многих источников, от реальных людей, знакомых [7] и незнакомых, но знающих ситуацию «изнутри», «очевидцев» [8, с. 130]. Студенты, как правило, не доверяют телевидению, официальным СМИ и СМИ: *«Мне легче перечислить, чему я не доверяю. Это официальным СМИ: «Россия 1» и «Первый канал»* (№8). Например, они видят попытку официальных СМИ не провоцировать панику, но их оскорбляет искажение данных: *«...нам говорят по телевизору, что у нас нет потерь, было такое, к примеру. А в телеграмм-канале я читаю, что после мобилизации в Ростовской области у нас тут двое погибли. А я знаю, что только, вот, в моем районе, где я проживаю, уже их больше. То есть, соответственно, я не могу доверять ни одному из новостных каналов... Да, может быть, это сделано для того, чтобы*

не наводит панику на людей. Для меня это, может быть, даже вранье... нас вводят в заблуждение» (№9). В то же время некоторые склонны переоценивать собственную информированность и критичность мышления, а старшие члены семьи часто считают, что молодежь вообще не следит за текущими событиями, излишне увлекается социальными сетями и иными интернет-ресурсами, рассматривая это как способ развлечения, а не поиска информации.

Студентами остро переживаются риски внутрисемейных споров, возникающих на почве СВО. Их угнетает и сама напряженность ситуации в стране, и невозможность ее обсудить в кругу близких людей. Молодежи хотелось бы иметь право голоса и возможность высказывать свое мнение: *«местами хотелось бы в какой-то момент высказаться, получить какую-то поддержку, сказать о своих опасениях, но как только говорится, возникает конфликт» (№3).* Потребность обсудить происходящее в стране и мире с близкими, высказать свои тревоги и опасения, получить понимание и поддержку остается у части студентов неудовлетворенной. Важно обратить внимание на то, что в конфликтных ситуациях старшие члены семьи могут прибегать к тактике обесценивания мнений молодежи, ввиду её юности и малого жизненного опыта, и даже к обвинениям в эгоизме и отсутствии патриотизма: *«прилетали такие фразы, что ты за пол пирожка родину продашь, ты ничего не понимаешь» (№3).*

Если у разных поколений разные позиции, а найти компромисс не удается, молодежь чаще всего перестает говорить в семье о политике, спецоперации и текущих событиях. Есть и те, кто считает нужным свое мнение выражать: *«Если дискуссия заходит о политике, ну да, ближе выходит момент молчания, чтобы не накалять ситуацию, потому что мнения у всех разные. Но я считаю, что бездействие – это тоже действие, и в будущем за это тоже накажут. Ну, как-нибудь жизнь накажет. То есть, я сейчас промолчу, но, в любом случае, в будущем будет такая обстановка в жизни, и массово все, кто промолчали, они за это потом почувствуют, так скажем, какие-то негативные последствия. Помолчать всегда не получится, вот так» (№10).* Но чаще всего, когда им отказывают в праве на собственную позицию, студенты дают возможность старшим членам семьи высказаться, а сами предпочитают молчать из страха разрыва с семьей, ради покоя в доме и потому, что *«никакого толку нет что-то говорить... доказывать» (№5).* Очевидно, что при этом растут риски сокращения коммуникаций и разрыва поколений. Из поля обсуждения уходят другие вопросы, снижается доверие друг к другу, как следствие – к ценностям, опыту, мнениям, оценкам, компе-

тентности поколений. По мнению молодежи, именно они обычно уступают в спорах или прекращают их. Студенты высказывают пожелания, чтобы старшие члены семьи отвечали им взаимностью, шли на уступки, находили компромиссные решения, признавали право молодежи на собственное мнение и сохраняли их самоуважение и достоинство: *«я их очень сильно люблю, но не считаю нужным тревожить. Ну и они почему-то так не поступают... это меня тревожит»* (№5).

Конфликтов удается избегать в семьях, где, имея разные мнения, дети и родители, бабушки и внуки находят компромисс, обходят или аккуратно обсуждают острые темы, выстраивая диалог, признавая право на разные мнения: *«Слава Богу, все понимающие люди, и когда начинали сталкиваться мыслями все просто оставались при своем мнении... каждый как думает, пусть так и думает»* (№11). Однако примеров конструктивного подхода к обсуждению полярных мнений в семьях встречается мало.

Таким образом, на материалах 10 фокус-групп мы, с одной стороны, видим поляризацию мнений внутри самой студенческой молодежи, а с другой – примеры как единства, так и разногласий в оценках текущей социально-политической ситуации и СВО в семьях студентов представителями разных поколений. Часть молодежи отмечает противоречия со старшими членами семьи, поводом к осознанию которых стали разговоры об СВО. У молодежи есть своё мнение, но в семье не всегда готовы его выслушивать. Если возникают конфликты на почве СВО, избираемая молодежью стратегия избегания, отказа от обсуждений (в том числе ради мира в семье) усиливает внутреннюю тревожность, отчуждение, приводит к нарушению коммуникаций. Если молодежь лишается права говорить о своей позиции или страхах, она замолкает, в итоге нарушается как психологическое благополучие и связи, так и трансляция ценностей от поколения к поколению, в частности, значимых в современных условиях ценностей «бабушек» и «дедушек», воспитанных на идеалах социальной ответственности, чувства долга, любви к Отечеству, патриотизма. Напряженное психологическое, социальное и культурное пространство становится зоной риска появления протестных настроений и социального отчуждения. «Невидимость» позиций и мнений молодежи формирует их социальную пассивность, чувство бессилия, безразличие к происходящему в стране, отчуждение, установку на неучастие (*«лучше молчать», «от нас ничего не зависит», «нас никто не спрашивал»*).

Одним из факторов риска является опора разных поколений на разные источники информации и низкая оценка информационной компетентности друг друга. У молодежи есть свои источники информации, и с этим

«особым» информационным пространством нужно считаться, понимать его специфику и риски, искать пути обмена информацией между поколениями в «новых» реалиях с помощью опоры на значимые для молодежи СМИ и СМК. Недоверие студентов к источникам информации старшего поколения, а старших – к молодежным источникам информации усиливает взаимное недоверие, отчуждение, усугубляет различия в оценках настоящего и в конструировании желательных образов будущего.

Межпоколенный диалог необходим «для оптимальной социализации молодёжи и для ресоциализации более старших поколений» [9, с. 13]. В отсутствие диалога нарастают риски разрыва связи поколений вследствие разрыва культур. В конфликтных ситуациях постфигуративная культура (по М. Мид) старших сталкивается с префигуративной культурой, которую транслирует студенческая молодежь. В семьях, где возникают конфликты мнений, как правило, ни старшие члены семьи, ни молодежь не готовы слышать и учиться друг у друга. Проблемы удастся избежать тем семьям, в которых мнения разных поколений совпадают либо происходит выстраивание конструктивных отношений на основе уважительного отношения к мнениям всех членов семьи. Представителям «нулевого» и «первого» поколения «бабушек» и «дедушек», «второго» поколения «родителей» и «третьего» поколения молодежи важно слышать друг друга, а социологическая наука, обнаруживающая причины проблем и артикулирующая их публично, способна стать посредником в диалоге поколений.

Список информантов

(№ 1) М., 21 год, 4 курс, «Политология», Южный федеральный университет, ноябрь 2022

(№ 2) Ж., 20 лет, 3 курс, «Ветеринария», Донской государственный аграрный университет, ноябрь 2022

(№ 3) Ж., 20 лет, 2 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, март 2022

(№ 4) М., 18 лет, 1 курс, «Автоматизация производственных процессов в машиностроении», Донской государственный технический университет, ноябрь 2022

(№ 5) М., 20 лет, 2 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, март 2022

(№ 6) М., 20 лет, 2 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, март 2022

(№ 7) Ж., 20 лет, 3 курс, «Промышленное и гражданское строительство», Донской государственный технический университет, ноябрь 2022

(№ 8) М., 17 лет, 1 курс, «Автоматизация производственных процессов», Донской государственной технической университет, ноябрь 2022

(№ 9) Ж, 21 год, 4 курс, «Автоматизация, мехатроника и управление», Донской государственной технической университет, ноябрь 2022

(№10) Ж., 24 года, 4 курс, «Промышленное и гражданское строительство», Донской государственной технической университет, ноябрь 2022

(№11) М., 20 лет, 3 курс, «Социальная работа», Южный федеральный университет, ноябрь 2022

Список литературы

1. Певная М.В., Шуклина Е. А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Е.В., Худякова М.В., Шаповалова И.С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года). // Научный результат. Социология и управление. 2022. № 8(3). С. 116-136.

2. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. / Перевод с английского и послесловие Т.С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

3. Corbin J., Strauss A. Grounded Theory Research: Procedures, Canons, and Evaluative. Criteria Qualitative Sociology. 1990. Vol. 13. No. 1: 3-21. DOI: 10.1007/BF00988593.

4. Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. 1967. Reprinted 2006: New Brunswick and London: Aldine Transaction.

5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/8jhz9e6zjk/97145776.pdf>

6. Троцук И.В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 2. С. 19-35.

7. Козырьков В.П., Ушакова Я.В., Шалютина Н.В. Особенности формирования доверия учащейся молодежи к информации в медиасетях. // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 9-2(34). С. 131-146.

8. Ягудина А.Р., Кочеткова С.Ф., Валеев Д.М. Проблемы доверия к средствам массовой информации в современной молодежной среде. // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2(5). С. 125-130.

9. Лебедева Л.Г. Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе. Автореферат диссерт. на соискание уч. степени к.соц.н., 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Санкт-Петербург, 2017, 32 с.

**THE PROBLEM OF INTERGENERATIONAL
DIALOG IN THE CONTEXT OF DISCUSSING THE SOCIO-POLITICAL
SITUATION IN RUSSIA AND ASSESSING THE SPECIAL
MILITARY OPERATION**

T.S. Kienko

Kienko Tatyana Sergeevna – Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Social Technologies of the Southern
Federal University, Rostov-on-Don
tskienko@sfnu.ru

Based on the materials of 10 focus groups with students of six universities of Rostov region, conducted in the 2022, the problem of intergenerational dialog is considered when discussing the socio-political situation in the country and the Special Military Operation. In families, representatives of different generations may have different positions. If assessments of key events coincide, similar views, common fears and problems are noted, this consolidates families. At the same time, the situation itself and its discussions become an additional source of stress. A part of students note contradictions with older family members, which became a reason for realizing them when talking about Special Military Operation. If conflicts arise, young people most often choose the strategy of refusing to discuss (including for the sake of peace in the family). This increases anxiety, alienation, the risk of protest moods and social alienation, leads to a breakdown in communication, and hampers the exchange of values. The "invisibility" of young people's positions and opinions forms their social passivity, a sense of powerlessness, indifference to what is happening in the country, and an attitude of non-participation. The trust of different generations in different sources of information and low assessment of each other's information competence contribute to the strengthening of risks. Problems can be avoided in those families where opinions coincide or a dialog is built on the basis of respect for the opinions of all family members.

Keywords: student youth, older family members, dialogue of generations, special military operation, focus groups, grounded theory.

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ БЕЛОРУСОВ В ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В.В. Кириенко¹, В.В. Клейман²

¹Кириенко Виктор Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, г. Гомель
kirienko@gstu.by

²Клейман Вадим Валерьевич – старший преподаватель кафедры «Экономика» Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, г. Гомель

В условиях глобальных социально-экономических нравственно-ориентационных общественных трансформаций в обществе требуется корректировка межпоколенных механизмов передачи социального опыта. Можно и нужно корректировать систему семейных отношений на нормативном уровне. Но генетическая память не позволяет принципиально изменить систему реальных внутрисемейных отношений. История прошлых поколений не отпускает ныне живущих потомков.

Ключевые слова: преемственность поколений, межпоколенные процессы, трансгенерационные факторы, семейные отношения, рациональные и иррациональные, ментальные характеристики, социологические методы, поколения «детей», «отцов», «дедов», генетическая память, сценарии жизни.

Преемственность поколений является важнейшим социальным законом жизни человечества, благодаря которому общество, одновременно удерживая в коллективной, в том числе и семейно-родовой памяти, приобретенные, зачастую выстраданные и оплаченные кровью прежних поколений, знания и навыки. Межпоколенные связи как обществе в целом, так и в общественной ячейке – семье являются стеновым хребтом, обеспечивающим естественные процессы социализации, включения новых поколений в сложнейшие внутриродовые и внутрисемейные отношения, формирующие базовые смыслообразующие ценности и инструменты организации межличностного взаимодействия. С учетом стремительных геополитических изменений с каждым днем повышается потребность в изучении условий, предпосылок формирования и проявления социально-

экономических и духовно-нравственных алгоритмов поведения молодого поколения.

Оригинальность представленного авторского материала заключается в том, что трансгенерационные процессы, как правило, исследуемые психологами и психоаналитиками, подвергнуты анализу социологическими методами. Выборочная совокупность социологической части исследования в 2021 г. составила 1190, в 2022 г. – 1005 белорусских респондентов. При отборе респондентов была использована квотно-пропорциональная выборка, формируемая с учетом репрезентативности по половозрастным, социально-экономическим, социокультурным, территориальным, профессионально-статусным характеристикам генеральной совокупности.

Оригинальность материала заключается и в том, что для анализа общих для выборочной совокупности и различающихся показателей социального самочувствия, паттернов поведения, в том числе и предпочтительных геополитических векторов развития белорусского государства, в исследовании были выделены возрастные группы респондентов: 19–29 лет – «дети», 40–49 лет – «родители» и старше 60 лет – прародители, «дедушки».

При формировании программы исследования авторский коллектив исходил из того, что трансгенерационные факторы представляют собой особую форму социально-психологических отношений, благодаря которым каждое новое поколение наследует опыт предков, получая в наследство генетическую память, сценарии жизни и стили поведения старших поколений. В своем сущностном содержании трансгенерационные факторы представляют собой бессознательные, оформленные в передаваемых от поколения к поколению коллективных (семейных) историях, преданиях, мифах, архетипах, выполняющих роль смысловых межпоколенных кодов. Исходя из этого, каждое новое поколение не вольно самостоятельно выбирать, какие черты характера и модели поведения ему перенимать от родителей, а от каких отказываться, это «считывается» им еще с детства. Опыт прошлых поколений не отпускает как ныне живущих, так и их потомков.

Исходя из этого положения, рабочая гипотеза исследования строилась на предположении, что «вилка» между оценками социального самочувствия «детей», «родителей» и «прародителей» определяться, в том числе, и зафиксированным на ментальном уровне, межпоколенным, трансгенерационным фактором [1]. Для реализации этой цели, базовые и инструментальные ценности, геополитические предпочтения, индикаторы самочувствия молодого поколения – «детей» в работе представлены в сопоставлении с аналогичными показателями представителей старших поколений: «отцов» и «дедов».

Идеи о существующих в неотрефлексированных формах межпоколенческих, родовых связей существуют столько же, сколько существует и наука об обществе. Межпоколенные, трансгенерационные механизмы передачи молодому поколению родовых кодов на системной методологической основе начали интенсивно исследоваться со второй половины XX века. Методологическую базу для исследования этих процессов составили идеи ученых, работающих на стыке социологии и психологии: Зигмунда Фрейда, Карла Гюстава Юнга, Эриха Берна.

Зигмунд Фрейд в своих трудах сформулировал принципиальное положение о том, что индивидуальный опыт каждого человека несет в себе отпечаток коллективного опыта, приобретенного предшествующими поколениями: «Если психические процессы одного поколения, не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие» [2]. Развивая идею З. Фрейда о межпоколенном наследовании социального опыта, Карл Густав Юнг ввел в научный оборот понятие «коллективного бессознательного», аккумулированного в архетипических образах, моделях, мифах, сказках, художественных произведениях, осуществляющих передачу от поколения к поколению накопленный человеческий опыт [3]. Близкие идеи о роли трансгенерационного фактора (фактора семейной истории) в судьбе человека развил основатель трансактоного анализа Эрик Берн. Описывая варианты воздействия семьи на формирование личности ребенка, он ввел в научный оборот понятие «сценарий», определяемый как «постепенно разворачивающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [4]. В его трактовке, эта предписывающая, по сути дела, фатальная установка на бессознательное принятие ребенком «образа» своей будущей взрослой жизни – судьбы «победителя», «побежденного» или «неудачника». При этом, источники формирующие жизненные сценарии, в понимании Э. Берна, находятся не столько в родительской семье, сколько в коллективном опыте и коллективной памяти более далеких предков.

История творится на наших глазах столь стремительно, что еще совсем недавно сформулированный для молодого поколения слоган: «Спасибо деду за Победу» уже уступил новому – «Спасибо прадеду за Победу». Абсолютное большинство современного молодого поколения по объективным причинам уже лишено возможности личного общения с непосредственными участниками и свидетелями поколения Победителей.

С присущей для белорусов толерантностью, в республике очень долго обходили «острые углы» военной правды о жертвенных потерях, положенных на алтарь Победы, а значимость событий Великой Отечественной войны рассматривали как цену Победы. Спустя какое-то время у советского общества появилась ментальная потребность в осмысленном оправдании огромных людских потерь, положенных на алтарь Победы. В проникновенных словах песни Б. Окуджавы, написанной для кинофильма «Белорусский вокзал» очень четко «запротоколирована» историческая правда восьмидесятых годов двадцатого столетия как попытки оправдания и примирения с колоссальными человеческими потерями: «А нынче нам нужна одна победа, / Одна на всех – мы за ценой не постоим». Самим солдатам Победы, их женам, матерям, детям солдат-Победителей, эту драматическую максиму было понять трудно, но все-таки необходимо. Ведь вековая суровая правда жизни заключается в том, что на поле боя солдаты отдают свои жизни за свою Родину, за свои семьи, за своих детей, жен и матерей. Поэт-фронтовик Михаил Львов в поэтической форме примиряя равные солдатские права как на жизнь, так и на смерть, с фотографической точностью изложил эту правду в емких стихотворных строках:

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.

Чтоб стать железом, мало быть рудой.

Ты должен переплавиться, разбиться.

И, как руда, пожертвовать собой.

Какие бури душу захлестнули!

Но ты – солдат и все сумеи принять:

От поцелуя женского до пули,

И научись в бою не отступать.

Готовность к смерти – тоже ведь оружие,

И ты его однажды примени...

Мужчины умирают, если нужно,

И потому живут в веках они.

Трудно, но необходимо находить силы для оправдания гибели защитников Родины на поле боя. Но совершенно противоестественно, когда война забирает жизни детей, женщин, стариков «виновных», разве только в том, что родились на своей земле. Можно ли найти оправдание гибели трех миллионов убитых, сожженных, замученных детей, женщин, стариков, военнопленных в годы Великой Отечественной войны? В соответствии с теоретическими посылами трансгенерационных процессов, пережитая нацией, этносом, семьей, но незалеченная, «невыплаканная» родо-

вая травма несет в себе передаваемое из поколения в поколение коллективно переживаемое чувство вины, стыда, боли, унижения. Эти, травмирующие социум, чувства передаются следующим поколениям до тех пор, пока они не будут завершены социально-психологическими методами. Не выстраданная, не оплаканная родовая травма потенциально способна стать частью исторической, социокультурной идентичности нации. Каждое поколение оставляет своим потомкам не только право, но и обязанность достойно распорядиться общей исторической памятью. Нынешнему и последующим поколениям белорусов предстоит найти - как, каким образом, без малейшей фальши, будет «снята» родовая травма, не оплаканная боль за жертвы детей, женщин, стариков, безвинно погибших в Хатыни, Озаричах, Тростинце, Але, Красном Береге.

С целью уточнения содержания и объема исторической памяти, исторической идентичности молодого поколения белорусов, понимания того, с какими историческими событиями они в первую очередь связывают судьбу белорусского народа, в анкете был сформулирован вопрос «В Беларуси 2022 год объявлен Годом исторической памяти. Отметьте 5 наиболее важных позитивных и 5 наиболее негативных исторических событий в судьбе белорусского народа» с перечнем в «меню подсказок» 21 исторического события, выстроенного в хронологической последовательности. Полученные результаты представлены на рисунках 1, 2.

При формулировке самого вопроса и «меню подсказок» из исторических событий, оказавших влияние на судьбу белорусского народа, мы исходили из того, что респонденты их последствия будут оценить в качестве позитивных, негативных, либо нейтральных. Анализ полученных результатов показал, что рабочая гипотеза исследования подтвердилась: одни исторические события участники социологического исследования оценили в качестве положительно повлиявших на судьбу белорусского народа, другие в качестве отрицательных, а в оценке значимости третьих – мнения респондентов оказались «размытыми». Так, приведенные на рисунке 1 оценки молодыми людьми значимости исторических событий свидетельствуют, что рейтинг значимых позитивных событий для судьбы белорусского народа, с большим отрывом от остальных, возглавили два объединяющих современных белорусов исторических события: Победа в Великой Отечественной войне – так посчитали 77% всех опрошенных молодых респондентов и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, которое как позитивно значимое событие определили 70%. Из предложенных в «меню подсказок» удаленных исторических событий как позитивно значимое 60% молодых респондентов

назвали факт отмены крепостного права в 1861 г. Меньшее, но также значительное количество респондентов (42%) в качестве позитивных для белорусского народа указали на принятие Конституции Республики Беларусь в 1994 г., подписание договора о создании Белорусско-российского союзного государства в 1999 г., воссоединение белорусского народа в 1939 г. (39%) и издание Ф. Скориной первой книги на белорусском языке в 1517 г. (39%).

Рис. 1. Рейтинг исторических событий, в представлении респондентов, оказавших позитивное влияние на судьбу белорусского народа

Мировой практике известно, что историческая национально-ментальная составляющая определяется драматическими событиями не в меньшей мере, чем событиями позитивными.

Рис. 2. Рейтинг исторических событий, в оценке молодых респондентов, оказавших негативное воздействие на судьбу белорусского народа

Представленная на рисунке 2 иерархия негативных событий для судьбы белорусского народа показывает, что незаживающей «родовой травмой» для жителей остается чернобыльская коллективная травма – 8 из 10 опрошенных респондентов указали на нее как на значимое трагическое событие в судьбе белорусского народа. О национальном характере восприятия чернобыльской трагедии говорит тот факт, что большая часть опрошенных респондентов родились уже после Чернобыльской аварии. Несмотря на принимаемые государством меры по реабилитации, возвращению к жизни пострадавших территорий, для жителей Гомельской области, в том числе и поколения «детей», принявших на себя львиную долю последствий произошедшей рукотворной катастрофы, эти события надолго останутся незаживающей раной [5; 6].

К негативным историческим событиям, трагически повлиявшим на судьбу белорусского народа, молодые белорусские респонденты вполне прогнозируемо отнесли:

- начало второй мировой войны в 1939 г. (71%);
- начало Великой Отечественной войны в 1945 г. (69%);
- попытку государственного переворота в 2020 г. (55%).

Отметим, что одним из самых травмирующих событий в судьбе белорусского народа, молодые белорусы отметили попытку реализации белорусского варианта цветной революции – государственного переворота. Белорусские послевыборные события 2020 г. еще раз подтвердили, что молодежь есть молодежь и во все времена являет собой пассионарный слой разогревающий общество, блокирующий губительные для общества застои и стагнацию. Но пассионарность по своей сути является внутренне противоречивым феноменом. По определению Л. Гумилева, «пассионарность как огонь: она греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посередине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо охлаждения» [5].

Следует отдельно отметить, что такие исторические события, как Грюнвальдская битва в 1410 г. и «битва под Оршей» в 1514 г., несмотря на то, что они в «меню подсказок» занимали две первые строчки, были помещены молодежью в перечень нейтральных для судьбы белорусского народа событий.

Один из результатов авторского исследования заключается в подтверждении ранее установленного факта о том, что процесс формирования и проявления базовых, неотчуждаемых характеристик национально-этнического менталитета реализуется не только на бессознательном уровне, но и через механизмы исторической идентификации, сопоставления и сравнения ментальных индикаторов собственного поколения с ментальными индикаторами старших поколений [1]. Сложность, противоречивость формирования исторической памяти как составной части национального менталитета у молодых белорусов подтверждает и нелогическое, несоразмерное определение значимости связанных между собой событий. Так, образование БССР в 1919 г. обозначили как позитивно значимое событие всего 31% опрошенных респондентов всех поколений и столько же (31%) образование СССР в 1922 г. Но, при этом более половины респондентов (56%) негативно оценили подписание Беловежских соглашений, т.е. развал как СССР, так и БССР.

Одна из задач социологического исследования заключалась в изучении предметно-деятельных проявлений памяти о героических подвигах и жертвах Великой Отечественной войны в оценке представителей трех поколений: «детей», «отцов» и «дедушек». С этой целью в анкете был сформулирован вопрос «Как Вы относитесь к сохранению памяти о Великой Отечественной войне?» (рисунок 3).

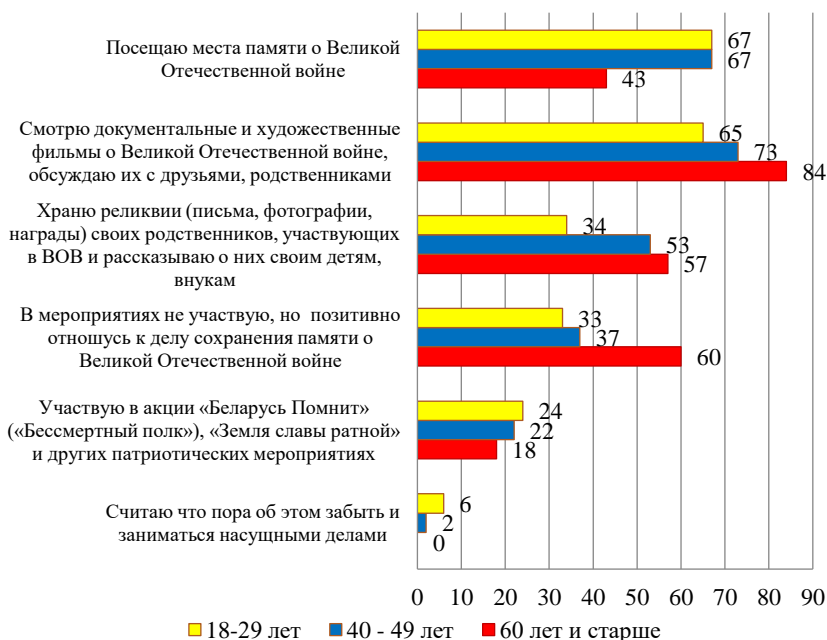

Рис. 3. Распределение ответов респондентов трех поколений на вопрос «Как Вы относитесь к сохранению памяти о Великой Отечественной войне?»

Представленные на графике результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что в целом респонденты заинтересованно относятся к сохранению памяти о трагических и героических событиях в судьбе белорусского народа. Это положение подтверждают и полученные в исследовании данные об оценке респондентами младшей возрастной группы этого исторического события. Только 6% молодых людей, что соответствует величине статистической погрешности, выбрали вариант ответа «Считаю, что пора об этом забыть и заниматься насущными делами». Абсолютное большинство молодых белорусов помнят и деятельно поддерживают память об этом историческом событии. Одним из самых распространенных способов поддержания памяти о героических и трагических событиях в жизни советского народа у опрошенных респондентов (65%) является просмотр документальных и художественных фильмов о Великой Отечественной войне, их обсуждение с друзьями, коллегами, родственниками. Этот приоритет подтверждает один из главных постулатов

трансгенерационной теории о том, что формирование коллективного исторического кода, коллективной памяти осуществляется через эмоционально насыщенные художественные произведения – книги, фильмы, живописные и музыкальные произведения. Так исторические события легче усваиваются и четче запечатлеваются в памяти. На посещение памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной, как форму сохранения исторической памяти указало две трети (67%) респондентов младшей возрастной группы. Каждый четвертый молодой респондент ответил, что он участвует в акциях «Беларусь помнит» (белорусский вариант российского «Бессмертного полка»), «Земля славы ратной» и в других патриотических мероприятиях [7].

Особое внимание следует обратить на тот факт, что треть опрошенных молодых людей (34%) ответили, что в их семьях хранятся семейные реликвии (письма, фотографии, награды) своих родственников, участвующих в Великой Отечественной войне, о них старшие представители рода рассказывают своим детям и внукам. Необходимо указать и тот факт, что уже сегодня в половине семей, по самым различным причинам, в том числе и потому что в, так называемых, неполных семьях при отсутствии отца, не осуществляется процесс передачи этой священной информации через самый главный канал социальной трансляции исторической памяти – «от отца к сыну». Не сложно спрогнозировать, что в будущем удельный вес этого способа трансляции не только исторических событий как таковых, но семейно-значимых преданий о Великой Отечественной войне, будет сокращаться. А полноценно заменить семейно-родовую форму и сохранения, и трансляции исторической памяти о трагических и героических событиях в судьбе белорусского народа внесемейным социальным институтам, в том числе государственным и общественным, вряд ли будет возможным. Даже самый лучший учебник истории не сравнится с «живой» памятью, основанной на рассказах дедов-прадедов. Учебники по истории, школьные уроки могут и должны систематизировать исторические знания, но учебники не смогут, да и не должны заменять живой, межпоколенный канал ментальных «преданий о старине глубокой» от отца к сыну [1].

Список литературы

1. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: история, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 319 с.
2. Фрейд З. Тотем и табу: в 2 кн. Кн. 1 / З. Фрейд // «Я» и «Оно»: Труды разных лет / пер. с нем. – Тбилиси: Мерани, 1991. 350 с.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг; пер. с нем. – М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – СПб.: Университет. кн.; М.: Аст, 1992. 399 с.
5. Кириенко В.В. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни / В.В. Кириенко, В.В. Клейман, А.А. Злотников. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015. – 281 с.
6. Кириенко В.В. Гомельская область на рубеже веков. Ментальные характеристики. Социокультурные процессы / В.В. Кириенко, В.В. Клейман. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2021. 204 с.
7. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы /Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2002. 578 с.

**THE YOUNG GENERATION OF BELARUSIANS
IN THE TRANSGENERATIONAL PROCESSES OF MODERNITY
(EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS)**

V.V. Kirienko¹, V.V. Kleiman²

¹Kirienko Victor Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Legal Disciplines of the Gomel State Technical University named after P.O. Gomel. P.O. Sukhoi State Technical University, Gomel
kirienko@gstu.by

²Kleiman Vadim Valeryevich – Senior Lecturer of the Department of "Economics" Gomel State Technical University named after P.O. Sukhoi P.O. Sukhoi State Technical University, Gomel

In the conditions of global socio-economic moral and orientational social transformations in the society it is necessary to correct the intergenerational mechanisms of social experience transmission. It is possible and necessary to correct the system of family relations at the normative level. But genetic memory does not allow us to fundamentally change the system of real intra-family relations. The history of the past generations does not let the living descendants go.

Keywords: succession of generations, intergenerational processes, transgenerational factors, family relations, rational and irrational, mental characteristics, sociological methods, generations of "children", "fathers", "grandfathers", genetic memory, life scenarios.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В СОПРИЧАСТНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ КРЫМА

И.Ю. Кошель

Кошель Иван Юрьевич – директор Государственного автономного образовательного учреждения среднего профессионального образования Республики Крым «Керченский медицинский колледж имени Г.К. Петровой», г. Керчь
ivankoshel777@gmail.com

Представлена интерпретация данных исследования РОС «Культурное наследие и связь поколений», проведенного на территории Крыма в сегменте отношения студенчества к народной культуре. Определена важность для молодежи историко-культурной сохранности ряда конкретных форм традиционной культуры. Систематизированы и ранжированы элементы народной культуры, присваиваемые в качестве национально-культурного наследия в рамках семьи.

Ключевые слова: народная культура, молодое поколение, семья, этнонациональное разнообразие, культурное наследие, Крым, исследование РОС.

Современный поликультурный пласт крымского полуострова с его многообразными традициями национальных культур исторически сформирован социальными миграциями, которые в течение многих столетий влияли на формирование общности, именующей сегодня себя крымчанами. Принято считать, что культура конкретного народа сохраняется, если каждое очередное молодое поколение интересуется историей, традициями, обычаями своей моно/полинациональной принадлежности. При этом интериоризация культурного наследия в значительной мере предопределяется спецификой её передачи в семье. В условиях крымского полуострова, представляющего 176 этнонациональных групп, воплощающих своим социокультурным многообразием теорию мультикультурализма, подобное мнение представляется актуальным. Однако, механизм присвоения народной культуры, а также степень значимости каждого традиционного элемента в жизни крымской молодежи на современном этапе развития общественных отношений ещё находятся на стадии изучения.

Определение важности народной культуры, специфики её сохранения и передачи, значимости различных её элементов в жизни молодежи Крыма на современном этапе его развития является целью нашего обра-

щения к материалам исследования РОС «Культурное наследие и связь поколений», проведенного 15 апреля – 31 мая 2022 г., и в рамках которого были опрошены студенты очных и заочных отделений ряда вузов Крыма в гг. Симферополь и Керчь. Всего в опросе приняли участие 109 респондентов, представляющих широкий спектр национальностей, самоидентифицированных студенчеством. Среди опрошенных: русские – 61,5%, украинцы – 13,7%, крымские татары – 6,4%, армяне – 1,8%; иные национальности представлены меньшим количеством респондентов и составляют 16,5%. При этом, значительное число молодых людей (18,3%) предпочли не отвечать на поставленный вопрос.

Следует отметить, что самоидентификация национальности для молодых крымчан, которые являются потомками мигрантов различных историко-политических, экономических и других типов переселенческих волн, образовавших смешанное этнонациональное и этнокультурное поле полуострова Крым, часто является единственно возможным способом отнесения личности к определенной культурной когорте, на базе которой возможно определение этнокультурных приоритетов.

Отношение к своей национальной принадлежности формирует спектр мировоззренческих устоев и, что более важно, в контексте развития мультикультурного ландшафта Крыма на предмет развертывания социокультурной ситуации, поведенческих проявлений молодых людей, которые сегодня являются потенциальными носителями конкретных межкультурных взаимоотношений усложняющихся общественных явлений будущего.

Принято считать, что основа и принципы межкультурных коммуникаций закладываются в раннем детстве. Для Крымского полуострова естественным является возрастание детей в кругу сверстников разных национальностей естественно сложившегося поликультурного ландшафта.

В процессе исследования было выявлено, что 88,1% опрошенных в детстве дружили с представителями других национальностей, и небольшое количество – 11,9% респондентов обозначили, что провели детство в кругу моноэтнического состава.

На вопрос, переносящий характер дружеского взаимодействия с представителями других национальностей в юношеский возраст, респонденты отметили, что сегодня среди их друзей представителями иной национальности являются 93,6%, а мононациональное окружение имеют 6,4% респондентов. Следовательно, во временном контексте количество дружеских этнокультурных коммуникаций, при изначально большом их показателе, только нарастает.

Складывается впечатление, что многообразие этнонациональных контактов в детском и юношеском возрасте являются основанием естественного становления ментально вненациональной среды.

Однако, в процессе обращения к формированию национального самосознания (см. Табл.1) было выявлено, что всегда помнят о своей национальной принадлежности 59,6% респондентов. Довольно часто о своей принадлежности к определенной национальной когорте отмечают 12,8% опрошенных. Значительное их число – 14,7% вспоминают о своей национальной принадлежности преимущественно во время событий, связанных с национальным вопросом. И лишь 12,8% отметили, что практически никогда не вспоминают о своей национальной принадлежности. Необходимо отметить, что две средние позиции «вспоминаю довольно часто» и «во время событий, связанных с национальным вопросом», дающие в сумме 27,5%, свидетельствуют о неоднозначности восприятия молодежью сложившегося этнонационального ландшафта Крымского полуострова.

Таблица 1

Национальная принадлежность

№ п/п	Подвопросы	% от опрошенных
1	Практически никогда или очень редко	12,8
2	Только когда происходят какие-то события, так или иначе связанные с национальным вопросом	14,7
3	Вспоминаю довольно часто	12,8
4	Всегда помню, кто я по национальности	59,6

Ярким показателем взаимоотношений представителей различных национальностей оказались данные, свидетельствующие о толерантности в мультинациональном сообществе молодежи Крымского полуострова и приятии представителей другой национальности (см. Табл. 2). Подавляющее большинство студентов – 73,4% отметили, что не испытывают неприязни к представителям другой национальности, ситуативность неприятия отметили 22% респондентов, а 4,6% продемонстрировали категорическое неприятие людей другой национальности. Описываемые данные свидетельствуют о ещё существующей проблемной зоне взаимодействия представителей молодого поколения Крыма, которые в большинстве своем уже являются рожденными потомками мигрантов

разных лет и в своем мировоззрении отражают сложные процессы становления единого поликультурного ландшафта, описываемого мультикультурной парадигмой.

Таблица 2

Отношение к людям другой национальности

№ п/п	Подвопросы	% от опрошенных
1	Да, испытываю неприязнь к людям другой национальности	4,6
2	Когда как	22,0
3	Нет, не испытываю неприязнь к людям другой национальности	73,4

Культура – многогранное явление, в рамках которого народная культура как объединительная общность культурных связей и механизмов жизнедеятельности, включающая культурные пласты разных эпох, имеет определяющее значение в сохранении национального самосознания индивида.

Знание культуры своего народа, причастность к определенному роду в современном мире является трендом. Сопричастность к народной культуре определяли и молодые крымчане (см. Табл. 3). Выяснилось, что лишь незначительное число респондентов не относят свою национальную принадлежность к конкретному этнонациональному культурному пространству. Так, 4,6% указали, что не обязательно знать культуру своего народа, поскольку в современном мире это не важно, а культуры отдельных народов давно потеряли свою актуальность. При этом 48,6% респондентов ощущают свою принадлежность к определенному этносу и заинтересованы в сохранении его традиций. А 46,8% респондентов считают, что человек не только должен хорошо знать культуру своего народа, но и ориентироваться в культурном наследии других народов, что в рамках крымского полуострова лишь подчеркивает мультикультурную направленность мышления молодого поколения.

Таблица 3

Необходимость знания культуры своего народа

№ п/п	Подвопросы	% от опрошенных
1	Да, если он ощущает свою принадлежность к определённому этносу и заинтересован в сохранении его традиций	48,6
2	Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов	46,8
3	Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность	4,6

Важность сохранения народной культуры во мнениях, выраженных молодым поколением, – показатель потенциала её существования (см. Табл.4). Значительное число опрошенных (76,1%) отметили, что необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать её потомкам. Однако часть респондентов (10,1%) выразили согласие с позицией, что народная культура – пережиток прошлого, а в мире есть куда более интересные и важные культурные явления. Затруднились ответить 11,0%, что является показателем того, что у части молодежи ещё не сформировано в полной мере понимания значимости народной культуры как элемента саморазвития и утверждения национального многообразия.

Таблица 4

Важность сохранения народной культуры

№ п/п	Подвопросы	% от опрошенных
1	Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам	76,1
2	Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления	10,1
3	Затрудняюсь ответить	11,0
4	Другое	2,8

Личностное отношение к народной культуре включает понимание молодёжью значимости элементов, её составляющих. Из перечня, представленного в таблице (см. Табл.5), в трактовке определенных и колеблющихся позиций следует, что важное значение в восприятии народной культуры для молодых крымчан представляют все указанные в перечне позиции: национальная кухня (97,3%), народное искусство (93,6%), похоронный обряд (84,4%), народные песни (88%) традиционная религия (83,5%), народный танец (86,2%), народный костюм (82,6%), традиции крещения, обрезания (71,6%), свадебного обряда (78,9%), главенства старшего в роду (75,2%), главенства мужчины в семье (69,8%). При этом такие социальные факторы, как «семейные традиции» и «равенство мужчины и женщины», которые не являются атрибутом народной культуры, а приобретаются в определенном социально-историческом контексте, тоже были отмечены значительным количеством респондентов: (95,4%) и (89,9%) соответственно.

Таблица 5

**Важность сохранения конкретных элементов культуры
для респондентов, в % от опрошенных**

№ п/п	Подвопросы:	не важно	и да, и нет	важно
1	Национальной кухни	2,8	14,7	82,6
2	Семейных традиций	4,6	17,4	78,0
3	Народного искусства	6,4	23,9	69,7
4	Равенства мужчины и женщины	10,1	27,5	62,4
5	Похоронного обряда	15,6	27,5	56,9
6	Народных песен	11,9	38,5	49,5
7	Традиционной религии	16,5	32,1	51,4
8	Народных танцев	13,8	38,5	47,7
9	Народного костюма	17,4	45,0	37,6
10	Традиции крещения, обрезания и др.	28,4	23,9	47,7
11	Свадебного обряда	21,1	41,3	37,6
12	Главенства старшего в роду	25,7%	36,7%	37,6%
13	Главенства мужчины в семье	30,3%	34,9%	34,9%

Следует отметить, что большое значение для сохранения традиционной народной культуры имеет семья. Здесь происходит процесс присвоения культурных норм народа, обогащения и трансформации устоявшихся обычаев и традиций, приятия образа нации, происходит становление национального самосознания, прививается эмоционально-ценностное отношение человека к собственной этно-национальной культуре и уважение других традиционных культур.

В процессе анализа данных исследования выявлено, что устойчиво высокими показателями идентификации народной культуры и её передачи от старших поколений к младшим являются элементы культуры, связанные с этническим языком (см. Табл. 6.1). Установлено, что учат и пользуются родным языком в повседневности все поколения семьи от её старших представителей к младшим (79,4% и 73,6% соответственно), читают литературу на родном языке, имея в виду значительную национальную представленность респондентов, тоже стабильно высокое количество молодых респондентов по отношению к их взрослым родственникам (76,9% и 77,5% соответственно). При этом условия информационного мира и накопленный опыт предыдущих поколений влияют на уменьшение тенденции комплектования библиотек. 37,4% студентов отметили, что осуществляют собирательство библиотеки на родном языке, в то время как этой деятельностью охвачено 61,8% их прародителей.

Таблица 6.1

**Проявление отношения семьи к народной культуре,
в % от опрошенных**

№ п/п	Показатели	вы лично	мама, папа	бабушка, дедушка
1	Учат и пользуются родным языком в повседневности	73,6	84,2	79,4
2	Читают литературу на родном языке	76,9	76,2	77,5
3	Собирают библиотеку на родном языке	37,4	41,6	61,8

Практически половина опрошенных (50,5%) отметили (см. Табл. 6.2), что уважают и соблюдают народные обычаи, предполагая, что данное отношение характерно для 83,3% их бабушек и дедушек. Однако наибольший процент относительно соблюдения традиций составила позиция приготовления блюд национальной кухни (59,3% у младшего поколения

семьи, и 80,4% у старшего). В то же время, слушают национальную музыку (44,0%), знают и поют народные песни (36,3%) студентов, что существенно ниже по отношению к этим позициям, осуществляемым их старшими родственниками (64,7% и 65,7% соответственно).

Традиционно высокие показатели сохраняются у взрослого поколения семьи в отправлении религиозных обрядов (48,0%) и использования народной медицины (52,0%), но имеют устойчивую тенденцию к снижению у последующих поколений и у студентов представлены 16,5% и 19,8% соответственно.

Достаточно высоким является показатель – 36,3% обращений к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами у старшего поколения, имеет тенденцию к снижению и у молодежи, и представлен 15,4%.

При этом высокий показатель «воспитание детей в традициях своего народа» – свыше 50%, приписываемый респондентами двум предыдущим поколениям родителей, не может быть репрезентативным по отношению к респондентам, поскольку лишь небольшой процент из них имеют своих детей.

Таблица 6.2

**Проявление отношения семьи к народной культуре,
в % от опрошенных**

№ п/п	Показатели	вы лично	мама, папа	бабушка, дедушка
1	Уважают и соблюдают народные обычаи	50,5	62,4	83,3
2	Готовят блюда национальной кухни	59,3	86,1	80,4
3	Знают и поют народные песни	36,3	40,6	65,7
4	Слушают национальную музыку	44,0	51,5	64,7
5	Отправляют религиозные обряды	16,5	33,7	48,0
6	Используют народную медицину	19,8	34,7	52,0
7	Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	15,4	29,7	36,3
8	Воспитывают детей в традициях своего народа	11,0	50,5	52,0

С каждым последующим поколением, проживающим в условиях массовой культуры, существенно изменяется отношение к традиционным ранее формам выражения народной культуры (см. Табл. 6.3). Уже в проявлениях старшего поколения семьи заметна не столь значительная обращенность к ряду востребованных прежде атрибутов, которая, в свою очередь, значительно снижается у поколения студентов. Танцуют народные танцы 17,6% респондентов по отношению к 29,4% их бабушек и дедушек, играют на национальных музыкальных инструментах 6,6% по отношению к 28,4% старшего поколения, используют в одежде элементы народного костюма 11,0% по отношению к 26,5% их предков, освоили народные промыслы 11,0% по отношению к 27,5% их бабушек и дедушек, вышивают, вяжут, лепят в народном стиле 12,1% по отношению к 39,2% старшего поколения, имеют собственный национальный костюм всего 4,4% студентов по отношению к 18,6% старшего поколения.

Таблица 6.3

**Проявление отношения семьи к народной культуре,
в % от опрошенных**

№ п/п	Показатели	вы лично	мама, папа	бабушка, дедушка
1	Танцуют народные танцы	17,6	19,8	29,4
2	Играют на национальных музыкальных инструментах	6,6	11,9	28,4
3	Используют в одежде элементы народного костюма	11,0	12,9	26,5
4	Освоили народные промыслы	11,0	19,8	27,5
5	Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	12,1	20,8	39,2
6	Имеют собственный национальный костюм	4,4	12,9	18,6

Основной элемент культуры – язык определяет в любой мультикультурной среде характер взаимодействия его членов. В социуме полуострова, несмотря на принятие в качестве государственных языков наиболее численных представителей трех этносов полуострова (русского, украинского и крымско-татарского), доминирует в качестве языка государственного и межкультурного общения русский язык. Однако его преобладание в социальной сфере не является абсолютным в кругу семьи. Именно здесь

предстаёт в большей или меньшей степени принадлежность молодого человека к национальной группе, представителем которой он является. Определяющим фактором служит национальная укорененность родителей. И, если для больших этнических групп язык общения в кругу близких родственников избирается преимущественно, исходя из национальной принадлежности или частоты его использования родителями/старшими родственниками, то малые этнические группы, составляющие преобладающее большинство на территории Крымского полуострова, имея непостоянный круг этнонационального общения, используют в кругу семьи преимущественно русский язык.

Выяснилось (см. Табл. 7), что в кругу домашнего общения на русском языке говорят 73,8% опрошенных, что превышает процентный состав респондентов, идентифицировавших себя как русских. При этом, на языке общей для членов семьи национальности общаются в кругу родственников 19% опрошенных, на языке национальности отца/матери в целом общаются 4,5% молодых людей, на разных языках – 2,7% респондентов.

Таблица 7

Язык домашнего общения

№ п/п	Показатели	% от опрошенных
1	На русском	73,8
1	На языке общей для членов семьи национальности	19
2	На языке национальности отца	1,8
3	На языке национальности матери	2,7
4	На разных	2,7

В то же время, русский язык в качестве родного (см. Табл. 8) указали 88,2% респондентов, украинский – 12,6%, крымско-татарский – 6,3%, татарский – 1,8%, армянский – 1,8%, турецкий – 0,9%, удмуртский – 0,9% и греческий – 0,9 % респондентов. Необходимо отметить, что в исследовании была представлена возможность указывать несколько языков в качестве родных. Данная конструкция наиболее приемлема и, одновременно, показательна для многонационального населения полуострова. 13,4% респондентов выбрали в качестве родного два языка.

Родной язык

№ п/п	Значения	% от опрошенных
1	Русский	88,2
2	Украинский	12,6
3	Крымско-татарский	6,3
4	Татарский	1,8
5	Армянский	1,8
6	Языки с меньшей частотой упоминания (турецкий, удмуртский, греческий)	2,7

Культура народа, её базовые смысловые характеристики, хранится, проявляется и передаётся исторически доминантно посредством семейно-родственных отношений. Здесь важно погружение молодых людей в историю социально-культурного развития и изменения статусности своей семьи. В этом аспекте выяснилось, что молодые крымчане проявляют значительный интерес к истории жизни своих предков. Однако не всем известна или доступна информация об историко-культурном становлении своих предков.

Характер социальной стратификации их предков в большей степени известен молодым людям в исторической ретроспективе развития семьи или рода, начиная с третьего поколения пращуров (см. Табл. 9).

Значительное число респондентов (от показателя 78,9% представителей пра-предыдущего поколения студентов и до 39,5% показателя родителей по женской линии) отметили, что затруднились ответить на вопрос о социальном статусе родных в советское время. Выяснить причины затруднения на основании полученных данных в установленном пределе анализа исследования не представляется осуществимым, однако составляет определенный исследовательский интерес.

Однако, базовые социальные страты в знаниях молодежи о социальных позициях исторически представленных социальных прослоек близких родственников соответствуют исторической стратификационной линии и идентифицированы следующим образом. Крестьянами в среде предков являются в большей степени прадедушки/прабабушки (80,6% и 63,9% соответственно) и в наименьших показателях статусных изменений поколений – родители (8,3%). Число рабочих возрастает от 46,6% у

прадедушек и прабабушек до 56,9% у бабушек и дедушек, и значительно снижается в поколении родителей (25,9% – 24,1%). Закономерно относительно образовательного смещения социальных пластов снижается и число лиц служащих без высшего образования от 43,9% и 51,2% (сообразно мужской/женской позиции) у прародителей до 31,7% и 12,2% (соответственно) у родителей. В то же время поступательно (в рамках смены поколений) возрастает количество служащих с высшим образованием: от 25,5% по линии прабабушки до 36,2% у бабушек и до 38,3% у матерей. Позиции по мужской линии остаются в конечном счете неизменными: 25,5% у прадедушек, 34,0% у дедушек и 25,5% у отцов. Показательно по мужской линии снижается количество представителей духовенства: прадедушки – 41,2%, дедушки – 29,4%, отцы – 11,8%. Представители силовых структур по мужской линии удерживают не кардинально, но значительно изменяющийся баланс позиций: 32,3% прадедушки, 35,5% – дедушки и 25,8% отцы.

Таблица 9

Социальный статус родных в советское время, в % от опрошенных

N	Подвопросы	прабабушки	прадедушки	бабушки	дедушки	мать	отец
1	крестьяне	63,9	80,6	25,0	19,4	8,3	8,3
2	рабочие	46,6	46,6	56,9	56,9	25,9	24,1
3	служащие без высшего образования	51,2	43,9	29,3	39,0	12,2	31,7
4	служащие с высшим образованием	25,5	25,5	36,2	34,0	38,3	25,5
5	силовые структуры	22,6	32,3	16,1	35,5	9,7	25,8
6	духовенство	47,1	41,2	11,8	29,4	11,8	11,8
7	другое	32,1	28,6	25,0	32,1	39,3	42,9
8	затрудняюсь ответить	78,9	76,3	47,4	47,4	39,5	42,1

Таким образом, погруженность в историю своей семьи у молодежи, представляющей потомков мигрантов, значительная, что позволяет им

изучать историю своего рода – народности – нации, укореняясь в поле национально-региональной культуры.

На основании полученных данных было установлено, что процесс формирования национального самосознания молодежи Крыма сложен и многогранен. Поле определяющих его показателей составляют в числе иных поликультурное социальное окружение, этнонациональные и историко-статусные позиции семьи, язык общения.

При том, что на полуострове велико количество смешанных браков, а национальная самоидентификация молодых людей бывает весьма затруднительна, важность сохранения народной культуры отмечается ими как необходимое условие в ряде полученных данных.

Следует отметить, что передача и соблюдение традиций из поколения в поколение в рамках семьи имеет устойчиво высокие показатели по одним позициям, например, сопричастность к национальному языку, а по другим – тенденции к снижению, например, востребованность национального костюма.

Полученные данные являются многосложными и в контексте их интерпретации являют пласты формирования национального, этнического, политического, религиозного и др. мировоззренческих составляющих интериоризации народной культуры молодым поколением крымчан, что, безусловно, не могло быть охвачено полем данного анализа и требует отдельного, более детального исследования этих аспектов.

В целом, результаты исследования свидетельствуют, что конкретная народная культура в многонациональном сообществе Крыма остаётся важной составляющей жизни молодого человека. Погружение молодежи в ценностные формы этнически близкой народной культуры и приятие иных народных культур Крымского полуострова позитивно влияют на формирование целостности поликультурной общности.

FOLK CULTURE IN THE INVOLVEMENT OF THE YOUNGER GENERATION OF CRIMEA

I.Yu. Koshel

Koshel Ivan Yurievich – Director of the State Autonomous Educational Institution of Secondary Vocational Education of the Republic of Crimea "G.K. Petrova Kerch Medical College", Kerch
ivankoshel777@gmail.com

In the article presents an interpretation of the data of the RSS study «Cultural Heritage and Connection of Generations», conducted on the territory of Crimea in the segment of students' attitudes to folk culture. The importance of historical and cultural preservation of a number of specific forms of traditional culture for young people is determined. The elements of folk culture assigned as national and cultural heritage within the family are systematized and ranked.

Keywords: folk culture, young generation, family, ethno-national diversity, cultural heritage, Crimea, RSS study.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ И ПОКОЛЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ, ПРАРОДИТЕЛЕЙ, НАРИСОВАННЫЙ» СТУДЕНТАМИ

А.В. Кульминская¹, Л.Д. Забокрицкая²

¹Кульминская Алина Владимировна – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

a.v.kulminskaia@urfu.ru

²Забокрицкая Любовь Дмитриевна – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

г. Екатеринбург

zabokritskaya@urfu.ru

Цель главы – раскрыть восприятие молодежью трех поколений: своего, поколения родителей и поколения прародителей. Восприятие раскрывается через понятие «социокультурный портрет». В теоретической части главы дано определение «социокультурного портрета», определены его элементы. Проведена классификация исследовательских работ, связанных с изучением социокультурного портрета. Результаты эмпирического исследования показали, что социокультурный портрет прародителей, по мнению молодежи, наиболее похож на идеал, модель, более критическая оценка дана портрету своих родителей и самая негативная своему поколению. Выдвигается гипотеза о возможных причинах существенной разницы в восприятии молодежью социокультурных портретов поколений.

Ключевые слова: социокультурный портрет, молодежь, поколения, нравственные качества, прародители, поколение родителей, облако слов.

В рамках исследования «Студенчество России о народной культуре» была поставлена задача изучить, как воспринимает молодежь три поколения: свое, поколение родителей и поколение прародителей. С помощью ответов респондентов получилось не только сделать наброски портретов, но и определить ряд вопросов на будущее.

Мы привыкли читать и говорить о портрете как о художественном жанре изобразительного искусства. Именно из этой области искусства

понятие портрета стало проникать в другие сферы. Особенности создания портрета зависят от того, кто и по какой причине создает его: для отражения реальности, создания гротескного впечатления, формирования образа изображенного лица (сейчас мы говорим – имиджа). В литературе выделяют динамический и статический, развернутый и фрагментарный, психологический (отражающий состояние и психологические характеристики) и внешний портрет, смешанный (включающий как внешние черты, так и черты, сформированные социальной средой) [1].

В социологии традиционно речь идет о социальном и о социокультурном портрете, и работа над их созданием подобна работе художника. В.И. Казакова говорит о том, что социальный портрет – это продукт художественного (творческого) труда социолога, так как портрет зависит от взгляда и заложенных критериев [2]. Еще один подход к определению социального портрета характеризует его рамки как «интегрированное описание социальной сущности объекта (социальной группы), включающее системную характеристику всех составляющих его компонентов, а также социальных процессов и отношений, с ним связанных» [3, с. 84]. Выделение значимых для портрета характеристик зависит от исследовательского фокуса: социальное настроение, экономическое поведение, личное благосостояние, социально-демографические характеристики и процессы, атрибуты деятельности, политические ориентации, интересы и степень криминализации общества, имущественные отношения, карьерные устремления, установки, ценности и особенности поведенческих стратегий [4, с. 4].

Социокультурный портрет включает не только социальную сущность объекта исследования, но и его культурные компоненты: нормы, ценности, ориентации. Корни такого подхода уходят в работы П.А. Сорокина и Т. Парсонса. Отметим, что само понятие «социокультурное» в социологии было введено культурологом и философом П.А. Сорокиным. В самом общем смысле культуру он раскрывал как некую совокупность, созданную или модифицированную в процессе сознательного или бессознательного взаимодействия индивидов, влияющих друг на друга [12, с. 33], то есть в процессе социального взаимодействия. Таким образом, культура в концепции П. А. Сорокина изначально социальна, и ее социальные черты (особенности и условия социального взаимодействия) определяют содержание культуры.

Исследования социокультурного портрета можно разбить на две категории. Первая – работы о социокультурных особенностях территории, основанные на теории Н.И. Лапина [13]: ценностные ориентации населения, структура управления, экономический статус, социокультурные

функции территории, географическое положение и транспортная доступность, структура населения и особенности типа поселения [17]. Здесь фокус исследования смещен на факторы, определяющие социокультурные особенности территории.

Вторую составляют работы, посвященные отдельной социальной общности: современники, студенты-провинциалы, избиратели, молодые мигранты-выпускники вузов, учащаяся молодежь [14-21]. Это именно портреты, включающие как социальные, так и культурные особенности изучаемых общностей.

Нынешнее федеральное исследование РОС предполагало – как один из результатов – формирование социокультурного портрета, относимого ко второй группе. Но оно имело важное, значимое отличие. Традиционно исследователи отталкиваются от некоей теоретической модели, включающей ряд характеристик: структуру ценностей, демографические характеристики и другие. А портрет представляет собой степень выраженности показателей теоретической модели. Особенность нашего исследования состоит в том, что респондентам были предложены наборы положительных и отрицательных характеристик, из которых каждый мог отобрать любое количество черт. То есть, модель заранее не была определена. Если рассматривать выбранную методологию как интеллектуальную задачу для респондентов, важно отметить следующее: каждый набор характеристик был использован трижды – для формирования представления о поколении респондентов, о поколении их родителей и о поколении их бабушек и дедушек. То есть в каждом респондент оценивал и сопоставлял особенности поколений. Это придает нашему исследованию динамический характер. Такая методология позволяет оценить отношение молодежи к себе и своему поколению, восприятие молодежью поколений своих родителей и дедов. Подобное понимание отражает как собственный опыт, пережитый молодежью, так и стереотипное восприятие определенных поколений, что в конечном итоге отражается на понимании молодежью себя, а именно, своих возможностей и жизненных приоритетов.

Респондентам в рамках опроса был задан и вопрос: «каждое поколение отличается от предыдущих. У каждого поколения есть положительные и отрицательные качества. Оцените, пожалуйста, наличие этих качеств у разных поколений, выбрав по 5 характеристик в каждом столбце». Среди положительных качеств предлагалось выбрать – ответственность, самоуважение, взаимопомощь, доброта, добросовестность, патриотизм, трудолюбие, сопереживание, щедрость, критичность, верность, отзывчи-

вость, чувство юмора, оптимизм, принципиальность, социальная активность, коллективизм, самодисциплина, гибкость, способность к адаптации и доверчивость. Среди отрицательных качеств можно было выбрать – эгоизм, злорадство, злопамятность, скупость, зависть, трусость, неуверенность в себе, агрессивность, лень, стремление к выгоде любой ценой, самовлюбленность, пессимизм, индивидуализм, упрямство, неподатливость, фатализм, безразличие, наивность и чрезмерная открытость миру, людям. Оценивалось поколение дедушек / бабушек, поколение отцов / матерей и их поколение (молодежи).

Рассмотрим в первую очередь оценки молодежью положительных качеств, которые присущи разным поколениям (см. рис 1).

Рис. 1. Оценки молодежью положительных качеств, которые присущи разным поколениям (% , от числа ответивших)

Анализ оценок молодежью положительных качеств, которые присущи различным поколениям, однозначно показывает, что по подавляющему большинству качеств молодежь считает предыдущие поколения более состоятельными в плане нравственности. При этом поколение дедушек / бабушек оценивается выше, чем поколение отцов / матерей.

Среди трех оцениваемых поколений именно поколение молодежи, судя по полученным ответам, меньше всего нравственно развито в плане положительных качеств. Этот факт может свидетельствовать как об идеализации предыдущих поколений (чем дальше от нас живут люди, тем мы больше склонны их идеализировать, особенно люди склонны идеализировать тех, кого уже нет в живых), так и о высоком уровне критического отношения к себе и своим современникам.

Если выбрать ТОП-5 самых характерных положительных качеств глазами молодежи, которыми обладает поколение дедушек / бабушек, то к ним можно отнести: патриотизм, трудолюбие, ответственность, добросовестность и верность. Менее всего у дедушек и бабушек, по мнению молодежи, были развиты такие положительные качества, как способность к адаптации, гибкость, социальная активность, критичность и чувство юмора. Исходя из анализа положительных качеств, в целом поколение дедушек / бабушек выглядит очень нравственно развитым, серьезным, трудолюбивым и сплоченным.

Как уже указывалось выше, в целом положительные качества поколения отцов / матерей оценивается молодежью уже менее выражено, чем поколение дедушек / бабушек. Для поколения отцов/матерей наиболее характерны такие положительные качества (ТОП-5): трудолюбие, ответственность, взаимопомощь, отзывчивость, доброта. Действительно, это набор не просто общечеловеческих качеств, но набор тех качеств, которые, как правило, характеризуют родительскую любовь и заботу. В целом же оценки положительных качеств поколения отцов/матерей имеют весьма усредненный характер, находясь в диапазоне с 58% (гибкость) до 82% (трудолюбие).

Положительные качества, которые присущи молодежи, по оценкам самой молодежи, находятся на еще более низком уровне по сравнению с оценками качеств предыдущих поколений. Исключение составили такие качества, как чувство юмора, способность к адаптации, гибкость и социальная активность, то есть те черты, которые нужны для жизни в нестабильном VUCA-мире. Это мир, для которого характерны нестабильность (Volatility), неопределённость (Uncertainty), сложность (Complexity) и неоднозначность (Ambiguity). Это также те четыре качества, которые в целом наиболее выражены у молодежи (см. рис. 2).

Молодежь оценивает свое поколение менее развитым в плане нравственных качеств по сравнению с предыдущими поколениями, но видит себя веселыми, гибкими, адаптивными и социально активными людьми.

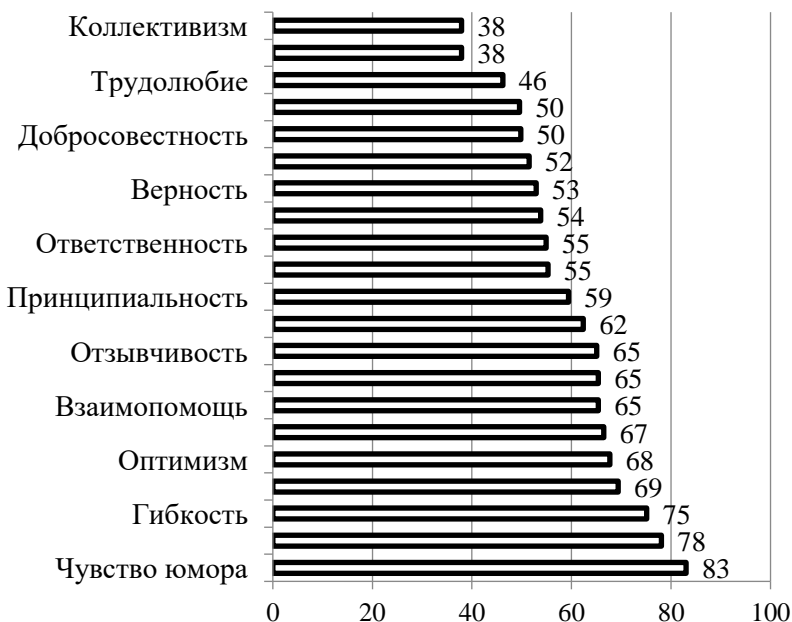

Рис. 2. Оценки молодежью положительных качеств своего поколения (% от числа ответивших)

Менее всего, по мнению молодежи, у современного поколения развиты такие качества, как коллективизм и патриотизм.

Если же рассматривать оценки молодежью отрицательных качеств, которые присущи рассматриваемым поколениям, то тут ситуация выглядит прямо противоположной. А именно, все отрицательные качества максимально выражены, по мнению молодежи, именно у их поколения, а чем старше поколение, тем менее у него проявляются отрицательные качества (см. рис. 3). Исключение из общего тренда составляют только такие качества, как наивность и чрезмерная открытость миру, которые менее всего развиты у поколения отцов/матерей. Видимо, время перестройки, на которое приходится активная социальная жизнь данного поколения, сформировала их, по мнению молодежи, менее наивными и без чрезмерной открытости к людям и миру.

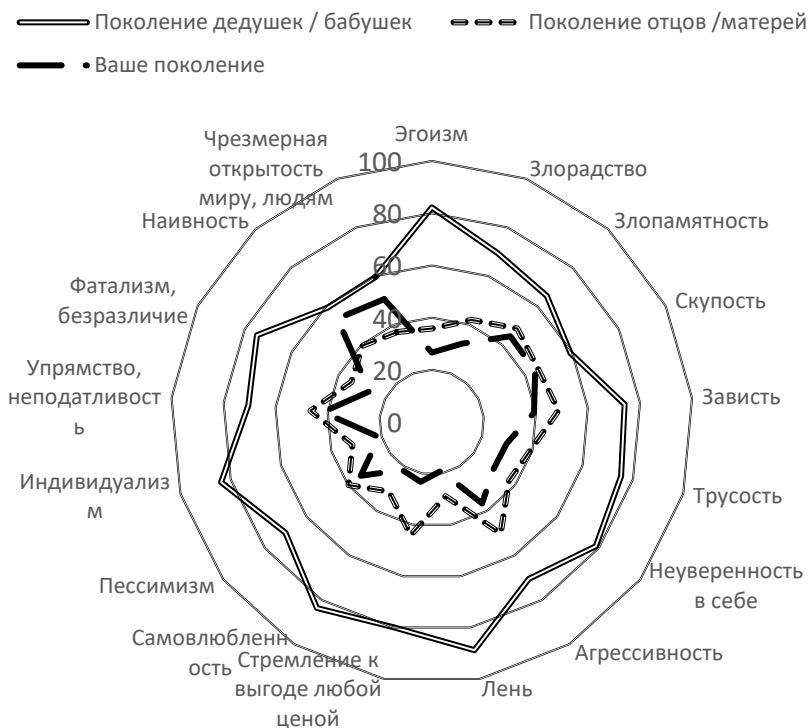

Рис.3. Оценки молодежью отрицательных качеств, которые присущи разным поколениям (% от числа ответивших).

По мнению молодежи, у поколения дедушек/бабушек наиболее выражены такие отрицательные качества (ТОП-5): наивность, чрезмерная открытость миру, людям, злопамятность, скупость, упрямство, неподатливость. Менее всего выражены такие негативные качества, как лень, индивидуализм, самовлюбленность, стремление к выгоде любой ценой. Если же сравнивать поколения, то социокультурный портрет дедов/бабушек выглядит максимально нравственным.

Более выражены негативные качества у поколения отцов/матерей: злопамятность, скупость, зависть, агрессивность, упрямство, неподатливость. Менее всего у поколения отцов/матерей проявляются такие качества, как лень, самовлюбленность, индивидуализм.

Если же рассматривать отрицательные качества у поколения молодежи (см. рис. 4), то у него, по сравнению с другими поколениями, максимально проявляются все негативные качества. Особенно ярко выражены качества: лень, самовлюбленность индивидуализм, эгоизм и стремление к выгоде любой ценой. Менее всего наивность и скупость, хотя и они присутствуют у подавляющего числа молодежи.

Рис. 4. Оценки молодежью отрицательных качеств своего поколения (% от числа ответивших)

Таким образом, социокультурный автопортрет молодежи выглядит достаточно тревожно по сравнению с предыдущими поколениями. Положительные качества в подавляющем большинстве развиты достаточно плохо, тогда как негативные качества имеют максимальное проявление. Причины тут могут скрываться как за психологическими факторами (склонность населения идеализировать другое время, другие страны и иные поколения и критично относиться к своей социокультурной действительности), так и с общими социокультурными проблемами – отсутствием положительной идеологии в обществе, пробелами воспитания. Однозначно можно сказать, что причины данного явления должны стать отдельным предметом изучения. Определенно следует развивать чувство собственного достоинства и уверенности, вместе с нравственными качествами личности. Решение сложившейся ситуации должно быть системным и комплексным.

Достаточно интересные результаты дает распределение положительных нравственных качеств по гендерным признакам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение положительных нравственных качеств по гендерным признакам (% от числа ответивших в каждой группе)

Качества	Поколение дедушек / бабушек		Поколение отцов / матерей		Ваше поколение	
	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж
Ответственность	87	90	80	81	60	46
Самоуважение	77	79	71	74	57	52
Взаимопомощь	85	88	80	80	69	59
Доброта	84	86	78	79	70	58
Добросовестность	87	89	77	78	52	46
Патриотизм	93	91	76	77	39	37
Трудолюбие	91	90	83	82	49	40

Сопереживание	79	83	76	79	71	58
Щедрость	83	85	74	74	57	48
Критичность	60	60	65	64	62	63
Верность	87	89	76	79	56	47
Отзывчивость	81	85	79	80	70	57
Чувство юмора	62	68	73	75	86	78
Оптимизм	66	73	67	72	70	63
Принципиальность	69	74	71	75	61	56
Социальная активность	56	64	61	67	72	64
Коллективизм	85	86	66	71	38	38
Самодисциплина	79	84	76	80	56	44
Гибкость	45	52	56	63	77	72
Способность к адаптации	47	51	60	64	81	73
Доверчивость	77	81	61	64	51	46

Юноши дают более оптимистичную оценку положительных качеств у предыдущих поколений и более сдержанную для своего. Они склонны, по сравнению с девушками, в большей степени идеализировать предыдущие поколения и более критичны к своему.

Различия по гендерным признакам проявилось и в распределении отрицательных нравственных качеств, хотя и не столь однозначно (табл. 2).

Таблица 2

Распределение отрицательных нравственных качеств по гендерным признакам (% , от числа ответивших в каждой группе)

Качества	Поколение дедушек / бабушек		Поколение отцов /матерей		Ваше поколение	
	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж
Эгоизм	26	28	37	34	82	82
Злорадство	33	31	43	40	67	74
Злопамятность	46	42	50	45	63	70
Скупость	46	41	46	44	55	67
Зависть	40	39	51	44	73	77
Трусость	30	29	41	36	74	77
Неуверенность в себе	31	27	39	33	78	80
Агрессивность	38	34	52	47	69	73
Лень	18	22	28	31	90	86
Стремление к выгоде любой ценой	23	24	44	43	80	80
Самовлюбленность	20	24	31	31	84	83
Пессимизм	35	32	41	37	68	74
Индивидуализм	20	23	31	34	85	82
Упрямство, неподатливость	42	43	47	46	71	71
Фатализм, безразличие	25	29	34	34	74	76
Наивность	54	52	39	41	60	60
Чрезмерная открытость миру, людям	51	49	37	36	59	60

Заметно, что оценка юношами и девушками отрицательных качеств поколения дедушек/бабушек значительно оптимистичнее, чем оценка качеств последующих поколений. Оценка данных качеств по гендерному признаку существенно не отличается и находится в пределах статистической погрешности. Существенно не отличается и оценка по гендерному признаку отрицательных качеств поколения отцов/матерей. Исключение составляют только такие качества, как зависть и неуверенность в себе, то есть девушки считают, что у поколения родителей данные качества более выражены. Что касается оценки собственного поколения, то юноши оценивают его более критично. Подавляющее большинство негативных качеств молодые люди в большей степени приписывают именно своему поколению.

Интересно, что детные и бездетные респонденты по-разному характеризуют поколение родителей и поколение ровесников (Рис. 5).

Рис. 5. Распределение положительных нравственных качеств в зависимости от детности респондентов (% от числа ответивших в каждой группе)

При анализе частоты выбора отрицательных качеств разница между подгруппами стала еще заметнее. Бездетные респонденты продемонстрировали явное критическое отношение к поколению родителей. Наиболее близкие оценки наблюдаются по позициям: чрезмерная открытость миру, наивность, индивидуализм, неуверенность в себе, самовлюбленность. Разница по ним не превышает 9%. По остальным характеристикам различия между подгруппами могут составлять до 20%. В то же время различий по оценке собственного поколения в плане отличия незначительны (рис. 6).

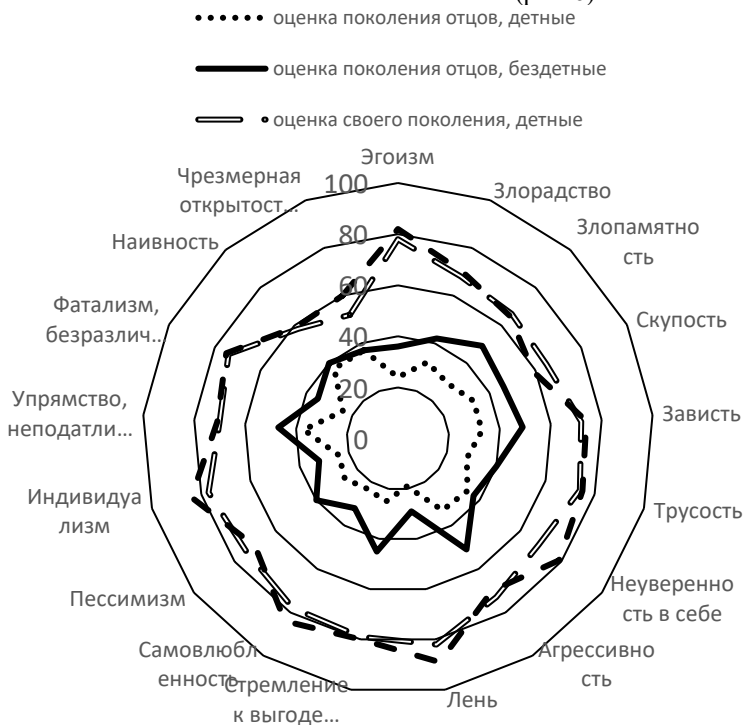

Рис. 6. Распределение отрицательных нравственных качеств в зависимости от детности респондентов (% от числа ответивших в каждой группе)

На различия в восприятии своего поколения влияет такой фактор, как уровень дохода. В исследовании была использована традиционная шкала

оценочных суждений, мы отобрали в каждой из подгрупп те качества, которые были выбраны значимо чаще, чем в целом по выборочной совокупности. Респонденты, попавшие в категорию «Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, машину, дачу и многое другое», характеризуют поколение сверстников через следующие черты: патриотизм, щедрость, принципиальность, коллективизм, самодисциплина. Самоуважение и оптимизм – общие характеристики для этой и соседней подгруппы (выбравшей ответ «Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи»). Помимо указанных двух черт вторая подгруппа выбрала взаимопомощь, сопереживание, чувство юмора и социальную активность. Респонденты, испытывающие затруднения с покупкой товаров длительного пользования, наиболее часто выбирали характеристики, ведущие к благополучию: способность к адаптации, гибкость, чувство юмора.

Дополнительно респондентам задавался вопрос для определения идеала собственного поколения. Он был сформулирован следующим образом: «Всем известны былинные образы героев своего народа. Например, у славян это Илья Муромец, Василиса премудрая. Каким должен быть герой / героиня сегодняшнего дня? Назовите три, по вашему мнению, самых главных черты современного героя/героини».

Для удобства восприятия информации по каждой части вопроса было создано облако слов на ресурсе WordArt [23]. В каждом облаке представлены ответы, набравшие не менее 3% от числа ответивших. По облакам видно, что метафизическая модель героя складывается из трех слоев: топ (ядро), база и периферия. Топ – наиболее общие для респондентов, самые часто упоминаемые качества, их называют от 20% до 30 % респондентов. База – это близкие по смыслу, но выраженные разными словами качества, частота их упоминания колеблется около 10%. Периферия представлена относительно редкими качествами. Предполагаем, что их значимость определяется особенностями образа жизни и личных взглядов респондентов. Если смотреть по процентам от числа ответов, то каждый ответ в периферии занимает не более 1,5%. В будущем будет интересно проанализировать эти качества, укрупнив масштаб анализа до категорий, но для целей монографии, посвященной основным результатам федерального исследования РОС, наиболее интересны основные черты ядра и базы.

Современный герой имеет достаточно мужественный образ. Почти каждый третий респондент указал на его честность, каждый пятый – на справедливость и доброту, это три основных его качества. Помимо них герой обладает силой и стойкостью, он храбр, может нести ответственность, обладает мужеством, эти качества названы каждым пятым респондентом. Остальные ответы набрали менее 10%. Интересно, что мудрость и отвага были названы одинаковым количеством респондентов. В периферии мы видим такие качества, как верность, отзывчивость, трудолюбие, патриотизм, целеустремленность, патриотизм. Облако слов представлено на рисунке 7.

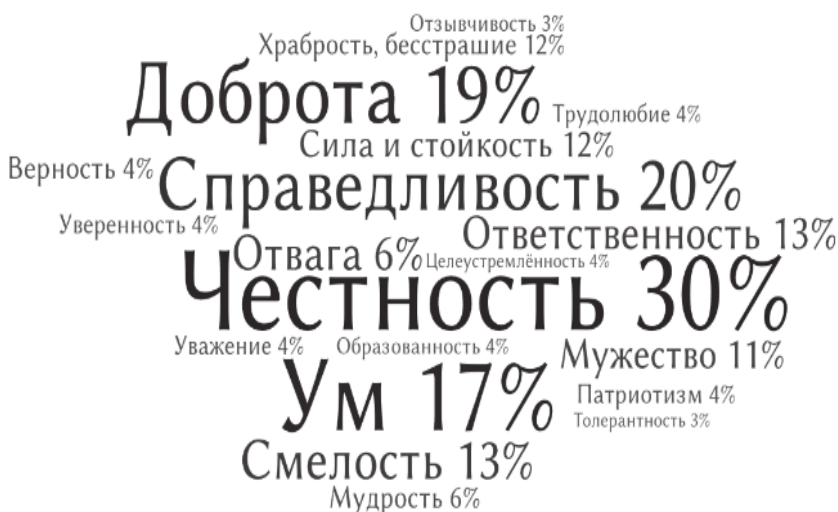

Рис.7. Облако слов, характеризующих образ героя сегодняшнего дня (в % от числа ответивших)

Характеризуя образ героини, респонденты указали доброту (каждый третий), честность и ум (каждый пятый), эти три черты попали в ядро. В базовые черты входят справедливость, красота, смелость, мудрость, о них написал каждый десятый респондент. В периферию входят такие качества, как уверенность, независимость, образованность, искренность, любовь, отзывчивость, заботливость. Облако слов представлено на рис. 8.

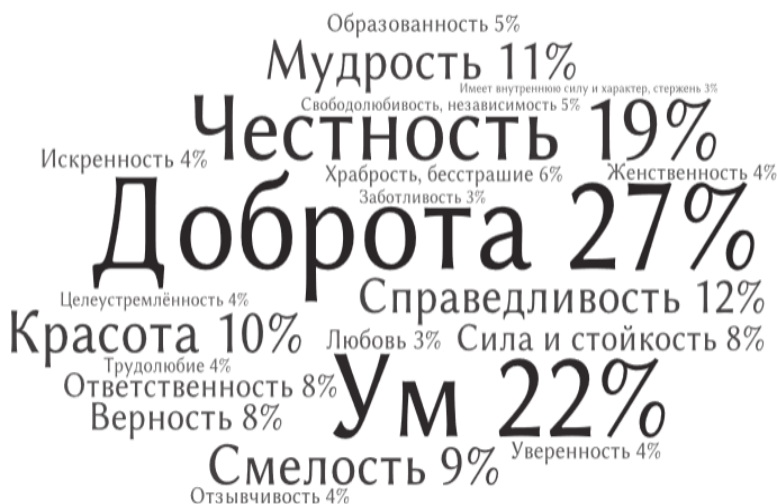

Рисунок 8. Облако слов, характеризующих образ героини сегодняшнего дня (в % от числа ответивших)

У получившихся моделей достаточно много общего, в первую очередь – присутствие доброты и честности в ядре обеих моделей. Полагаем, что корни этой общности кроются в базовых ценностях нашего общества. Частота упоминания таких качеств, как мудрость, верность, независимость, выше у образа героини, а упоминание силы, стойкости, смелости незначительно ниже, что создает впечатление большей устойчивости в изменяющемся мире. У героя названы черты, связанные с активным действием: храбрость, мужество, отвага, традиционно связанные с мужским началом. Ответы респондентов дают основания утверждать, что в молодежной среде поддерживаются традиционные гендерные различия (об этом говорят различия между базовыми качествами героя и героини).

Если сопоставить данные по двум вопросам, можно сделать вывод, что портрет прародителей наиболее похож на идеал, модель. Вероятнее всего, респонденты «нарисовали» портреты поколений, основываясь как на коллективных представлениях (образе поколения, сформированном художественной литературой, кинематографом, политикой государства), так и на собственном опыте. образу бабушек и дедушек коллективное представление подарило патриотизм, трудолюбие, от-

ветственность, добросовестность и верность. Складывается впечатление, что респонденты не рефлексировали при ответе на вопрос об этом поколении, так как не выделены черты, которые говорят о личном опыте взаимодействия: доброта, отзывчивость, чувство юмора, то есть те качества, которые традиционно связывают с социальной ролью бабушек и дедушек. Поколение родителей характеризует трудолюбие, ответственность, взаимопомощь, отзывчивость, доброта. Это как раз результат непосредственного взаимодействия и рефлексии роли родителей в судьбе ребенка.

Обращает на себя внимание, что образ своего поколения значительно отличается от идеала. По отношению к собственному поколению респонденты показали очень высокий уровень критичности. К положительным чертам большая часть респондентов отнесла гибкость, способность к адаптации, чувство юмора. К отрицательным – лень, самовлюбленность, индивидуализм, эгоизм, стремление к выгоде любой ценой. Здесь важно отметить, что отрицательные черты респонденты отмечали более активно, это значит, что они акцентируют внимание именно на негативных чертах своего поколения. Анализ взаимосвязи между уровнем дохода и представлениях о собственном поколении позволил сформировать гипотезу о том, что портрет собственного поколения формируется в основном на основе повседневного взаимодействия. В ее пользу говорит тот факт, что аспиранты относятся к собственному поколению более критично, чем студенты бакалавриата. В разрезе направления обучения заметно более лояльное отношение студентов-медиков (в этой группе чаще, чем по всей выборке, отмечены ответственность, доброта, сопереживание, коллективизм), и у творческих специальностей (доверчивость, трудолюбие, доброта, способность к адаптации). Для проверки этой гипотезы необходимо проведение отдельного исследования, в задачи которого будет входить и разработка управленческих решений для развития молодежной политики.

Список литературы

1. Кунавин О.Б., Кунавина И.И. Проблема портрета в художественной литературе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. №2 (26). С. 202-207.
2. Казакова В.И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. №1 (21). С. 32-38.

3. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики: Монография / Ермолаева П.О. и др. Казань: Издательство «Артифакт», 2014. 92 с. (с. 84)
4. Сычева А.В. Социальный портрет добровольца в современном обществе: региональный аспект // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. №2. С. 93-103.
5. Лукичев П.Н. Социальный портрет студенческой молодежи г. Ростова-на-Дону (по материалам первичного анализа) // Научная мысль Кавказа. 2013. №2 (74). С. 52-62.
6. Михайлов А.В. Социально-психологический портрет рабочей молодежи // Прикладная юридическая психология. 2010. №1. С. 97-108.
7. Гусева Т.С. Социальный портрет студенческой молодежи // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. №26. С. 61-67.
8. Андреев А.И., Андриянов А.В., Антипов Е.А., Павлова С.М. К социальному портрету молодого россиянина: опыт исследования карьерных устремлений // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. С. 103-113. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.10.
9. Грязнов А.Н., Масленникова В.Ш., Боговарова В.А. Социально-психологический портрет студента // Казанский педагогический журнал. 2013. №3 (98). С. 160-167.
10. Базарова Т.С. Особенности социального портрета современного студенчества // Вестник Брянского государственного университета. 2010. №6. С. 126-131.
11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. 1176 с.
12. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8.
13. Терещук Е.А. Социокультурные особенности региона: ценностные ориентации населения Челябинской области // Социум и власть. 2014. №6 (50). С. 33-38.
14. Пономаренко Н.Г. Социокультурный портрет города Орла // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 64-70.
15. Новикова Е.Э. «Население и поселения» как элемент социокультурного портрета // СГН. 2019. №1 (3). С. 462-468.
16. Ерошевич Е. Социокультурный портрет современников // Наука и инновации. 2015. №151. С. 12-14.

17. Тарадай Е. Д. Социокультурный портрет студента-провинциала // Ярославский педагогический вестник. 2006. №4. С. 136-140.

18. Артемов Г.П. Петербургские избиратели: социокультурный портрет и партийная дифференциация // ПОЛИТЭКС. 2005. №1. С. 50-67.

19. Андреева Е.В., Дергунова Н.В. Социокультурный портрет молодых мигрантов – выпускников российских вузов // Власть. 2016. №12. С. 183-188.

20. Скульмовская Л.Г., Кудинова О.С., Гауч О.Н. Социокультурный портрет современной учащейся молодежи провинциального города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. №2 (71). С. 156-163.

21. Что такое VUCA и VUCA-мир [Электронный ресурс] URL: <https://skillbox.ru/media/management/model-vuca-kak-protsvetat-v-khaose>

22. WordArt : [сайт]. URL: <https://wordart.com/create> (дата обращения: 7.09.2022).

SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF THEIR GENERATION AND GENERATIONS OF PARENTS AND GRANDPARENTS, “DRAWN” BY STUDENTS

A.V. Kulminskaya¹, L.D. Zabokritskaya²

¹Kulminskaya Alina Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences;
Associate Professor, Department of Sociology and Technologies of State
and Municipal Management, School of Public Administration and Entrepreneurship,
Institute of Economics and Management,
Ural Federal University named after the
First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg
a.v.kulminskaya@urfu.ru

²Zabokritskaya Lyubov Dmitrievna – Candidate of Sociological Sciences;
Associate Professor, Department of Sociology and Technologies of State
and Municipal Management, School of Public Administration and Entrepreneurship,
Institute of Economics and Management, Ural Federal University named
after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg
zabokritskaya@urfu.ru

The purpose of the chapter is to reveal the perception of young people of three generations: their own, the generation of their parents and the generation of their grandparents. Perception is revealed through the concept of “sociocultural portrait”. In the theoretical part of the chapter, the definition of “sociocultural portrait” is given and its elements are defined. A classification of research works related to the study of the sociocultural portrait has been carried out. The results of

the empirical study showed that the sociocultural portrait of their grandparents, in the opinion of young people, is most similar to the ideal, model; a more critical assessment is given to the portrait of their parents and the most negative of their generation. A hypothesis is put forward about the possible reasons for the significant difference in the perception of sociocultural portraits of generations among young people.

Keywords: sociocultural portrait, youth, generations, moral qualities, grandparents, generation of parents, word cloud.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

В.А. Мансуров¹, Е.Ю. Иванова²

¹Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
mansurov@isras.ru

²Иванова Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
ele6248@yandex.ru

Анализ результатов исследования РОС 2022 года «Культурное наследие и связь поколений» позволил сопоставить ряд индикаторов, характеризующих отношение студентов различных профилей обучения (технического, социально-экономического, естественнонаучного, медицинского, военного, творческого) к сохранению народной культуры и семейным традициям в современных социально-экономических реалиях. Отражены как общие для анализируемых групп студентов тенденции в национально-культурной самоидентификации, так и особенности ее проявления.

Ключевые слова: профиль обучения, студенты, семья, культурное наследие, народная культура, семейные традиции, национально-культурная самоидентификация.

Информационной базой проведённого нами исследования явились данные, полученные в ходе опроса студентов 207 вузов России в рамках проекта «Культурное наследие и связь поколений» (2022 год) [1]. Из 9751 студентов, принявших участие в опросе, 38% – гуманитарии, 25,1% выбрали технический профиль обучения, 14,1% – социально-экономический; 9% – естественно-научный. На другие профили обучения (медицинский, военный, физкультура и спорт, творческий, сельскохозяйственный и др.) приходится 13,7% респондентов.

В опросе приняли участие преимущественно студенты 1-3 курсов (более 80 % по всем профильным группам). Преимущественно женский контингент респондентов гуманитарной, социально-экономической, естественнонаучной, медицинской, творческой специализации подтверждается данными Таблицы 1. Мужской контингент превалировал среди респондентов технического, военного и спортивного профиля обучения.

**Распределение респондентов по полу
(в % к принявшим участие в опросе)**

Пол / Профили обучения	Гуманитарный	Технический	Социально-экономический	Естественно-научный	Медицинский	Военный	Спортивный	Творческий
Женский	77,9	33,9	72,9	70,8	81,1	20,3	49,8	90,9
Мужской	22,1	66,1	27,1	29,2	18,9	79,7	50,2	9,1

Систематизация полученной информации выявила ряд ограничений в оценке репрезентативности данных об общих чертах и особенностях национально-культурной идентификации современной молодёжи на примере студентов различных профилей обучения. Такими ограничениями для проведения сравнительных процедур явилась неоднородность по количественному, национальному, территориальному и половозрастному составу анализируемых групп респондентов, что требует дальнейшего углублённого исследования заявленной проблемы. Однако массовость участия респондентов в опросе позволила несколько нивелировать возникшие проблемы с интерпретацией данных.

Научная гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: профиль обучения студентов, относящихся к одному поколению, не оказывает существенного влияния на их ценностные ориентиры, соблюдение семейных традиций, отношение к народной культуре, религии, отечественной истории.

На вопрос: «Как Вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?», были получены ответы, поколебавшие первоначальную научную гипотезу. Были предложены три варианта ответа на поставленный вопрос:

1. «Да, если он ощущает свою принадлежность к определённому этносу и заинтересован в сохранении его традиций» (для студентов военного профиля этот вариант ответа важен для 70% респондентов, а для естественнонаучного – только 41%).

2. «Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов» (если для студентов естественно-научного профиля этот вариант ответа приоритетен для 53,3% респондентов, то для военного – только 25,9 %)

3. «Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность» (3,8% студентов военного профиля согласны с предложенной формулировкой ответа, а технического – 8,1%).

Несмотря на проявившиеся различия в оценках значимости культуры своего народа для молодёжи, суммарные величины утвердительных ответов по всем группам студентов приблизительно одинаковы и варьируются в пределах 92–96%.

Анализ данных опроса выявил некоторую особенность оценок важности сохранения народной культуры студентами различных специализаций, заключающейся в степени поляризации мнений внутри профильной группы (Таблица 2).

Таблица 2

**Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?
(в % от числа студентов различных профилей обучения)**

Профили обучения	Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам	Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления	Затрудняюсь ответить	Другое
Гуманитарный	82,3	6,9	9,5	1,3
Технический	75,5	9,6	13,7	1,3
Социально-экономический	74,9	10,9	11,5	2,7
Естественно-научный	73,2	7,6	16,2	3,0
Медицинский	74,7	8,1	15,6	1,6
Военный	86,7	12,0	1,3	0

Спортивный	82,7	7,8	9,1	0,3
Творческий	77,7	8,3	10,7	3,3

С одной стороны, у студентов военных специальностей сформировалось чёткое отношение к сохранению народной культуры в парадигме предлагаемых вариантов ответов (затруднились с ответом всего 1,3 % респондентов, при том, что прилагать все усилия для её сохранения посчитали нужным 86,7%, что явилось максимальным значением). С другой стороны, каждый шестой представитель естественнонаучного (16,2%), медицинского (15,6%), технического (13,7%) профилей обучения не смог определиться с ответом.

Примерами существенного влияния профиля обучения на те или иные личностные оценки могут служить данные об отношении к таким индикаторам культурного наследия, как народное искусство, народные песни, народные танцы, народные костюмы. По всем перечисленным выше позициям подавляющая доля студентов творческих вузов отметила важность их сохранения. С другой стороны, для студентов технической и социально-экономической специализации предлагаемые индикаторы менее важны. Так, сохранение народных танцев не важно для 9,9% студентов творческих вузов против 17,3% – технических. Вероятнее всего, получаемая специализация, гендерные особенности реализации в будущей профессии, должностная субординация как обязательный атрибут служебной коммуникативной практики оказывают существенное влияние на оценку, например, традиций главенства мужчины в семье. Если для слушателей военных вузов этот образ внутрисемейных отношений важен для 56,3% респондентов, то для гуманитариев – всего 24,7%. Показатель равенства мужчины и женщины для будущих военных важен в 52,5% случаев, а для творческих работников – 76%; главенство старшего в роду для будущих военных важно в 61,4% случаев, тогда как для студентов естественнонаучной среды всего 27,7%.

Анализ влияния семьи на особенности оценок студентами различных профилей обучения национально-культурных традиций и поведенческих практик позволил выделить некоторые важные аспекты.

Тесноту связей между поколениями можно оценить, например, по такому показателю, как проявление интереса к народной культуре в различных её аспектах. Проиллюстрируем полученные корреляционные зависимости на примере трёх поколений семей студентов, специализирующихся в гуманитарной, технической и военной сферах. (Таблица 3).

Таблица 3

**Проявление отношение семей студентов к народной культуре
(в% к ответившим)**

Профили обучения	Поколения	Уважают и соблюдают народные обычаи	Используют в одежде элементы народного костюма	Используют в своей речи народные пословицы, поговорки
Гуманитарный	Респондент	55,9	10,8	56,3
	Отец, мать	67,0	13,0	67,6
	Дедушка, бабушка	85,6	27,9	81,5
Технический	Респондент	54,2	10,2	46,9
	Отец, мать	67,8	14,7	60,5
	Дедушка, бабушка	83,9	28,9	74,0
Военный	Респондент	69,3	21,1	71,2
	Отец, мать	72,3	22,7	61,3
	Дедушка, бабушка	89,0	42,0	73,8

Анализ данных приведённых в Таблице 3, подтвердил тесную связь между отношением студентов к соблюдению народных обычаев, использованию в одежде элементов народного костюма, а также в своей речи народных пословиц и поговорок и отношением поколений пап-мам (коэффициент корреляции 0,95) и дедушек-бабушек (коэффициент корреляции 0,939) к аналогичным аспектам, характеризующим принадлежность к конкретной национальной культуре. Тем самым, объективными данными подтверждается факт передачи культурных ценностей и культурного кода нации в процессе семейного взаимодействия.

На предложение отметить, «Насколько лично для Вас важно сохранение семейных традиций», – студенты всех профилей обучения подтвер-

дили безусловную важность внутрисемейной передачи элементов национальной культуры (не важно сохранение семейных традиций менее, чем для 6% респондентов). Однако при ответе на вопрос об использовании советов и опыта родных в различных жизненных ситуациях подобное единодушие не просматривается. При выборе профессии к совету родных часто прислушивались студенты технических и военных специальностей (41,6% и 58,2% соответственно). В то время как, например, только 24,8% студентов творческих специальностей часто следовали советам родных, а редко или никогда – 75,2%. Для современной молодёжи не важно мнение ни преподавателей, ни друзей, ни блогеров, ни, как мы убедились, семьи. Образовательная и профессиональная траектория, по мнению респондентов, выстраивается и основывается преимущественно на сформированном собственном мнении. 87,3% студентов гуманитарных вузов опираются на собственное мнение при выборе профессии, 89,9% – естественнонаучного профиля, 89,9% – медицинского. За пределами нашего анализа остались причины подобных ответов респондентов, анализ которых требует дальнейшего изучения.

Гипотеза о трансформации личности современного человека (за период смены трёх поколений) в сторону роста эгоцентричности находит некоторое подтверждение данными опроса. Например, индивидуализм как отрицательное качество, по мнению студентов естественнонаучного профиля, присуща 86,9% молодёжи, поколению отцов/ матерей – 35,2%, а поколению дедушек/бабушек всего 23,0%.

Несмотря на явно выраженную самостоятельность в принятии решений и некую автономность существования современной молодёжи, существует необходимость и потребность в общении не только с членами семьи, но и с представителями других социальных групп, сформированных по разным классификационным основаниям. Отвечая на вопрос анкеты: «С кем Вы предпочитаете общаться?», студенты различных профилей обучения продемонстрировали спектр предпочтений в выборе круга общения. Оказалось, что подавляющая часть студентов, выбрала как наиболее приоритетный вариант общения с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь (от 64,6% студентов военного профиля до 90,1% студентов творческой специализации). На втором месте по приоритетности выбора круга общения оказались люди, проводящие досуг так же, как респонденты. И только на третьем месте разместилось профессиональное общение. Ценность подобного общения отметили студенты технических, медицинских, военных, творческих специальностей (не более 47,1% респондентов по каждой профессиональной группе).

Результаты опроса позволили сформировать некий виртуальный собирательный образ поколения современных студентов различных образовательных профилей на основе полученных данных об их самооценке в рамках предложенного разработчиками анкеты набора качеств человека. В Таблице 4 систематизированы результаты опроса студентов естественнонаучного (N=874) и медицинского (N=668) профилей, оценивших наличие у них тех или иных положительных и отрицательных черт.

Таблица 4

Образ поколения молодёжи глазами студентов естественнонаучного и медицинского профилей, в % к принявшим участие в опросе

Положительные качества личности	Профиль обучения		Отрицательные качества личности	Профиль обучения	
	Естественнонаучный	Медицинский		Естественнонаучный	Медицинский
Сопереживание	69,5	70,9	Эгоизм	83,7	81,6
Трудолюбие	48,5	48,6	Лень	91,3	90,1
Щедрость	56,4	57,8	Скупость	58,0	61,8
Критичность	64,1	62,5	Неуверенность в себе	80,0	81,2
Верность	55,4	54,7	Зависть	74,6	74,2
Отзывчивость	68,2	68,0	Трусость	76,5	76,5
Чувство юмора	85,9	86,0	Фатализм, безразличие	77,1	73,9
Оптимизм	68,5	74,8	Пессимизм	72,1	68,2
Принципиальность	60,6	61,8	Злопамятность	67,4	65,7
Социальная активность	71,4	69,8	Агрессивность	71,2	69,5
Коллективизм	37,6	44,0	Индивидуализм	86,9	83,7
Самодисциплина	51,6	51,5	Самовлюблённость	84,3	83,3
Гибкость	75,5	76,5	Злорадство	71,8	72,3
Способность к адаптации	80,0	79,7	Стремление к выгоде любой ценой	80,8	80,3
Доверчивость	49,4	52,0	Упрямство, неподатливость	70,0	70,7

Сравнительный анализ данных, представленный в Таблице 4, позволяет сделать следующие выводы:

– показатели самооценки по двум выделенным группам студентов демонстрируют сопоставимость полученных результатов. Доля студентов естественнонаучного профиля обучения, подтвердивших наличие у поколения молодёжи тех или иных личностных качеств, соответствует доли студентов медицинского профиля, ответивших на те же вопросы (максимальное отличие в оценках не превышает 6%), что свидетельствует о реальности отражаемых процессов;

– положительные качества личности менее присущи поколению респондентов по сравнению с отрицательными. Так, например, трудолюбие как положительное качество, по мнению студентов, типично лишь для (48,5–48,6 %) представителей молодёжи, а лень – (90,1–91,3%), сопереживание – (69,5–70,9%), а эгоизм (81,6–83,7%);

– предъявленная студенчеством беспощадная самооценка формирует нелицеприятный образ молодого поколения с превалированием таких черт, как лень, эгоизм, неуверенность в себе, индивидуализм, самовлюблённость, стремление к выгоде любой ценой (приведены характеристики, где процент отметивших его, как присущий молодёжи, превышает 80%). Не улучшает образа ни наличие чувства юмора, ни способность к адаптации к изменяющимся условиям жизни, напротив, эти условно положительные черты добавляют к собирательному портрету студента негативные нюансы;

– на наш взгляд, достаточно неустойчивое социально-психологическое состояние поколения молодых специалистов выразилось в их оценке присущих ему таких качеств, как «Оптимизм» и «Пессимизм». Сопоставимость доли оптимистов и пессимистов по всем группам профилей обучения показало, что именно принадлежность к той или иной профессии позволяет оценить перспективы профессиональной реализации (Таблица 5). И таких «надёжных» профессиональных реализаций оказалось только две: медицинская и творческая, с другой стороны, представители военных и технических учебных заведений зафиксировали самый высокий разрыв между оптимистическими и пессимистическими самооценками, что требует дальнейшего осмысления и исследования.

Таблица 5

**Оптимизм и пессимизм в оценках качеств, присущих поколению молодёжи
(в % к ответившим)**

Профили обучения	Гуманитарный	Технический	Социально-экономиче-	Естественно-научный	Медицинский	Военный	Спортивный	Творческий
Оптимизм как качество, присущее поколению студентов	67,2	67,9	67,9	68,5	74,8	50,0	63,4	75,0
Пессимизм как качество, присущее поколению студентов	68,5	75,1	68,5	72,1	68,2	64,0	66,7	72,0

Блок вопросов анкеты, посвящённых сравнению ряда проявлений, характерных для современного российского общества и некоего идеального общества (спектр морально-этических и патриотических качеств; знание истории и культуры своего народа; критерии уверенности в будущем; отношение к государственным институтам; проявление толерантности), позволил высветить болевые точки социального развития, с одной стороны, выявить наиболее социально ориентированные и критически настроенные группы студенчества по критерию профиля обучения – с другой.

Главный вывод, который можно сделать, сравнивая оценки студентами разных профилей обучения идеального и современного российского общества, это – существенное, по мнению респондентов, отставание социально-экономических и нравственно-моральных реалий от представлений об идеале. Наиболее критичную позицию по большинству параметров продемонстрировали студенты гуманитарных, технических и вузов социально-экономической специализации. Критичность оценок рассчитывается нами как разность между долей респондентов, считающих, что анализируемый параметр присущ идеальному обществу, и долей респондентов, считающих, что анализируемый параметр присущ современному российскому обществу, по каждой профильной группе. Так, например, параметр эффективности государственной политики, обеспечивающей

уверенность в будущем (Рис. 1), оценивается в парадигме критичности гуманитариями в размере 58%, студентами социально-экономических специализаций в 60%, что свидетельствует о высоком уровне неудовлетворённости молодёжи перспективами профессиональной и жизненной реализации.

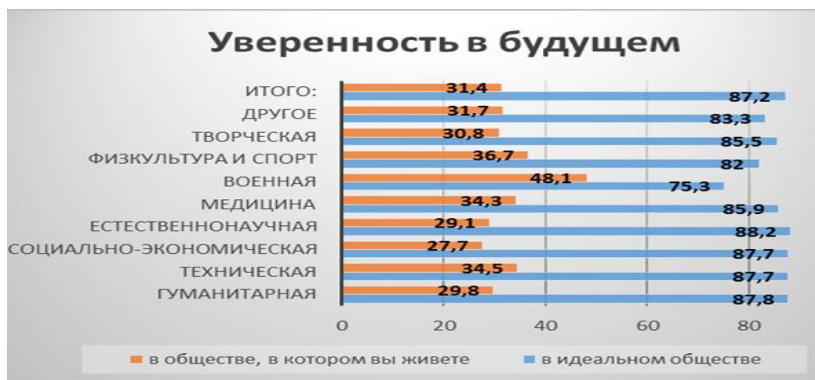

Рис. 1. Уверенность в будущем в обществе, в котором живёт респондент, и в идеальном обществе (в % от ответивших)

С другой стороны, всеобщая воинская повинность, по мнению респондентов, не присуща идеальному обществу и имеет отрицательный показатель критичности – 19,3% для группы студентов социально-экономического профиля, 18,6% – студентов творческих специальностей.

Обратим внимание на существенные расхождения в оценках обеспечения государством прав граждан по ряду характеристик в современном российском и идеальном обществе представителями военного профиля обучения, что, вероятнее всего, связано со спецификой будущей профессии. Например, по показателю равенства перед законом студенты военного профиля оценивают обеспечение государством прав граждан в нашей стране в 53% (это самый высокий уровень оценки) и в 69,4% в идеальном обществе (это самый низкий уровень оценки). Аналогичная ситуация наблюдается и по показателям обеспеченности рабочими местами, достойной оплаты труда. В связи с этими наблюдениями, углублённое сравнительное исследование особенностей восприятия социально-политической и экономической действительности студентами не только различных профилей обучения, но и представителями различных профессиональных групп представляет особый интерес.

Критическая оценка существующих реалий современной России и патриотизм как политический принцип и социальное чувство, выражающееся в любви к родине, народу и его традициям, сопоставлен в рамках проведённого исследования. На вопрос: «Вы можете назвать себя патриотом?» – были получены ответы, сведённые в Таблицу 6.

Таблица 6

Вы можете назвать себя патриотом? (в % к ответившим)

Профили обучения	Гуманитарный	Технический	Социально-экономический	Естественно-научный	Медицинский	Военный	Спортивный	Творческий
Нет и скорее нет, чем да	13,3	13,8	16,3	14,3	13,0	6,3	12,0	15,7
Затруднились ответить	9,0	10,6	8,8	12,9	9,9	1,9	6,8	12,4
Скорее да, чем нет и да	76,7	74,6	74,9	72,7	78,1	91,8	81,1	71,9

Таким образом, при отсутствии значимого разброса патриотических самооценок у студентов гуманитарных, технических, социально-экономических и медицинских специальностей существенно выделяются студенты военного профиля, 91,8% которых считают себя патриотами, что, безусловно, связано со спецификой образовательных программ и профессиональной миссией в будущем. Высокий уровень причисления себя к патриотам отмечен у студентов спортивных вузов (81,1%), абсолютно закономерен и тоже связан с профессиональной миссией – побеждать. С другой стороны, среди всех выделенных групп доля студентов творческих специализаций, относящих себя к патриотам, наименьшая (71,9%). На вопрос: «После получения образования Вы планируете жить и работать в стране, гражданином которой Вы являетесь, или постараетесь уехать за рубеж?», – были получены ответы, тесным образом коррелирующие с данными Таблицы 6. Коэффициент корреляции между желанием работать за рубежом и самооценкой как патриота очень тесная и равен 0,71. В условиях дефицита рабочей силы в России создание условий для

успешной профессиональной реализации становится одним из важнейших направлений государственной политики.

Анализ информации, полученной в ходе опроса, позволил опровергнуть первоначальную гипотезу о том, что профиль обучения студентов, относящихся к одному поколению, не оказывает существенного влияния на их ценностные ориентиры, соблюдение семейных традиций, отношение к народной культуре, религии, отечественной истории. Проведённое исследование достоверно подтвердило наличие реальных особенностей самоидентификации студентов различных профилей обучения в сложившихся социально-экономических условиях и требует дальнейшего исследования с учётом выявленных проблем и тенденций.

Список литературы

1. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151-154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014, EDN SBVLCM.

GENERAL AND SPECIAL IN THE NATIONAL-CULTURAL IDENTIFICATION OF MODERN YOUTH ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF VARIOUS PROFILES OF EDUCATION

V.A. Mansurov¹, E.Yu. Ivanova²

¹Mansurov Valery Andreyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, FNISC RAS, Moscow
mansurov@isras.ru

²Ivanova Elena Yurievna – PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow
ele6248@yandex.ru

An analysis of the results of the 2022 ROS study "Cultural Heritage and the Connection of Generations" made it possible to compare a number of indicators characterizing the attitude of students of various educational profiles (technical, socio-economic, natural science, medical, military, creative) to the preservation of folk culture and family traditions in modern socio-economic realities. Both the trends in national and cultural self-identification common to the analyzed groups of students, as well as the features of its manifestation, are reflected.

Keywords: profile of education, students, family, cultural heritage, folk culture, family traditions, national and cultural self-identification.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК МЕЖПОКОЛЕННЫЙ ПРОВОДНИК ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

З.А. Хоткина

Хоткина Зоя Александровна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), г. Москва
zoya-alex2012@yandex.ru

Проведен анализ русских пословиц имеющих гендерную направленность – о женщинах и мужчинах, семье и быте и др. Пословицы являются отражением картины мира, характера нации и коллективного опыта народа, но в них содержится множество негативных гендерных стереотипов, которые популярны и в наши дни. В.И. Даль – автор сборника «Пословицы русского народа» отмечал, что он «не есть катехизис нравственности», а в пословицах отражены «народная премудрость с народной глупостью, ум с пошлостью, истина с ложью». Поэтому современному поколению следует это понимать и не расценивать пословицы «как истину в последней инстанции» и не воспринимать их как руководство к действию.

Ключевые слова: пословицы, женщины и мужчины, гендерные стереотипы, нематериальное культурное наследие, поколения.

Этот материал, во-первых, о женщинах и мужчинах, во-вторых, о русских пословицах, а также о том, как первое репрезентируется во втором. Кроме того, здесь речь пойдет о гендерных стереотипах, которые сегодня являются одной из основных причин гендерного неравенства современного поколения женщин и мужчин, но своими корнями уходят в глубокие архаические слои истории, туда, где зарождалась наша культура, устное народное творчество, включая пословицы. На основе гендерного анализа сделан вывод, что хотя пословицы – это архаичная форма нематериального культурного наследия (НКН), но они и сегодня живы, популярны в российском социуме и продолжают оказывать влияние как на отношения к женщинам и мужчинам (гендерные стереотипы), так и на отношения между ними.

Интерес современных гендерных исследователей к НКН связан не только с желанием лучше узнать историю своей культуры, но в не меньшей мере со стремлением лучше понять сегодняшние проблемы отношений между женщинами и мужчинами, увидев их исторические истоки. В

этой связи начало XXI века можно назвать ренессансом нематериального культурного наследия. В 2003 г. ЮНЕСКО принимает Конвенцию об охране нематериального культурного наследия [1]. В 2014 г. Указом Президента РФ были утверждены «Основы государственной культурной политики», а в 2016 г. разработана и принята Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ]. И наконец, 2022 год был не только объявлен годом нематериального культурного наследия, но также в этом году в России был принят Федеральный закон "О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации" [№ 402-ФЗ от 20 октября 2022 г.]. В этих российских государственных документах ключевое значение отводится задачам сбережения историко-культурных ценностей, культурного и семейного наследия. Это отражает актуальность тематики нашего исследования.

Косвенно на актуальность гендерных исследований, построенных на анализе исторического материала, указывает также факт присуждения в 2023 г. Нобелевской премии по экономике профессору Гарвардского университета Клаудии Голдин за исследование положения женщин на рынке труда, гендерных различий в оплате труда и чем они обусловлены. При этом её исследование было построено не на анализе современных больших данных (Big Data), обработанных искусственным интеллектом (ИИ), а на изучении архивных данных о труде женщин, собранных более чем за 200 лет. По мнению жюри Нобелевского комитета, работа К. Голдин позволяет лучше понять ключевые факторы, определяющие гендерное неравенство, и дает шанс устранить их [2]. То есть, вывод – чем лучше мы знаем историю, тем правильнее понимаем настоящее.

Вывод о взаимосвязи истории и современности справедлив и для изучения русских пословиц, входящих в НКН, с целью увидеть и понять истоки зарождения гендерных стереотипов, которые сегодня являются одним из главных барьеров на пути достижения равенства между женщинами и мужчинами. Поскольку это не лингвистическое исследование, а гендерный анализ традиционных гендерных стереотипов, содержащихся в русских пословицах, то его цель состояла в том, чтобы проанализировать, как в русских пословицах представлены отношения к мужчинам и женщинам, и показать взаимосвязь между историческими и современными гендерными нормами, имеющими вид гендерных стереотипов. Прежде, чем переходить к изложению результатов исследования, следует коротко остановиться на содержании терминов и понятий в нем используемых, таких как «нематериальное культурное наследие» (НКН), «пословица», «гендерный стереотип», а также их функций и взаимосвязей.

Кроме того, конспективно будут рассмотрены существующие в современной науке подходы к пониманию и оценке данных феноменов.

Понятие «нематериальное культурное наследие» было введено в научный оборот ЮНЕСКО в 2001 г., когда началась работа над Конвенцией по охране НКН. В это понятие входят «Обычаи, ментальные особенности и выражения, знания, опыт и навыки» [1]. Основная особенность НКН состоит в том, что оно передается из поколения в поколение и является важным компонентом формирования чувства самобытности, преемственности культуры и творческой деятельности. К основным формам проявления НКН относятся: культурные традиции, предания, сказки, пословицы и поговорки, но главная ценность – это язык, который является носителем культурного наследия. НКН называют также «живым наследием», поскольку в его сохранении ключевая роль принадлежит людям – носителям данного наследия, благодаря которым оно живет в веках и поколениях. Нематериальное наследие состоит из интеллектуальных богатств, таких как знания и язык, фольклор и обычаи, верования и традиции, а также включает устное народное творчество.

Обращение к пословицам как источнику информации об исторических корнях гендерных стереотипов обусловлено их многообразием, легкостью и образностью их языка, что позволяет им без труда переходить от поколения к поколению и быть адекватными для любого времени, не смотря на внешние, казалось бы, кардинальные изменения в жизни людей. Пословицы занимают важное место в русском языке и культуре, так как в них четко и кратко выражены менталитет, культурные коды и смыслы, связанные с человеком и обществом, а также отношениями между людьми, в том числе гендерные. Важнейшим признаком пословиц является народность, поэтому их называют «афоризмами фольклорного происхождения». В.И. Даль, русский писатель, этнограф и собиратель фольклора, в середине XIX века создал крупнейший литературно-этнографический труд «Пословицы русского народа», содержащий более тридцати тысяч русских пословиц, поговорок и метких слов. В.И. Даль даёт следующее определение пословицы: «Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности, понятый и принятый всеми» [3, с. 35]. Современные паремологи (филологии, занимающиеся изучением пословиц) подчёркивают внутреннюю сложность и чрезвычайную емкость пословиц. «С одной стороны, это явления языка, устойчивые сочетания, сходные с фразеологическими оборотами. С другой стороны, их

можно назвать логическими единицами, выражающими какое-либо суждение. С третьей – это художественные миниатюры, которые в яркой форме обобщают различные факты действительности» [4].

Сущность нематериального духовного наследия состоит в том, что оно создается и распространяется живыми людьми – мужчинами и женщинами, поэтому естественно, что между нематериальным культурным наследием и гендером существуют многогранные взаимосвязи. С одной стороны, гендерные отношения и нормы оказывают влияние на процесс передачи нематериального культурного наследия, а с другой – само нематериальное культурное наследие оказывает влияние на гендерные отношения, играя важную роль в деле создания и распространения гендерных ценностей, норм и стереотипов, а также в их преобразовании. Нематериальное культурное наследие, представленное в гендерно-маркированных пословицах, хотя и создавалось в архаическом прошлом, но благодаря их популярности продолжает жить в настоящем, оказывая влияние на современность. Однако, НКМ для современных поколений может быть не только полезным кладом мудрости, помогающим «не наступать на те же грабли» в гендерных и семейных отношениях, но и наносить вред при некритическом к нему отношении, например, при попытке сегодня следовать устаревшим гендерным стереотипам, которые содержатся в пословицах, созданных много веков назад. Таким образом, пословицы играют амбивалентную роль в современном социальном пространстве, с одной стороны – положительную, поскольку сохраняют традиционные черты и особенности культуры нашего народа, а с другой – могут при определенных условиях приводить к негативным последствиям, усугубляя неравенство по признаку пола.

Поскольку тема монографии посвящена связи поколений, в данном контексте следует отметить, что мало что так сближает и объединяет разные поколения россиян, как гендерные стереотипы, отраженные в пословицах и поговорках, которые, что называется, на слуху и на устах у россиян всех возрастов. Одна из причин широкого распространения и живучести гендерных стереотипов состоит в том, что своими корнями они уходят в глубокие пласты нематериального культурного наследия, где были сформированы архетипы мужского и женского пола, представленные в том числе и в пословицах. У. Липпман, который в 1922 г. ввел в науку понятие «стереотип», считал, что устойчивость является основным свойством стереотипов [5]. В современной социологии гендерные стереотипы определяются как «упрощенные, схематизированные, эмоционально четко окрашенные устойчивые образы мужчин и женщин, распро-

страняемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей тех или иных представителей» [6]. Гендерные стереотипы (ГС) содержат множество особенностей и выполняют много функций, к числу важнейших из которых могут быть отнесены, во-первых, оценочные суждения с разными знаками – негативными и позитивными. Как будет показано ниже, при содержательном анализе пословиц, в оценках женщин и их характеров преобладают негативные, а мужчин, напротив, позитивные оценки. Во-вторых, в пословицы «встроен» механизм нормирования, когда женщинам и мужчинам предписываются не просто разные, а противоположные роли и типы поведения (например, «добытчика» и хранительницы очага). В этом смысле пословицы информативны в изучении гендерных отношений и стереотипов, поскольку являются наиболее яркими фиксаторами культурно-национальных эталонов и культурно значимых концептов «феминности» и «маскулинности», которые передаются из поколения в поколение. Тем самым гендерные стереотипы выполняют социальные функции, поскольку объясняют существующие в обществе гендерные асимметрии и иерархии и тем самым поддерживают и воспроизводят неравенство гендерных отношений, гарантируя стабильность андроцентричных социальных норм и порядков. Таким образом, обращение к русской традиционной народной культуре, в частности, к пословицам, может помочь многое понять в отношениях современных женщин и мужчин.

В первой части аналитического раздела будет показано, как в народных пословицах представлены образы женщин и мужчин, и предпринята попытка понять, почему эти репрезентации содержат множество гендерных асимметрий, отражающих социальное неравенство полов. А затем постараемся определить, как сегодня следует относиться к народным пословицам, которые содержат негативные гендерные стереотипы, но при этом входят в НКН.

В качестве источника информации для анализа были использованы гендерно маркированные пословицы, выбранные из словаря В.И. Даля, где собраны 30130 пословиц и поговорок, которые он систематизировал по 178 темам. В том числе в Словаре представлены такие тематические блоки пословиц, как «Баба-женщина» (88 пословиц и поговорок), «Муж-жена» (352), «Жених-невеста» (152), «Семья-родня» (244) [3]. Из количественного распределения пословиц по темам четко просматриваются жизненные приоритеты русского народа, которые тесно связаны с семьей и семейными отношениями. Интересная гендерная деталь – в словаре есть блок о женщинах/бабах, но нет специального блока о мужчинах/мужиках, что свидетельствует о том, что мужская перспектива в пословицах

представлена как общечеловеческая. Зато один из самых обширных тематических блоков (351) посвящен пьянству, что также отчасти отражает проблемы как прошлых, так и нынешних поколений мужчин. Для целей гендерного анализа были отобраны около 300 пословиц, в которых образы и социальные аспекты отношений женщин и мужчин представлены наиболее явно. Пословиц, которые относились к женщинам (баба, невеста, жена, мать и т.д.) было взято больше, поскольку и в словаре они тоже преобладают. В целом к гендерно значимым могут быть отнесены около одной тысячи из 30 тыс. пословиц и поговорок из словаря В.И. Даля. Это свидетельствует, что гендерные проблемы важны, но не занимают лидирующего положения в общем массиве русских пословиц и поговорок.

Для архаичного народного сознания, отраженного в пословицах, характерны гендерные противопоставления и различия, в которых мужчина представлен как субъект и положительное начало, а женщина как объект и отрицательное начало. Это несложно понять и объяснить тем, что женщины в России получили равные права с мужчинами немногим более ста лет назад, а пословицы существуют века и тысячелетия, когда женщины считались людьми второго сорта, а иногда вообще приравнивались к домашнему скоту. Поэтому андроцентричность, или мужская картина мира, в пословицах явно доминирует количественно: *Выбирай корову по рогам, а невесту по родам (по родителям), Жена – кабальный батрак.*

В контексте русской традиционной культуры женщина не признавалась носительницей разумного начала, что нашло отражение в пословицах: Если баба, то глупая «Дура – баба» – таковы стереотипы русской этнокультуры. И эти гендерные стереотипы находят отражение в целом ряде народных изречений и поговорок: *Волос долог – ум короток; Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Женские умы – что татарские сумы; Перекати – поле – бабий ум; Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает.* И еще одна интересная, хоть и не столь популярная пословица – *Собака умней бабы: на хозяйина не лает.* Здесь мужчина фактически назван хозяином женщины, которая низводится до уровня животного существа.

Но не только в уме-разуме отказывает женщине русская традиционная культура, представленная в популярных и живучих до сих пор пословицах и поговорках. В них нередко женщине отказано даже в самом признании ее человеком, поскольку одна из самых распространенных пословиц, которая и до сих пор, как говорится, у всех на слуху и на устах – *Курица не птица, баба не человек* или *Кобыла не лошадь, баба не человек.*

Принижение женщин, когда им приписывается неполная принадлежность к категории «человек», породило пословицы, которыми до сих пор пытаются оправдать домашнее насилие по отношению к ним: *Бей бабу, что молотом, сделаешь золотом; Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Люби жену как душу, тряси ее, как грушу; Хоть бита, да сыта; Жена не стекло (можно побить)* и т.п. То есть русские пословицы не просто оправдывают насилие против женщин, а даже призывают к нему, поскольку «Бей бабу» – это повелительное наклонение. Здесь уместно напомнить, что и в «Домострое», который также относится к НКН и является квинтэссенцией моральных норм российского традиционного общества XV-XVII веков, делу «воспитания жены» посвящена не одна глава. При этом под физическим «воспитанием» подразумевались наставления, для мужа, как правильно бить жену, чтобы не наносить ей тяжелые увечья [7].

В пословицах нередко представлена оппозиция «мужское/ женское» с коннотациями «правильное – неправильное»: *Муж пашет, а жена пляшет; Муж в двери ногою, а жена в окно, и с головою.* В этих случаях мужчине дается наставление и даже предписывается ответственность за поведение женщины: *Мужик в оба глядит, а женка промеж глаз норочит.*

В пословицах, характеризующих женщин, явно осуждается излишняя женская болтливость: *Где баба – там рынок; где две, там базар; Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Бабу не переговоришь; Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей.* Неодобрительно говорится в пословицах и о женской слезливости: *Без плача у бабы дело не спорится; Женский обычай – слезами беде помогать.* Но более всего в пословицах порицается вздорный женский характер, поскольку его противоречивость трудна для понимания мужчин: *У бабы семьдесят две увертки в день; У бабы семь пятниц на неделе; Еще тот не родился, кто бы бабий норочил угадал; Женских прихотей не перечтешь; Стели бабе вдоль, она меряет поперёк.* Поэтому нередко из-за вредности и склочности женщины в пословицах её сравнивают с собакой, змеей, бесом: *Лучше раздражить собаку, нежели бабу; Лучше жить со змеею, чем со злою женою; Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Баба да бес – один у них вес.*

Ограниченность женского социального пространства в пословицах не просто постулируется, но и предписывается: *Бабья дорога – от печки до порога; Баба бредит, да кто ей верит?; Знай, баба, свое кривое веретено* и т.д.

Важная роль в пословицах отводится возрасту женщины, поэтому в них часто представлены молодые девушки, особенно в архаической роли

невесты. Эта группа паремий одна из самых многочисленных: *Невеста без места, жених без ума; Девушка тогда родится, когда в невесты годится; С вечера девка, с полуночи молодка, а по заре хозяйюшка*. Также определенное место в пословицах отведено старой женщине и вдове, поскольку вдовство давало женщинам определенные преимущества и юридические права, если она имела детей.

Семья и супружество как в старину, так и сегодня занимают важное место в жизни людей, что и нашло отражение во множестве пословиц: *В семье и каша гуще; Кабы куст был немил, соловей гнезда бы не вил; Вся семья вместе, так и душа на месте; Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад*. В русских поговорках говорится о главенствующей роли мужчины в семье: *Муж всему голова; Муж голова – жена шея; Муж в дому, что глава (что крест) на церкви*. Однако, несмотря на то, что роли женщин и мужчин были жестко определены, в пословицах нашли отражения и противоречия, существовавшие в семье между мужем и женой: *Жена да муж – змея да уж; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Муж пьет, а жена горшки бьет; Муж своё, жена своё*. Во многих пословицах и поговорках говорится о роли женщины в семейной жизни: *У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит»; С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне*. В целом образы женщины-жены и мужчины-мужа занимают большое место в русском фольклоре. В соответствии с традициями русского народа в пословицах говорится о том, что женщина должна выйти замуж, создать семью, что это ее основное жизненное предназначение и в этом ее красота и счастье: *Не та счастливая, что у отца, а что у мужа; Жена при муже хороша; Без мужа жена – всегда сирота*. Наличие мужа рассматривалось как защита для женщины от всех жизненных невзгод: *Худ мой Устим, да лучше с ним; Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой*. Семейная жизнь не только одобрялась, но была обязательной и для мужчин: *Что гусь без воды, то мужик без жены; Холостой – полчеловека; Не женат – не человек*.

Интересно отметить, что в русских пословицах встречается противоречивое отношение к богатству жены. С одной стороны, есть пословицы, где говорится: *Муж любит жену богатую, а тещу тороватую; Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога*, а с другой, – о том, что часто ее деньги не приносят мужу счастья: *Женино добро колом в глотке стоит; Жены богатой лучше не брать, чем ей мужем владеть*. Подобное же амбивалентное отношение прослеживается в пословицах о женской красоте. Часто в пословицах есть предупреждение остерегаться красивых женщин при выборе жены: *Красную жену не в стенку врезать; С лица не*

воду пить, и с корявой можно жить. Но есть в исследуемом материале пословицы с положительным отношением к красоте жены: *«Всего милее, у кого жена всех белее»*.

Однако образ жены не всегда положителен и приятен, одно из самых отрицательных качеств жены, осуждаемых в пословицах, – это злобный характер, поэтому есть очень много пословиц о злых женах: *Всех злее злых злая жена: Злая жена сведет мужа с ума; Злая жена – та же змея; Лучшие жить со змеею, чем со злою женою; Все девушки хороши – а отколь берутся злые жены?; Хороших не отдают, а плохую взять не хочется; Добрая жена хозяйству научает, а злая от дому отлучает*. Из положительных женских качеств наиболее высоко в пословицах оценивались бережливость и хозяйственность: *Пусти бабу в рай – она и корову за собой ведет*.

Некоторые из приведенные выше пословиц с негативными коннотациями в отношении женщин прочно вошли в нашу жизнь и стали основанием для большинства гендерных стереотипов, которые широко распространены и глубоко укоренены в современном российском обществе (самые популярные из них про курицу не птицу и про короткий ум). По мнению большинства специалистов, именно гендерные стереотипы, несмотря на технический и социальный прогресс, а также на изменение положения и роли женщин в обществе, сегодня являются одной из главных причин неравенства женщин и мужчин.

Вместе с тем негативный образ женщины в пословицах представлен не всегда, поскольку отрицательные стереотипы связаны только с концептом «баба/жена», но не распространяются на «мать». Образ матери в пословицах практически всегда представлен как символ положительного: *От солнышка тепло, от матери добро*. Отношение к матерям и материнству принципиально иное, поэтому нет пословиц, где у матери обнаруживаются стереотипные женские черты: сварливость, отсутствие ума или болтливость. В позитивном ключе представлен в пословицах и образ бабушек: *Баба, бабушка, золотая сударушка!*

Количественно-смысловой гендерный анализ показал, что более половины пословиц о женщинах, бабах и женах содержат негативные оценки как их самих, так и их качеств (ума, нравственности, верности и др.). Еще часть пословиц рисует нейтральный образ женщин, и лишь примерно пятая часть русских пословиц о женщинах характеризует их положительно. В то же время ситуация с мужчинами и мужиками выглядит почти зеркально наоборот: большинство пословиц о них имеет позитивный характер, а пословицы, оценивающие мужчин негативно, составляют явное меньшинство.

Мужчина предстаёт в большинстве русских пословиц в роли мастера и работника, защитника и кормильца, а иногда и царя. Мы и сегодня говорим про мужа, отца, сына или просто благодетеля: *Он для нас царь и бог*. А про безнадёжного тупицу, что он *Без царя в голове*. Эти сравнения связаны с андроцентричностью русского языка и культуры в целом. В большинстве русских пословиц отражена главенствующая роль мужчин в обществе и в семье: *Мужик – богу свеча, государю слуга, Мужик в семье, что матица в избе*. При этом главенство мужчин в семье и обществе отражает традиционную иерархическую систему власти и подчинения, то есть гендерные роли жестко заданы и закреплены. Не случайно многие пословицы пестрят противопоставлениями мужского и женского начал и в этих сравнительных параллелях женщины выступают в отрицательных, а мужчины в положительных ролях.

Рассмотрим еще несколько граней мужского образа в русских пословицах. Во-первых, почет и уважение в пословицах воздается мужчине трудолюбивому, хозяйственному, неболтливому: *Мужчина тот, кто сомкнет уста и засучит рукава; Муж – дому строитель, нищете отгонитель; Леню мужика не кормит*. Дело для мужчины – главное. Описание характера мужчины дополняют такие не самые положительные качества, как драчливость: *Сила мужчины в кулаках, а женщины – в слезах*; заторможенность *Мужик задним умом крепок*; неторопливость в принятии решений, но быстрота в делах: *Русский мужик долго запрягает, да быстро скачет*. Всегда ценилась удачливость мужчины и его способности, умения: *Не хитер пареню, да удачлив, не казист, да таланен*.

Если пословица с негативной оценкой женщин и их качеств много, то найти пословицы с негативной оценкой мужчин не так-то просто. В пословицах о мужчинах чаще всего осуждаются лень и пьянство: *Леню мужика не кормит, Вино полюбил – семью разорил; Бешеному мужу и море за лужу; Молодец среди овец, а на молодца и сам овца; Мели Емеля – твоя неделя*. В то же время есть ряд пословиц, в которых даже негативные стороны образа или поведения мужчин как бы «компенсируются» другими их качествами: *Мужик сер, а ум-то у него не волк съел; Мужик глуп, как свинья, а хитер, как черт* или *Муж как ворона, а все жене оборона*. Так же в поговорках негатив в отношении мужчин иногда «оправдывается» за счет сравнения с женщинами, в которых те же самые изъяны выглядят хуже, что отчасти реабилитирует мужские недостатки: *Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит*. Хотя пьянство в пословицах на 99% ассоциировано с мужчинами, но пьянство женщин осуждается более резко: *Пьяная баба свиньям прибавя; Нет такого зелья, как жена (баба) с похмелья*. Эта асимметрия в восприятии женского

и мужского пьянства наглядно представлена в двух пословицах стоящих в словаре рядом: *Как пьян - сам себе пан* – это про мужчину, а про женщину: *Баба пьяна - вся чужа*. И вообще, когда читаешь русские пословицы, то понимаешь, откуда берется терпимость (граничащая с одобрением) к мужскому пьянству в России: *Пить - горе; а не пить – вдвое; Пьян да умен - два угодыя в нем; Пьяница проспится - к делу годится; и как итог-апофеоз: Вино пей, жену бей, ничего не бойся!*

Подводя итог краткого гендерного анализа русских пословиц и их влияния на современные гендерные стереотипы, можно сделать некоторые выводы: во-первых, однозначно понятным является мужское авторство большинства пословиц, в которых отражена преимущественно мужская картина мира, мужские ценности и власть. Во-вторых, в пословицах доминируют андроцентристские установки, отражающие традиционные семейные и общественные отношения, для которых характерны гендерная поляризация и идеи о неравенстве женщин и мужчин. И, наконец, главное, в пословицах женщины представлены преимущественно отрицательно, и им отведены лишь второстепенные роли. Все это способствовало созданию множества негативных гендерных стереотипов, которые воспроизводились из поколения в поколение и дошли до наших дней.

В заключении этого раздела хотелось бы отметить, что существует множество лингвистических исследований на тему гендерных асимметрий в языках и пословицах других народов, которые показывают картину, аналогичную результатам моего анализа русских пословиц. Например, в статье об английских пословицах говорится: «выявлены асимметричные репрезентации «мужского» и «женского», где женщины и женская деятельность противопоставляются мужчинам и мужской деятельности и при этом пословиц, отрицательно характеризующих мужчин, гораздо меньше, чем пословиц, отрицательно характеризующих женщин» [8]. И это не удивительно, что выводы в исследованиях по другим языкам и странам примерно такие же, поскольку причины асимметричной регламентации гендерных ролей, а также основанной на этом иерархии статусов мужчин и женщин обусловлены патриархатными установками и андроцентричностью, на которых построена вся прошлая и современная культура, не только в России, но и во всем мире.

А теперь подходим к следующему важному вопросу данного мини-исследования: как относится к пословицам, которые, с одной стороны, являются частью нематериального культурного наследия, а с другой – основой для распространения и воспроизводства в современном обществе традиционных гендерных стереотипов, дискриминирующих женщин? Интересны позиции по данному вопросу двух выдающихся ученых –

знатоков русской литературы и культуры. В середине XIX века, В.И. Даль, собравший и опубликовавший более 30 000 русских пословиц и поговорок, безусловно, понимал, что в них много негатива и дикости. Он отмечал, что в сборнике народных пословиц, «который не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народною глупостию, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе» [3]. Но, несмотря на это, В.И. Даль публично встал на защиту народного творчества, заявив: *«Пословица неподсудна. Это мудрость народа»*. Вероятно, с первой частью его высказывания можно согласиться, если считать пословицы только памятником истории культуры, а не питательной средой для воспроизводства традиционных гендерных стереотипов. Но в контексте приведенного выше гендерного анализа со второй частью высказывания В.И. Даля согласиться трудно или даже невозможно. Поскольку, о какой «мудрости народа» может идти речь, когда в пословицах оскорбляется человеческое достоинство женщин и происходит их обезчеловечение, когда пословицы своим содержанием оправдывают унижение, оскорбление и насилие в отношении женщин.

Через сто лет после В.И. Даля, в середине XX века, свое мнение о пословицах высказал другой крупнейший ученый и защитник русской культуры, блестящий российский филолог и искусствовед, академик Д.С. Лихачев. По его мнению *«В пословицах много неправды. Пословицы – это циничная форма мышления, она оправдывает и успокаивает»*. Взгляд Д.С. Лихачева на пословицы более современный, поскольку он был выдающимся гуманистом и, как его называли, «совестью нации», он не мог прощать «неправды» и «цинизма» даже историческому наследию.

Свое мнение о нематериальном культурном наследии, нарушающем права человека, выработал также и XXI век – оно сформулировано в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. В статье 2.1. Конвенции подчеркивается, что в ее рамках может рассматриваться только то нематериальное культурное наследие, которое *совместимо с международными стандартами в области прав человека*. [1]. Жаль, что Россия только подписала, но не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО, а в российском законе "О нематериальном этнокультурном достоянии РФ" идеям приверженности правам человека не нашлось места.

И в заключении об отношении автора текста к нематериальному культурному наследию, которое через устаревшие пословицы содействует

распространению и воспроизводству традиционных стереотипов о женщинах и способствует сохранению гендерного неравенства в современном российском социуме. Пословицы – это лингвистические факты, и они свидетельствуют о том, что гендерная дискриминация в российском нематериальном культурном наследии достаточно широко распространена. И что теперь делать с этими пословицами? Вычеркнуть их из культурного наследия? Запретить? Нет. Пусть они останутся памятником культурной отсталости наших предков, но только не следует их сегодня воспринимать как руководство к действию, что, к сожалению, можно часто слышать в современной (особенно мужской) речи и наблюдать на мужских сайтах и форумах. Ценность НКН вообще и пословиц, в частности, для современных поколений состоит в том, что в них, как в зеркале, отражены корни и истоки тех гендерных проблем, которые актуальны сегодня. Следует понимать, что то, что было нормой в стародавние времена, когда создавались пословицы, сегодня – стало серьезной социальной проблемой. Это касается и отношения к женщинам, и семейных взаимоотношений супругов, но, прежде всего, домашнего насилия, а также устаревших гендерных стереотипов о роли женщин в семье и обществе.

Список литературы

1. Конвенции об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // URL: Конвенция об охране нематериального культурного наследия – (un.org) (дата обращения: 05.06.2023).
2. Премию Нобеля по экономике присудили за исследование женского рынка труда Информация взята с портала «Научная Россия» URL: (<https://scientificrussia.ru/>) (дата обращения: 24.10.2023).
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник. Москва, 1957. С. 416.
4. Потапова Н.А. Анализ понятий "пословица" и "поговорка" в современной лингвистике URL: Анализ понятий "пословица" и "поговорка" в современной лингвистике –КиберЛенинка (cyberleninka.ru). (дата обращения: 25.10.2023).
5. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. М.: Институт фонда “Общественное мнение”. 2004.
6. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн., 2009. С. 23.
7. «Воспитания жены»: самое дикое правило в «Домострое» [Электронный ресурс] // URL: «Воспитания жены»: самое дикое правило в «Домострое» (cyrillitsa.ru) (дата обращения: 10.06.2023).
8. Кирсанова М.А. Стереотипизация женских и мужских образов в английской паремииологии. URL: Стереотипизация женских и мужских образов в ан-

глияской паремииологии – тема научной статьи по языкознанию и литературоведению в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 25.10.2023).

RUSSIAN PROVERBS AS AN INTERGENERATIONAL CONDUCTOR OF GENDER STEREOTYPES

Z.A. Hotkina

Hotkina Zoya Aleksandrovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Population Problems of the Russian Academy of Sciences.

N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Population Problems of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNISC RAS), Moscow
zoya-alex2012@yandex.ru

Russian proverbs with gender orientation - about women and men, family and everyday life, etc. – are analysed. Proverbs are the reflection of the picture of the world, character of the nation and collective experience of the people, but they contain a lot of negative gender stereotypes, which are popular nowadays. V.I. Dahl, the author of the collection "Proverbs of the Russian people" noted that it "is not a catechism of morality", and proverbs reflect "folk wisdom with folk stupidity, wit with vulgarity, truth with lies". Therefore, the modern generation should understand this and not regard proverbs "as the truth in the last instance" and not take them as a guide to action.

Keywords: proverbs, women and men, gender stereotypes, intangible cultural heritage, generations.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ*

Г.С. Широкалова¹, Н.В. Дулина², Е.И. Пронина³

¹Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета, г. Н. Новгород

shirokalova@list.ru

²Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор Волжского института экономики, педагогики и права, г. Волжский

nv-dulina@yandex.ru

³Пронина Елена Ивановна – старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва

eipronina@yandex.ru

Посвящено анализу изменения исторической памяти «внуков» в зависимости от места первичной социализации и освоения опыта поколений «дедов» / «родителей» посвящен материал. На основе данных социологического исследования авторы приходят к выводу, что, оставаясь важным фактором воспитания молодежи, семья постепенно уступает свои позиции под влиянием институтов образования, СМИ, социальных сетей, референтных групп.

Ключевые слова: историческая память, учащиеся СПО, поколения «родителей», «дедов», «внуков», традиции, культура.

В 2022 г. Российским обществом социологов было проведено масштабное социологическое исследование во всех Федеральных округах России, выборка которого составила 9751 студентов вузов и 1773 учащихся средних специальных профессиональных учреждений (СПО). Отдельные результаты, в большей части посвященные анализу оценок и мнений студентов вузов, нами были опубликованы ранее (см., напр., [1; 2; 3; 4]). Здесь мы обращаемся к той части данных, где эмпирическим объектом выступали учащиеся СПО, чья первичная социализация прошла в разных населенных пунктах России.

* Выполнено по гранту Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Дело в том, что в современной внутренней политике существуют две противоречивые тенденции: с одной стороны, в 2011 г. Министром экономического развития Э. Набиулиной была оглашена программа приоритетного развития агломераций через миграцию десятков миллионов молодежи из малых населенных пунктов, поскольку это наиболее экономически выгодно для государства [5]. Такая позиция отражает интересы крупных инвесторов и является приоритетной во внутренней политике. Параллельно, учитывая угрозы национальной безопасности, Правительство РФ вынуждено было принять Доктрину продовольственной безопасности и конкретизирующие ее документы, в том числе о комплексном развитии сельских территорий для закрепления кадров в сельских поселениях. Достичь задач, поставленных в них обоих, не удалось, в том числе по причине секвестирования бюджета [6]. Так на государственном уровне задаются условия жизни селян и горожан, формирующие образ жизни в зависимости от места жительства. Но насколько эти отличия влияют на формирование исторической памяти молодежи? Может ли их нивелировать многопоколенная/расширенная/ большая семья? На эти вопросы позволяют ответить результаты нашего исследования.

Один из важнейших показателей, позволяющих прогнозировать сохранение исторической памяти – отношение молодых поколений к национальной культуре (табл. 1).

Таблица 1

Оценка учащимися значимости национальной культуры, %

Как Вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?	Тип населенного пункта			
	деревня, село	ПГТ, малый город	средний город	большой город, столица
Да, если он ощущает свою принадлежность к определённому этносу и заинтересован в сохранении его традиций	47,6	47,4	47,0	53,5
Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов	45,7	44,5	45,1	38,4
Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность	6,7	8,0	7,9	8,0
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропуски: 0 из 1773 (0,0%)

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,043, Вероятность ошибки (значимость): 0,37.

Проанализируем распределение ответов с нескольких позиций. Прежде всего, отметим, что наибольшие отличия в оценках характерны для подростков, чья первичная социализация прошла в крупных городах и в сельской местности, но они не критичны. Это свидетельствует о создании в стране единого информационного пространства, определяющего отношение к культурному наследию. Мы ожидали большую открытость культурным веяниям других цивилизаций жителей крупных городов, но разница между ними и сельчанами составила 6%.

Для стабильности отношений в многонациональной и многоконфессиональной стране приоритетен вариант о признании важности культуры всех народов, живущих в Российской Федерации, но выбрали его менее половины респондентов. В данном случае, мы фиксируем «цифровую ловушку» для исследователя: данные можно оценивать и как обнадеживающие: народная культура важнее для старших подростков, почти половина респондентов поддерживают ее ценности, следовательно, есть основания прогнозировать ее сохранение. С другой стороны, таких ответов не значительно, но больше, что настораживает: приоритетность культуры своего этноса таит риски межэтнического напряжения. Как быстро лояльность переходит в ненависть, история демонстрирует повсеместно.

Достоверность той или иной трактовки можно определить через более детальный анализ элементов культуры, усваиваемых новым поколением, о чем пойдет речь далее. Но более настораживает группа сторонников «глобализма» – знать культуру своего народа «в современном мире не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность». Такая позиция дает большее пространство для самореализации, а самопрезентация – одна из основных ценностей в эпоху приоритета виртуального мира. Здесь, в конечном счете, могут таиться риски утраты ценности суверенитета народом, а затем и страной.

В последние десятилетия образование, СМИ, социальные сети активно формировали именно такую позицию, поэтому поправки в Конституцию РФ 2020г. о приоритетности национальных ценностей были встречены россиянами неоднозначно [4, с. 38]. В развитие тренда на традиционность 2022 г. был провозглашен «Годом культурного наследия народов России», а в СНГ – «Годом народного творчества и культурного наследия».

В многонациональной стране не мог в этой связи не возникнуть вопрос: не станет ли программа года провоцировать национальный сепаратизм? Ведь историческая память народов сохранила попытки разделить в 1990-х годах Российскую Федерацию на самостоятельные государства,

и националистические «ячейки» сохраняют свое влияние среди части населения. Обратимся к данным таблицы 2.

Таблица 2

**Как часто Вы вспоминаете о своей национальной принадлежности?
% от типа населенного пункта**

Как часто Вы вспоминаете о своей национальной принадлежности?	Тип населенного пункта			
	деревня, село	ПГТ, малый город	средний город	большой город, столица
Практически никогда или очень редко	8,3	13,4	11,0	11,3
Только когда происходят какие-то события, так или иначе связанные с национальным вопросом	13,9	16,4	18,0	15,1
Вспоминаю довольно часто	12,6	12,7	11,6	10,4
Всегда помню, кто я по национальности	65,2	57,5	59,5	63,2
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропуски: 0 из 1773 (0,0%)

То, что две трети респондентов всегда помнят о своей национальности, не означает их агрессии по отношению к другим, но предупреждает о необходимости уважительно относиться к национальной специфике. Есть незначительные отличия между сельчанами и горожанами, которые более индифферентны к этому вопросу. Вероятно, это обусловлено большим этническим многообразием городов. Среди сельских респондентов дружили с представителями других национальностей в детстве – 80,2%, среди живших в ПГТ, малых городах – 79,8%, в средних городах – 89,0%, в больших городах и столице – 84,4%. Разница в границах статистической погрешности, но круг общения не исчерпывается в школах, дворах, кружках друзьями.

Программа Года включала форумы, фестивали, конкурсы, концертные программы, научные конференции, круглые столы, мастер-классы для детей и молодёжи, выставки и ярмарки мастеров художественных промыслов и ремёсел, культурно-туристические маршруты, гастроли

национальных коллективов, развитие внутреннего туризма для популяризации культурного наследия народов СНГ. Не столь масштабно эти формы поддержки народной культуры имели место и раньше. Но насколько глубоко влияние подобных мероприятий? Значимость проявляется не в посещении Дня города или Сабантуя, а в том, насколько они формируют убежденность в важности народных традиций, а еще лучше – пробуждают потребность в изменении повседневной жизни семьи, которая первой закладывает культурные коды новых поколений. Для ответа на вопрос обратимся к данным в таблице 3.

Таблица 3

**Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?
% от типа населенного пункта**

Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?	Тип населенного пункта			
	деревня, село	ПГТ, малый город	средний город	большой город, столица
Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам	77,8	72,0	75,0	69,6
Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления	12,0	14,8	9,8	17,0
Затрудняюсь ответить	9,6	12,4	14,9	12,3
Другое	0,5	0,8	0,3	1,2

Как видим, более жесткая постановка вопроса корректирует распределение ответов: одно дело знание о культуре, что является одним из маркеров образованного человека, другое сохранение ее элементов. «Космополитизм» крупных городов проявился в распределении ответов: 70% считают необходимым сохранение народной культуры (78% у селян), для 17% она пережиток прошлого (12% у сельчан). Значительна и доля задумывавшихся об этой проблеме. Примечательна колонка «ПГТ, малые города», распределение ответов в ней ближе к крупным городам, чем к селам. Не является ли это признаком маргинализации сознания подрост-

ков: ведь именно из этих населенных пунктов, не обеспечивающих возможностей достойного уровня жизни, необходимой социальной инфраструктурой, особенно часто уезжает молодежь в крупные города для социального старта?

Выше отмечалась роль семьи в формировании первичных представлений о ценности/ущербности народной культуры. Напомним, что одним из важнейших элементов культуры человека является отношение к истории страны и истории семьи. С этих позиций проанализируем отношение к ним в расширенных семьях респондентов. Для этого выберем две «полярные» группы: тех, чья первичная социализация проходила в сельской местности и в крупных городах. Проанализируем распределение ответов в таблице 4.

Таблица 4

**Интерес к истории страны и семьи разных поколений,
% от типа населенного пункта**

Отметьте, насколько Ваша семья интересуется историей	Вы лично		мама, папа		бабушка, дедушка	
	де- ревня, село	боль- шой город, сто- лица	де- ревня, село	боль- шой город, сто- лица	де- ревня, село	боль- шой город, сто- лица
Знают историю города, села, где живут	73,9	71,4	85,8	76,4	91,0	89,3
Интересуются историей страны, в которой роди- лись	65,0	67,3	66,9	68,7	68,4	66,9
Посещают музеи	62,1	57,2	39,0	47,2	37,7	44,8
Смотрят документальные, исторические фильмы	50,6	49,7	70,1	66,8	72,0	67,7
Читают краеведческую ли- тературу	28,3	24,2	36,0	32,9	46,7	39,8
Хранят фотографии праде- душек/прабабушек	62,4	60,7	84,3	82,9	84,9	84,4
Хранят письма родствен- ников	29,9	34,0	49,7	49,0	70,2	63,3

Знают девичьи фамилии бабушек	55,1	53,8	80,8	75,4	81,6	77,3
Используют в своей речи народные пословицы, поговорки	44,9	47,8	62,5	54,9	77,4	71,4
ИТОГО:	472,3	466,0	575,0	554,1	629,8	604,9

Разница между горожанами и селянами стирается от поколения к поколению, что свидетельствует о большем влиянии иных факторов, чем семья и место жительства. Общее количество ответов, данных респондентами, свидетельствует, что от поколения к поколению уменьшается информированность о прошлом и страны, и семьи как среди горожан, так и сельчан, что объясняется и «длинной» жизненного опыта, и сосредоточенностью на себе, характерной для периода взросления.

«Исторический якорь» в большей степени формируется институтом образования, СМИ, музеями, посещение которых включается в воспитательную работу учебных заведений, и туристические поездки. Отметим также, что ответы о «дедах» у подростков могут быть не совсем точны из-за преобладания нуклеарных семей. Если показатели занижены – это признак утраты семейных связей, если завышены – показатель уважения к опыту старших как источнику информации.

Здесь к месту обозначить методологический посыл оценки историчности памяти: «Для человека прошлое всегда существует как настоящее прошлого, и с этим ничего не поделать» [7, с. 205]. Иначе говоря, получаемые от родных, в школах, в СМИ первичные знания подростки воспринимают как истину, не умея вписывать их в более широкие социальные отношения. В результате получение иной информации ведет к отторжению прежней как ложной, разрушению авторитетов. Отсюда двойственность оценок прошлого: для одних характерна ностальгия по советскому периоду, для других – по временам Российской империи [8].

Самооценка знаний истории своего населенного пункта незначительно отличается у сельских и городских подростков, поскольку образовательные программы школ включают ознакомление с местом жительства в самых разных формах, но краеведческую литературу для расширения знаний учащихся они используют недостаточно. Старшие поколения с ней знакомы в большей степени, как и с документальными фильмами: срабатывает эффект накопления социального капитала.

По мнению подростков, историю страны они знают лучше, чем историю своей семьи. Это может свидетельствовать о неизбежности подготовки к урокам и недостаточной эмоциональной связи между поколениями, формировании функционального отношения между ее членами: я «беру» у «старших» только нужное для меня, а я даю «младшим» только то, что они «берут». Об отсутствии заинтересованности в знаниях о «большой семье» свидетельствует то, что лишь половина опрошенных знают девичьи фамилии бабушек.

Уходит в прошлое культура писем: их заменила мобильная связь, не имеющая функции «передачи по наследству». То же происходит и с фотографиями, утрачивающими актуальность и привязку к месту, времени, эмоциям. Следовательно, с каждым поколением будут беднеть семейные архивы, а вслед за ними ослабляться семейные связи. Замедлить этот процесс могло бы введение в школьные программы заданий по построению «семейного древа» в широком историческом контексте, что предполагает участие в работе всех родных по вертикальным и горизонтальным родственным связям.

Утрачивается важный элемент культурного кода – мудрость народа, закрепленная в пословицах и поговорках, которые органично входили в контекст сказок / сказов, былин, легенд, песен, художественной литературы, кинофильмов народов Советского Союза. Замена их иностранными аналогами, в которых пропагандируется иная философия жизни, выстраивает другие стратегии поведения.

Историческая память – это не только знание каких-либо событий. Это и навыки по сохранению традиционных видов деятельности. Степень их освоения разными поколениями представлена в таблице 5.

Таблица 5

Мнение респондентов об отношении разных поколений большой семьи к народной культуре, % от типа населенного пункта*

Просим Вас указать, каким образом проявляется отношение Вашей семьи к народной культуре	Вы лично		мама, папа		бабушка, дедушка	
	де-ревня, село	большой город, столица	де-ревня, село	большой город, столица	де-ревня, село	большой город, столица
Уважают и соблюдают народные обычаи	60,1	52,6	71,6	62,6	88,2	87,4

Готовят блюда национальной кухни	52,0	41,6	82,0	70,4	77,2	78,1
Слушают национальную музыку	42,9	42,7	55,5	50,0	72,2	65,8
Знают и поют народные песни	38,1	28,8	53,4	44,0	78,1	69,2
Танцуют народные танцы	28,6	21,2	34,1	24,9	43,8	40,4
Исполняют религиозные обряды	28,6	15,3	34,1	31,9	47,3	44,7
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	27,8	18,6	42,7	34,0	52,4	45,5
Используют народную медицину	27,5	24,8	46,6	38,0	66,0	61,7
Собирают библиотеку на родном языке	25,3	24,8	30,8	35,1	50,6	59,1
Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	23,4	15,7	35,7	30,4	57,7	49,9
Освоили народные промыслы	20,9	15,3	29,3	28,5	50,6	40,9
Используют в одежде элементы народного костюма	19,8	11,3	23,8	23,6	46,7	38,6
Имеют собственный национальный костюм	18,3	9,1	20,4	20,7	36,4	32,1
Играют на национальных музыкальных инструментах	17,9	15,3	18,9	22,5	43,2	39,1
ИТОГО:	431,1	337,3	579,0	516,5	810,3	752,4

* Сумма по каждому их столбцов превышает 100 %, поскольку каждый респондент давал оценку каждому из элементов народной культуры, представленных в анкете.

Вначале отметим, что масштаб освоения традиционных для поколения «дедов» видов деятельности у молодежи примерно в два раза меньше: 431,1% вместо 810,3%, и 337,3% против 752,4%. Иерархия умений / навыков у студентов такова: от народной кухни к музыкальным инструментам. Сохранение кулинарных традиций крайне важно, с точки зрения здоровья: за тысячи лет у каждого народа сформировался свой набор ферментов, обслуживающий иммунную систему. Но стиль жизни

формирует моду, в том числе и на продукты питания. По этой же причине, а также их нефункциональности в новых условиях, уходят народная музыка, песни, танцы, медицина, народный костюм, библиотека «бумажная» замещается электронной, и этот процесс будет набирать силу

Названными и иными видами культуры владела большая часть поколения «дедов», но их востребованность уже утрачивалась «отцами». С замещением народной культуры западной теряется идентичность. Не востребованы в быту и изделия народных промыслов: пластиковые игрушки и ложки более гигиеничны, чем деревянные. На тончайшей работы резные изделия из кости можно любоваться в музее, как и половиками ручной работы, но дома они не функциональны. Поэтому поддержка промыслов возможна только через адаптацию их к новым вкусам потребителей и государственные программы, в которые входит маркетинговая политика поиска рынков сбыта.

Виновата ли семья в том, что нарушается преемственность поколений? Мы солидарны с выводом, что «именно в семье закладываются основы человеческого капитала будущего страны и тот социокультурный генотип личности, который позволяет человеку идентифицировать себя с национальными корнями своего народа и со своей Родиной». Но ослабление («и даже отмирание») функций семьи – объективный процесс, требующий поиска «тех мер, которые обеспечивали бы баланс внешних усилий (государственной поддержки) и внутренних (самосохранительного потенциала семьи, имманентно присущего человеческому существу)» [9, с. 68].

Внесение в 2020 г. в Конституцию РФ поправок о приоритете традиционных ценностей не достаточно, чтобы эти ценности оставались востребованными новыми поколениями. Требуется комплексная система мер, в которых нет мелочей. Это и финансирование системы образования, позволяющее ликвидировать дефицит учителей в школах, и научное нормирование труда работников образования, и повышение статуса преподавателей СПО, высших учебных заведений, и бесплатное дополнительное образование, включающее элементы национальных культур, и уменьшение возраста, дающего право на Пушкинскую карту с 14 до 6 лет, и нравственная цензура в СМИ и социальных сетях...

Список литературы

1. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений

(информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

2. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61–78. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

3. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В., Петрунева Р.М. Город VS село: где «живет» народная культура? Мнение современной российской студенческой молодежи (по итогам социологического исследования) // Primo aspectu. 2023. № 2. С. 37–47.

4. Широкалова Г.С. Культурные коды студентов мегаполисов // Культурные коды в процессе сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей: материалы научной конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Суханова Ивана Васильевича / под редакцией д.ф.н., проф. С.А. Ермакова –Н. Новгород: Гладкова О. В., 2023. 161 с. ISBN 978-5-93530-60.

5. Министр Э.С. Набиуллина выступила на пленарном заседании Московского Урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов». URL: https://web.archive.org/web/20160312122200/http://economy.gov.ru/minec/press/news/doc20111208_004 (дата обращения: 03.08.2023).

6. Бондаренко Л. В. Состояние сельских территорий и законодательное обеспечение их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве, 2023. № 5. С. 175–195. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53910097>. DOI 10.33938/235-175.

7. Фатенков А.Н. Память и её историоризация // В мыслях о своевременном и ином. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Горького. Приволжский исследовательский медицинский университет; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 2018. С. 201–209 // https://elibrary.ru/download/elibrary_32797997_35501687.pdf.

8. Широкалова Г.С. Историческая правда о СССР: от кого и для кого? // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 238–252.

9. Человек и его жизнь: (философско-антропологический и социокультурный контекст): коллектив. моногр. / под общ. ред. профессора Т.В. Свадьбиной. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2023. 258 с.

HISTORICAL MEMORY OF STUDENTS OF SECONDARY SPECIALISED VOCATIONAL INSTITUTIONS

G.S. Shirokalova¹, N.V. Dulina², E.I. Pronina³

¹Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Sociological Sciences, Professor,
ex-pert of the Project Office of Humanitarian Analytics, Moscow City Pedagogical
University, N. Novgorod
shirokalova@list.ru

²Dulina Nadezhda Vasilievna – Doctor of Sociology, Professor,
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky
nv-dulina@yandex.ru

³Pronina Elena Ivanovna – Senior Researcher, Leading Research Associate,
Institute of Sociology, Federal Research Sociological Centre of the Russian
Academy of Sciences, Moscow
eipronina@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of changes in the historical memory of "grandchildren" depending on the place of primary socialisation and mastering the experience of generations of "grandfathers" / "parents". Based on the data of sociological research the authors come to the conclusion that, remaining an important factor in the education of young people, the family is gradually losing its position under the influence of educational institutions, mass media, social networks, reference groups.

Keywords: historical memory, SES students, generations of "parents", "grandfathers", "grandchildren", traditions, culture.

«ФОТО ПОКАЗАЛОСЬ МАМЕ СЛИШКОМ ОТКРОВЕННЫМ»: УЧАСТИЕ РОДИТЕЛЕЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ

А.В. Щекотуров

Щекотуров Александр Вячеславович – кандидат социологических наук, доцент
ОНК «Институт образования и гуманитарных наук»,
заведующий социологической лабораторией Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта, г. Калининград
ashchekoturov@kantiana.ru

Рассматриваются практики участия родителей в виртуальной самопрезентации своих детей, обучающихся в университете. Метод исследования – онлайн-анкетирование студентов (n=195). Показано, что поддерживающее и участвующее отношение со стороны родителей способствует позитивному восприятию как виртуальной самопрезентации студентов, так и самих межпоколенческих коммуникаций.

Ключевые слова: виртуальная самопрезентация, студенты, ВКонтакте.

Цитата студента, вынесенная в заголовок данного текста, отражает лишь один из аспектов сложных и противоречивых межпоколенческих отношений в вопросах использования интернета и социальных сетей. Существующий цифровой разрыв как неравный доступ к цифровым технологиям и владением ими отражает и ценностные антиномии поколений, каждое из которых в разный период жизни становилось членом информационного общества. В этом контексте особое внимание заслуживает студенчество как социальная общность, находящаяся на стадии активной социализации и поиска собственной субъектности.

Исследования показывают, что одной из первых и условно безопасных арен, где происходит проверка практик репрезентации собственной идентичности современной молодежи, являются социальные сети [1-3, 8]. Родители, продолжая принимать участие в жизни своих детей, стремятся распространить свой контроль и в сфере онлайн [4], становясь для них значимой частью «воображаемой аудитории» – то есть социальной группы, реакцию которой студенты стараются спрогнозировать в процессе раскрытия информации о себе в социальных сетях [5]. Сегодня отсутствуют исследования, раскрывающие характер детско-родительских

отношений в вопросах самопрезентации и приватности в социальных сетях. Именно поэтому научный и практический интерес представляет исследование вовлеченности родителей в процессы виртуальной самопрезентации своих детей-студентов.

Цель данной работы – выявить различные практики участия родителей в процессе самопрезентации их детей-студентов в социальной сети «ВКонтакте».

В соответствии с этой целью были поставлены задачи:

- Оценка значимости мнения родителей в вопросах виртуальной самопрезентации;
- Описание типов межпоколенческих отношений в вопросах виртуальной самопрезентации;
- Анализ дискурсивности в разногласиях между студентами и их родителями относительно публикуемого контента в социальной сети «ВКонтакте».

Метод исследования – онлайн-анкетирование студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта, проведенное с 17 по 27 апреля 2023 г. В опросе приняло участие 195 респондентов, использующих социальную сеть «ВКонтакте», в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст 19,5 лет, стандартное отклонение – 2,1), из них 78,5% девушки и 21,5% – юноши. Опрос изначально носил разведывательный характер, поэтому к нему не были предъявлены требования репрезентативности выборки. Анкета распространялась среди студентов социально-гуманитарных направлений подготовки, преимущественно среди социологов, политологов, историков и философов.

Виртуальная самопрезентация, в общем смысле, представляет собой процесс конструирования желаемого образа с целью создания определенного впечатления, поэтому структура виртуальной аудитории, то есть тех, перед кем происходит разыгрывание своего онлайн «Я», представляется основополагающей (рис. 1). У абсолютного большинства опрошенных в друзьях одноклассники (92,3%), друзья и знакомые из университета (87,2%), близкие друзья (86,2%) и школьные друзья (80,0%). Мы не осведомлены о том, в какой степени предложенные категории пересекаются друг с другом (например, близкие друзья, например, могут быть и среди одноклассников, и среди школьных друзей), но можно утверждать, что социальная сеть «ВКонтакте» используется студентами в основном для поддержки институциональных связей – то есть, отношений, сформированных благодаря образовательному учреждению: университету и школе.

Респондентам было предложено указать, как пользователь стал другом в социальной сети: из-за личного знакомства офлайн или посредством онлайн-коммуникации. Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство друзей в «ВКонтакте» пришли из офлайн (88,7%), почти на 30% меньше тех, с кем студенты познакомились в интернете (на этой платформе или какой-либо другой). Однако тот факт, что у 55,4% опрошенных студентов есть друзья, с которыми они поддерживают связь исключительно в социальной сети, свидетельствует об открытости к новым знакомствам, что, возможно, влияет на поддержание границ приватности или меняет само отношение к ней или к социальной сети. В любом случае – данный феномен нуждается в дополнительном изучении.

Наконец, у каждого второго студента в друзьях есть различные родственники: чаще родители (61,5%) и братья или сестры (59,0%), реже – другие члены семьи (48,2%). Таким образом, родители составляют значимую часть виртуальной аудитории современного студента, следовательно, их мнение может являться значимым фактором в процессе виртуальной самопрезентации. Рассмотрим ниже, как студенты оценивают степень вовлеченности родителей в конструирование образа в социальной сети и каково их мнение на этот счет.

Рис. 1. Структура виртуальной аудитории студентов в «ВКонтакте».

Опрос показал, что почти для каждого второго студента (44,1%) мнение родителей в процессе публикации контента в «ВКонтакте» не является важным, а для 29,7% оно и вовсе абсолютно не важно. Отсюда вполне логично, что 64,6% студентов никогда не обсуждают с родителями, что следует или не следует публиковать в социальных сетях. Исходя из этой логики, отношение студентов к реакции родителей на посты в «ВКонтакте» вполне закономерно: 43,6% опрошенных устраивает реакция родителей на размещаемые в социальной сети контент, 52,8% студентам реакция родителей безразлична и 3,6% респондентов имеют негативную обратную связь.

По мнению трети опрошенных студентов (33,8%), их родители в целом поддерживают и одобряют публикации в социальной сети «ВКонтакте». Студенты, чьи родители в целом одобряют и поддерживают их виртуальную самопрезентацию, вдвое чаще обсуждают с родителями социальные сети по сравнению со студентами, чьи родители не обращают внимания на их онлайн активность в социальной сети (15,1% и 8,2% соответственно).

Сопрягая вопросы об отношении родителей к самопрезентации студентов и отношении студентов к реакции родителей, мы обнаружили следующие связи: 1) более поддерживающее и одобрительное отношение со стороны родителей способствует более положительному восприятию их реакции на публикуемый контент (74,2%); 2) частая критика со стороны родителей или вовсе игнорирование этой темы формируют более безразличное отношение студентов к их реакции (66,7% и 70% соответственно).

Наиболее распространенными формами вовлеченности родителей в виртуальную самопрезентацию своих детей-студентов стали: отметка «мне нравится» на публикуемые посты (53,4%), личные обсуждения офлайн (31,2%), комментирование контента в социальной сети (16,9%) или переписка в личных сообщениях (13,2%). При этом среди студентов, чьи родители в целом поддерживают и одобряют их виртуальную самопрезентацию, наблюдается наиболее активная обратная связь со стороны родителей: 90,6% ставят «мне нравится», 34,4% комментируют посты, 28,1% пишут в личные сообщения, 50% обсуждают лично офлайн.

Оценивая практики управления впечатлением родителей, студентам было предложено указать, какой формат виртуальной самопрезентации для них более предпочтителен: самоцензурирование, предполагающее публикацию только определенного контента, или контроль над его заметностью посредством настроек приватности в социальной сети. Первый способ практикуется 25,1% студентами, второй – 33,3%. Важные стати-

стические связи были установлены посредством сопряжения этого вопроса с оценкой значимости мнения родителей о виртуальной самопрезентации в целом. Во-первых, студенты, прислушивающиеся к высказываниям своих родителей, более склонны намеренно что-либо не публиковать «ВКонтакте», чтобы их не расстраивать (59,4%). Студенты, игнорирующие оценки родителей, наоборот, в большинстве не практикуют подобного избирательного постинга (77,9%). При этом есть незначительная доля студентов (12%), которые стараются не публиковать часть контента даже тогда, когда мнение родителей для них абсолютно не значимо, то есть из профилактических соображений. Во-вторых, аналогичное распределение ответов было получено в отношении использования настроек конфиденциальности, позволяющих скрывать часть контента. С одной лишь поправкой, что доля студентов, использующих эту стратегию из профилактики, выросла до 25,9%. Другими словами, родители являются значимым фактором виртуальной самопрезентации преимущественно для тех студентов, у которых сохранились с ними открытые и доверительные отношения.

Большинство студентов сообщили, что у них никогда не случалось разногласий с родителями по содержательным вопросам их виртуальной самопрезентации (64,4%). Здесь стоит обратить внимание на два аспекта. Во-первых, поддерживающие или отсутствующие отношения по поводу публикуемого в сети контента не оказывают значимого влияния на частоту разногласий с родителями (в каждой группе студентов по 8% опрошенных, которые часто или иногда сталкивались с непониманием родителей). Во-вторых, высокие доли ответов набирает группа студентов, родители которых всегда по-разному относятся к публикациям в «ВКонтакте». В частности, 12,5% и 18,8% этих студентов сообщили, что разногласия случались часто или иногда, соответственно. В основном семейные споры относительно виртуальной самопрезентации касались таких вопросов, как демонстрация романтических отношений, политической цензуры или запрета на определенные формы телесной самопрезентации. В таблице 1 представлены примеры активной вовлеченности родителей в подобные темы и способы реакции студентов. Условно все описанные ситуации взаимодействия можно отнести к трем группам: 1) конструктивный диалог, когда родители и дети учитывают мнения друг друга и приходят к общему решению; 2) принудительный монолог, когда родители навязывают свое решение, что, как правило, приводит к тому, что ребенок закрывается и ситуация не меняется; 3) аргументированный консенсус, когда ситуация сохраняет статус-кво, но все спорные вопросы урегулированы [6].

**Типы межпоколенческих отношений в вопросах
виртуальной самопрезентации**

Конструктивный диалог	Принудительный монолог	Аргументированный консенсус
«В 2017 году, когда было движение «Синий кит», родителей напрягали мои публикации в ч/б цвете, они проводили со мной беседы о суициде, ментальном состоянии и идентичности, хотя проблем для беспокойства за мной не наблюдалось»	«В возрасте 10-ти лет наругали из-за переписки и подписок во «ВКонтакте». Итог – скрыл страницу от родителей и не открывал до сих пор»	«В форме шутки родители спрашивали, что это такое? Вместе отшучивались, и все оставалось на своих местах»
«Не понравилась фотография. Мы поговорили с родителями. Мне спокойно объяснили, почему такое не стоит выкладывать, в следствие чего фото было удалено»	«Они против того, чтобы чрезмерно открывать свою жизнь. Я занимаю нейтральную позицию и не понимаю такого яростного осуждения. Закончилось все тем, что каждый остался при своем мнении»	«Негативная реакция последовала на мой слишком откровенный вид на фотографии. Но я аргументировала, почему с моим видом все нормально. И вопрос закрылся»
«Суть батла в том, что не нравилась поза в фотографии. Просто вместе выбирали, в итоге»	«Мама расстроилась, и вся семья наругала меня, когда выкладывала строчки из песен icereak «кровь моя чище чистых наркотиков», а я просто прикидывалась дединсайдом. Я назло не удаляла это неделю, но потом мне самой	«У друзей папы возникли вопросы к моим репостам со скринами из фильмов / сериалов на военную тематику. Они усмотрели в этом определенный политический подтекст. Папа в ненастойчивой манере сказал удалить записи, я отказалась, указав

	надоело и я удалила этот кринж»	свою точку зрения. Мама меня поддержала, папа спорить не стал, да и не особо хотел. На этом все и разрешилось»
--	---------------------------------	--

В таблице ниже представлены основные дискурсы разногласий, о которых сообщили студенты, отвечая на открытый вопрос в анкете (таблица 2). Дискурсы приватности и любовных отношений мы определяем как ситуацию межпоколенческого несогласия по поводу, что следует сообщать в социальных сетях о своей личной жизни в целом или об эмоционально-чувственных отношениях, в частности. Телесный дискурс обозначает ситуации недопонимания в вопросах изображения тела и позирования на фотографиях. Споры относительно общих морально-этических и правовых установок, демонстрируемых в публикуемом контенте, определен нами дискурсом нормальности. Политический дискурс – конфликты относительно допустимости и дозволенности размещать контент политической тематики.

Таблица 3

Типология разногласий между студентами и их родителями относительно публикуемого контента в социальной сети «ВКонтакте» [6]

Дискурс любовных отношений	Телесный дискурс	Приватный дискурс	Дискурс нормальности	Политический дискурс
«Родители считают, что не стоит публиковать фотографии, где обнимаюсь/целуюсь с партнером, в то время как я не видела в этом ничего плохого, поскольку это просто красивые кадры»	«Были разногласия с отцом из-за моих фото с вином или в купальнике, он считает, что это слишком, но мне все равно, фотки-то красивые»	«В том, что могут сглазить и незачем афишировать свою личную жизнь»	«Маме не понравилась фотография с «факом». Мой аргумент был в том, что это мои соцсети и она на них влиять не может»	«Зачем ты выражаешь свою политическую позицию, нам не нужны проблемы»

«Они против того, чтобы чрезмерно открывать свою личную жизнь. Я занимаю нейтральную позицию и не понимаю такого осуждения. Закончилось все тем, что каждый остался при своем мнении»	«Фото показалось маме слишком откровенным»	«Написала пост о расстройствах пищевого поведения, за что получила выговор, потому что такое «нельзя обсуждать онлайн»»	«Маты низзя»	«Мать натоксила из-за антивоенной истории»
---	--	---	--------------	--

Основные выводы:

1. Отсутствие межпоколенческих контактов в вопросах виртуальной самопрезентации лишило старших авторитета у младших. Тот факт, что только каждый пятый студент из тех, для кого мнение родителей по-прежнему является важным, иногда беседуют с ними на эту тему, говорит о разных возможных причинах цифрового разрыва «отцов и детей»: некомпетентность родителей, в том числе в умении обсуждать темы с повзрослевшими детьми; неготовность студентов делиться всей информацией с родителями; влияние иных агентов социализации.

2. Родители являются значимым фактором виртуальной самопрезентации, но преимущественно для тех студентов, у которых сохранились с ними открытые и доверительные отношения. Основные стратегии виртуальной самопрезентации студентов, которые учитывают реакцию своих родителей: избирательность публикаций и управление заметностью контента. Студенты, ориентированные на мнение родителей, более склонны что-то не публиковать и скрывать часть информации, используя настройки конфиденциальности. Существует и третья группа студентов (от 12 до 25%), которые, перестраховываясь, воспроизводят практики описанной выше группы, даже если авторитета родителей в вопросах социальных сетей нет. На наш взгляд, именно в этой группе еще не сложились конвенциональные отношения и система взаимных правил между родителями и детьми, поэтому студенты могут как из уважения, так и из страха или эскапизма управлять впечатлением своих родителей онлайн.

3. Отсутствие межпоколенческой коммуникации в вопросах социальных сетей ожидаемо демонстрирует и отсутствие разногласий. Ко-

нечно, это не свидетельствует об отсутствии проблем у старших, у младших, так и между ними. Более того, тот факт, что вне зависимости от оценки значимости мнения родителей у студентов все же имели место семейные споры, говорит о проблемах в содержательной стороне общения и о том, как сложно найти взаимопонимание в период активного взросления детей. Среди конфликтных тем доминируют телесный и политический дискурсы, а также дискурс нормальности – споры относительно того, что в целом является допустимым для публикации в публичном пространстве.

4. Поддерживающее и участвующее отношение со стороны родителей благоприятствует позитивному восприятию как виртуальной самопрезентации студентов, так и самих межпоколенческих коммуникаций.

5. Реакция родителей на виртуальную самопрезентацию детей, как правило, включает одобрение публикации значком «мне нравится» либо обсуждение записи лично офлайн. Такое разделение реакции на публичную и приватную вполне логично именно для родителей, поскольку способствует сохранению связи в каждой коммуникационной среде.

6. Тот факт, что поддерживающие отношения не влияют на частоту разногласий в вопросах публикуемого в социальных сетях контента, говорит о том, что: а) тема виртуальной самопрезентации является довольно чувствительной для детско-родительских отношений, которые б) являются пластичными особенно ввиду быстрой смены социально-статусных позиций и ролей в студенческой среде.

7. Три типа выхода из конфликтной ситуации, на наш взгляд, отражают модели межпоколенческих отношений внутри семьи. Очевидно, что большая палитра возможных сценариев разрешения подобных споров способствует нахождению такого пути, который удовлетворил бы обе стороны.

Список литературы

1. Глухов А.П. Менеджмент и ресоциализация межличностных отношений молодежи в социальных сетях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 1. С. 89-124.
2. Исакова И.А., Янак А.Л. Информатизация и гаджетизация современного общества и детства // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 1. С. 131–145.
3. Солодников В.В., Зайцева А.С. Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 23-42.

4. Отцы и дети: как родители и подростки относятся к интернету. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/ottsy-i-deti-kak-roditeli-i-podrostki-otnosyatsya-k-internetu/> (дата обращения: 04.11.2023)
5. Щекотуров А. В. Приватные аффордансы и воображаемая аудитория как факторы виртуальной самопрезентации студентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 299-321.
6. Щекотуров А.В., Соколова А.М., Норина А.А. Вовлеченность родителей в процессы виртуальной самопрезентации студентов // Связь поколений как культурное наследие народов Союза Независимых государств: Международная научно-практическая конференция (Нижний Новгород, 7-8 сентября 2023 г.). Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023, С. 636-640.
7. Щекотуров А.В., Акст И.В. Мнение родителей как фактор виртуальной самопрезентации студентов: опыт пилотного исследования // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Международная конференция «Казанские социологические чтения»: сборник научных трудов (Казань, 18–19 мая 2023 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 146-148
8. Yang Ch.Ch., Holden S. M., Carter M.D.K. Emerging Adults' Social Media Self Presentation and Identity Development at College Transition: Mindfulness as a Moderator // Journal of Applied Developmental Psychology. 2017. Vol. 52. Pp. 212-221.

**«THE PHOTO SEEMED TOO CANDID TO MOM»:
PARENTAL INVOLVEMENT IN VIRTUAL SELF-PRESENTATION
OF STUDENTS**

A.V. Shchekoturov

Shchekoturov Alexander Vyacheslavovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of ONC "Institute of Education and Humanities", Head of the Sociological Laboratory of Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
ashchekoturov@kantiana.ru

Practices of parents' participation in virtual self-presentation of their children studying at the university are considered. The research method was an online questionnaire survey of students (n=195). It is shown that a supportive and participating attitude on the part of parents contributes to a positive perception of both the virtual self-presentation of students and intergenerational communications themselves.

Keywords: virtual self-presentation, students, VKontakte

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Монография

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: К.М. Фурсова

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603022, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Подписано в печать 07.12.2023. Формат 60×84 1/16.
Уч.-изд. л. 24,2. Усл. печ. л. 23,6. Заказ № 438. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37